

№ 5 (63). 2024

Берега

Калининград

Берега

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Союза писателей России

НАШИ НАГРАДЫ

2015 г.

Союзное государство
Премия «Россия – Беларусь.
Шаг в будущее» – 2015 г.

2016 г.

2017 г.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ
«ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ»

Премии: Серебряное перо – 2015 г., Золотое перо – 2016 г.

Памятная медаль
«ПОЭТ И ВОИН
ИГОРЬ ГРИГОРЬЕВ
(1923–1996)», 2023 г.

Золотой диплом Международного славянского форума
«Золотой Витязь», 2020 г.

Медаль имени первопечатника Ивана Фёдорова, 2020 г.
Золотая медаль в номинации «Россия и мир»
конкурса «Патриот России», 2020 г.

Журнал выходит при поддержке Союза писателей России

Октябрь 2024 № 5(63)
Калининград

Главный редактор: Лидия Владимировна Довыденко,
секретарь Союза писателей России
Телефон: +79118630467
E-mail: dovidenko_L@mail.ru, <http://www.dovydenko.ru>

Редакционный совет:

Алесь Карлюкевич – председатель Союза писателей Беларуси
Вадим Терёхин – сопредседатель Союза писателей России
Григорий Блехман – секретарь Союза писателей России
Вячеслав Лютый – секретарь Союза писателей России
Алексей Полубота – член Правления Союза писателей России
Александр Герасимов – прозаик, публицист, драматург
Татьяна Грибанова – член Союза писателей России
Игорь Ерофеев – член Союза писателей России
Василий Киляков – член Союза писателей России
Римма Лютая – прозаик, публицист, переводчик
Александр Орлов – поэт, прозаик, историк
Сергей Пылёв – член Союза писателей России
Светлана Савицкая – член Союза писателей России, учредитель Национальной литературной премии «Золотое перо Руси»
Геннадий Сазонов – член Союза писателей России
Наталья Советная – член Союза писателей России и Союза писателей Беларуси
Валерий Старжинский – доктор философских наук, писатель
Сухейль Фарах – доктор философских наук, писатель
Станислав Федотов – член Союза писателей России

Журнал зарегистрирован
Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций по Калининградской области.
Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ 39–00302 от 24 сентября 2014 г.

Адрес редакции, издателя: 236016, Калининград, ул. Артиллерийская, 81, кв. 50

Учредитель: Довыденко Лидия Владимировна,
адрес: 236016, Калининград, ул. Артиллерийская, 81, кв. 50.

Цена свободная

Издание предназначено для лиц от 12 +

Правила подачи материалов в журнал «Берега»-Калининград

Материал, предлагаемый для публикации, должен являться оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях. Присылаемые рукописи принимаются документом Word (шрифт – Times New Roman, кегль 11, межстрочный интервал – 1). Текст не подчёркивать, не форматировать, не набирать какие-либо слова отдельно большими (прописными) буквами, разрешается части текста выделять курсивом. Файл называть своей фамилией, в начале текста – краткие сведения об авторе, электронный адрес, почтовый и телефон, фото автора. Мы уважаем все буквы алфавита, в том числе букву Ё. Тексты, где игнорируется буква Ё, не рассматриваются. Решение о публикации принимается редакционным советом журнала.

СОДЕРЖАНИЕ

Берега актуальности

- Александр Субетто, Алексей Гапонов.** Природа «подписала» экологический приговор «мировому капитализму» (по Дж. Соросу) или «глобальному империализму строя мировой финансовой капиталократии». Ответ на «Всемирный призыв к действию» Римского клуба и Совета за будущее человечества из России. *Статья дана в сокращении* 5

Проза

- Евгений Чебакин.** Ковчег для Третьей мировой. *Отрывок из романа. Вступительное слово*
Геorgia Ангелова 13
- Ольга Губарева.** Картинки из «космического» детства 33
- Сергей Собакин.** Выбор(ы). *Рассказ* 47
- Галина Чудинова.** Песни, песни, о чём вы кричите? *Рассказ* 72

Поэзия

- Эляна Суодене.** «Пока ещё земное время...» *Стихи* 80
- Валерий Герланец.** Лирика военного лихолетья 83
- Юрий Богомолов.** Ожидание любви. *Стихи* 86
- Елена Бобкова.** Остарбайтеры. *Цикл стихов об узниках Великой Отечественной войны* 90
- Екатерина Громова.** «Девочка варит игрушкам бесхитростный суп...». *Стихи* 95

Берега юбилеев

- Лидия Довыденко.** Тайна вечности А. С. Пушкина. *О сборнике «Пушкин: незаходящее солнце мировой культуры»* 97
- Геннадий Сазонов.** Путник на краю поля. *К 75-летию Николая Михайловича Коняева* 101
- Наталья Менендес (Тютникова).** «Кротовые дыры» пространства и времени нашей планеты *К 85-летию окончания гражданской войны в Испании* 109

Берега Беларуси

- Ирина Гришан.** «Юнона» и «Авось» 119

Берега истории

- Галина Кучина.** Так это было. *Воспоминания об отце Игнатии Волегове и комментарии к его записям. Фрагменты текста. Вступительное слово Риммы Лютой* 124

Берега Архары

- Александр Герасимов.** «Медовые края» и другие рассказы 135
- Светлана Адаменко.** «Журка» и другие рассказы 139
- Юрий Богомолов.** «Ночные тайны» и другие рассказы 144
- Александр Бочкарёв.** Лапка красного петуха. *Рассказ* 148

Берега Белгородчины

Стихи из прифронтового Белгорода 2024 года

Валерий Черкесов. Боец «Ахмата». <i>Стихи</i>	162
Татьяна Носова. Я ранена войной... <i>Стихи</i>	164
Александр Осыков. «Пред миром распахнуты вечности двери...» <i>Стихи</i>	167
Лариса Меженина. «Когда угнетает душу...» <i>Стихи</i>	171

Берега культуры и искусства

Елена Лебедева. Юбилей Фёдора Шаляпина отметили в Западной Европе	173
--	-----

Берега Новороссии

Андрей Чернов. Большое сердце «Клима». <i>Очерк</i>	188
--	-----

Берега прочтения

Нина Стручкова. Так это было бы... <i>О книге Волегова И.К., Кучиной Г.И. Так это было. Книга воспоминаний Игнатия Волегова, изданная его дочерью Галиной Кучиной</i>	193
Лидия Довыденко. Литературный скан человечества. <i>О книге Евгения Чебакина «Ковчег для Третьей мировой» («Литературен свят» № 6 от 04.2023, Болгария, Международный литературный альманах)</i>	197

Берега Австралии

Дмитрий Иванов. «На обочине» и другие рассказы	199
---	-----

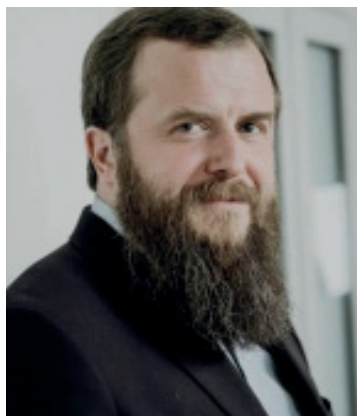
Бережок

Владислав Мусалямов. Рассказы о животных	204
---	-----

Наши друзья

Правила помощи и приобретение журнала	207
---	-----

Берега актуальности

А. И. Субетто – доктор философских наук, доктор экономических наук, кандидат технических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, лауреат Премии Правительства РФ, первый вице-президент Петровской академии наук и искусств, почётный президент Ноосферной академии наук, председатель Философского совета Русского Космического Общества. Автор более 1500 научных работ, в том числе 10-томного собрания сочинений «Ноосферизм». Академик РАЕН.

А. А. Гапонов – глава Русского Космического Общества, председатель Координационного совета РОД «Семья Отечества», член президиума «Федерального Народного Совета», вице-президент фонда сохранения и развития Русской цивилизации «Светославъ», советник Российской академии естественных наук (РАЕН), руководитель отделения «Проектирования устойчивого развития» РАЕН.

ПРИРОДА «ПОДПИСАЛА» ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ПРИГОВОР «МИРОВОМУ КАПИТАЛИЗМУ» (ПО ДЖ. СОРОСУ) ИЛИ «ГЛОБАЛЬНОМУ ИМПЕРИАЛИЗМУ СТРОЯ МИРОВОЙ ФИНАНСОВОЙ КАПИТАЛОКРАТИИ»

*(ответ на «Всемирный призыв к действию»
Римского клуба и Совета за будущее человечества из России)*

Статья дана в сокращении

ВВЕДЕНИЕ

27–28 июля этого, 2024 года Римским клубом и Советом за будущее человечества был проведён Круглый стол на тему «Будущее человечества», на котором после выступления основных докладчиков – доктора Брайана Уокера, Сандрина Диксон-Деклева, профессора Пола Шривастава, доктора Пауло Магальянша, Джулиана Крибба, доктора Энджелу Эзейло, профессора Венди Стила, профессора Тоцуёси Сайдзё, Джеймса Эзейлу, Дженса Орбакка, доктора Денниса Гаррити, почётного профессора Аугусто Лопеса Клароса, профессора Фиби Барнарда, Юханя Чжэна, Херба Симменса, Ребекки Бишоп, доктора Джо Нерса, почётного профессора Пауля Эрлиха, доктора Джона Даймонда, Хантера Ловинса, Ричарда Хайнберга, Ашера Миллера, Билла Маккиббена, Сюзанны Йорк, профессора Гарри Джейкоба, Джема Бенделла – **был принят итоговый документ «Всемирный призыв к действию (о многочисленных кризисах, охвативших сейчас человечество)».**

В качестве «участвующих организаций и мировых лидеров мнений» названы:

- Климатический фонд;
- Проект Римского клуба «Климатическое большинство»;
- Общий дом человечества;
- Совет за будущее человечества;
- Исследовательский центр дизайна будущего;

- Фонд «Экологизация молодёжи»;
- Фонд «Глобальные вызовы»;
- Глобальный альянс «Вечнозелёное развитие»;
- Форум по глобальному управлению «Глобальное сотрудничество в области восстановления»;
- Глобальный Совет по безопасности молодёжи;
- Коалиция действий «Здоровая планета»;
- Совет по взаимодействию «Альянс тысячелетия для человечества и биосферы»;
- Решения природного капитализма;
- Всемирная академия наук и искусств.

В качестве главных организаторов Круглого стола указаны доктор Брайан Уокер, профессор Джем Бенделл, Молли Харрис Олсон и Джулиан Крибб.

НАСТУПИВШАЯ ЭПОХА ВЕЛИКОГО ЭВОЛЮЦИОННОГО ПЕРЕЛОМА КАК ЭПОХА «РОДОВ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО РАЗУМА»

До XX века история человечества состоялась именно как Стихийная малоэнергетическая история. А скачок в энергетике воздействия мирового хозяйства на Биосферу и планету Земля приблизил производство энтропии в окружающей среде человечеством, как Целым, к пределу компенсаторных возможностей Биосферы, к пределу производства живыми системами негэнтропии (в соответствии с действием Законов Бауэра – Вернадского, но которым живые системы, из которых состоит Биосфера, увеличивают негэнтропию в окружающей среде, способствуют росту разнообразия и организованности Биосферы).

Советский учёный Александр Леонидович Чижевский, создатель нового научного направления – гелиобиологии – ещё в 20–30-х годах XX века, в конце 20-х годов, сформулировал свой «закон» – «закон квантативно-компенсаторной функции Биосферы» (благодаря производству негэнтропии живыми системами, в том числе благодаря фотосинтезу, то есть ассимиляции солнечной энергии «зелёным листом», в Биосфере), который и позволил осуществиться «стихийной истории», именно благодаря малой энергетике производства энтропии хозяйством как природопотреблением именно до XX века.

Можно ввести метафору «беременности» Биосферы «человеческим Разумом», охватившей всю историю человечества вплоть до конца XIX века, и вход этой «стихийной истории», особенно в её рыночно-капиталистическом формате, в XX веке на фоне скачка в энергетической мощи воздействия мировой экономики на гомеостатику Биосферы и планеты Земля в **глобальный экологический кризис – и возвестил человечеству, что период «беременности Биосферы» человеческим «Разумом» закончился.**

Наступившая Эпоха Великого Эволюционного Перелома есть Эпоха «Родов Действительного Разума» – подлинного Человечества. То есть возвышения разума человека, коллективного разума или общественного интеллекта до уровня выполнения требований сформулированного выше Закона интеллектно-информационно-энергетического баланса, требующего перехода человечества к истории на базе Закона Кооперации и в форме Научного Управления социоприродной, то есть Ноосферной, Эволюцией.

И основой реализации этого императива экологического выживания человечества является Ноосферный Экологический Духовный Социализм и Ноосферизм как научно-мировоззренческая основа реализации Ноосферного Прорыва человечества. Теория Ноосферного Социализма и основы Ноосферизма, как было сказано выше, уже разработаны в России, развиваются и внедряются в жизнь Русским Космическим Обществом и, мы убеждены, уже в скором времени станут основой государственной политики России.

«СТРОЙ ДЕНЕГ», ИЛИ «ЦИВИЛИЗАЦИЯ РЫНКА» (ПО ЖАКУ АТТАЛИ), ФЕРМОНТСКАЯ МОДЕЛЬ «20: 80 %» КАК ВОЙНА «МИРОВОГО КАПИТАЛИЗМА» ПРОТИВ ЧЕЛОВЕКА

Рассуждения о «глобальном управлении», которые присутствуют в Итоговом документе Круглого стола Римского клуба и Совета за будущее человечества, без обсуждения проблемы

экологического упразднения капитализма, который превратился к рубежу XX и XXI веков в глобальный империализм мировой финансовой капиталократии («хозяев денег», управляющих «долларовой империей» и превращающих «развивающиеся страны» в «колонии» этой империи), де-факто являются выражением того, что этот документ является «скрытым инструментом» глобального империализма по реализации «каннибалистской модели», озвученной в отеле «Фермонт» в 1995 году, – модели «20: 80 %», по которой 80 % населения Земли обрекается мировой финансовой капиталократией на «лишение их жизни в будущем».

К этому следует добавить, что капитализм как строй капиталократии развивается на основе особого закона устойчивости такой системы – закона расчеловечивания человека, роста его отчуждения от семьи, своего рода, народа, культуры, языка, в том числе отчуждения от природы, через его превращение в «капиталоробота», в «человека-деньги», «человека-служебного», «неокочевника», который должен перемещаться по Земле вслед за потоками движения капитала в «Глобальной Капитал-Мегамашине».

Жак Аттали эту «Глобальную Капитал-Мегамашину» как систему свободного перемещения капитала, управляемую мировой финансовой капиталократией (наднациональной оккультно-религиозной элитой и группой банкиров, управляющих Федеральной резервной системой в США), назвал в конце 80-х годов XX века «Строем Денег», или «Цивилизацией Рынка».

В этой системе человек лишается «корней», то есть его принадлежности к семье, народу, определённому этносу, лишается родины, а значит, человеческого достоинства, в том числе предков, и превращается, в терминологии Жака Аттали, в «неокочевника» (без роду, без племени).

Именно эта идеология превращения человечества в «скопище неокочевников», в «серую расу», идеология рыночно-капиталистической унификации всех народов и рас, направленной на уничтожение этнического разнообразия, включает в себя и войну против «национальных государств», которая явно просматривается в этом итоговом документе, в том представлении о глобальном управлении, которое проповедует этот документ, с одновременным уничтожением национальных государств.

Известный английский учёный-историк, мыслитель, философ, создатель оригинального взгляда на логику цивилизационного развития человечества на Земле Арнольд Джозеф Тойнби незадолго до своего ухода из жизни в 1975 году предупредил человечество (и мы считаем, что это предупреждение стоит осмыслить участникам Круглого стола, состоявшегося 27–28 июля 2024 года под эгидой Римского клуба и Совета за будущее человечества):

«Запад способен гальванизировать и разъединять, но ему не дано стабилизировать и объединять... человечество не сможет достичь политического единства, следуя западным путём. В то же время совершенно необходимо объединяться, ибо в наши дни единственная альтернатива миру – самоуничтожение...» (цитируется по книге: Тойнби А. Дж. Постижение истории. М.: Прогресс, 1991, с. 597, 598; книга переведена с английского на русский язык под руководством известного советского философа А. П. Огурцова).

МИР ЛИБЕРАЛЬНОГО НЕВЕЖЕСТВА КАК ОТРАЖЕНИЕ ДЕЙСТВИЯ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ЗАКОНА РАСЧЕЛОВЕЧИВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА

«Большая беда» для человечества состоит не только в том, что, по А. Дж. Тойнби, «Запад» только разъединяет мир, но и в том, что он, то есть глобальный империализм строя мировой финансовой капиталократии, сознательно и целенаправленно погружает как можно большее количество людей в невежество, чтобы легче было осуществлять свою власть («глобальное управление») через «манипуляцию сознанием» не только отдельных людей, но и целых народов и стран (в соответствии с кредо Ф. А. Хайека, опубликованном в книге «Познание, конкуренция и свобода»: невежество – основа нашей свободы).

В работе «Диктатура кажимости на фоне рыночного экоцида жизни России и человечества на Земле» (издана в России в 2021 году) А. И. Субетто по поводу этого кредо Ф. А. Хайека (одного из лидеров идеологии экономического либерализма во второй трети XX века) отметил:

«Мир либерального невежества, которое Ф. А. Хайек... рассматривал как достоинство этого мира и который достиг экологического предела своего отчуждения от Природы, – где пра-

вит “бал” капиталовласть и подчинённый ей рынок, голос истинных, служащих “Правде”, учёных с трудом пробивается к обществу, и “заглушается” шумливой “ярмаркой тщеславия” лицедеёв, – не слышит этих “предупреждений”, они ему не нужны.

Происшедшая первая фаза Глобальной Экологической Катастрофы и процессы её развития до “сегодняшнего дня” – есть свидетельство рыночного экоцида, причём глобального рыночного экоцида».

А мы добавим: и частью которого является установка мировой финансовой капиталократии на расчеловечивание человека, которая уже породила антропологическую катастрофу (в том числе через войну против «традиций», против полового диморфизма людей, против семьи) в США и странах Западной Европы. Одним из признаков этой катастрофы является утверждение полигендерности человеческих сообществ, сориентированное на то, чтобы убрать деление людей на мужчин и женщин, оправдать гомосексуализм, который является патологией в репродуктивном здоровье народов, обществ и человечества, в свою очередь являющейся реакцией популяционных генетических механизмов на «сексуальную революцию» сначала на Западе, а далее, с развитием информационных технологий и в результате целенаправленного воздействия на общество, во всём мире.

Классическое противоречие капитализма по К. Марксу – противоречие между трудом и капиталом, между наёмным трудом и капиталократией – переросло в Эпоху Великого Эволюционного Перелома в противоречие между Человеком и Капиталом. И разрешение этого противоречия – миссия «Социализма XXI века» как «Ноосферного Экологического Духовного Социализма».

Авторы обсуждаемого документа «Всемирный призыв к действию» правы, когда фиксируют, что «решения по-прежнему разрозненны, но проблемы взаимосвязаны», что «мы должны принять системное мышление и действия, чтобы ответить на вызовы 21-го века», что необходимо «решить проблему бедности и неравенства» и т. п.

Но, например, проблемы бедности и неравенства в системе строя мировой финансовой капиталократии, которой подчинены Вооружённые силы США и система ядерного оружия и которая воспроизводит себя за счёт эксплуатации экономических колоний, то есть грабежа народов планеты и природы, не могут быть принципиально решены. Чтобы их решить, необходим переход всех стран мира к социализму на новой, ноосферной основе, поднимающей человека на уровень не только «субъекта собственной истории», но теперь уже и на уровень «субъекта» научно управляемой социоприродной эволюции.

За это стоит Русское Космическое Общество. Этого добивается и, вне всякого сомнения, добьётся всеми возможными средствами. Мы убеждены, что агонизирующая в смертных конвульсиях мировая капиталистическая система падёт под натиском преобразующейся в ходе Специальной военной операции России. Что вызревшие в недрах русского народа силы, с опорой на передовые научные и организационно-управленческие знания, в союзе с той частью военно-политического руководства страны, которая взяла курс на суверенизацию российской государственности, сумеют поставить страну на вектор ноосферного развития. А сделав это, станут союзниками с теми странами и цивилизациями, которые разделяют принципы всемирности, единства в многообразии и общности цели и судьбы всех народов Земли, являющихся, в целом, функциональным органом Природы, созданным в ходе многомиллиардолетней эволюции для управления её стихийными силами. При этом орган этот в своих целях неизменно подчинён породившей его надсистеме – биосфере Земли.

**РОССИЯ КАК ЕДИНСТВЕННАЯ В МИРЕ ПОЛИЭТНИЧЕСКАЯ КООПЕРАЦИЯ
ВО ГЛАВЕ С РУССКИМ НАРОДОМ – ПРЕДТЕЧА НООСФЕРНОЙ КООПЕРАЦИИ НАРОДОВ
НА ПЛАНЕТЕ ЗЕМЛЯ КАК ГЛАВНОГО УСЛОВИЯ ВЫХОДА
ИЗ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ТУПИКА СТИХИЙНОЙ ИСТОРИИ**

Россия, как самая холодная на евразийском континенте цивилизация, то есть цивилизация с самыми большими энергозатратами на воспроизводство жизни в мире (с самой высокой энергетической стоимостью воспроизводства жизни общества), всегда развивалась как цивилизация при доминирующей роли Закона Кооперации. Именно поэтому она единственная в мире страна-цивилизация, представляющая собой полиэтническую кооперацию, объединяющую

в себе около 200 этносов, этнических групп, народов, народностей, национальностей, при ведущей, объединяющей роли русского народа (вследствие наличия таких у него характеристик, по Ф. М. Достоевскому, как «всечеловечность» и «всемирная отзывчивость»). Эта цивилизационная особенность России и предопределила Русский Прорыв Человечества к Социализму из России в начале XX века.

Теперь в условиях процессов первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы, когда стала действовать «Диктатура Лимитов Природы» (понятие, введённое в своих научных трудах В. П. Казначеевым), императив перехода всех народов, этносов, цивилизаций к Кооперации, с охранением их разнообразия как важного условия выживания человечества и его устойчивого развития в будущем на базе Ноосферного Экологического Духовного Социализма, – есть императив, есть единственно возможная стратегия спасения человечества от экологической гибели.

Для этого Организация Объединённых Наций должна трансформироваться в Ноосферную Организацию Объединённых Наций. Очевидно, этот процесс ноосферного преобразования ООН будет носить многоэтапный характер, и одним из первых шагов на этом пути может быть создание Ноосферного Союза Цивилизаций (по одной из Стратегических инициатив Русского Космического Общества – Всемирный Союз Землян: <https://cosmatica.org/projects/cosmosapiens>).

На этом пути сохранение и укрепление национальных государств как систем управления развитием соответствующих обществ, особенно когда терпят экологический крах рынок, капиталократия, империализм, экономический колониализм, становится важным условием реализации стратегии выживания человечества, по крайней мере в XXI веке.

1. РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ УСТОЙЧИВОСТИ КЛИМАТА НА ЗЕМЛЕ ТРЕБУЕТ ПЛАНОВОЙ ПОСАДКИ ЛЕСОВ ВО ВСЕХ СТРАНАХ МИРА

Главным фактором ухудшения экологической ситуации на Земле является не «перенаселение», как утверждает в документе Круглого стола на тему «Будущее Человечества» под броским названием «Всемирный призыв к действию», а **неравномерность в потреблении энергоресурсов и ресурсов планеты**. Так, например, если сравнить стандарт энергопотребления беднейшими слоями населения Земли с энергопотреблением в США, то США потребляет столько энергии и ресурсов, как если бы там жило около 4 миллиардов беднейших людей планеты.

Это означает, что на США, как на страну-«цитадель» системы глобального империализма и экономической колонизации планеты, приходится около 50 % источников (механизмов), приведших мир в состояние первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы. Эксперименты с климатическим оружием в США, размещённым в виде системы HAARP (антенных полей) на Аляске, которые длятся последние 20–30 лет, может быть, внесли вклад в рост неустойчивости планетной климатической системы, намного превосходящий вклад названных официально других источников.

Если вести речь об устранении резкого потепления или, наоборот, резкого похолодания на планете (одна из имитационных моделей, исследованных в России, показала возможность быстрого увеличения средней температуры на Земле до +400 °С или наоборот – быстрого падения до –150 °С, когда гибель человечества и большинства живых систем предрешена), одной из главных причин роста неустойчивости климата является «обезлесение» планеты. Кислородную константу в атмосфере, по ряду данных, поддерживают бореальные леса России и Канады и планктон приматериковых вод Мирового океана.

Не пора ли поставить глобальную задачу (как задачу поддержания устойчивости климата на планете Земля) в виде задачи плановой высадки лесов во всех странах планеты при координирующей роли созданного специально для этого при ООН «Совета»? – Пора.

Именно в эпоху Сталина в СССР в 1948 году был принят 15-летний план высадки лесонасаждений в средних и южных регионах СССР с целью избавления сельского хозяйства в этих регионах от периодически возникающих засух. План выполнялся восемь лет и в 1956 году решением Н. С. Хрущёва был прекращён. Но сделано было много: и эффект смягчения климата, увлажнение почв через снегозадержание, с повышением урожайности в несколько раз, – были достигнуты. Хорошие показатели продемонстрировала Ливия под руководством Каддафи, когда были прорыты каналы, в пустынные регионы пришла вода, были высажены вдоль каналов деревья, кусты и был получен положительный эффект в смягчении климата.

Сейчас Русским Космическим Обществом и его единомышленниками разрабатывается проект ЭРА, который по своей сути является проектом перехода к новой социально-экономической формации, основанной на принципах научного управления обществом, экономической кибернетики и, конечно, ноосферной, духовной социалистической модели отношений. В рамках Проекта обсуждается мегаинфраструктурный проект ГОСРАТОР – Государственная стратегия развития территорий России, который по своим масштабам превосходит легендарный ГОЭЛРО, заложивший основы плановой экономики СССР, индустриализацию и невероятный рывок Страны Советов по пути социального и научно-технического прогресса. ГОСРАТОР будет представлять собой транспортную магистраль Минск – Анадырь, проходящую по всей территории Союзного государства, имеющую ветвящуюся сеть инфраструктурных объектов, энергопроизводственных циклов, территориально-производственных комплексов (ТПК) и поселений.

Это не просто инфраструктурный мегапроект, это фактически Государственная Стратегия Развития Территорий России (ГОСРАТОР), которая изменит человека, общество и все сферы жизнедеятельности страны и государства.

Ключевой задачей предстоящей нам титанической работы будут служить слова «Наполнить пространство России жизнью».

ГОСРАТОР – это сотни новых городов и сёл, вписанных в создаваемые транспортные узлы, центры переработки ресурсов, туризма и рекреации, объекты оборонного комплекса.

«Война» против углеродной энергетики, в том числе и против атомной энергетики, в странах Западной Европы, которая велась якобы ради снижения темпов потепления климата из-за растущего выделения CO_2 в атмосферу, – «война», в которой особенно преуспело «зелёное движение» в Европе, явилась, по сути, «ложным шагом», одной из операций глобального империализма США. Кстати, альтернативные виды энергетики, использующие энергию ветра и солнечные батареи, не менее опасны, особенно с позиции экологии человека. Решения «климатической повестки» дня требуют, чтобы высадка лесов, для которых CO_2 в атмосфере является одним из факторов их развития, стала Общим Делом Человечества.

О ПРОГРАММЕ ДЕЙСТВИЙ. ГЛАВНОЕ – ПРЕОДОЛЕТЬ ОПАСНУЮ НЕДООЦЕНКУ ЗАКОНОВ БИОЛОГИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ, В ТОМ ЧИСЛЕ ЗАКОНОВ ЭВОЛЮЦИИ БИОСФЕРЫ

Вся программа конкретных действий в документе «лозунговая».

Главное действие – это «борьба за мир», которое было развито по инициативе СССР еще в 50–60-х годах XX века, которое бы включало в себя и «борьбу против глобального империализма».

Процессы первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы поставили Экологические Пределы всей рыночно-капиталистической системе хозяйствования на Земле, в том числе системам обогачения «верхов» мировой финансовой капиталократии, которых называют «хозяевами денег», «хозяевами» долларовой империи, за счёт войн, терроризма, свержения неугодных правительств и погружения населения Земли, особенно той 80 %-ной доли, которая была указана «фермонтскими заговорщиками против мира» как «лишняя», в невежество и голод.

Главное состоит в том, что не осознается теми, кто рассуждает о выходе из глобального экологического кризиса человечества, – это недооценка законов биологической эволюции, в том числе эволюции Биосферы, и биологической эволюции человечества, или антропной эволюции. Движение ЛГБТ, «трансгендерная» патология, которую Запад пытается превратить в этическую норму, на самом деле является одним из «индикаторов» генетической катастрофы, охватившей и население США, и население стран Западной Европы, как «мечь» той природы, которая живёт внутри человека, внутри всего человечества как биологического вида.

Мужчина тогда становится мужчиной, когда он заводит семью и становится заботливым отцом, воспитывающим своих детей. Женщина тогда становится настоящей женщиной, когда она становится любящей матерью, воспитывающей своих детей.

Необходимо восстановление в культурах народов мира особого уважения к отцовству и материнству.

Семья – главный фактор и экологическое основание благополучия народа, общества, человечества. Человек начинает воспитываться в семье. Семья, деление людей на мужчин и жен-

щин (то есть половой диморфизм), коллективизм, жизнестроительный труд, культ родителей, предков, воспитание молодого поколения в «пространстве» семьи, культуры, общего дела, духоподъёмная идеология, всеобщее бесплатное образование, включая доступное и всеобщее высшее образование, – это основа нормального развития человека.

2. НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО. БАРЬЕР СЛОЖНОСТИ И ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЕ, СВЯЗАННОЕ С ЗАДАЧЕЙ СТАНОВЛЕНИЯ НООСФЕРНОЙ НАУКИ И СИСТЕМЫ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ НООСФЕРНОЙ ФОРМАЦИИ

Экологические проблемы на Земле может решить только научно-образовательное общество.

Научно-образовательное общество – это такое общество, в котором образование является «базисом базиса» духовного и материального воспроизводства, в том числе и воспроизводства экономики и общества в целом, а наука становится не только производительной силой, но и главной основой научного управления Социо-Биосферной эволюцией.

Но оно может появиться только при Социализме, и мы повторяем – при Ноосферном Экологическом Духовном Социализме XXI века. И оно обязано появиться, потому что альтернатива социалистической организации жизни общества – самоуничтожение, то есть экологическая гибель человечества на Земле.

За первой фазой Глобальной Экологической Катастрофы скрывается ещё одна форма отрицания «стихийного разума», то есть «разума», «плетущегося» за спонтанным ходом истории, поскольку он «молится» деньгам, выгоде, наживе, потребительству, наслаждениям и «живёт только для себя», что и означает «духовную смерть человека ещё при его жизни». А ведь это «модель человека» заложена в модель «неокочевника», подчинённого в своём движении законам функционирования Глобальной Капитал-Мегамашины, то есть законам свободного перемещения капитала.

Этой формой «отрицания» является «Барьер Сложности», с которым столкнулись современный человек, общество, наука, образование, философия, методология познания окружающего мира.

Одной из форм проявления этого «Барьера Сложности» является Глобальная Интеллектуальная Чёрная Дыра как отражение отставания в темпах познания процессов первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы от темпов развития этих процессов на 25–50 лет.

Косвенным подтверждением этой нашей оценки, а мы на это отставание впервые указали 25 лет назад, является появившееся в 2017 году в социальных сетях Интернета «Предупреждение человечеству. Второе уведомление», написанное группой учёных во главе с профессором университета из штата Орегон в США Уильямом Рипплом, в котором период с 1992 года, когда на Конференции ООН по устойчивому развитию в Рио-де-Жанейро была принята программа перехода стран мира на стратегию устойчивого развития – «Повестка дня на XXI век», и по 2017 год, то есть период в 25 лет, было названо «потерянным временем». В этом «Предупреждении человечеству. Второе уведомление», которое подписали 15 тысяч учёных из 184 стран мира, были приведены катастрофические данные, которые наглядно демонстрируют погружение человечества, живущего в «плёну» системы глобального империализма и экономического колониализма и в условиях развернувшегося планетарного рыночного экоцида, в «пучину» экологической гибели.

«Барьер Сложности» возник как отражение роста энергетической мощи воздействия системы мирового хозяйства на гомеостатические механизмы Биосферы и планеты Земля, которое возбудило огромное количество обратных связей, которые стали по-своему и с разных сторон, включая и эндоэкологическое отравление, воздействовать на среду жизни человека и на его организм, в том числе на клеточном уровне, и через мутации генома разных народов и человеческих популяций.

Преодоление «Барьера сложности» требует новых, ноосферных образования и науки, то есть перехода обществ стран мира в состояние научно-образовательного общества, в том числе ноосферного синтеза науки и власти, превращения всех видов государственного управления в наукоёмкие типы управления. Повторим, мы уже сегодня располагаем и активно внедряем эти подходы в рамках своей проектно-целевой деятельности. Соединение наших усилий с государственными институтами и силами, нацеленными на сохранение развития жизни, обладаю-

щими определёнными организационными, финансовыми и политическими ресурсами, –кратно усилит наше Общее Дело и ускорит процесс нашей победы.

Сегодня стоит острейшая задача создания государственной системы подготовки кадров ноосферной формации, за которой стоит ноосферное преобразование всей системы образования и воспитания. В России эта проблема поставлена и решается инициативно научно-образовательным сообществом. Только с 2009 по 2023 год в России нами было проведено 13 Международных научных конференций «Ноосферное образование в евразийском пространстве» и издана 13-томная монографическая серия под таким же названием.

Мы на это указываем только потому, что действия, которые не освещены «светом» большой, ноосферной науки, не опираются на знания гомеостатики Биосферы и планеты Земля, не ставят вопрос о высшем опережающем развитии науки и образования, в том числе вопрос о становлении новой, ноосферной парадигмы науки об управлении, включая ноосферную кибернетику, будут «слепыми», ускорят движение человечества к экологической форме самоуничтожения. Отметим, что в СССР в 1986 году под эгидой Академии наук СССР был издан сборник научных трудов, посвящённых становлению Ноосферной кибернетики.

За разворачивающейся ноосферной революцией, как содержанием Эпохи Великого Эволюционного Перелома, и значит – за «Родами Действительного Разума» в лице Человечества, «скрывается» ноосферно-парадигмальная революция в основаниях науки, философии, в мировоззрении. Раскрытию этого положения под эгидой Петровской академии наук и искусств, Ноосферной академии наук, Русского Космического Общества, ряда вузов в России была посвящена целая серия коллективных монографий, многие из которых объёмом около 1000 страниц, в том числе 2-томник «Ноосферизм – новый путь развития» (2017, 2022), «Вернадскианская революция в системе научного мировоззрения – поиск ноосферной модели будущего человечества в XXI веке» (2003), 3-томник «Ноосферизм: арктический взгляд на устойчивое развитие России и человечества в XXI веке» (2007, 2009, 2011) и другие.

К этому можно добавить, что известность в Интернете ещё не есть гарантия, что представленная стратегия или какой-то комплекс мероприятий действительно за собой имеют хорошие добротные научные разработки и мировоззренческие прорывы.

3. НАД ЗЕМЛЁЙ ГРЕМИТ НАБАТ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ТРЕВОГИ!

И последнее. Апелляция к «демократии», без понимания того, что в мире «господства Капитала» «демократия» оказывается «онтологической ложью», только «красивой вывеской», за которой прячется истинная Власть Капитала, что хорошо демонстрируют выборы в США, а она присутствует в обсуждаемом документе, без чёткой формулировки борьбы с глобальным империализмом строя мировой финансовой капиталократии, – ничего не даёт.

В 1844 году Карл Маркс в статье «К еврейскому вопросу» поставил вопрос об истинной эмансипации человека, как об его эмансипации от своекорыстия, торгашества и денег.

Кстати, позже, через 70 лет, русский философ Н. А. Бердяев предупредил, что в «корысти таится безумие». Вот и стал «мир корысти», называемый «рыночной экономикой», экологически безумным миром.

Поэтому положение Маркса приобретает особое значение и обретает смысл спасения человека от экологической гибели на рыночно-капиталистическом пути развития человечества.

Фридрих Меринг, немецкий социал-демократ, в своей книге «Карл Маркс. История его жизни» в начале XX века так развил это положение Маркса: «...человеческая эмансипация – это совершенно новая организация общественных сил, такая, при которой человек становится господином своих источников жизни. Тут в ещё не отчётливых очертаниях просматривается картина социалистического общества».

Над Землёй гремит Набат Экологической Тревоги! И чтобы человечество смогло достойно выйти из Экологического Тупика Стихийной, Рыночно-Капиталистической истории, необходим его переход к Социализму Нового Качества – Ноосферному Экологическому Духовному Социализму, или Ноосферизму, как новому пути развития, что означает Научное управление всей социоприродной Эволюцией!

Это и есть «Истина из России», которую мы (авторы этого текста), как своё послание, адресуем всем думающим людям, живущим на прекрасной планете под именем «Земля»!

Проза

Евгений Чебакин

Евгений Васильевич Чебакин – родился в 1940 году. Прозаик, драматург, актёр, журналист. Автор известных романов «Час Двуликого»; «Гарем Ефрейтора»; «Безымянный Зверь»; «СТАТУС-КВОта», 13 пьес, по которым были поставлены спектакли в театрах Венгрии, Болгарии, Чехословакии, а также в 64 театрах СССР. Написал более пятисот статей, очерков, эссе, фельетонов.

Chebalin-ev@yandex.ru

КОВЧЕГ ДЛЯ ТРЕТЬЕЙ МИРОВОЙ

Отрывок из романа

Уважаемый читатель Евразии! Альманах предлагает тебе роман «Ковчег для Третьей мировой» известного в мире мастера русского слова, прозаика, драматурга, сценариста Евгения Чебакина. По диалогии этого автора «Безымянный Зверь» и «СТАТУС-КВОта» защищались диссертации в Сорбонне, в университете Грозного, Германском университете Гёте.

Мы отслеживаем в мировой прессе, Интернете и публикуем на своих страницах отзывы на прозу Е. В. Чебакина с разных континентов вот уже 15 лет.

Надеемся, что роман поразит тебя столь же прицельно, как поразил редакцию. В романе выведены самые эффективные из мировых разведок – ГРУ – ФСБ – БНД – ЦРУ. В центре романа одна из ключевых империй планетарной политики – Россия, осмелившаяся разорвать пути Запада и англосаксонства.

Герои романа действуют в раскалённой сфере политического Западного фининтерна, враждебного к России. Его главная цель и объект агрессии – традиционные национальные ценности и прорывные технологии пассионариев России, позволяющие сохранить эти ценности. В романе – один из способов сохранения: создание геном-модифицированного биосубъекта РУСы, размноженность которых создаст когорты враждебных Западу бойцов.

Здесь же впервые в современной мировой литературе XXI века поставлен беспощадный спектральный и научный диагноз Тёмных сил планеты, возглавляемых Бафометом, которым противостоят светлые силы Матери-природы и Перуна. Это схватка Добра и Зла на смене Чертога Лисы Чертогом Волка.

Стержень тёмных сил – каста Рокфеллеров и Ротшильдов, МВФ, подчинённые инфернально-тёмному рептилоиду АРХОНТУ-Б (Бафомету) и его исполнителям, одержимым маниакальной идеей сокращения человечества. На этом – на крови, горе и смертях русских солдат на Украине, истребляющих бандеровский фашизм, на поставках оружия, на эксплуатации Пандемии с её искусственно выведенным Коронавирусом, на бешенстве фармацевтики, принуждающей к нескончаемым вакцинациям, эта каста наращивает свой статус абсолютно-планетарной власти и приумножает свои прибыли.

Этот процесс всё более разъедают панический распад и эрозия, поскольку всё большее количество этносов и пассионариев планеты обращает взор и духовные симпатии к России, к её президенту, мигрируя туда. Ибо считают её ковчегом спасения в растлевающем, враждебном человечеству океане чужебесия.

Георгий Ангелов, главный редактор
Международного литературного альманаха «ЛИТЕРАТУРЕН СВЯТ»,
который издаётся в Софии, Будапеште, Праге, Берлине,
Вене, Риме, Лондоне, Астане, Баку, Ереване, Ташкенте.

Заботливый зыбун ювеналки

Трое пришли поздно вечером под маскировочным покровом тьмы. Они предъявили предписание от региональной общины «Школьный дозор», утверждённое муниципальным суперинтендантом. По этому предписанию надлежало изъять из семьи двенадцатилетнего школьника Ваню и передать его в приёмную семью Сари Ханхинен. Причиной для исполнения предписания была предъявлена жалоба соседей о жестоком обращении с ребёнком – здесь издеваются и мучают его: отбирают планшет с американскими мультфильмами и истязают тренировками на дворовом катке. Тревожно настораживающим в их напоре был явственно различимый украинский акцент одного из вторженцев.

...Этот крик, сверлящий сердце вопль их ребёнка, будет сидеть зазубренным осколком в её памяти до конца жизни:

– Ма-а-а... па-а-а-а... не отдавайте меня! Не хочу с ними-и-и-и!

Трое забиравших Ванечку, дёргаясь от недетских рывков, продолжали тащить его к двери с каменными мордо-масками. Одна из них, не закалённая такими акциями, подёргивалась в тике.

– Бабу-у-ля-а-а-а... спаси-и-и-и! – Это был уже не крик – визг маленького зверька, которого тащит из норы чужая клыкастая пасть.

У матери – Хельги, вжавшейся в стену, подломились ноги. Теряя сознание, она сползла на пол, упала, раскинув руки.

В голове у Виолетты что-то лопнуло, хлестнуло краснотою по глазам. Меловое лицо сына Романа, плоть коего скованно дрожала в капкане виртуальных соцсетей и финского закона, распластанное крутобёдрое тело золовки у стены – всё это вдруг размылось, отпрыгнуло в небытие, в чёрный мушиный рой.

Скакнул в глаза резной квадратик выдвижного ящика в серванте. Она покрыла расстояние до него одним летучим прыжком, рванула ящик на себя и выхватила пистолет. Рывком наставила его на старшего карателя, предъявившего предписание. Нажала курок. Выныривая из хлесткого, разодравшего воздух грохота, отметила ледяным прикидом замедленную вязкость вражеской руки у второго, выдиравшего свой пистолет из кобуры.

Чуть передвинув ствол, послала ещё пулю. Первый на подломившихся коленях оседал на пол с продырявленной шеей. Второй, изумлённо скособочившись, тянул скрюченную ладонь к груди, из коей тычками бил красный пульсарик.

Третий схватил под мышки Ванечку и вздёрнул вверх, загораживаясь от пистолета. Роман, наконец, выломился из ступора, ринулся к сыну. Схватил родное тельце, потянул к себе. Каратель, дёрнувшись, не отдавал. Глядя в гипсово побелевшую морду финского живоде́ра, Роман сказал:

– Отпусти, тебя не будем убивать, только свяжем.

– Ты глянь, шо мне колорада сулит, – выцедил ненавистно сквозь стиснутое горло один из «финнов», – мы вас, москалей, не вязать, мы с вас живых шкуры сымать будэмо!

Роман коротким крючком, в который свинцово влились ненависть со страхом, впечатал кулак в его скулу. Голова живоде́ра откинулась, он оседал, глаза закатывались. Сын выпал из ослабшего зажима, ринулся к лежащей Хельге:

– Ма-а, вста-ань!! Ма-а-а!..

Роман перевернул на спину первого, с продырявленной шеей. Его затылок тупо стукнул о пол, плеснув брызгой из кровяной лужи. Под надбровными дугами известково светились бельма глаз. Второй лежал на животе, подогнув под него руки. Выходное отверстие от пули под левой лопаткой всё ещё сочилось багряной сукровицей. Третий, наглухо выключенный нокаутом, не шевелился.

Виолетта разжала пальцы. Пистолет глухо брякнул о пол. Роман поднялся, пошёл к ней, сотрясаясь в ознобе. Приблизив обескровленное лицо, стал выпускать сквозь сцепленные челюсти короткое рваньё слов:

– Что ж ты натворила... мать... три наших жизни угробила... не считая двух трупов?.. Теперь спасай Ваньку! За углом на Маннергейма «Ямаха»... вот ключ... машину из гаража не выводи... сейчас здесь будет полиция.

– Куда я с ним?! – простонала Виолетта.

– К Пяйве, он ещё на работе. Я позвоню. Быстрей!

Она смотрела на сына, напиваясь тоскливым ужасом. Ледяной итог свершившегося рухнул лавиной: они видятся в последний раз:

– Как же вы-ы-ы?!
 – Раньше надо было думать! Ваньку спасай! – Сын почти выкрикнул это, приблизив искажённое болью лицо.

– Сынок, прости-и-и! – Она обняла Романа, вжалась в него, сотрясаясь в рыданиях. Отточенная заноза впивалась в сердце: что-то неправильное произошло, не так должно быть!

– Скорей! Хватит нюнить! – Он расцепил её руки на шее.

Виолетта разворачивалась к окну. За непроницаемой бездной стёкол, пронизывая дворовую тьму, вспыхивали, протыкали её огни соседей, разбавленных эмигрантами-бандеровцами, выпустивших к омбудсменам мстительную гадюку доноса – не было слаще кары, чем отъём детёныша у русских ненавистных дикарей – натуралов. Виолетта ощущала воспалённым мозгом рубленные щелчки секунд. Ринулась к внуку, оторвала его от пола, от лежащей матери:

– Идём, Ванечка. Идём, милый!

– Па-а! – Сын кинулся к отцу.

Роман упал на колени, обнял, прижал к себе родную плоть: – Иди с ней, сын... держись, ты же спортсмен, мужчина... в отличие от меня. Всё будет хорошо, мы скоро приедем.

Виолетту магнитом притягивало окно. Там разгорался приглушённый расстоянием гомон. Где-то далеко, в цветасто-неоновой, пульсирующей утробе мегаполиса зарождался пульсарный визг полицейской сирены.

...Они бегом завернули за угол. Тёмно-синяя двухколёсная «Ямаха» у стены дома, сливаясь с волглой полутьмой, зазывно блеснула стеклом фары. И вдруг открылась суть терзавшей её неправильности: не она, старуха, русская ведьма, должна была вершить возмездие, защищая внука, а сын! Мужчина! Почему Роман этого не сделал?! Когда и где его выхлостила чужбина?! Что она упустила, не впрыснула в его детство, пустила в жизнь незащищённого и не бойца... и он в итоге влип в зомби-компьютерную паутину мира со сгнившей сердцевиной. Здесь за мужские дела, брезгливо отпихнув бесполок самцов, цепкой хваткой брались бабы, здесь двуногие орды патлатых и размалёванных яйценосителей сбивались в агрессивные стада, чтобы поливать остальных собственным «превосходством», ибо давно стали запрограммированными скотами в своём равнодушии на чужую боль, чужую веру и мораль. И эта чума, поначалу ограниченно-очаговая, всё стремительнее расплзалась по Европе, заражая всё большие массы, всё озлобленной ненавией Россию и всё русское.

Бегство на «Ямахе»

...Виолетта надела шлем, оседлала мотоцикл. Вставила ключ в замок, нажала кнопку зажигания. «Ямаха» завелась, заурчала мощно, приглушённо. Всё человеческое отшелушивалось, опадало во тьму, заменялось звериной готовностью самки ринуться в схватку, спасая своё потомство.

Она велела внуку, не голосом – всем существом, всеми набрякшими, готовыми к неистовой работе, всё ещё упругими мышцами гимнастки, бывшей чемпионки Европы:

– Садись! Держись крепче!

Ощувив горячее тельце, прильнувшее к спине, две цепкие руки, обвившие её, она послала мотоцикл вперёд, прочь от кровотока кошмара – так, что вздыбилось переднее колесо и завизжало заднее.

«Ямаха» летела по полуосвещённым улицам, слабо отсвечивая подфарниками, объезжая полицейские посты, аккуратно пережидая хищную рубиновость светофоров. За сотню метров до автофирмы Пяйве она остановила, заглушила мотоцикл. С прощальной лаской погладила тёплый бок спасителя. Завела его в чёрную дыру между мусоросборником и забором, отвернула номерной знак и забросила в мусорный бак. Взяла Ванятку за руку:

– Слушай меня внимательно, золотой мой. Теперь я папа, мама и бабуля в одном лице. Не задавай вопросов и слушайся меня. Тогда всё будет хорошо, и мы тебя не отдадим. Бежим!

Они побежали.

Карел Пяйве, владелец фирмы междугородних перевозок, маячил в полутьме аллеи перед конторой. Ходил, обессиленно присаживаясь на скамейку – не держали слабевшие, ватные ноги. Обжигал память недавний голос зятя Романа в трубке:

– Ты хочешь, чтобы твой внук стал калекой?

– Конечно, как и ты... дурр-р-рак! Что случилось? – Он вытер враз покрывшийся испариной лоб.
– Сари Ханхинен знаешь?
– Ну? – Кто не знал в городской округе «замещающую семью» с двумя десятками приёмшей, изъятых из родных семей, двое-трое из которых за год почему-то становились калеками (за которых государство выплачивало тройную субсидию), а некоторые бесследно исчезали. По русским закоулкам с ужасом шептались – на «запчасти». К Сари пытались прорываться разные комиссии, но всякий раз на их пути оскаленными церберами становились полицейские.

– Час назад три омбудсмена пришли за Ваней, чтобы отдать Ханхинен.

– За что?

– Донос соседей с хохлацкою прослойкой. Мы – русские садисты, звери, мучаем ребёнка. Отбираем айфон с американскими мультяшками, гоняем до полусмерти на ледовых тренировках, заставляем учить уроки. И не даём смотреть порнофильмы.

– С-собачьи пидарасы... что с Ваней? И где Хельга?

– Иван с Виолеттой скоро будут у тебя. Хельга здесь.

– Дай ей трубку.

– Она в истерике, не может говорить!

– Вы пробовали дать этим скотам деньги? Я бы возместил...

– Мать отключила их.

– Что значит «отключила»?

– Это значит, что они валяются на полу с дырками в телах! – взрычал Роман. – Нет времени на говорильню! Твой внук и Виолетта вот-вот приедут. Нужно отправить их в Питер любой ценой! Пока к тебе не вломились полицейские и не отобрали Ваньку! Спасай родного внука, дед Пяйве!

– Я это сделаю, – выхрипнул старик, несчастный натурал и отщепенец, как его дочь и зять. В нём вдруг включилась и заработала сталистая натура дальнбойщика, пропущенного через тридцатилетний стаж Советского Союза.

Он вызвал самого надёжного водителя и земляка по работе в Петрозаводске по телефону:

– Нельсон, ваш рейс в Питер с Рихардом сдвигается. Надо ехать сейчас. Русским срочно понадобилась аппаратура.

– Но, господин Пяйве... у нас ещё сутки...

– Двойная плата.

– О-л-л-е-е! О'кей! Завожу моторолу, еду за Рихардом.

Минуты свистели мимо пулями, рвали в клочья пустынную утробу гаража. Электроаппаратура в картонно-деревянной таре громоздилась в фуре двумя штабелями до потолка – с метровым проходом посередине. Пяйве выпроводил домой двух грузчиков. Выгородил сам, стеная и крича, пустое гнездо у переднего борта два на два метра. Вылез из кузова, постанывая, потирая спину, засеменял к конторе.

Через несколько минут появились Виолетта с Ванькой. Пяйве обнял, расцеловал внука, несчастный и заплаканный старик: гнуло к земле наползающее возмездие финских властей, вцепившихся когтями в его самое дорогое на свете существо.

Два полушубка и одеяла на полу квадратной клетки приняли в себя, обняли шерстяным теплом тела, сотрясавшиеся в ознобе. Пяйве сунул им в руки пару бутербродов, термос с чаем, отгородил двоих от прохода десятком ящиков до потолка. Через минуты прибыли водители. Втроём они заставили ящиками весь проход.

Закутанный в овчину внук трясся в рыданиях. Виолетта баюкала его головку у груди, шептала на ухо:

– Поплачь, маленький, поплачь... и будем спать. Мы возвращаемся на Родину. У тебя, Ванечка, есть Родина и я. А значит, всё наладится. Теперь ты мой сыночек.

И не было консенсуса у двух таможен

... Закончив оформление бумаг, Нельсон едва успел тронуть фуру от финской таможни «Нуйямаа», когда его кольнул в глаза отточенный световой луч из бокового зеркала. Он накалялся и пульсировал, стремительно приближаясь, сплетаясь с воем полицейской сирены. Ничего хорошего, кроме тотального шмона и штрафной задержки рейса, это не сулило. И Нельсон, инстинктивно отключив свой

телефон и рацию, вдавил акселератор в пол. Фура взревела, с колёсным визгом проутюжила полсотню метров нейтральной полосы – до русской таможни. Они уткнулись в разные таможни одновременно: фура и финская полиция. Нельсон вымахнул из кабины, побежал к русскому таможенному окну. Сунул оформленные бумаги и накладные с грузом в слепящий бело-голубым светом распахнутый квадрат. Почтительно пригнувшись, положил пачку перед сидящим там таможенником. Рядом с ним затрещал телефон.

Капитан Суржило поднял трубку. Из неё выполз искорёженный акцентом, накалённый голос:

– Капитан Суржило? Дежурство делает ваш смена?

– Так точно. А у вас кто его делает? – Меланхолично цыкнул зубом капитан и вытащил спичку из межзубья.

– Хороший юмор, – оценил финн из финской таможни, – но его надо бросить. Я обер-констебль Кауко Пииройнен, интендант провинции.

– Хеллоу, херр обер. Я бросил свой юмор в урну. Чего изволите?

– Заверните нашу фуру на задний ход. Она не должен пересекать русская граница.

– С какого бодуна? – осведомился капитан.

– Что есть «бодуна»?

– Это слияние души и брюха. Когда я в зюю, в дупель пьян. А вы, херр констебль, часом не пьяны?

Что значит «завернуть»?

– Это приказ мой комиссар полиции, суперконстебль Ряснен.

– Пардон, херр обер, но приказ вашего комиссара для меня, что банный лист на заднице: отлепить да выбросить.

– Господин капитан, приказ, конечно, не ваш адрес. Но этот негодяй водитель выключивал и рация и телефон, он убежал от нашей связи!

– И что он сделал? С чего такая пыль до комиссара?

– На фуру может быть преступница-старуха, она везёт ворованный ребёнок.

– Так есть она на фуру? Или нет?

– Когда вы завернёте фуру, мы делаем досмотр.

– Значит, старухи там может и не быть. А что такое натворила бабка?

– Три омбудсмена из «школьный дозор» имели предписание забирать ребёнка для передачи в приёмную семью. Они пришли делать это законно, тихо, имея при себе заботу за ребёнка. Но ведьма вынимала пистолет, стреляла. И там два трупа.

– Офигеть! Ай, бабка! Двоих уконтропупила за внука. А третий? Что ж он ребёнка не отнял?

– Третий получал нокаут от её сын.

– Короче, получил по морде за разбой. А я всё думаю: что это бабка сотворила, если психуют финские комиссары – неужто бросила тухлое яйцо в парад из ваших гомиков?! А тут всего-то грохнула двух живодёров.

– Это плохой и грязный юмор, капитан!

– Тебе, херр констебль, наш русский юмор не понять. Теперь слушай меня. Вы отпустили фуру к нам. Передо мной бумаги. Здесь всё в порядке. И капитан Суржило никаких сигналов от своего начальства не получал.

– Но я спускал на вас информацию!

– А кто ты есть? Какое-то «бла-бла» из трубки. К тому ж я временно оглох и ничего не слышал.

Гуд бай, херр констебль.

Капитан бросил трубку на рычаг. Свирепо выцедил:

– Скоты! Вживую, с мясом рвут ребяню из семей, от матери, отца! И верещат в истерике, когда в ответ стреляют даже бабки.

Умолк, перекипая. Внимательно пересмотрел бумаги фуры: всё было в порядке. Поставил штампы и печати. Спросил у Нельсона, изнывшего и взмокшего за время диалога:

– Так есть у вас бабуля с малышом? Только по-честному.

– Клянусь своим здоровьем и детьми, господин капитан – не знаю! Хозяин Пяйве грузил фуру, дал нам ключи, сказал – доставить груз. Мы это делаем.

– По-русски чешешь будь здоров. Бывал здесь?

– Водила из Петрозаводска, карел, пятнадцать лет крутил баранку.

– Понятно. Скатертью дорога. Отчаливай быстрее. И мой совет: на всякий случай – не ломись впрямую ради комфорта. Сверни с А-127 на Е-18, затем на Выборг и через Лазаревку, Верхнечеркасское чеши до Питера. Пост ГАИ через триста километров только под Выборгом. Таможники взбелевились, сейчас наверняка трезвонят в Питер. А наши толеранты сдуру учинят вам перед Выборгом тотальный шмон – со срывом пломб. Вам это надо?

– Я так хотел сам делать. Спасибо, господин капитан... здесь заработаю, пойду на пенсию, хочу дожить у вас... у нас, в России.

– Это почему?

– В России и Карелии были люди и остались люди... а здесь, у финнов, много шакалов... на двух ногах. Могу я оставлять вам благодарность?

– Это за что?

– Мы смотрим на мужские дела и на семью одинаково. Семья – святое. В моём возрасте очень важно встречать того, кто ценит семью.

– Тогда не откажусь, валяй.

Нельсон рысцой сбегал к кабине, снял с выступа над стеклом миниатюрные часы из берёзового капа. Такой же иноходью вернулся к капитану, положил перед ним часы.

– Ё-моё... шедевр ручной резьбы... работался под лупой... слушайте, Нельсон, подарок – ценнейшее изделие, я разбираюсь в этом! Может, оставите себе?

– Я еду дальше спокойно. Значит, понравилось.

– Не то слово! Дай лапу, земляк по земному шару! Хрен нас уморят все чёрные констебли с гей-комиссарами!

Они расстались. Тлела теплота в сердцах от этой встречи, замешанной на главной ценности планеты: детях и сохранении семьи. Любой ценой, поскольку от этой ценности зависела живучесть континентов. И планеты.

Аж две свечи за здоровье мэра и вице-мэра

...Они догнали нарушителей километров через двадцать бешеной гонки с воем сирены и мигалкой, где патрульная «Ауди» Приходько, завывая в запредельном режиме, едва держалась в полусотне метров от кроваво-красных стоп-сигналов уходящих. Минут через пятнадцать гонки два преследуемых джипа резко свернули к обочине. Застыли у широкой полосы щебёнки, уползавшей в лес. Номера заляпаны серой слизью грязи – не разглядеть. Приходько, выдёргивая пистолет из кобуры, ринулся к первой машине. За ним – водитель Рогов. Пригнувшись к зеркально-чёрному оконному стеклу, перекипая в гоночном азарте, выхаркнул майор из себя привычный, без всякой вежливо-сопливой ГАИ-смазки запрос:

– Ваши документы!

Стекло неторопливо поползло вниз. Над ним просунулась рука с двумя забранным в целлофан квадратиками. Выдернув их и даже не взглянув, сунул Приходько водительское удостоверение и техталон в нагрудный карман. После чего, обляпанный грязью с ног до головы, подрагивая в пароксизме возмездия, стал проводить сладостный обряд обретения бабла:

– Выйти из машины!

Текли минуты. Приказ влип в надменную чернь «Ленд Ровера» и сполз по его дверце бессильной слизью. Майор отступил на два шага и взвёл затвор пистолета.

– Повторяю: выйти из машины! В случае отказа стреляем на поражение!

Рогов синхронно скопировал начальство: отступил и взвёл затвор. Первая машина всё так же недвижимо отблёскивала тьмой. Но вдруг ожила вторая. Распахнулись все четыре двери. Из них неторопливо полезли камуфляжные мужики в масках, с калашами наперевес. Приподняли стволы. Пять чёрных дыр, в коих сгустился могильный приговор, смотрели в животы Приходько и Рогова. Приходько отступал. Холодели хребет и промежность, где жалко закапала, скукоживаясь в нечто постыдное, висялька меж ног.

Боясь повернуться, потерять из вида стволы, майор скособочился, ища взглядом, может быть, последнюю в жизни опору – генерала. Услышал зверино обострившимся слухом долгожданное:

– Стволы на землю! Перед вами генерал Тимкин, начальник службы безопасности ГУВД! Я связался с оперативниками. Через пятнадцать минут здесь будет группа захвата!

Прожигая полутьму пурпурными лампасами на штанах, излучая всемогущие флюиды власти, надвигалась сзади ментовская легенда во плоти по кличке Штопор, которого, по опасливым слухам, опекал московский Резус и, даже говорили – САМ из Кремля.

Штопор ввинтился в милицмейское бытие в лихие 90-е. Взматерев, дождался миллениума и перевалил в XXI век в полном порядке. Сумев пережить все чистки и переаттестации, он последовательно и виртуозно превращал свои должности в валютоносную драгу. Черпая из неё каждой третьей лопатой (вторая отсыпалась мэрии, третья – Москве), Тимкин однажды с суеверным восторгом отметил золотую зависимость между количеством «лопат», отсыпанных в мэрию и Москву, звёздами на погонах и миллионами «зелени» на своём счету в Лондонском банке.

Он начинал карьеру под Собчаком – начальником охранной фирмы «Балтик-секьюрити», выколачивая деньги для мэрии, нередко с кровавой брызгой, из игорного бизнеса казино «Конти». Отвечал за силовое и юридическое сопровождение приватизационных акций «ХХ Трест»: Балтийского морского пароходства, гостиниц «Астория» и «Прибалтийская». Весь этот бурлеск принёс ему на лебединых крыльях майорскую звезду и первые десять миллионов зелени. В тот ослепительный день, когда пришло подтверждение об этой сумме, появившейся на его счету, Семён Маркович, по согласованию с персональным Яхве в своей душе, час простоял на утренней службе в Исакии (не стал озадачивать своей пустячностью синагогу) и поставил две средние (по полусотенке) свечи за здоровье мэра Питера и его вице-мэра Панина.

Уже будучи подполковником, Тимкин организовал охрану и силовое сопровождение за рубежом кораблей военно-морской базы через порт «Ломоносов». Туда же под крылом Тимкина десятками сплавлялось «живое мясо»: дети из детского дома Центрального района – и уплывали подводные лодки из Ленинградского адмиралтейства.

В итоге Тимкин в звании полковника стал обладателем счёта в двадцать миллионов долларов и пересел в кресло замначальника собственной службы безопасности питерского ГУВД. На этот раз Исакий и его небесные кураторы получили в благодарность от Семёна Марковича аж две толстые свечи – по двести «деревянных» за каждую. Квартирующий в душе Тимкина Яхве, кажется, сказал по этому поводу: «За это им таки хватит, больше будет жирно».

Нынешний генерал Тимкин ломился в жизнь во всей красе. Сорокалетний мачо с изящным греческим носом и щёткой усов под ним был непредсказуемым гибридом ублюдопрохиндея и Пророка с «соображалкой» бритвенной заточки и собачьим нюхом. За плечами этого уникального рейдер-экземпляра с его бешеной карьерой мерцали, отблёскивали золотом сто пятьдесят тысяч тонн сплавленных за бугор нефтепродуктов в обмен на продовольствие, которое Питер так и не увидел; чеки «Урожай 90», булькнувшие в несколько потайных карманов; редкоземельные металлы для фирмы «Джикоп» с роскошными откатами...

С месячишко назад Семён Маркович пышно отметил заветные сто лимонов на счетах Лондон-Сити. Это был его Рубикон, за которым в страшной дали замаячил статус миллиардера. Но расстояния и бешеные затраты энергии генерала давно уже не пугали. Пугало ныне единственное: замолчавший московский куратор. Только к нему шла информация о бизнес-процессах и жирные стоки навару от них. Вот уже третий день Семён Маркович отгонял и не мог отогнать интуитивную птичку колибри над головой, которая ледяным сквознячком опасности оведала его темя. В конце концов, что из того молчания, шоб оно сдохло? Даже если каким-то диким образом «спалился» Резус, чего не может быть по определению, то несгибаемо высился в Кремле САМ. Главный. За которого Семён Маркович вместе с Приходько не раз и не два тащили на себе в питерский период всю чернуху.

За всё время лишь однажды, набравшись наглости, цепenea в обморочном ужасе, обратился Тимкин к Самому за помощью. Получил её, но с тухло-склизким довеском: сидеть в своём за... том гнезде и больше не чирикать по бздюшному поводу через голову куратора.

Но это было и сплыло. А сейчас Тимкин, успевший вызвать опергруппу, властно таранил расстояние своим брюшком, греческим носом и усиками, приближаясь к двум «Ленд Роверам». Выпрастывая из кобуры пистолет, повторил трубно и вибрирующе, окутанный набрякшей атмосферой непредсказуемости:

– Я сказал: стволы на землю!

Окно в первой машине опустилось ниже, и шагающий к ней на ватных ногах генерал услышал добродушное, какое-то бархатное увещевание из квадратной утробы:

– Да спрячьте вашу пукалку, Семён Маркович. Она ж тут совсем лишняя.

Тимкин подошёл к призывной оголённости окна. Знобкая оцепенелость в спине и ногах рассасывалась – в голосе спрессованно бугрилась мягкая, но непререкаемая власть. Под её тяжестью картонно расплющивалась вся окружающая кошмарность: команды выйти, их пистолеты в дрожащих руках. И даже, кажется, прущая сюда во весь мах стая оперативников.

Генерал подошёл к окну. В шаге от него остановился, заложил руки за спину:

– Выйдите из машины. Кто вы?

– Палыч, выйди, раз просит человек, – покладисто согласился тот же голос, – и затолкай пятёрку с калашами назад. Пovyлезали, моджахеды хреновы, без команды... иди-иди, Палыч. И сделай нам консенсус.

Водитель вылез из «Ленд Ровера», пошёл ко второй машине. Вполголоса скомандовал бойцам. Автоматчики, всё так же молча, полезли внутрь. Захлопнули за собой двери.

– Семён Маркович, ви устроили за нами бешеную погоню, чтобы иметь результат. Я не ошибся? Так ви его получите, – совсем уже по-родственному – по-одесски, опросталось тёмное нутро. – Прошу ко мне в машину. Мамоу клянусь, такого результата ви не имели за всю жизнь.

Что-то горячее толкнулось в сердце генерала: там, в машине, был вековечный, свой. Туда лезть было можно и нужно. И Тимкин сел в «Ленд Ровер» на заднее сиденье.

– Устраивайтесь поудобней, – предложил хозяин машины, смутно белея лицом в метре от гостя. – Я собирался к вам завтра. Но вы вдруг сделали нам погоню и вылупились здесь и сейчас. Какая встреча, Семён Маркович, Остап Бендер сказал бы про неё: уголовно-историческая.

– Представьтесь, – сухо попросил Тимкин. – И зачем собирались ко мне?

– Вы Семён Маркович, а я совсем наоборот: Марк Семёнович. Когда встречаются два семита, у них всегда найдётся, за что сцепиться языками.

– Может, хватит валять дурака? – Оправшая внутри Тимкина квашня опасности вновь стала разбухать: – Какого чёрта вы не остановились по требованию Приходько? Давайте ближе к делу.

– Насчёт «ближе к делу» – давно пора. Но ваше дело совсем не близкое. И не одно, а три, по которым вы проходили.

– Что за бред? – ощерился генерал.

– Это совсем не бред. Первое дело № 18/238 278–95 – о строительной корпорации «ХХ Трест» и убийстве Маневича. Совместное дело Генеральной прокуратуры, МВД и ФСБ о коррупции и убийствах, предъявленное питерской МЭРИИ, которая их заказывала. А вы исполняли. Помните? Вёл замначальника следственного управления Генпрокуратуры Леонид Трошкин.

– Вы кто?! – Лавой напoлзая, обжигал генерала животный страх.

– Так я ж назвался: Марк Семёныч. Второе дело № 14 41 28 – о приватизации Балтийского пароходства, спиртзавода «Самтрест» и гостиницы «Астория». Его объединили вместе с производством порнофильмов компании «Русвидео» – со Старовойтовой во всех операциях. Всё это вёл важняк из Москвы Ванюшин. Вспоминайте, Сёма, вспоминайте. И третье дело – убийство заместителя генерального директора Ленинградского адмиралтейского объединения Кротова – за отказ продавать англосаксам подводные лодки. Во всех трёх цветут и пахнут генерал Тимкин и майор Приходько. Который никак не опустит свою пукалку. Скажите этому болвану за его дурь, Семён Маркович. И мы спокойно поговорим за ваши остальные дела.

Тимкин, выплывая из шока, с хрипом всосал воздух. Мирно-ласковый мажордом машины, заманив его внутрь, вдруг подло распахнул заваленный хламом, затянутый паутиной, накрепко заколоченный шкаф в его биографии. И там заворочались, брякая костями, прошлые скелеты.

– Ты хоть понимаешь... куда сунул свой нос? – выстонал сквозь стиснутую глотку генерал.

– Я вас умоляю, коллега, мой огнеупорный нос совался и не в такие дела. Например, в дела вашего куратора из столицы Резуса. Этот пиндос вдруг потерял голос и не ответил на ваши последние шесть звонков. Это ж сплошная нервотрёпка для вашего кайфового быта. Вам это надо? Но вы таки можете у меня спросить – почему он заткнулся.

– Поделись, – Тимкина с нарастающей скоростью несло в бездонную сосущую пропасть, шарахая о бугристые стены. Ибо субъект, назвавший «пиндосом» московского небожителя, никогда не раскрыл бы пасть, не получив команды «фас!» из Кремля. Чтостряслось в России?!

– А он молчит, потому что ему не до питерского клопа Тимкина.

Из машины исчез местечково-одесский оборотень. Рядом восседал холодный, как собачий нос, государственный обвинитель с прокурорской лексикой.

– И Резус занят возвратом полутора миллиардов долларов из Лондона и переводом их на наши, российские счета. По банковским схемам, ему продиктованным.

– Вы блефуете... как вас там... Марк Семёнович... тех дел нет! Их собирал и сжигал в Питере и Испании лично Батрушин! Они горели при нас, я это видел с Резусом!

– Горели «куклы», Тимкин. Хорошо сделанные копии. Неужели вы думаете, что подполковник КГБ, которого тащили в президенты четыре разведки: ЦРУ, Моссад, БНД и МИ-6, – что этот субъект спалит подлинный компромат на своих карманных бандитов?

– Он сдал нас с потрохами... зачем?!

– Особо жирных баранов надо периодически стричь и резать для пользы государства. Это элементарный закон любой геополитики. У вас, конечно, нет времени на чтение аналитики?

– Какой именно?

– Банковской и экономической.

– Я читаю нужное.

– Тогда вы должны вспомнить, что Кремль объявил полтора года назад амнистию на возврат капиталов из-за бугра. И Госдума приняла закон об этом.

– Замануха для идиотов.

– Которую обсмеяли умники вроде вас.

– И не только я...

– Так вот. Вы, умники, прос...ли хороший шанс оставить себе почти половину из награбленного, поскольку не знали, что вам готовит Европа. А она готовила вам крупную подлянку, поскольку умеет стричь российских баранов куда лучше нас. И тупо ненавидит президента Рашки, который взбунтовался Абхазией и Крымом, Донбассом и Луганском. В английской палате лордов, в конгрессе США и парламенте Испании банкиры продавили закон о юридически чистом происхождении счетов и недвижимости из России. Без этого подтверждения счета и недвижимость изымаются. Закон вступил в силу. У вас не так много времени, генерал. Верните награбленное, пока три ваших дела не всплыли в СМИ и банках Лондона. Они всплывут там немедленно при первой попытке перевести деньги в другую страну – без нашего ведома. И сделают вам «тю-тю» англо-саксонской ручкой.

– Тогда какая разница, где хапнут мою зелень – за бугром или в России?

– Нам неразумно загонять крысу в угол: она бросается на загонщика. И он вынужден давить её.

– Как Березовского? Иль Ходорковского и Собчака?

– Без комментариев. Из ваших ста десяти миллионов ещё месяц назад у вас остались бы пятьдесят. Сейчас вам будут оставлены двадцать – если вы возвратите валюту в Россию по этим схемам. Поторопитесь.

В руку Тимкина всунулась бумажка. В генерале отмирало нечто твёрдое, большое. Жёсткий, сталистый стержень в нём, державший его несгибаемо под ударами враждебной Рашки, – деформировался, змеился трещинами. Распад был страшен. И хозяин «Ленд Ровера» буквально физически ощущал его.

– И многих взяли за глотку, таких как я и Резус?

– Сделайте финансовый срез ситуации, генерал, и всё поймёте. Цена на нефть и газ взорвалась, потом упала втрое, рубль рушится, ЦБ проституткой лежит под МВФ и не подчиняется законам России. Но Россия подняла и держит на своём хребте Крым и Новороссию. Мы раздолбали укров под Дебальцево, кормим, защищаем Донбасс с Луганском и возвели самый длинный в мире мост через Керченский пролив. Мы вцепились бурильными когтями в Арктику и контролируем её подлодками, нейтрализуем Турцию наращиванием нашей базы в Сирии. Готовы восстановить базы на Кубе, в Венесуэле и Никарагуа. Вливаем миллиарды в Дальний Восток. В оборонку поставляются на триллионы новые ракеты, корабли, подлодки, мы нагло шухарим ракетносцами в Средиземном море вместе с Китаем. Мы опускаем ниже плинтуса американский доллар. И загоняем в стойло послушания наш Центробанк. Откуда бабки, Тимкин, когда целы резервный и стабфонд?

Вливайся в процесс возврата, генерал, пока не поздно, пока тебе оставляют двадцать процентов. Скоро их станет десять.

Хозяин джипа замолчал: придвинувшись рывком почти вплотную, маячил меловым лицом генерал рядом с ним, осатанело, исступлённо вышёптывал:

– Я понял – лучше не рыпаться... но Марк, мы одной крови... у нас есть шанс уладить всё, договориться!

– Ты хочешь что-то предложить? – отклонил корпус хозяин джипа. Нечистым, свистящим дыханием опалил генеральский рот.

– Я хочу много предложить. Тебе не снилось столько. Мы же свои люди, евреи.

– Это я еврей, Тимкин.

– А я кто? – тяжёлым изумлением опростался генерал.

– А ты, Сёма, жид.

– А что, есть разница?

– Большая, генерал, большая. Как между гитлеровцем и антифашистом, между чеченскими ламарой и ламанхо, между русским трудоголиком и столь же русским раздолбаем.

– И в чём она?

– Ты не поймёшь. Под ней научная платформа. И тысячи лет истории: шумерской, вавилонской, индоарийской.

– Так объясни, я напрягусь.

– Ну, слушай шумерский вариант. Тридцать тысяч лет назад пришельцы – боги Анунаки с планеты Мардук-Нибиру, прилетев на Землю, стали зашиваться в делах без помощников. Тогда они сотворили генетически для себя слуг и рабов LU-LU – гибридную расу из аборигенов, куда встроили свой божественный геном и влили свою кровь.

– И это были мы, евреи?

– Но те, кто это сделал: Энки и его сестра Нинхурсаг – из любопытства поставили эксперимент: добавили одним LU-LU-геномы хамелеона и аскариды – как биовидов с супермикрией и адаптацией к аборигенам. С тех пор мы ходим с единой кровью от богов. Но с разной натурой: творцы, работники – и паразиты.

– Во мне ген хамелеона?

– И аскариды. С их геномом в вас вклеилась попутная бацилла Тея – Сакса. Из-за неё в крови исчезают ферменты радости: дофамин и эндорфин, а пассионарный «ген воина» мутирует и превращается в урода 7-R – «ген хищного авантюриста». Им гораздо легче управлять, зомбировать его. С тех пор вам не даётся счастье. Вместо него ошмётки, суррогаты – завистливая злоба, жадность, бешеный азарт в остервенелом пире во время чумы.

– Слышь, профессор, мать твою, а можно проще?

– Если проще, то вы волки в овчарне. Нет, на волков не тянете – вы хорьки в курятнике. Нажравшись до отвала куриной ножкой, вы не унимаетесь и рвёте аборигенам-птицам горло в любой стране, пока не передошлите весь курятник, как Пиночет, Самоса, Березовский и Чубайс, как Ющенко, как Порошенко, Коломойский и Зеленский на Украине, Саакашвили в Грузии. Вот у тебя сто десять миллионов. Но ты такой же, пойдёшь по трупам, по развалинам России, чтобы стать миллиардером. Ты болен, ты заразный, Сёма. Ты – хорёк в курятнике.

– А ты?

– А я просто еврей. И я умею делать своё дело – брать за глотку вас, кто раздолбал, обворовал, обгадил мою страну.

– Я выслушал всю эту ахинею. Бред параноика. Теперь слушай сюда. Конкретно. Я отстегну тебе тридцать из моих ста десяти... – Рухнул в сосущую пропасть и полетел в предсмертную неотвратимость генерал: его трясло от неизбежности потери – делиться с этой сволочью в машине, которую уже было не обойти и не объехать, не придушить, не кинуть.

– Зачем?

– За два лимона в Испании ты купишь виллу рядом с моей. Мы проживём бок о бок остальную жизнь в полном кайфе: рыбалка, яхта, море, бои быков. И много знойных баб. Мы больше не увидим эту суку Рашку с её тупыми харями, антисемитами и сталинистами, с блядской «Калинкой-малинкой» в краю родном, где вечно пахнет сеном и говном. Мы будем жить как люди мира в ис-

панском раю. И перед нашими сортирами расстелем коврики для вытирания ног. С портретом президента. Ты понял?

– Я давно всё понял. – Сознание его молниеносно представило и развернуло перед ним всю ослепительную панораму – возможность купаться в жизни за эти тридцать... Он просмотрел её в деталях. И в воспалённых полушариях стала разрастаться брезгливая жалость к собеседнику – как к безрассудно злобной собачонке, ринувшейся кусать колесо машины и отброшенной ударом на обочину.

Тимкин заканчивал свою неодолимо липкую вербовку:

– Вот так! Как я тебя со всеми потрохами? А вся твоя научная бредятинка – инструкция для ватников, лохо-гоев и рабов. Всегда важна только цена вопроса. Цена вопроса для тебя – состряпаешь пакетик документов о суперчистоте нашего бабла и недвижимости – за тридцать лимонов зелени. Теперь беги и исполняй. Желательно на цырлах. Вопросы есть?

– Всего один.

– Ну, излагай.

– А на кой чёрт мне твой испанский рай?

– Не понял.

– И не поймёшь. В тебе бациллой Тея – Сакса отключена нормальная соображалка. В Испании, рядом с вашей вонючей шоблой: кохи, зубайсы, пудрины, брамовичи, зацикленные на бабле, на бирже, на хамской спеси, на злобе, зависти, кидалове, на порнодешёвке – я там издохну от тоски по моему раю.

– А что, у голожопых бывает тоже рай?!

– Мой рай – дом в перелеске у лесного озера с супругой Соней. И «Лада Ларгус» в гараже. Беседка из берёзовых стволов. Под её крышей – кирпичная печь-симфония – с коптильней, барбекю, шашлычницей. Рядом – озёрная лагуна с надувной десанткой, с «Ямахой» в двадцать лошадей. Карпы и стерлядь у беседки прикормлены, идут на удочку, на поплавок. В берёзовых серёжках над беседкой – синицы, ласточки, кукушка. Лисица со своим семейством прибывает на опушку и ждёт, когда заполню их кормушку. И праздники души, когда являются две дочери с внуками. И друзья. Которые не скурвились, не оскотинились в вашем холуйстве перед Западом и никогда не предадут. Одно свербит: последние два года редко всё это сбывается.

– А что так?

– Служба, Тимкин, служба: тащить за хвост из нор таких хорьков, как ты и Резус. Я же в отставке. Но не смог отказать, когда позвали.

– И кому ты не отказал?

– Вот этому.

Хозяин джипа зажжёт в кабине свет, развернул удостоверение.

Плоть генерала, будто заброшенная из зноя в минус морозилки, сжималась. Вся кровь и лимфа в ней потрескивали, преобразуясь в кристаллы льда. Но параллельно рвались остатки осторожности. Вздывалась, пухла зоологическая ненависть, на коей лопнул и опал ключьями намордник осторожности.

– Вот этому?! Он сдал нас, сволочь, за нашу работу, паскудно кинул! Так это ждёт и вас! Мы рвали для него в Питере из чужих плоток баксы, недвижимость, мы рисковали жизнями, гасили бабками все уголовные дела про нас!! А разбухали больше всех его счета! Да он куда жирнее нас!

– Жирнее многократно, – усмешливым ледяным сквозняком тянуло от хозяина джипа, – но ты уж, Сёма, извини, тебе не доложили, где лежат, на что идут и куда предназначены те деньги в государстве. Как говорят у нас, евреев: «Эгье а шер эгье!» – то не твоё собачье дело.

– Нет, моё! Любой политик, прорвавшись во власть, сначала лепит свою команду: Гитлер, Сталин, Муссолини, Пиночет! А этот? Вокруг него резвятся, делают бардак и насмеются над ним все наши! Уже двадцать лет! Да он слизняк! Шерстит только шестёрки, но не смеет тронуть пальцем паханов: ни Грефа, ни Чубайса с Кудриным, ни суперкобру Наебулину! Смердюк с его блядами, что раздолбали вашу армию, – на свободе! Одну только курвёшку вроде посадили на пару лет, считай, что на курорт: в колонию общего режима. А она вместо неё кайфовала на Багамах! Кремлоид ублажает их, хочет сидеть на двух стульях сразу! Ему скоро хана, Европа уже давно ссыт на Рашку кипятком! И санкции всё жёстче! Поэтому конец всей вашей Рашке на пороге! Кому ты служишь, хорошо подумал?!

– Строителю, хорёк, строителю, с его многоходовкой, куда не может сунуть нос так, как ты, погань, – переводил дух партнёр «по крови», удерживал набрякшие ладони, готовые метнуться к глотке гостя, придушить.

– Какому? Какой с него к х... строитель?

– Кому досталась от вас ободранная, полусгнившая коробка. Где вместо окон – дыры. Где ельциноиды выбили все двери и проломали крышу.

– Ну и что дальше?

– Идёт слом планетарной парадигмы, Тимкин, грядёт тайфун, цунами в десять баллов. На этот дом с несметными богатствами прёт скопом планетарный хищник. Хозяин дома обязан в дикой спешке любой ценой успеть поставить окна, двери, крышу: ШОС, БРИКС и Белоруссия, Таможенный союз. И вздыбить, сделать самой мощной оборонку. И лишь потом заняться крысами, хорьками под ногами. Пока что не до вас. Мы терпим все ваши укусы и предупреждаем: верни, паскудник, то, что нахапал, верни на дело государства. Пока не поздно, пока не так уж много уголовных дел. Но скоро они накроют вас – по нарастающей...

Настырно, режущее зазуммерила рация. Хозяин джипа жёстко скомандовал:

– На выход, генерал. Вон отсюда! И дай отбой опричникам, которых вызвал, нам только не хватало размазать по бетонке ментовский фарш.

Стекло в машине опустилось вниз. И в смутном полусвете увидел Тимкин: из задней стенки у второго джипа полезли, выдвигаясь к трассе, два толстых ствола – пятидесятимиллиметровых ПТУРСа.

Генерал ринулся из машины, хватая на груди радиотелефон. Услышал вдогонку:

– И через пять минут чтоб я вас всех не видел!

Хозяин джипа включил настырно зуммерящую рацию:

– Здравия желаю, Аверьян Станиславович. Я уже здесь, за Выборгом, на восемнадцатом километре, как приказали.

– Да не приказывал – просил. Рад тебя слышать, Марк Семёныч, – отозвалась рация, – как добрались?

– Нормально. И с довеском.

– То есть?

– За нами рванул в погоню с поста ГАИ майор Приходько. К нему каким-то диким образом пришилился Тимкин.

– Тот самый?

– Так точно. Я собирался к нему завтра. Но на ловца и зверь бежит.

– И что?

– Всё как у его куратора в Москве. Остервенел, облаял всех и вся, но чую: наложил в штаны... И завтра же начнёт всю операцию возврата по нашим схемам. Ручаюсь.

– Ну вот и ладно. О ваших сливках. Твоя компра – добротная, масштабная, ценнейшая работа. Ушла на самый верх. Отметили на уровне Генштаба с президентом – в его ручном режиме.

– Служу России. Один вопрос.

– Я слушаю.

– Был длинный разговор с Тимкиным. И он вlepил в меня такую фразу, как в морду харкнул... аж перехватило дух. А я выкручивался, как шестёрка у параша, не зная, что ему ответить, рисовал картинку...

– Что он сказал?

– Про Самого. Что он слизняк. Вокруг него резвится, делает бардак вся стая шакаля. Либерасты насмежаются над ним! А он не смеет даже пальцем тронуть ни Брефа с Наебулиной, ни Зюбайса с Пудриным, ни Смердюка с его блядами. А мы? Дождёмся когда-нибудь команды «фас!»? У всех на сердце камень: до каких пор терпеть всю эту шайку короедов, продажную сволочь?!

– Неймётся революцию сварганить?

– Какая революция? Вся их компашка в Москве за трупиком Немцова засветилась и на Болотной. Тридцать-сорок тысяч. Ну, ещё столько же по всей России. А нас десятки миллионов. «Бессмертный полк» всё по своим местам расставил. Да нам всю эту шоблу воровитую охранять придётся, чтоб не разорвали, когда терпение лопнет!

– Терпи, соратник. Как только, так сразу. Оттуда, с твоей кочки, не все параметры видны.

– Что именно мне с моей кочки не видно?

– Для начала Конституции-намордника, узды, наброшенной на президента. Вот для чего нам Госсовет – чтоб передать туда все рычаги от власти и финансов. Не всё так просто. Теперь о том, что предстоит.

– Я слушаю.

– Предупреждаю сразу: всё, что изложу, – не в службу. Скорее личная просьба, поскольку знаю и ценю тебя не первый год.

– Обижаете, Аверьян Станиславович. Не вижу разницы от вас – приказ или просьба.

– Ну, извини. Звонить Рудакову не стал – пусть отдыхает. Кстати, о нашем разговоре оповещать его не обязательно.

– Дальше моих ушей не прорвётся.

– Ситуация на грани фола, воткнулась в Интерпол, в международный розыск. Одна преклонная русская бабуля, живущая в Финляндии лет восемь, не отдала омбудсменам своего внука. Те заявили вечером, чтоб отобрать его и передать в приёмную семью – ювенальной мафии, на «запчасти». Представляешь ситуацию?

– Пас-скуды, иху мать!

– В итоге бабуля с сыном отключили живоглотов: два трупа и один нокаут. После чего беглецов замаскировал в кузове фуры владелец грузоперевозки, их родич, финн Пяйве. И переправил через таможенную к Питеру. Сейчас они уютжат трассу в двух сотнях километров от Выборга. У твоего Приходько уже приказ из Интерпола: обшарить фуру.

– Водитель знает о живом грузе?

– Скорее всего, нет. И лучше, если не узнает.

– Понял. Машина?

– Красный «Мерседес». Водитель Нельсон. Груз – электроаппаратура в ящиках. Снимать бабулю с внуком желательно до Выборга, там, где стоишь. Ей нужен новый паспорт, новая фамилия.

– Состряпаем к утру.

– Ещё одно: узнает об этой акции Рудаков – ссылайся на меня. И Пономарёва. Мы с генералом погасим его любознательность. Всё ясно?

– Так точно.

– Часам к восьми утра я буду в Питере. Мне сдашь беглецов. Сдашь и забудешь.

– Разрешите исполнять?

– Семёныч, ты ещё каблуками щёлкни. Ну и последнее: чего это мы трепыхаемся, тебя турзучим? Бабуля везёт вундеркинда, внука нашего офицера-нелегала, вернувшегося в Россию с ценнейшим материалом. Такой – единственный в Конторе и во всей разведке. А сама она его первая и давняя любовь. И либерасты из правительства, кроты, ссут кипятком, чтобы заполучить агента: их забугорники оповестили.

– Дела-а! Сварганю ювелирно, Аверьян Станиславович, не беспокойтесь.

– С богом, Семёныч, надеюсь на тебя. До встречи в Питере.

...Фура с водителем Нельсоном прибыла через три с небольшим часа. Едва заметно серел рассвет. Пять автоматчиков завернули красный «Мерседес» с трассы на гравийный аппендикс, ведущий в лес. Два джипа повели с колёсным хрустом грузовоз вглубь леса. Через полсотни метров фуру затормозили. Нельсон заглушил мотор: предсмертное предчувствие сосало сердце. Из джипа вышел и пошёл к кабине серопиджачный человек. Нельсон распахнул дверь. Идущий, впитав матёрым психоопытом флюиды страха, прущие от дальнобойщика-водителя, ещё не доходя поторопился погасить их:

– Да вы не волнуйтесь, товарищ Нельсон, про вас сказал нам капитан Суржило из таможи. Всё в порядке, с вашей головы волос не упадёт. Ну а пока, будьте любезны, сделайте одолжение, ко мне в кабину, на коньячок и кофе.

...Нельсон с напарником сидели в чёрном джипе, пили кофе с коньяком и отвечали на бесхитростно-простецкие вопросы человека: про работу, про жизнь-бытьё и про Финляндию. И Нельсон, в коем наконец унялась внутренняя дрожь и разлилось тепло по телу, подумал, что никогда ещё не попадал на трассе в такой комфортный и абсолютно непонятный шмоно-кайф.

Снаружи, распахнув задние двери фуры, сгружали из неё и складывали на траву коробки пять автоматчиков. Велась работа в непостижимо бешеном темпе до тех пор, пока не обнаружили закутанные в овчины две фигуры. Их выгрузили и посадили во второй джип. В таком же темпе загрузили

коробки обратно в фуру и запломбировали двери. После чего тишайше, деликатно стукнули два раза по стеклу кабины первой машины – с дальнобойщиками.

– Ну вот и всё, любезные, – сказал водилам Марк Семёнович, – ехайте дальше и не берите ничего плохого в головы. У вас в порядке документы, груз целый, кузов запломбирован. Вы нас не видели, не знаете и вас никто не останавливал. Запомнили? А остановят на посту, так это их обязанность – шмонать и исходить служебным паром – с неприличным звуком. Запомните: вы фура с грузом абсолютной чистоты. Удачи, финномены. Прошу на выход.

...Он сел на заднее сиденье второго джипа – с двумя пассажирами. На ощупь обнял обросшее тугими мускульцами тельце, нащупал его руку. Сказал воркующе и нежно:

– Дай лапу, вундеркинд. Я Марк Семёнович. А ты?

– Я Ваня, – расслабился, обмяк Иван: притиснувшийся к нему боком мужичок источал такую родственную приязнь, что липкий и гнетущий, обмоченный слезами груз прошедшей ночи вдруг отслоился и пропал.

– А вы, мадам? Как вас по батюшке?

– Я Виолетта Глебовна. – Затопляло её, крепло неистовое ликование: всё позади?!

– Голубушка Виолетта Глебовна, всё позади, – телепатически поймал, пристроился и укрепил её надежду возникнувший в их судьбе Хоттабыч. – Сейчас попьёте кофейку, да с коньячком. Потом поспите часа три, пока приедем в Питер. Сделаем фотоляпочку на новый паспорт. А там вас примет в свои объятия Станиславич.

– Он что, приедет?!

– К восьми будет в Питере.

– Как вас благодарить? Марк Семёныч, дорогой вы наш... вы нам спасли жизнь.

– Да я вас умоляю! Этот пустячок нам ничего не стоил. Тем более что этот вундеркинд – внук нашего коллеги. Которого сам Станиславич оч-чень почитает. А это, Виолетта Глебовна, покрепче кровного родства, куда покрепче. Располагайтесь, вот кофе, печенье... а я вперёд пересяду.

Он вышел. Рассвет вступал в свои полномочия, уже просматривался чётко дремучий лес по обе стороны шоссе, а серая ленточная трасса призывно зазывала пустотой и стреловидным направлением в Питер.

Усадьба

Усадьбу обступили медными свечами вековые сосны. Над серой надменностью трёхметрового забора, цеда ветрило, качались игольчатые кроны.

По углам забора, на сизо-блестящих стояках, вращались неторопко в круговом дозоре четыре электронных «глаза». В подвальном пункте наблюдения внутри усадьбы отображалась на дисплее панорама: окрестности на все четыре стороны.

Дежурный офицер услышал мелодичный зуммер. Охранная система предупреждала: внимание, приближение объекта. Увидев приземление вертолёта на площадке в полусотне метров, дежурный остановил вращенье «глаза». Тот замер, послал на пульта устойчивый и резкий кадр: из вертолёта вышли двое. Пошли по травяной, трепещущей под ветром поляне к стальным воротам – с не приметной, врезанной в металл калиткой.

Дежурный укрупнил фигуры, приблизил лица и ощутил знобящий холодок между лопаток. К усадьбе шёл в гражданской упаковке московский небожитель: генерал-полковник Пономарёв, ни разу не бывавший здесь с тех пор, как их объект № 4 был сдан под ключ и поставлен под охрану. Бок о бок с генералом шагал в пятнистом камуфляже и бандане на седовласой голове могучего сложения мужик.

Дежурный скользнул взглядом по трём фотографиям под стеклом: три личности, которым можно проходить на территорию усадьбы без промедленья и вопросов, – генерал ГРУ Пономарёв, кремлёвский парапсихолог Бадмаев и третий неизвестный. Бадмаев был на территории, а рядом с генералом шёл тот самый «безвопросный проходимец».

– Нехилое сооружение, – оценил Чукалин, приметив в серо-бетонном монолите высоченного забора четыре прикрытые бойницы. – Чья крепость? Филиал Конторы?

– Нет. Частное владение. Осел тут один бубновый туз, говорят, имел какие-то дела с президентом. Сто раз подумаешь, на какой козе к нему подъехать, – сквозило в голосе генерала непонятное и усмешливое ехидство.

С брезгливым любопытством вбирал в память Ичкер: забор с бойницами, четыре электронных «глаза», бревенчатый янтарь массивного коттеджа в три этажа под красной крышей, размашистую величавость хвойных крон над нею. Угрюмая сосредоточенность завладевала им, перерастая в свинцовый гнев. Истаивала, испарялась родственная радость от встречи с генералом, с которым в вертолёт слился душой и сердцем, не мог наговориться – его начальник и земля, крупнозвездастый динозавр советского замеса. Он вместе с Виолеттой – платформа, круг спасательный в глубинной памяти, когда на сволочной чужбине, где обитал двенадцать лет, рвался из глотки волчий вой от раздирающей тоски.

– Не нравишься ты мне, – глянул искоса Пономарёв, – видать, пересидел в нашем схороне. Что, насмотрелся бытия российского в айфоне, в Интэрнете?

– И насмотрелся и наслушался. До блевотины. А этот прыщ на ровном месте, – кивнул он на усадьбу, – как серпом по нелегальным яйцам...

Горячая волна хлынула в Ичкера. Прорвало вдруг какую-то плотину, и из лютой ненависти вал, в котором трепыхались клочья нервов, нахлынул и затопил всклень. Разум панически сопротивлялся, но залатать дыру в плотине не получалось.

– Это почему? – напрягаясь в недобром предчувствии, спросил Пономарёв.

– Наглядное мурло российского бандитизма! Его харя. Показательный фурункул чужебесия на теле государства. Нахапали, наворовали, скурвились в режиме стokolбасного идеала. У многих руки по локоть в русской кровище. Теперь угомонились, нырнули за бетонные заборы: мой дом – мой дзот. И всё равно трясутся по ночам. Вынырнут из-за забора – и в «Бентли», в «Мерседесь». Оттуда шмыгнут в офис, в закупленное место в Думе, в министерстве, чтобы сосать бюджет, перегонять его в офшоры. И все – в бронжилетах неприкосновенности... не доберёшься, прокурорской пулей не достанешь. А если и достанешь, то пуля из дерьма – как сами прокуроры. Меня наши «коллеги» гнали в схорон как зайца. Напрятался в родимой альма-матер. Знаешь, о чём жалел там?!

Ичкера трясло. Пономарёв с испугом, искоса следил за возвращением, которого внезапно сорвало с катушек, от коего хлестало по мозгам сполохами неукротимой ярости и мощи – как грянувшие в Интэрнете раскалённые аксиомы виртуального Индария.

– Жалел о чём?

– Напрасно в той заварухе, в Дрездене, я ЕГО спасал. Мы запускали его в олигархи Питера для будущего президентства, оберегали Двухголовца... надеялись, что вытащит, в конце концов, Россию из ельцинской клоаки, очистит, одухотворит! Очистил, твою мать! От разума! От просвещения и от культуры! От совести и Духа на театральных сценах! От национальной самобытности! Одни такие вот пентхаусы на трупе сельского хозяйства! Грибы-поганки на фоне мёртвых деревень! Под корень выкорчёвывают славянский генотип... из вилл-дзотов... вот таких вот... укрытия для паразита и нувориша!

Клокочущею яростью исходил Ичкер.

– Вроде тебя!! А ты чем лучше?! – перекрывая сослуживца, взревел Пономарёв: плясал перед глазами чёрно-мушиный рой, нестерпимо разламывалась голова от хлещущей по нервам запредельной энергетики товарища и побратима по службе.

– Что?! – Чукалин, задохнувшись, перешёл на шёпот.

– Я спрашиваю: ты чем лучше?!

– Ты это мне? – Спадала пелена с глаз, холодный, трезвый разум возвращался.

– Тебе, Ичкер, тебе. Ты, значит, тоже аскарида, хамелеон – сегодняшнего дня. Честь офицера, совесть обменял на бабки.

– Иван... ты что буровишь? – Неломким и сталистым взглядом Ичкер уткнулся в генерала. Дрожала на губах того нещадная и дикая усмешка.

– То же, что и ты. Живёшь в таком коттедже – значит, погань. Как я, как Аверьян Бадмаев, твой наставник, гуру. Мы тоже при хоробах. Как сотни тысяч деловых, хватистых мужиков, которым развязали руки: строителям и фермерам, цеховикам, нефтяникам и рыбоводам. Вся разница лишь в том, что одни скурвились, а другие всё те же, русские, славяне, родовичи по крови! Над теми и над этими – паразитарные клопы, гибриды из клопа и человека – олигархи. И их пока не одолеть с налёту! Сцепились с ними насмерть! А результаты – пока что пшиковые!

– При чём здесь я?

– Это твоя усадьба.

– В каком смысле?

– В прямом. Вот этот охраняемый коттедж – твоя усадьба. Подарок президента. С бассейном, тренажёрным залом, теплицей, баней, садом, ахалтекинцами, орловцами в конюшне. С дежурным офицером за пультом видеообзора, с дворником, поваром, садовником – все из горячих точек, удержат взвод силовиков при нападении. Прошли проверку полиграфом.

– Ты бредишь?

– Полковник Чукалин! Извольте не наглеть! – рявкнул генерал.

– Прошу прощения, товарищ генерал-полковник.

– Вопросы есть?

– За что... подарок?

– За службу. За американскую вербовку Сноудена и Ассанжа. За выпуск из бутылки джина «Викиликс». За Гроссмана и вашу с Прохоровым РУССу. За упреждающую стратегическую информацию по Крыму. За лазерные технологии, за чертежи фотонного и термоядерного движков для космолёта. Может, откажешься от подарка? И предпочтёшь советскую госдачу? Из коей выпрут, когда закончишь службу?!

Ичкер садился на траву, не отрывая взгляда от серо-бетонной неприступности СВОЕЙ УСАДЬБЫ. Она свалилась на бездомного, личину коего он носил и с коей уже сросся за последние три бесконечные недели, прорываясь к своей альма-матер... да был ли он иным в той жизни – не бомжом? Последние три десятка лет... Германия и Дрезден... резидентура в БНД... Немецкий, на лезвии ножа, ордунг экстрасенса-нелегала... запуск в геополитику ЖАБО-САПИЕНСА ТРЕТЬЕГО – подполковника Панина... и нескончаемые двенадцать лет при ЦРУ...

Он сидел, чуя спазм в горле... Только этого здесь не хватало: соплей старпёра разведки, вдруг заимевшего роскошное жилище с барского плеча. Пономарёв, уйдя на несколько шагов от оцепеневшего Евгена, заканчивал мобильный разговор:

– Значит, уже приехали... Станиславич, как они? Паспорт Виолетте выправил? Ну и лады... ну умница, ну слава богу... когда? Минут через десяток. Герой вот оклемается, и двинем... да всё в порядке. Сидит на травке, остолбенел от президентского подарка... ходили врозь, глаза на мокром месте. На супермена ни хрена не тянет, вместо нервов – ключья, соплей шмурыгает. Обляял всех и вся: в айфоне, в Интернете насмотрелся бардака от наших либерастов... наслушался коллегиальной телетрепологии... Аверьян, он так орал, хамил, я чуть штаны не обмочил... его бы кардинально подлечить, учти, когда освободишься. Ну всё. Про неё с родным его детёнышем? Ни слова! Пусть сам их увидит. Хоп!

Пономарёв пошёл к Чукалину, встал на колени в развилке его ног. Уткнулся лбом в лоб сослуживца. Притиснул его голову к себе.

– Ну что, любезный сердцу моему земля, с возвращеньем. Что, развезло? Так это нам, старым ГРУ-козлам, не зазорно. Давно ль в Чечен-Ауле, на берегу Аргуна, я поднимал и выжимал Женька, сынка главагронома?

– Да только что, – сглотнул в горле комок Чукалин, – каких-то полусотню лет назад.

– Девиз, надеюсь, не забыл?

– Теперь не только наш – и жабы-сапиенс болотной: «Не бздеть и телом не хилить...»

– «...Торчать как палка у грузина», – закончил генерал-полковник. Тихо посмеялись, упершись лбом в лоб, в теплойшей ауре родства.

– Пойдём? Там уж заждались. Аверьян приехал.

– Ещё немного. Там гульба закрутится, а у меня свербит про Гроссмана, – подёргивался в нетерпении Чукалин, ибо немецкий олигарх был главной его добычей, итоговым венцом всего нечеловеческого агентурного двенадцатилетнего напряжения.

Пономарёв смотрел на друга в оторопелом изумлении:

– Да что с тобой? Твой дом на горизонте! Машина комфортабельная, в конце концов, причал для старости! А ты... про Гроссмана.

– Дом, говоришь... а я бездомный по служебной сути, дома меня не возбуждают. Не тяни, Иван Алексеевич, давай подробности про немца.

– Он вышел на меня три года назад: звонок из Франкфурта-на-Майне. Сослался на тебя, на вашу встречу в Давосе. Я пригласил его, он прилетел с двумя помощниками. Мы с Аверьяном встретили, перевезли на базу. Он осмотрел всю территорию с болотом. Сказал, что место для отработок геном-экспериментов идеальное. Представил список оборудования – того, что невозможно было привезти

из Франкфурта. У нас глаза на лоб – где всё достать? Отправили запрос в Генштаб и президенту. И закрутилось. Ну, немцы – асы, стальная хватка. Подключились капитально, многое достали сами. Как мне потом тайком признались, из-под арктического льда, у швабианцев.

– Швабианцев?

– Не только. Включили биогенетиков из Лондона, Сиднея, Гамбурга, Пекина. У них, научных, подпольное братство, плевать они хотели на раздрай политиков. Чуть позже возбудился и помог «Фиолент» из Крыма.

– Ай да славяне, сдержали слово! Я попросил директора Данилыча о помощи после давосской встречи с Гроссманом, дал твои координаты.

– Дальше пошло-поехало. Собрали Гроссману виварий из местной фауны: кошек, собак, ворон, лисиц и зайцев. Он и помощники колдовали с ними больше года, набивали руку. Таких уродов наклепали – жуть.

– Гроссман был здесь долго?

– Наездами из Франкфурта, как я и Аверьян из Москвы. Безвылазно вкалывали помощники. Раз пять присылал сотрудников крымский «Фиолент».

– Инженерили со зверушками?

– Сначала с ними. Последняя работа: жабо-сапиенс. Трепанировали череп бульдога и вставили туда геномы жабы и эсэсовца из «Эдельвейса». Гроссман добыл его у тибетских лам. Они хранили замороженные со времён войны тела штурмовиков, засыпанных лавиной. Только потом приступили к голове Кало-Руссы.

– Электронная начинка?

– Сложнее. Гроссману был нужен свежий жмурик. Я попросил Самарское ГУВД отслеживать автоаварии. Скоро поступил сигнал: машиной сбило путану на трассе – детдомовка, без роду-племени. Тело в коме доставили на базу вертолётном. Мозг ещё жил. Отделили голову с позвоночником и подключили к питательной системе. Правое полушарие изъяли и заменили электронным гроссмановским блоком Кало-Руссы: нейроны, синапсы, аксоны и дендриты – они стали срастаться с левым полушарием – биоткань с композитными нейроматериалами из карбина.

– Силён, батя! Нахватался от генетиков. Когда успел освоить?

– Не лаптем щи хлебаем. Почти три года совал свой нос во все детали, любопытство заедало, как чесотка.

– И Гроссман позволял?

– Что значит, «позволял»? Я – бог на базе. Он – бог в виварии. Бог в прямом смысле: клепал и мастерил мутантов, как гайки на станке. Когда всё отработали на тварях, приступили к той самой голове.

– И она заговорила?

– Как вспомню – мороз по коже. Голову с позвоночником поместили в морскую воду и прострелили её плазмой. Воду спустили. Голова открыла глаза и – в дикую истерику, в слезах захлёбывается, верещит: «Муттер, зараза, бляха-муха! Дай титю, твою мать! Титю, сказала, дай! Доннерветтер!» Картинку представляешь? На позвоночной палке вопит и матюгается германо-русский бабский череп: титю ему подай! Мадам, кибергенетик, чью титю череп требовал, глазки закатила – и в обморок. Гроссман разнос устроил помощникам: голова наголодалась, калорийность питания была недостаточной, могли угробить весь эксперимент. Наружу вылезли инстинкты дойч-младенца и позвоночный матюгальник дорожной проститутки. Значит, Гроссман конструировал правое полушарие Кало-Руссы как разум ребёнка... Само собой. Мозг РУССы – вместилище информпрограмм, бойцовской и аграрной. Поэтому он должен быть свободным от всякой информационной шелухи. Ну, идём, что ли?

– Вот теперь идём.

– Евген, Индарий в Интернете, от коего письмо для президента. Как гвоздь в башке у миллионов... откуда?! Кто такой?! Сложилось впечатление – ты знаешь. Я не прав?

– Идём, Иван Алексеевич. Поделюсь, но позже.

Евген с Пономарёвым осматривали дом. Холодная вылизанная анфилада комнат блистала отчуждённой и надменной пустотой. Здесь, в этой лощёности, никогда бы не поселился ни домовый, ни леший, ни даже Чебурашка. Здесь невозможно было чем-то скрипнуть, треснуть или зашуршать. Высосанные пылесосом ковры (дань кавказоидному прошлому Чукалина), узорчатая листовая бахрама

пальм в фаянсовых бочатах, лакированные картины на стенах – подарок президента, пропитанный студёно-германским, авангардным «орднунгом», что-то не оттеплял душу.

Они вышли на высокое, с розово-бетонными столбиками ограждения крыльцо. Переглянулись с заметным облегчением. Перед ними осанисто, массивно выпирали из цветастых лужаек квадратные строения из каменных блоков и сосновых брёвен: гараж, конюшня, гостевой дом. Блистала стёклами теплица, лениво месил небесную синь трёхлопастной электроветряк (энергетическая автономия, ядрёна вошь!), хрустальной голубизной мерцала в бассейне вода. За ними пластался зеленью травяной ковёр. Метрах в двухстах, через лужайку, бело-пятнистым строем вздыбилась берёзовая рощица.

– Снаружи ничего, сойдёт, а внутри лощёный саркофаг, – сказал Пономарёв про внутренность осмотренного дома. – Когда наведешься в следующий раз, всё переделаешь по-своему.

– А «следующий раз» когда вообще-то намечается? – спросил Чукалин.

– Спрашиваешь у меня? А я при чём тут? – нахально удивился генерал. – Теперь ты по кремлёвскому ведомству.

– Загадками изволите шпынять, товарищ генерал-полковник, – озадаченно выдохнул Чукалин. – Бадмаев расшифрует, что ли? Кстати, где он?

– А-ах, чтоб тебя! – задавленно ахнул генерал, шагнул к ступеням.

Чукалин глянул вниз. Вымахнув из белоствольной рощи, галопом нёсся по лужайке атласно-чёрный жеребец-орловец. На нём прилипла к конской шее малая фигурка. Конь взбрыкивал, кренясь на виражах, рвал изумрудность свежеполитой зелени, разбрасывал её ошмётки, впечатывая в травяной ковёр угольно-чёрные зигзаги многоточия. За ним бежали конюх и Бадмаев. Издалека донёсся бадмаевский всполошённый крик:

– Держись за ше-е-ею!

Вскочила со скамейки у газона, вздела руки в неслышном крике женщина.

Чукалин ринулся вниз. Орловец застопорил, взрыв борозды копытами. Встал на дыбы, стал разворачиваться, мяся воздух передними ногами. Малец в седле, прильнув к крутому шейному изгибу жеребца, держался как приклеенный. Чукалин пересёк лужайку длинными прыжками. Настиг коня. Стоящий на дыбах рысак, взъярённый весёлым бешенством свободы, скосил на человека блестящую лиловость взгляда. Ичкер вложил два пальца в рот. Сверлящий свист хлестнул по жеребцу. Рысак содрогнулся, обмяк вниманием. И был на этом пойман: Евгений скользким быстрым скоком запрыгнул вбок, к лоснящемуся крупу, поймал двумя руками хвост и, падая назад, рванул его на себя. Конь шлёпнулся на круп, стал заваливаться. Чукалин сдёрнул с седла мальчишку, отскочил. Орловец рухнул на бок, ошеломлённо, гневно взвизгнул. Взмесив воздух копытами, зацепил ими травяной ковёр, вскочил. Храпя и взбрыкивая, отпрянул от людей, остановился – четвероногий сатана с раздутыми ноздрями.

К Чукалину с парнишкой бежал Бадмаев. За ним, похрипывая, задыхаясь, поспешал конюх. Бадмаев, тяжело дыша, застопорил перед Иваном. Взял его за ухо. Сказал прерывисто, гоня грудь в свистящих вдохах-выдохах:

– По русскому обычаю два варианта за хулиганский беспредел: ремнём по заднице или закрутка уха. Что выбираем? Какого чёрта ты, шкет финляндский, хлестнул коня хлыстом и завопил как резаный?!

– Я в затруднении, дед Аверьян, – смиренно ковырнул носком туфля траву финляндский шкет.

– Да ну?!

– Вы задали два стратегических вопроса. Ответ с какого начинать?

К ним, задыхаясь, подбежала Виолетта. Упала на колени, обняла внука, вжалась в родное тельце, ошупала руки, ноги:

– Ты цел?! Да что ж это такое?! Аверьян, ну разве можно так?! Отпустить мальчишку одного, в седле на бешеной скотине?! Если б не этот укротитель... как вас благодарить, дорогой вы наш...

Поднялась, всем телом развернулась к Чукалину и, задохнувшись, окаменела. Выстонала в полумороке:

– Евге-ен...

Стала оседать, Чукалин подхватил её. Развернулся к Бадмаеву:

– Станиславич, надо же предупреждать! Ну и сюрпризики у вас!

Виолетта, очнувшись, забросив руки на шею Чукалина, осыпала неистовыми поцелуями лицо:

– Г-господи... Чукало, милый... ты?! Сколько лет... живой?!

Смотрел на эту вакханалию с лобзаньями в дичайшем изумлении Иван:

– Не понял! С какого бодуна вдова Заварзина, вполне приличная старушка, при всех повесилась на шею чужому деду? Ты кто, дед? Мёдом, что ль, намазанный?

Чукалин с неистойвой, накопленной за годы нежностью оглядывал... родного... внука?! Иван смотрел на них, всё жёстче и острее затачивался взгляд.

– Я дед Ичкер, – сказал Чукалин с монашеским смирением, – по совместительству шпион американский.

– «Спасибо шпиону-деду за победу»? При чём тут «милый» с чмоками какому-то старпёру, когда мой дед Герой Советского Союза, майор Заварзин? Ты мне так сказала! Так в школе знали! А этот кто? Колись, бабуля!

Стояла Виолетта, ошпаренная вопросами, на которые не может... не должно быть ответа... во всяком случае, не здесь и не сейчас. Румянцем занимались, полыхали щёки.

Бадмаев встал между Иваном и Виолеттой.

– Ты зубы нам не заговаривай. Моё превосходительство друид и маг дед Аверьян не получил ответа: что выбираешь из двух санкций – ремнём по заднице? Или закрутка слухового аппарата?

Иван сунулся было выглянуть из-за Аверьяна – увидеть Виолетту, но был взят цепкою рукою за ухо. Застыл. Вздыхнул. Сказал с ехидной скорбью:

– Категорически предпочитаю первое – ремень. Но... где орудие для санкций? Ремня-то нет у мага и друида.

– Эту проблему я решу-у-у, – задвигался и плотоядно заурчал Пономарёв, с минуту назад поспевший к зудящей возбуждением компании. Расстёгивая куртку, перекипал в вальжном командирском предвкушении. Под курткой обнажился советского изготовления ремень со звездастою, зловещей бляхой. И генерал-полковник, выдернув его из брюк, протянул Бадмаеву. Бадмаев сложил орудие для экзекуции вдвое.

– Ну-с, отрок, прошу отключить зад, – с вкрадчивою лаской велел дед Аверьян.

– Аверьян, ты что задумал? – всполошённо дёрнулась к Бадмаеву Виолетта. Наткнулась взглядом на Чукалина. Он, обозначивши улыбку, качнул головой: не надо, всё делается, как положено.

И тут дошло до «оторвилы», что шутки шутками, а порка будет настоящая, со всеми атрибутами. И это надо встретить по-мужски.

«Да нет проблем, – расчётливо и холодно слепились воедино Дух и тело в приговорённом. – На этом ещё можно заработать дивиденды».

Он повернулся задом к Аверьяну. И завопил трагическим предсмертным дискантом из арии Ленского:

– Начнё-о-о-ом, пожа-а-а-алуй!

Слегка и ненадолго озадачился Аверьян от этого нахальства. Взмахнул ремнём и с треском, по настоящему врезал по тугому заду. Ахнула Виолетта, содрогнулся и выгнулся дугой Иван. Но тут же выпрямился.

– Раз! – повёл счёт Чукалин.

– Это за оскорбленье плёткой орловского рысака, за нервотрёпку старшим офицерам, – учтиво пояснил Бадмаев.

Сочувствующе хекнул стоящий поодаль конюх с поводом в руках. Дёрнул за повод, повёл жеребца к конюшне, опасливо оглядываясь, – подалее от начальственного самодурства.

– Сэр шпион, – развернулся к деду Ичкеру Ванька, – вы не попутали язык? Шпион американский, а счёт русский. Раз накосячите с языком, другой, и в перспективе пипец всей вашей резидентуре.

– Сенк ю, ай андестенд (спасибо, я понял. – англ.), – склонил учтиво голову накосячивший Ичкер. Оторопело и разнеженно крикнул генерал-полковник: пацан что надо, суперкадетом может стать, кремень, служивая косточка!

И снова поднял советский воспитательный ремень Аверьян и хлёстко врезал по второму разу.

– TWO! (два. – англ.) – продолжил счёт Чукалин.

– А это за «вполне приличную старушку». То бишь от финских ювенальщиков спасшую тебя родную бабушку, – продолжил Бадмаев.

Заметно побледнел Ванёк, стёр пот на лбу. Но поднял руку, погрозил пальцем Виолетте:

– С тобой, бабуля, мы ещё разберёмся. Готовь подробные объяснения. Дед Аверьян, в чём дело, чего ждём?

– А может, хватит? – как-то заметно сник Аверьян, приметив взмокшее и побледневшее лицо Ваньки.

– Бог любит троицу, продолжим избивание младенца!

– Не будем Бога огорчать, – вздохнул Бадмаев и шлёпнул третий раз – почти что символически.

– Бездарно, слабо, дед Станиславич, – брезгливо и победно вынес вердикт скисшему кудеснику нахалёнок.

Чуть слышно, с полным одобрением крякнул генерал-полковник: силён, бродяга! Пацан взял верх в поединке! Почесал затылок Аверьян, позвал генерала:

– Пошли, Иван Алексеевич, отсюда. Освободим зал заседания. Сейчас вот этот... прокуратор начнёт судилище. Он приведёт к присяге бабушку, спасавшую внука от омбудсменов, готовых расчленить его на запчасти. Заставит говорить блудливую старушку правду и только правду. Потом допросит хозяина этой усадьбы, российского разведчика Ичкера, который его принял, накормил, приютил и дал коня.

– Допрос будет с пристрастием и с полиграфом, – развил тему генерал Пономарёв. – С какой целью к чужому деду на шею бросилась бесстыжая бабуля.

– И есть ли у хозяина усадьбы, полковника Чукалина, алиби. А также требование предъявить ему, финляндскому молокососу, презумпцию хозяйской невиновности.

– В общем, мы лишние на этом юридическом пиру молодого Герострата. Как, думаешь, всё это будет выглядеть?

– Как-как... не с чем сравнивать... кошмар, одно сплошное «Бр-р-р...»!

– Что значит – не с чем? Всё это будет слепок с «Пусси Райт», что задирали ноги с голою промежностью в храме Христа Спасителя. Канкан бесстыжих кобылиц, не чтящих ни отца, ни мать, ни старших Рода. Забывших Бога. Однако заболтались мы. Пора и на рыбалку.

Стоял, придавленный жестокой, настоящей экзекуцией, Иван.

– С ночёвкой? – потёр вожделенно ладони генерал.

– Само собой. Да с костерком, с ухой, с палаточкой, с ночной проверкой жерлиц и закидушек на сома. Сёмку, внука мажордома, возьмём?

– Куда мы без него. Утром поставим сеточку, пожарим рыбу и постреляем из арбалета.

– Я дам Сёмке три очка форы. Ну, двинулись?

Помедлил с ответом генерал, раздумывал:

– Тут закавыка... Сёмке напарник нужен, такой же семиклассник. А то ему с нами, старпёрами, как-то без кайфа. Может, Кулагинского Генку, начальника охраны?

– Он с матерью в Сочи... весенние каникулы. Забыл?

– Нда... запиндя.

И оба сокрушённо погрузились в неразрешимость придавившей их проблемы.

Дошло тут до Ивана, что пауза у патриархов – ему подачка с индульгенцией. Спросил покаянно и умоляюще:

– А я смогу заменить Кулагинского Генку?

– Ты в качестве замены Генки? – задумался Пономарёв. – А как же предстоящее судилище над блудницей бабкой Виолеттой? Оно без прокуратора пшик юридический. Гаагский трибунал не примет к производству. Без прокуратора Заварзина, внука Героя Советского Союза, сей юридический процесс над своей бабушкой ни богу свечка и ни чёрту кочерга.

– Бабуля, прости, я недоумок! – сказал Ванёк. Уткнулся лбом в её плечо.

– Прощаю, Ванечка, – обняла внука Виолетта. Смахнула со щеки слезу.

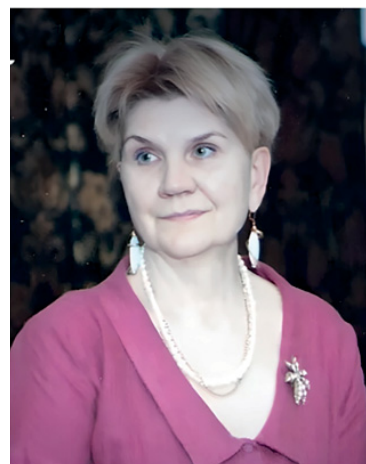
...Двое дедов уходили. Их догнал, втиснулся в середину и взял за руки рослый, крепко сколоченный подросток, в ком буйно, нагло верховодили гормоны, бесились скотьи рефлексы. И вся эта неукротимая орда нередко налетала, рвала в клочья неокрепший Разум малого человечка, которому позарез необходима в этих годах мужская воля и непреклонность мудрой справедливости.

Смотрел им вслед Евген. Смотрела Виолетта, притиснувшись к родному вспоминаемому телу. Им сослуживцы подарили долгую, бесценную ночь. Они вдруг осознали, что ждали вот этой встречи, этой ночи всю вихрем отлетевшую жизнь. Полынно-горькой и медово-сладкой предвкушалась эта ночь, поскольку ни она, ни он, пронёсшие любовь друг к другу через десятилетия, так и не построили свои семьи.

Проза

Ольга Губарева

Ольга Алексеевна Губарева – публицист, автор просветительских проектов о космосе. Руководитель волонтерского клуба «Космическая семья» при Музее космонавтики в Москве. Родилась в Москве в семье лётчика-космонавта СССР, дважды Героя Советского Союза Алексея Александровича Губарева. Детство и юность прошли в Звёздном городке. Работала старшим преподавателем в Академии внешней торговли РФ (СССР) (1982–1997), в Государственной Думе ФС РФ второго и третьего созывов (1996–2003), в журнале «Аэрокосмический курьер», сотрудничала с журналами «Авиапанорама», «Воздушно-космическая оборона», «Авиасалоны мира», с газетой «Советская Россия» и другими изданиями. Лауреат премии «Слово к народу».

КАРТИНКИ ИЗ «КОСМИЧЕСКОГО» ДЕТСТВА

Вместо предисловия

Большое видится на расстоянии. Это воспоминания сквозь призму времени, когда я стала уже очень взрослой, когда пришло осознание и понимание того счастья, которое мне подарила судьба. Жить и взрослеть среди людей, одержимых великими мечтами и целями, дерзких, смелых, горячо любящих Родину, рискующих жизнью и преодолевающих трудности, – это огромное везение. В номере № 43 альманаха «Без цензуры» я рассказала о судьбе своего отца, о его тяжёлом военном детстве и послевоенной юности, а в этих воспоминаниях познакомлю вас, дорогие читатели, с «картинками» из моего шоколадно-безоблачного «космического» детства.

Так планеты сошлись. Папа стал космонавтом второго набора в январе 1963 года, и с этого времени я жила и развивалась вместе с отечественной пилотируемой космонавтикой, среди великих людей, которые осуществили прорыв жителей планеты Земля в Космос и продолжили его освоение.

«Космическая семья», о которой я пишу, – это не фигура речи. Это именно семья. Это заблуждение, что космонавтов стало много, а полёты привычны и рутинны. Каждый полёт – особенный и опасный. Эта профессия и до сих пор остаётся редкой и штучной, приблизительно один из четырнадцати миллионов жителей Земли ею владеет.

Возможно, что личных местоимений очень много в тексте, но без них трудно обойтись. Кому-то покажется, что мы, дети первых космонавтов, жили особенной жизнью, а кто-то решит, что наше детство ничем не отличалось от его и других детей Советского Союза. И то и другое будет верно. Я надеюсь, что со временем мои отдельные литературные «картинки» оформятся в целую книгу-картину воспоминаний.

Обмануть ребёнка может каждый

Когда я была маленькой, а родители мне чего-то не разрешали или в чём-то ограничивали, то такое покушение на свободу личности человека, пусть ещё и маленького, мною расценивалось очень негативно. Но, будучи ограниченной в выборе ответных средств протеста, в арсенале оставалось вечное и непоколебимое для детей всех времён и народов: «Ну подождите, вот когда я вырасту, то...» Ещё одно очень популярное – «вотуйдуинеприду» – не применялось, так как понимала, что рано или поздно придётся капитулировать и сдаваться на милость победителя, который был известен заранее. Хватало даже детского умишка.

Запретов, как таковых, из того, что я помню, было не много. Купание в море... как не хотелось выходить на берег. Хотя, по-моему, некоторые надо было бы и ввести. Например, в еде. Но тема еды для поколения детей войны, коими являлись мои родители, была особой и трепетной. Дитя должно было быть сыто и весело – это основное руководство к правильному питанию ребёнка.

В моём «шоколадном» детстве ограничений в еде не существовало. «Шоколадном» в прямом смысле этого слова: его выдавали папе в лётном рационе, каждый день аж по три двадцатиграммовые шоколадки! Он их не ел! Его рабочий портфель всегда был полон ароматных маленьких плиточек, которыми угощалась не только я, но и все мои друзья. И даже строили из них домики, а потом съедали. У многих моих подруг отцы тоже «получали» шоколадки, но только почему-то у моего они всегда водились в неограниченном количестве. Мы все знали: хочется шоколада – надо идти к моему папе.

Позже пришлось самостоятельно брать себя в руки и сбрасывать лишний вес: физические нагрузки и сбалансированное питание с жёстким подсчётом калорий. Вся кухня была в бумажных наклейках с указанием калорийности того или иного продукта, выстраивала рацион и меню себе на неделю, следуя ему неукоснительно. Бабушка очень переживала, что «ребёнок голодует». Родители же смотрели на мою затею сквозь пальцы, изредка напоминая, что у меня идут экзамены, а мозг надо подпитывать сладким. Они словно бы и не очень верили в результат: «Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не вешалось».

Сам отец худел, причём очень сильно. Советские лётчики – народ крепкий, питались в лётных столовых, многие – по реактивной норме. Там калораж дневного рациона – мама не горюй. Отсутствие лишнего веса было важным и неизменным условием его зачисления в отряд космонавтов. И папе пришлось скинуть более двадцати килограммов – с девяноста до семидесяти. Вывод на орбиту каждого грамма очень дорого стоит и до сих пор.

У папы всегда лежали в изголовье книги В. Леви, где в популярной форме излагались аспекты психологической «самопомощи». Папа, а потом и я, понимали, что надо «учиться властвовать собой». Если у него это было связано с работой, то у меня – с обычной жизнью.

Но вернёмся к ограничениям в детстве. Мороженое... как я любила в детстве мороженое. А кто его не любил? Но у меня так часто болело горло, были постоянные ангины, поэтому родители строго регламентировали его поедание мною. И именно тогда в ход и шло «воткогдавырастаю». Пожалуй, иных даже и не вспомню жёстких табу.

Мне всё-таки пришлось удалить гланды. По рекомендации врачей, лет в двенадцать-тринадцать. Сейчас спорят о пользе или вреде сей манипуляции с организмом, но тогда, чтобы я не получила ревмокардит, родители приняли это решение. Не знаю, насколько оно было верным, но пока кардиограммы вполне удовлетворительные.

Но вот психологическое потрясение я получила... Впервые в жизни попала в больницу, пусть и ненадолго. Без папы, без мамы, без бабушки, совершенно домашний ребёнок. Я всегда была, как папа меня называл, нюней. Глаза на мокром месте. Во-вторых, ещё и на свой день рождения, а ведь этот день в детстве – самый важный праздник – подруги, чай с тортом, подарки...

Тут же – больничные стены, чужие люди, и почему-то никого из родственников не пускали – только передачи принимали. Помню, как бабушка стояла с пионами под окнами моей палаты, что-то мне кричала, а мне не было слышно. В Москве и Подмосковье июнь – пора пионов – цветок моего дня рождения. Я смотрела на бабу Наташу из-за закрытого окна палаты и плакала. Вкусные передачи не спасали, глотать было очень больно после операции. Они не могли примирить с действительностью – глубоким одиночеством, жалостью к своей судьбе, отсутствием рядом родных и подруг. Слезы катились сами собой. В целом, как это свойственно детям, было понятно, что «жизнь ужасна и никогда не будет прекрасной», как раньше.

Самое же ещё обидное и унижительное заключалось в том, что мне гланды удалили обманом. Операцию делали в Москве в Русаковской больнице, как её называли раньше и теперь, хотя в наше время у неё другое название, почему-то кому-то не угодил педиатр Русаков И. В. Естественно, привлечён к сей манипуляции был самый лучший детский хирург с прекрасной и вкусной на слух фамилией Чирешкин, созвучной с моей любимой ягодой черешней. Имя и отчество не помню, а вот фамилия – полвека в памяти.

Меня посадили в кресло и попросили открыть рот. Послушно и не ожидая подвоха, я выполнила просьбу врача. Не успела моргнуть глазом – острая боль пронзила горло – одна гланда была удалена.

Мгновенно захлопнув рот, я зарыдала и не поддавалась более ни на какие-либо уговоры его открыть снова. Тогда врач мне и предложил пришить обратно удалённую glandу, мол, не гоже с одной ходить. Немного поразмыслив над его предложением, я согласилась и вновь распахнула рот. Люблю симметрию. Мне мгновенно удалили и вторую glandу. Обидеть ребёнка может каждый... Поэтому боль от операции усиливалась степенью моего внутреннего позора и уязвлённого самолюбия – меня обманули – тупо «развели»...

Хочешь дожить до старости – готовься к болезням

Папа так шутил, но всерьёз, правда, уже много позже: «Хочешь дожить до старости – готовься к болезням». И с каждым днём я убеждаюсь в его правоте, и мои друзья тоже. Это стало у нас афоризмом: немного пожалуемся на здоровье, а потом со смехом вспомним, что нас предупреждал мудрый космонавт, что так и будет с возрастом.

Я не считала себя болезненным ребёнком, но болела в детстве много. Вот такой каламбур. И родители меня не считали таковой. Их внимание было сосредоточено в большей мере на брате, который был астматиком. Он приобрёл болезнь на Дальнем Востоке из-за влажного, почти тропического климата, когда папа там служил. Меня тогда ещё не было и в помине. Именно в связи с заболеванием брата отец написал рапорт о переводе в Крым.

Надо отдать должное родителям и нашему волшебному Крыму – они справились с болезнью Вовы, победили астму. Усилия были приложены титанические. После перевода отца на космическую службу в Подмосковье брат, тем не менее, почти по полгода проводил на курорте: родители брали отпуска и порознь с ним ездили в Крым, он по три смены был в пионерском лагере, а потом ещё дополнительно в детском санатории проходил лечение. Бабушка – четыре раза в день делала влажную уборку квартиры. Колоссальный труд. Низкий поклон ей за такую любовь к нам и самоотверженность. Уже к его одиннадцати годам астма отступила и вскоре была почти побеждена. Брат перешёл с домашнего обучения на обычный школьный режим – к нашему переезду в Звёздный (1966) с Чкаловской (1963).

Болезнь, которую я хорошо запомнила с детства, – скарлатина. Мне было около четырёх лет. Было непонятно, где я могла её «подхватить». В сад не ходила, брат – на домашнем обучении, в доме никто не болел. В больницу меня не отдали, лежала дома – тяжело, с высоченной температурой, постоянной рвотой, не могла ничего есть и даже пить. Помню, как меня уговаривали хоть чайную ложечку выпить морса или воды, так как боялись обезвоживания. Буквально по каплям пытались в меня влить жидкость, про еду уже и не заикались. Я плакала и говорила, что не хочу, чтобы меня тошнило «горьким».

Впереди же меня ждал ещё более «страшный удар». Родители сказали, что приедут дяди и тётки, которые должны обработать от инфекции квартиру, мои вещи – забрать. Почему-то я не очень взволновалась за игрушки, а вот одну штуку, самую заветную, всё-таки решила спрятать. Самое потайное место – под матрасом – туда и отправилась любимая книжка – альманах «Звёздочка». В ней были разные рассказы, стихи, я её обожала и с удовольствием читала во время болезни.

Настал день, когда приехали эти «ужасные» люди из санэпидемстанции или иной службы – не знаю. Они были в белых халатах, медицинских колпаках и марлевых масках, с какими-то баллонами, которые подкачивали, а из них летели брызги на шторы, мебель, пол. Дошло дело и до моей постели: первым делом подняли матрас, где сразу обнаружили «надёжно спрятанную драгоценность». Были очень удивлены, что игрушки все находились на своих местах, а «утаённой» оказалась книга. Посмотрев на меня оценивающе, задали вопрос: «Ты умеешь читать?» Я утвердительно кивнула, добавив, что «уже давно» – аж с трёх с половиной лет! Они протянули мне книгу, попросив что-нибудь из неё прочитать. Открыв на первой попавшейся странице, я бойко затараторила вслух. «Люди в белом», изумлённо переглянувшись, взяли у меня «Звёздочку», чем-то её обработали, положили на кровать и сказали, что через час я смогу вновь ею пользоваться. Самое странное, видимо, будучи в некоем потрясении от увиденного, они не забрали и мои игрушки, просто их опрыскали. Брат же не заболел скарлатиной, хотя мы находились в одной квартире. Правда, из своей комнаты я не выходила. Только один разок... бабушка отнесла на руках посмотреть ёлку брата... когда дома никого не было, а я уже выздоравливала – на карантине. Это наш секрет с ней был.

Папина дочка

Я родилась, когда брату исполнилось пять лет. Естественно, этот момент, в силу определённых обстоятельств, помню плохо, но кое-что мне рассказывали родители. Как водится, девочка была «папиной дочкой». Не потому, что дочери чаще всего бывают папины, а сыночки – мамины, а ещё и по стечению ряда сопутствующих обстоятельств. Папа, конечно, очень хотел девочку. Маме же врачи не рекомендовали после первого ребёнка больше иметь детей из-за болезни почек. Но родители всё-таки рискнули – и я пишу эти воспоминания.

После моего рождения мама попала в больницу на операцию, поэтому основная нагрузка по уходу за мной легла, естественно, на папу и бабушку, а ещё в няньках были мамина тётя и её муж. У них не было своих детей, а по возрасту они вполне могли быть и нашими с братом родителями, поэтому всю свою нерастрченную любовь подарили нам.

Папа ещё учился в военно-воздушной академии в Монино, которая впоследствии стала имени Ю. А. Гагарина, а поэтому мы все жили в Москве – на улице Панфёрова. Название улицы получила в честь пролетарского писателя Ф. И. Панфёрова (Марк Солнцев), который в 30-е годы был главным редактором знаменитого литературного журнала «Октябрь». Эта улица рядом с Ленинским проспектом – недалеко от МГУ имени М. В. Ломоносова. На смотровой площадке на Воробьёвых горах находится храм Живоначальной Троицы, где перед советом в Филях в 1812 году молился Кутузов. Здание уцелело и в пожаре при наполеоновском нашествии. Храм никогда не закрывался, даже в советское время. Меня там и крестили – ещё в младенчестве.

На улице Панфёрова я сделала и свои первые шаги в девять месяцев. Ходить меня учил, естественно, папа. Он рассказывал, как я топала «за платочек». Очень веселился. Отец брал носовой платок за краешек, другой – давал мне в ручку. Так мы с ним двигались по квартире – я впереди – вела его за собой, держась за платочек. Всё шло прекрасно до тех пор, пока папа не отпускал платочек. Какое-то время я продолжала двигаться, но ровно до того момента, пока не обнаруживала, что шагаю самостоятельно, без папы, только с платочком в руке. Тут плюхалась на пятую точку и пускалась в громкий рёв.

Моё личное воспоминание, тоже из очень раннего детства, когда мне было около года или чуть больше (мама перенесла после моего рождения целых три операции на почках за полтора-два года). Это я помню отчётливо – картинкой. Мы пришли к маме в больницу – знаменитую Первую Градскую на Ленинском проспекте. Она лежала в палате после очередной операции. Принесли ей огромный картонный стакан лесной земляники: эта ягода очень полезна для почек. Меня подсаживают к маме на кровать, чтобы она могла рукой до меня дотянуться. Я беру стакан с земляникой и начинаю есть. Кто-то говорит, что это для мамы, но я не помню кто. Мама гладит меня рукой по голове и отвечает говорящему: «Ничего, пусть Ольгунька ест, ей это полезно».

Папа вспоминал, как мы собирались после окончания им академии улететь семьёй в Крым – по месту его службы. Его мама, моя бабушка Фима, даже всплакнула перед разлукой. Я же, радостная, прыгая рядом на одной ножке, и говорю ей: «Не плачь, баб Фим, не плачь, мы и тебя мазьём в Крым!» Сама же отчётливо помню, как летом бегала по берегу по кромке Чёрного моря с Саках. Где-то около двух лет мне было. Сейчас этот посёлок называется Новофёдоровка, на доме, где мы жили, висит памятная мраморная доска, посвящённая отцу. Но удивительная штука – память. Дом не помню совсем. Папин военно-морской аэродром – отлично помню даже запах, он меня туда приводил. Море и берег – отчётливо вижу. Я хохочу, взбиваю брызги, а бабушка Наташа, мамина мама, которая приехала с нами, не может меня из моря забрать на берег. Она не умела плавать и боялась зайти в воду, так как однажды тонула. Я же ношусь вдоль пляжа по волнам и не слушаюсь – с детства любила море.

Вагончик тронется – перрон останется

Ещё осознанное воспоминание из раннего детства – мы с папой отстали от самолёта. Вернее, он нас оставил – улетел без нас. Когда я отцу сказала, что очень отчётливо это помню, только не знаю, в каком городе произошло. Он сначала не поверил. Я ему описала всё, что помнила, в деталях. Было, как оказалось, в Одессе (я всегда считала, что никогда не была в Одессе). Папу переводили из Крыма на космическую службу, мы с ним летели в Москву, мама позже должна была приехать с братом. Мне было около трёх лет. Часть вещей везли с собой «Аэрофлотом», ещё – подарки бабушкам – фрукты

из Крыма, ну и, естественно, со мной была моя любимая кукла. По какой-то причине вылетевший из Симферополя самолёт совершил незапланированную посадку. Нам предложили его покинуть, сообщив, что рейс в Москву отправится через час. Папа повёл меня в буфет покормить: стеклянный зал с видом на лётное поле, где стояли самолёты. Круглые столы-стойки, а «этажом» ниже – тоже круговой столик – для детей. Я пила чай из гранёного стакана и ела бутерброд. Постоянно объявляли о том, какой рейс приземлился, а какой взлетел.

После очередного сообщения диктора папа так спокойно говорит, что наш самолёт взлетел. Со мной случилась истерика, я плакала и не могла успокоиться: без нас, с нашими вещами, моими платьями, моей куклой и подарками для бабушек? Нас отправили ближайшим следующим рейсом, произошла какая-то накладка – самолёт улетел раньше объявленного времени. Вещи вернули, но не все. Пропали наши фрукты.

Папа часто вспоминал эту историю как забавный эпизод или приключение, поэтому и решил, что я была очень мала, чтобы помнить. Но он был удивлён, когда, уже будучи совсем взрослой, я описала своё красное платье в чёрный горошек, рассказала, что мой столик был голубого цвета, а ела я бутерброд с сыром. Отец, как все мужчины, такие подробности в рассказе никогда не упоминал. Ещё долго, когда слышался рёв самолётных турбин, у меня возникало неосознанное внутреннее беспокойство. Эта история для меня оказалась весьма чувствительной и травмирующей.

Сарынь на кичку

Итак, мы переехали на Чкаловскую. Сейчас его называют посёлок Чкаловский, а раньше – по названию железнодорожной станции. Там и сейчас находится военный аэродром, который носит имя Валерия Чкалова. Раньше ещё располагались военные части, а рядом – военный городок для членов семей лётчиков, офицеров и военнослужащих. И мы там жили до переезда в Звёздный.

По словам тётки Гали Колодиной, супруги одного из неслетавших космонавтов, когда она меня только увидела в песочнице, её первым порывом было подойти и затискать меня. Соломенного цвета волосы в сочетании с большими синими глазами (которые изменили потом цвет на зелёный) в обрамлении чёрных длинных ресниц – просто потрясли. В будущем Галина Павловна стала известным пластическим хирургом и проработала почти всю жизнь в «Институте красоты» на Ольховке, а тогда – начинающий врач. Моя «неземная» привлекательность произвела на неё впечатление. Мама же тётю Галю вовремя остановила, сказав, что надо, чтобы я к ней привыкла, иначе вой подниму на всю округу – потом не выключить «сирену». Со временем, конечно, я освоилась, со всеми познакомилась и ко всем привыкла. Они стали для меня родными на всю дальнейшую жизнь, второй – «космической» – семьёй.

Брат был астматиком, кроме того, имел лишний вес, так как бегать ему было сложно – сразу начинал задыхаться. Вдобавок – ещё и «очкариком». Это сейчас все ходят в очках, даже если кому-то они и не нужны, – для придания псевдоинтеллигентного вида. Тогда, в нашем детстве, сразу обзывали «очкариком» и дразнили, прибавляя кое-что про место, где у них «шарик». Кличка во дворе у него была Боча – от «бочки». Родители мне говорили, что Вову нельзя обижать, надо жалеть и защищать, так как он больной. И я, будучи младше, испытывала к нему чувство сострадания, некоего покровительства и снисхождения «старшей» сестры, хотя я и младшая.

Мне было около пяти лет, брату, соответственно, – около десяти. Я спускаюсь во двор и застаю следующую картину. Мой «очкарик» Боча в растерянности стоит у подъезда, а вокруг – прыгают, насакивают, обзываются и дразнятся два мальчишки приблизительно его возраста. Два брата: один – ровесник, лет десяти, другой – на пару лет помладше. Они – «криминальная группировка», они – сила. Толкают Вовку, обзывают, а он беспомощно топчется, поправляя очки. Мгновенно оценила ситуацию и пошла за подручными средствами: наших бьют, а силы неравны. Они – мальчишки, это раз, старше и крепче меня оба, это два.

Когда я выходила из подъезда – какая-то худющая белобрысая малявка женского полу, братцы-забияки даже не обратили на меня внимания. Будучи дворовой «партизанкой» со стажем, вида, естественно, не подала, что это они моего родного брата третируют. Вооружившись двумя прутами-палками от кустарника, что нашлись за домом, с диким воплем вылетела на оперативный простор и поскакала на них в «кавалерийскую» атаку, размахивая во все стороны прутьями вместо сабель

с двух рук, наотмашь попадая по ним без разбору. Главное при штурме превосходящих сил противника – внезапность, неожиданность, напор, натиск и уверенность в своей правоте! Атака увенчалась успехом. Враг с позором убежал с поля боя. Преследовать их я милостиво не стала – уж очень быстро бежали.

Вечером состоялась историческая «вторая часть Марлезонского балета». Раздался звонок в дверь, папа открыл, на пороге стояли мужчина и женщина – родители братьев. Они пришли с жалобой на «девочку-хулиганку», эдакую «оторву», избившую палками их «прекрасных и добрых» сыновей. Эти «чудесные и милые» детки, естественно, родителям забыли поведать или «упустили» малозначительные детали, за что они были атакованы «малолетней бандиткой». Папа позвал меня, а потом пояснил, что их сыновья напали первыми, причём сразу вдвоём на одного. Когда же родители мальчиков ещё и увидели «страшную драчунью» пяти лет отроду – худую после болезни малявку, которая как минимум на голову была ниже любого из их мальчиков, то развернулись и молча ушли. Больше их детки рядом с братом не обозначались.

Эх, прокачу!

Филипченко – дядя Толя, тётя Лиза, Сашка и Игорь – жили над нами, на третьем этаже, как потом и в Звёздном. Сашка был старше меня на два года, а Игорь – младше, и тоже на два. Поэтому пока Игорь был ещё маленьким, я больше общалась с Сашкой, когда же он подрос, то мы уже были в одной компании. Игорь и учился в одном классе с Ленкой Жолобовой, моей подружкой.

Дело было весной. Как-то мы с мамой собирались ехать в Москву в гости. К кому – не помню, да это и не столь важно, так как вся наша родня жила и живёт в Москве. Ещё было не очень тепло, поэтому меня нарядили в «пасхальную» одежду: небесно-голубое пальто, белые колготы с белыми ботинками и шапку или берет, точно не помню, в общем – что-то тоже светлое. Пальто – очень красивое – «импортное», чешское, «выходное».

Задача была одна – две-три минуты спокойно постоять у подъезда и подождать маму, пока она спустится. Я вышла и чинно застыла на ступенях. В это время из-за угла дома на бегу с тачкой из-под чернозёма выскочил Сашка Филипченко. Увидев меня, затормозил, завязалась непринуждённая беседа, в ходе которой мне было предложено прокатиться вокруг дома в тачке. Определённый червь сомнений в душе меня всё-таки глодал, я попыталась оказать слабое сопротивление, сказав, что мама уже скоро будет. Но Сашка уверенно развеял все мои сомнения: он обернётся очень быстро, бегом вокруг дома, и мы успеем к маминому выходу. Ну а «какой русский не любит быстрой езды»? Кавалер приглашает даму. Я залезла в эту чернозёмную тачку, Сашка бодро ухватился за две ручки, приподнял её и, опершись на переднее колесо, резво меня помчал. Не обманул. Мы быстро обернулись и как раз вовремя лихо подкатили, резко затормозив перед подъездом. Успели к маминому выходу! Немая сцена. Занавес!

Я люблю тебя жизнь...

«Я люблю тебя, жизнь» – известная советская песня пятидесятых годов на стихи Константина Ваншенкина и музыку Эдуарда Колмановского. Очень популярна была и в шестидесятых. Прекрасная песня. Но можно даже конфеты возненавидеть, если есть их каждый день, особенно работая на кондитерской фабрике.

Родители – удивительные люди. Будучи детьми войны, с детства познавшими все тяготы судьбы и лишений, трудились и занимались саморазвитием. Они были из рабоче-крестьянских семей, тем не менее постоянно совершенствовались сами и развивали нас с братом: прививали любовь к книгам, обучали музыке, танцам, спорту.

Папа с мамой были очень музыкальны. Мама прекрасно пела, особенно русские народные песни. Связала свою жизнь с военным, а так могла бы блистать и на сцене, если бы научилась вокалу. Папа хорошо танцевал – танго, вальс, «цыганочку с выходом», «бил степ». В юности научился играть на балалайке и гармони сам.

Они любили театр. Их музыкальность проявлялась и в том, что родители были поклонниками оперы. Не все любят и понимают этот вид музыкального искусства, они же – знали и ценили, особенно русскую оперу. Мне передалась их любовь к классической музыке, брату же не очень повезло... он тяготеет к шансону.

На Чкаловской Шаталовы жили под нами – на первом этаже. В семьях военных было принято обучать детей музыке – играть на пианино или аккордеоне, с учителем дома или в музыкальной школе. Пришло время, и родители пригласили учительницу музыки для брата. Её звали Валентина Сергеевна, она тоже жила на Чкаловской. Инструмент – пианино.

Начались мучительные музыкальные экзерсисы брата. Его первые гаммы и упражнения мы-то дома с трудом переносили, но вместе с нами их вынужденно «осваивали» и Шаталовы. Через некоторое время произошли сдвиги, хотя и не очень большие: брат долго и бесконечно тяжело «отрабатывал» песню «Я люблю тебя жизнь». Можно много писать об этой поре занятий юного дарования. Итог исполнительского мастерства подающего надежды музыкального гения – у Музы Андреевны Шаталовой начинался безудержный нервный смех, как только она слышала первые ноты. Примирило с жизнью единственное – не на скрипке учился мальчик. В дальнейшем ни одна наша встреча с Шаталовыми не обходилась без радостных воспоминаний об этой песне в исполнении Вовы. Она оказалось первым и единственным произведением, что ему удалось освоить через пень-колоду за годы учёбы. После переезда в Звёздный музыкальные мучения семьи и соседней закончились, но не надолго.

Музыка нас связала...

«Музыка нас связала, тайною нашей стала» – это про меня и мою лучшую подругу Таню Лебедеву. Мы с ней жили в одном доме в Звёздном, она – на третьем этаже, я – на втором, в одну группу в детском саду ходили, в одном классе проучились все десять лет.

Когда мы переехали в Звёздный, родители пригласили и мне для музыкального развития Валентину Сергеевну. Мои успехи были несколько значительнее, нежели брата. Встал вопрос о том, чтобы я пошла в музыкальную школу. Наши мамы, жёны военных, почему-то рассуждали так: «Если дочь окончит музыкальную школу, у неё всегда будет кусок хлеба – сможет музыкальным работником в детском саду работать или частные уроки давать».

Немаловажным аргументом для поступления в музыкалку оказалось ещё и наличие у меня хорошего музыкального слуха. Выстукивала и «пропевала» без фальши – от ритма до ритма, от ноты до ноты. Это, в конечном итоге, и «сгубило мою музыкальную карьеру».

Мы с Танькой стали ученицами не только одного класса, но и в музыкальной школе оказались вместе. Свою учительницу по специальности я не помню, а вот подруге «повезло» – она попала к уже известной мне Валентине Сергеевне. Я же поставила условие – к кому угодно, только не к Валентине. Специфическая была дама.

Поначалу всё складывалось вполне неплохо. Я обожала сольфеджио, музлитературу и хор. Наша преподавательница по этим предметам – замечательная Валентина Фёдоровна Гончарова, прекрасный педагог, умница, красавица, добрейший человек. Ей, когда она нас «приняла», было года двадцать три – двадцать четыре.

Для нас с Таней она была воплощением образа истинно культурного человека. «Всё было прекрасно в ней» – и одежда, и манеры, и лицо, и фигура, и характер, и душа, и мысли. Родителям и учителю сольфеджио я благодарна за своё «культурное» становление, любовь и понимание классической музыки.

Сольфеджио. Я одна из лучших учениц в классе – «диктанты» отскакивают от зубов – до нотки. Музыкальная литература – сплошное удовольствие – биографии композиторов, их истории жизни, создания музыкальных произведений, знакомство с выдающимися театральными художниками. Память была отменная, всё впитывала как губка. Хор – тут было сложнее, так как выдающихся вокальных данных у меня не наблюдалось, но Валентине Фёдоровне удалось научить меня вполне сносно петь – без ошибок и огрехов. Не солировала, хотя очень хотелось, но... понимала. В хоре выглядела вполне пристойно, «петухов не давала» и общей картины не портила.

Помимо традиционных занятий в музыкальной школе нам покупали «музыкальные абонементы». Мы на автобусе из Звёздного раз или два в месяц ездили в консерваторию или Зал имени П. И. Чай-

ковского на «детский музыкальный абонемент». Слушали лекции профессионалов о музыке и сами произведения в «живом» исполнении. И естественно, поездки в театр: Большой или Музыкальный театр имени К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко.

В детстве меня потрясла опера Н. А. Римского-Корсакова «Сказание о граде Китеже» в Большом театре в постановке шестидесятых годов, особенно впечатлили декорации. С папой сами ходили слушать оперу. Начали с прекрасной «Иоланты» в «Стасике». Опера великолепная, но я папу измучила вопросом, почему столь «широки» и совсем не «молоды эти молодые» по сюжету героини. Папа мне объяснял, как мог, что я должна «включить воображение» – в театре многие вещи условны. Сейчас таких усилий почти не требуется, чаще всего исполнители внешне соответствуют образу героя. Но бывают исключения, тогда – «включаю воображение» согласно папиным наставлениям. Закрываю глаза и – наслаждаюсь голосом – прекрасным музыкальным инструментом.

«Вернёмся же к нашим мутонам» – специальности – игре на фортепьяно. Поначалу всё складывалось хорошо – на старом багаже было легко. Но со временем как-то лениво стало кропотливо по нотам разучивать новые произведения. А они всё усложнялись. Тут и пригодился неплохой музыкальный слух. Каждое новое произведение, прежде чем задать на дом, учительница сама мне проигрывала. Я запоминала, потом, не особо усердствуя, приходила на очередной урок. Играла с ошибками, так как не настолько была гениальна, чтобы всё с первого раза запомнить. Преподаватель по специальности недоумевала – в основном всё правильно и хорошо, но одни и те же ошибки повторяются из урока в урок. Она сказала об этом маме, а та решила ещё мне «музыки» подбавить.

В это время в отряд пришёл новый набор космонавтов, в их числе и Юрий Викторович Романенко с семьёй: его жена Алевтина, которую все называли Алла, и только что родившийся потомственный космонавт в будущем – Роман. Алевтина была с музыкальным образованием, и мама её попросила немного меня «подтянуть».

Стало трудно филонить – спускаешься с нотами и домашним заданием на первый этаж и начинаешь заниматься под присмотром. Роман в это время спал под мой аккомпанемент, иногда – «внимал», стоя в манеже. Так что я вложила свою лепту в музыкальное развитие потомственного космонавта. Благодаря Аллиному «подтягиванию» мои занятия специальностью выровнялись.

Но гром всё-таки грянул, хотя ничего и не предвещало. Моя подруга Танька, в отличие от меня, могла манкировать занятиями. У неё родители были на работе, дома нянек-бабушек не было, в отличие от меня: с нами почти всегда была бабушка. Она хотя ничего и не понимала в музыке, но четко следила за тем, чтобы я вовремя шла на занятия в музыкалку и делала уроки.

В конце учебного года обязательно были отчётные концерты перед родителями: хор и специальность, где мы демонстрировали своё исполнительское мастерство. Таньке не очень нравилось заниматься с Валентиной Сергеевной, так как та постоянно что-то жевала и пила чай во время занятий. Ноги клала на соседний стул, а из-под платья у неё выглядывали розовые панталоны. Нам, с «нашими эстетическими взглядами на жизнь», казалось это «некрасивым и бескультурным». Поэтому Татьяна и позволяла себе прогуливать занятия: она приходила ко мне, а старшему брату говорила, что ушла в музыкальную школу.

Так всё размеренно текло своим чередом, пока нас не поставили к отчётному концерту в дуэт. Должны же были заниматься попеременно с нами мой педагог и Валентина Сергеевна. Мы с подругой нашли выход из сложившейся «тяжёлой» ситуации: к моему педагогу ходили, к Валентине – нет. Всё устроилось и шло хорошо, пока нас «не подставила» эта Валентина Сергеевна.

Когда мы с Танюшкой в очередной раз не пришли к ней на занятия, Валентина отправилась в продуктовый магазин. В рабочее-то часы! А её там возьми и встреть случайно тётя Аня – Танина мама. Естественно, она в глубоком изумлении поинтересовалась, что училка делает в магазине, когда у неё должен быть урок с её дочерью. Та и выложила, что Татьяна прогуливает уроки давно и меня за собой утянула. Вот и раскрылся наш «секрет на миллион» – провалилась отлично разработанная комбинация!

Мы хорошо «просчитали» Валентину. Она, используя время занятий в личных целях, не сообщила сразу, что Татьяна пропускает её уроки. И про наши уже совместные «прогулы» – тоже будет молчать. Задумка ведь была гениальная: кто ж мог знать, что Валентину «понесёт» в магазин в разгар рабочего дня? Но «всё тайное становится явным», как в одноимённом рассказе В. Драгунского, который мы сами же в ролях ему и представили в школе, когда он к нам приехал.

Музыкальную школу я всё-таки «домучила». Но отучилась не семь, а пять лет. Нисколько не жалею об этом «культурном» эпизоде в формировании «гармонично развитых личностей». Это привило вкус и понимание хорошей музыки.

О музыкальных инструментах и их важной роли в жизни человека

На расчёсках можно играть. Это многие знают. На пианино, хоть и игрушечном, – тоже. Но мы с Татьяной находили им и другое применение – «орудия возмездия». Ей, как и мне, старший брат достался в нагрузку. Естественно, как все «старшие», они пытались качать права в отсутствие взрослых, совершенно не имея на это ни малейшего права, с нашей правильной и справедливой точки зрения. Мы были девчонки боевые и с характером, доминировать над собой в силу старшинства им не позволяли. Их авторитет в наших глазах был едва чуть выше единицы по десятибалльной шкале ценностей.

В силу этих неразрешимых противоречий мирным путем, между нами и старшими братьями нередко случались баталии и бои местного значения в отдельно взятых квартирах. Безусловно, только в отсутствие старшего поколения дома. Физически мы с подругой по естественным причинам были слабее, всё-таки братья были старшие, но крепости духа и отваги нам было не занимать. Когда коварный враг превосходящими силами начинал одерживать верх в пылу сражения, приходилось использовать подручные средства и женскую хитрость. Первым делом – телефон, по которому надо было дозвониться до мамы и срочно сообщить о том, что противник пошёл в наступление. Но противоборствующая сторона тоже не дремала, всячески перекрывая подходы к заветной тумбочке, где он стоял. В пылу сражений было не до сантиментов – под руку шло всё, что было в пределах досягаемости, дабы прорваться к телефону.

Однажды после очередных баталий мы с Таней обсуждали «братские» боевые действия. Она пожаловалась, что, в пылу борьбы за своё место под солнцем, ей пришлось отбиваться игрушечным пианино, а оно сломалось. Я же ей с грустью поведала, что у меня под руками оказалась только мамина массажная щётка для волос, которая не выдержала удара головы брата и тоже треснула в ручке. Посетовав, что какие же у нас «дубиноголовые» братья – всё портят и ломают, мы поддержали друг друга в нашем нелёгком бытии до следующих стычек. Победа осталась за нами.

Но... не надо поспешных выводов, что вся наша братско-сестринская совместная жизнь проходила только в сражениях. В основном мы вели мирное сосуществование, но... обострения случались. Такова жизнь – единство и борьба противоположностей. Законы диалектики в отдельно взятых семьях никто не отменял.

Ребятам о зверятах

Моё безмятежное детство проходило одновременно с тем, как наша страна осваивала космическое пространство и была безусловным мировым лидером в этом. Космонавты, которые воплощали в жизнь самые фантастические замыслы наших конструкторов и учёных, были им под стать: смелые, бесстрашные, умные, красивые, молодые и дерзкие в лучшем смысле этого слова. Для страны и всех остальных граждан нашей страны и мира они были героями и покорителями Вселенной, для нас – просто папы и мамы, родители наших друзей и подруг.

«Небожителям» и «звёздам», первым покорителям Вселенной, делали подарки, в том числе и «живые». Понятно, что держать дома этот «зверинец» было не с руки, поэтому по предложению Юрия Алексеевича Гагарина был организован такой своеобразный зооуголок, где и находились эти животные.

Встречались весьма экзотические – тигрята, медвежата, львята и прочая «небезопасная» живность, их пристраивали в зоопарки, цирки – по «рабочему профилю». Других оставляли в вольерах, где можно было полюбоваться птицами, ланями, оленятами, зайчиками и другим зверьём. Но это всё требовало заботы и ухода. Много было «собачьих» презентов крупных служебных пород – лаек, овчарок и других. Они также жили в вольерах, но нам разрешалось играть с ними, даже забирать на время прогулки, а потом возвращать обратно.

Мы с Галей Гагариной были помешаны на собаках. На этой почве очень сдружились. Мечтали стать ветеринарами – и больше никем. Играли следующим образом. Шли к вольерам, брали там

две-три собаки и без усталости носились с ними общей стаей по Звёздному, воображая почему-то себя амазонками, скачущими по прериям на мустангах.

Почему «амазонки» на мустангах? Нам просто очень нравилось само сочетание слов «амазонка», «прерия» и «мустанг» – звучало гордо и красиво. Мы знали, кто такие амазонки. Девочки были начитанные. Но дело в том, что из мифов Древней Греции слабо себе представляли реку Амазон, понятнее и ближе была полноводная Амазонка в Южной Америке. Там и прерии недалеко. Опять-таки Майн Рид с его «Всадником без головы», одним словом – романтика. Лена Гагарина наших «диких» скачек не одобряла, никогда с нами не играла, смотрела свысока, держась поодаль. Иногда Татьяна присоединялась, тогда мы «на троих» гоняли по «прериям Звёздного» – по лесу и аллеям, набегавшись – возвращали собак «в стойло» и шли по домам.

Вспоминается одна забавная история. Гагарины жили без нянек и бабушек, может, иногда, кто-то и приезжал погостить, но постоянно никого не помню. Только тётю Валю и дядю Юру. Валентина Ивановна казалась очень строгой, может, ещё очки ей придавали суровости, я даже немного побаивалась тётю Валю. Дядя Юра же – всегда весёлый и улыбающийся. Утром родители уходили на работу, а девочки на каникулах дома оставались одни.

Как-то звонит мне на летних каникулах Галя и предлагает перед нашей очередной «конной прогулкой» срочно к ней зайти: она дома одна – Ленка куда-то ушла. Я мигом прилетела на шестой этаж. У нас было одно исследовательское дело – пытались изучить работу интересной штуки в ванной комнате, которой у нас в квартире не было. Это – небольшая овальная ванная, с кранами и душем, до которой нам никогда не удавалось добраться, чтобы посмотреть, как она работает. А тут такой счастливый случай – все разошлись.

Мы с Галиной шмыгнули в ванную и стали крутить краны в разные стороны. Воды почему-то не было, хотя мы жали какие-то кнопки и рычажки. Только склонились над этой чудо-раковиной, как оттуда ударил напором столп воды прямо нам в лицо, окатив с ног до головы. В этот же самый момент послышался шум открывающейся входной двери, на пороге ванной возник Юрий Алексеевич. Глянув на нас – громко расхохотался. Мы стали что-то лепетать – мол, хотели руки помыть... Он сквозь смех сказал: «Марш быстро, собачницы, гулять». Нас ветром сдуло из квартиры, благо это лето, обсохли по дороге к вольерам, обсуждая, скажет маме или нет. Первый космонавт планеты нас не выдал. Лена Жолобова, когда мы ей поведали эту историю, более продвинутая в «западных стандартах» санитарно-банных устройств, разъяснила двум недотёпам назначение этого прибора.

Мы ответственны за тех, кого приручили

Со временем «скачки в прериях Звёздного» сошли на нет. Собак, видимо, передали на «работу». У нас в доме стали появляться «свои» первые питомцы. У Таньки – рыбки и хомячки. Затем пошли кошки, лидировали поначалу сиамские. Но у меня с ними не заладилось.

Жолобовы завели сиамского кота Мустафу. Это был кошмар для всех – детей и взрослых. Его невозможно было погладить или взять в руки – утробно орал, царапался и кусался страшно. Кот был совершенно неуправляемым и своенравным. Бешеным темпераментом соответствовал своему имени – «избранный» – в переводе с арабского.

К ним было страшно заходить. Как только появлялись на пороге их квартиры женщины в чулках, налетал Мустафа, когтями цеплялся и от колен «ехал» вниз. Руки высоко поднимать нельзя, особенно – опираться на дверной проём: с диким ором бросался и начинал кусать руку, которой взялись за косяк двери. Мама сказала тогда Лилии Ивановне, что такое животное опасно держать дома: ребёнок маленький, во сне может повернуться, поднять руки, а что сделает этот Мустафа – никто не знает. Вскоре тётя Лиля отдала его кому-то из сослуживцев на работе в вычислительном центре на Чкаловской. А через какое-то недолгое время дошли слухи о его гибели, когда он прыгал с балкона на балкон у новых хозяев.

Неудачное знакомство получилось у меня и с Лаурой – сиамской кошкой моего одноклассника Сашки Глазкова. Он её вытащил к нам во двор, гордо всем демонстрировал, держа на руках. Я наклонилась посмотреть – он резко сделал выпад в мою сторону. Лаура, видимо, от неожиданности такого движения хозяина, махнула лапой и едва не выцарапала мне глаз. Когти прошли рядом, разодрав кожу под глазом. Не она была виновата, понимаю, но осадочек остался.

Сиамская кошка появилась и у Маринки Горбатко. Хвостатая голубоглазка Мила ничем плохим себя не запятнала, вполне была миролюбива. Но после знакомства с предыдущими двумя особями её «национальности» – особого восторга у меня не вызывала. Марина очень гордилась породой своей кошки. В запале, нахваливая её, даже перепутала нос с хвостом, сказав, что «у сиамских кошек нос крючком», перепутав его с хвостом, и они «цепляются за деревья им». Мы, как и положено «добрым» девочкам, вволю посмеялись. Кошка как кошка, на наш взгляд, не выдающаяся. Если только для самой Маринки.

Котомания не обошла стороной и нашу семью. Мама, будучи «кошатницей», однажды притащила чёрного дворкотёнка с белыми лапками и манишкой. Его назвали Пиратом. Но он прожил у нас недолго – у брата вновь дала знать о себе астма, поэтому пришлось Пирата пристроить в хорошие руки. Папа нашёл ему «должность» – в деревенском продуктовом магазине, договорившись с директором. Отец потом к Пирату заезжал, навещал. Тот даже вышел и посмотрел издали: огромный, мощный, откормленный котик – «хозяин». Обиделся – и был прав.

Тридцать восемь попугаев и одно попугайское крылышко...

Такого количества, конечно, у нас в доме не было. Но четыре как минимум наличествовали. Наступила великая «попугаячья» эра Звёздного. Как-то одновременно они появились у нескольких космонавтов в семьях. Причём все были крупные, породу не назову точно, не сильна в попугаях – но, наверное, ара, какаду или жако. Все – поющие и говорящие, некоторые – даже слишком.

Летом «Звёздоградские джунгли» оглашались громкими приветственными криками. Клетки с попугаями выставляли на балкон, поэтому часов эдак с пяти утра – «всем не спать и свистать всех наверх» – крылатые соседи начинали громкую переключку между собой. Сначала – на птичьем языке гомонили, а потом – переходили на русский, демонстрируя друг перед другом все свои знания, навыки и умения. Было, с одной стороны, забавно, но, с другой – рановато будили.

У тёти Лизы Филипченко, над нами, был попугай. Он громко пел тётелизиним голосом: «Этот день Победы порохом пропах...» Так раз двадцать подряд и только одну строчку. Исполнял громко и отчётливо – впечатляло. Потом начинал звать Игоря, её младшего сына, с интонациями тёти Лизы и её голосом: «Игорь, Игрушечка, сынок!»

Следующий экземпляр, этажом выше Филипченко, жил у Поповичей. Однажды мы с мамой сидели на кухне, собрались пить чай, как к нам постучали в кухонное окно. Кто-то голосом Марины Лаврентьевны отчётливо произнес: «Па-а-ша!» Мы с мамой сначала не сообразили, решили, что у Поповичей балкон открыт и поэтому так слышно. Лето... В окне никого не заметили.

Только сели за стол, как кто-то снова тетямариным голосом отчётливо произнес: «Жрать будете?» С чётким выделением слова «жрать» в значении удивления – «без меня?». Мы с мамой просто покатались со смеху, пришлось влезть на подоконник – только тогда и увидела большого, зеленого с красным, цветастого попугая, который сидел у нас за окном, смотрел в кухню с улицы и вёл с нами разговор. Хотя я и не люблю птиц брать в руки, но пришлось, чтобы вернуть хозяевам. Попугай не сопротивлялся и не вырывался – ручной оказался. Видимо, вылетев из квартиры на прогулку, при возвращении на «посадку» – перепутал этаж – четвёртый со вторым.

Следующий экземпляр – Леоновский пернатый субчик. Тот выдавал на-гора все «семейные секреты». Как только его выставляли летом на балкон, то по округе раздавался голос Архипыча: «Бабыё, бабыё! Вот же бабыё!» Проходящие мимо нашего дома женщины начинали озирались с огромным удивлением, принимая, видимо, сии выкрики на свой счёт. У А. А. Леонова дома – «женский батальон», почему-то даже в гости к нему приезжали только его сёстры. Видимо, когда «девочки» донимали его, он так возмущался. Шпион пернатый всё мотал на клюв.

Но эти домашние птички – ягодки. Выдающимся мастером художественного слова оказался попугай Артюхиных. Тогда космическую связь с экипажами осуществляли со специальных морских судов, был отстроен целый космический флот, который «бороздил просторы» тропических океанов. В экспедициях принимали участие и сами космонавты.

Таким образом, из командировки Юрия Петровича приехал в «звёздную семью» бывалый корабельный попугай – «старый морской волк». Он месяцами ходил с экипажем по бескрайним водам Атлантики. На память о совместной работе команда судна его подарила Ю. П. Артюхину. Попугай за время морской службы овладел всеми тонкостями русского командно-штабного языка, заворачивал

такие обороты... Женщины, входившие в квартиру Артюхиных, становились пунцовыми от его «литературных» боцманских приветственных возгласов. И тогда «женсоветом» дома постановили – негоже держать столь невоздержанного на язык попугая в семье: дети слышат. Пришлось попку, виртуоза общенной лексики, пристраивать в сугубо мужской коллектив.

Мечты сбываются...

Даже если это было в далёком детстве... Мечты и мысли материальны. Мне повезло в жизни не только с родителями и семьёй, но и генетикой. Я начисто лишена зависти от рождения и ненавижу враньё. Может, и хотелось, но очень уж лениво для себя. Надо помнить – кому, что и когда насочинял. Проще и менее накладно – промолчать, как говорится в народе – молчи, за умного сойдёшь.

Но в детстве у меня была выдумка, один раз, но мощно и феерично. Хотя... это не враки, а фантазия и мечта, полагаю. Сами решите. В нашем доме случился бобик-бум. Стали в семьях жильцов появляться и собаки. Дети есть дети, они всегда хотят иметь «свою» собаку, и ничего с этим не поделать. В детстве мне нравился мультфильм «Варежка», где девочка о собаке мечтала сильно-сильно. Она напоминала мне саму себя. Я точно так же страстно желала, больше всего на свете, получить СВОЮ собаку.

У моей подруги Тани, а нам тогда было лет по десять, появилась собака. Назвали её – Верный. Мы считали её двортерьером, но сейчас я бы сказала, что это был джек-рассел-терьер. Правда, потом выяснилось, что это – Верная, то есть девочка. Для нас тогда, и как принято говорить сейчас, это не имело никакого «полового» значения. Важным было одно: у неё есть собака, а у меня – нет.

Здесь позволю одно «лирическое» отступление. Мы не очень разбирались в «гендерной» принадлежности животных. У нас с Татьяной случился даже конфуз. Где-то с класса пятого-шестого после занятий все вместе с классным руководителем ходили «на картошку», через железнодорожную линию. Помогали колхозникам осенью собирать урожай, чаще – морковь или свёклу. Нам, кстати, такие трудовые походы очень нравились.

В поля путь пролегал через деревню, одноклассники были чуть впереди, мы с Таней слегка отстали. Увидели огромную свинью, но нас удивило, что она была – с выменем. В принципе, чтобы дети представляли, как выглядит домашний скот, родители регулярно нас возили на ВДНХ в павильоны животноводства. Мы хорошо учились в школе и знали, что вымя – у коровы, козы, но не у свиньи. Удивлённые увиденным, мы понеслись догонять наших ребят с возбуждёнными криками, что встретили мутанта – свинью с выменем. Нас же подняли одноклассники на смех. Двум наивным дурочкам пояснили, что эта свинья называется – хряк – муж свиньи. Не удивительно, что Верный оказался Верной.

Но вернёмся к вранью, фантазии или сочинительству на собачью тему. Меня буквально «понесло» от жгучей зависти... Но... это детство и касается собак... Впервые в жизни так накрыло с головой душевной волной ревности к предмету моего вожделения – собственной собаке. Сами понимаете... Поставьте себя на моё место...

Моё «вдохновение» не имело границ. Танька, конечно, знала, что я беспощадно лгу. Но друг есть друг – ни словом не выдала меня своему брату. Я сочинила для Андрея историю, что у меня есть вообще-то целая такса. Врала так самозабвенно, а он так же простодушно мне верил, хотя был старше меня на четыре года и жил всего этажом выше. Его тщетные и робкие попытки познакомиться с моей таксой очень ловко, как мне тогда казалось, отменялись: собака – то ела, то уже погуляла, то была у бабушки в Москве. Но произошло чудо чудное – праздник пришёл и на мою улицу! Мама согласилась на собаку!

Условий было несколько – маленькую, короткошёрстную, как у Ирины Фёдоровны Фёдоровой – это её коллега по работе в технической библиотеке, которая жила в соседнем доме. У неё был карликовый коричневый с подпалами пинчер. На всю «операцию» по покупке нам было выделено из семейного бюджета целых семьдесят рублей! Для того времени – начала семидесятых – это были немаленькие деньги.

Мы с папой начали поиск клубов собаководства, и на Беговой улице обнаружили клуб той-терьеров. Поехали туда, нам дали адрес, где продавался щенок. Порода была редкой. Это был единственный на Москву щенок к продаже на тот момент. Я как-то сразу очень расстроилась, так как цена

была много выше выделенной суммы. Папа же уверенно сказал, что поедем смотреть. Мы сразу прониклись, едва увидев Топика, – классического экстерьерного тоечку, мою вожеленную «игрушечку».

Он был – «квадратный»: его высота и длина по спинке от холки были равны. Уши-локаторы – огромны, как и положено тоям, такой же длины, как мордочка. Три одинаковых равносторонних треугольника – мордочка и два ушка. Но на голове у Топы – небольшой шрам в виде буквы «Т», его при родах зубами потянула мама. Владельцы нам что-то ещё пытались рассказать про небольшой экстерьерный дефект – «штанишки» – шёрстка немного была длинней положенного. Я их слушала вполуха. Какие штанишки? Мы покупали себе четвероногого друга!

Отец поторговался с хозяевами, и нам удалось приобрести Топочку за сто двадцать рублей, вместо изначально озвученных ста сорока. Но и это были огромные деньги – зарплата врача или инженера! Папа только сказал, чтобы я маме не говорила, сколько мы заплатили. Уговорились с ним на восьмидесяти – исключительно для мамино и нашего спокойствия. У нас с папой бывали междусобойные «секретки» от мамы, но иногда по детскому простодушию я проговаривалась – нечаянно. Ещё купили поводок, шлейки – вышло уже сто тридцать рублей! Но для моего счастья папе никаких денег не жалко было! Наконец, мы отправились со своим сокровищем домой.

Я гордо вышла с той-терьером во двор и тут же встретила Андрея. Танин брат робко поинтересовался о том, где же моя такса? Я просто проигнорировала эти ненужные вопросы, отмахнувшись. Он не настаивал на ответе. Зачем отвечать на неуместные и «глупые» вопросы? Проблема закрылась как-то сама собой.

Вика Леонова, с которой мы были дружны и которая также страстно мечтала о собаке, воспользовалась случаем – у меня есть собака, а у неё – нет. Непорядок. Архипыч, естественно, должен был купить что-нибудь эдакое, чего ещё ни у кого в городке не было. И у Вики появился Сантик – рыжий пекинес.

Наступило время благоденствия и счастья. Топик выстроил свою семейную «стаю»: главный – папа, затем – мама, после – бабушка, потом – брат, он сам, а в конце иерархической лестницы – наименее ценный член экипажа – я. Папа сделал ему будку из ящика, которая стояла у меня в комнате, вшил туда из своей фланелевой тёплой кофты от нижнего белья чехол, изготовил сам ему тёплый комбез для прогулок. Это сейчас полно всего для комфортной собачьей жизни – от домиков-лежанок до одежды, а тогда – всё сами, своими руками.

До меня Топы снисходил только тогда, когда дома никого не было. Да его можно было понять. Во-первых, он жутко ревновал именно меня к отцу, которого просто боготворил. Во-вторых, как и все дети, я развлекалась с ним на свой девчоночий лад – наряжала в платья от кукол, браслетки из пуговиц на передние лапки делала, заставляя при этом ходить на задних. Родители, конечно, ругались: негоже издеваться над животными – это наши меньшие члены семьи и к ним тоже надо относиться с уважением.

Гуляли с собакой, главным образом, родители. Утром – папа, вечером – мама, я могла выйти днём, иногда – брат. Кормили – бабушка или мама. Пёсик «безаппетитный» был: так бабушка, чтобы он съел хоть что-то – дополнительно ещё ему жевала котлетку, курицу или мясо. Если просто мелко резали – он мог и не прикоснуться к еде. Был капризен с кормёжкой, а с этим у нас в семье – не забалуешь, как помните.

Папа – кумир, властелин, хозяин! Но при этом у Топы, в этом маленьком полуторакилограммовом тельце, размещалось огромное чувство собственного достоинства. Утром, каждый день, он ко времени, когда папе пора было вставать, бежал в спальню родителей и садился перед его кроватью, пристально наблюдая. Как только отец делал какие-то движения к пробуждению, приоткрывал глаза, Топик вставал на задние лапы и передними радостно барабанил по кровати в предвкушении прогулки.

Отец уходил на физзарядку с ним в лесок перед домом, вместе бегали, занимались упражнениями где-то около часа, затем возвращались. Папа шёл в ванную и после собирался на работу. Одевался в военную форму, а Топы сидел рядом, провожая его на службу. Когда же отец одевал «штатское», то Топик крутился и прыгал, чтобы только хозяин его взял с собой. Почти всегда сопровождал его в «гражданских» поездках, сидя на коленях – рулил. В гости тоже ездил с нами. Иногда случались казусы: для нас – забавные и смешные, для хозяев – не всегда.

Например, однажды, когда мы уже собирались домой из гостей, отец Топу «упаковал» за пазуху, так как дело было зимой. Пёс там тихо сидел, и о нём даже все забыли. Дядя Гриша, свояк, муж маминой сестры, ещё раз захотел обнять и поцеловать на прощание отца. Их, несмотря на разницу в возрасте, связывала очень крепкая мужская дружба и взаимное уважение. Неожиданно раздался

злобный рык и высунулась из-под шинели острая ощеренная ревнивая мордочка: Григорий Георгиевич аж отпрянул от неожиданности. Дядя Гриша был далеко не из пугливых – прошёл всю войну, был разведчиком-нелегалом, полковник в отставке. Но грозен был наш Топа!

Я же любила подразнить Толика, когда мы семьёй смотрели телевизор. Он всегда лежал у папы на коленях. Делая вид, что хочу отца шлёпнуть по руке, хохотала, когда Топ его защищал отчаянно, несмотря на свой маленький рост. При этом никогда домашних не кусал – умный был. Только пугал.

Довелось и папе однажды попросить прощения у своего защитника. Как-то вечером, когда уже было поздно, он снял с рук собаку, поставил на пол и сказал, что хватит смотреть телевизор – пора идти спать. Топик в недоумении взглянул на папу, а отец слегка его подтолкнул ладошкой, мол, иди. Топа неохотно зацокал по паркету к себе в будку, останавливаясь и поглядывая на папу вопросительно – не передумал ли тот.

Утром к отцу он не пришёл. Когда папа проходил мимо моей комнаты, то из будки раздался рык. Отец сначала даже не понял, что это относится к нему, ещё раз прошёл мимо, рык повторился. Для чистоты эксперимента – в третий раз намеренно продефилировал. Эффект тот же – рычит, рычит на папу. Такого не бывало. Это было собачье наказание хозяину за вечерний лёгкий шлепок с отправкой спать. Папа рассмеялся, а потом пошёл просить у собаки прощения. Встал на колени, просунул руку в будку и сказал под залиvistый рык, поглаживая Толика: «Да ладно, будет тебе сердиться, старик! Тебе надо было идти спать! Я же тебя не шлёпал, а просто направил!» Это – дословно. Отец, естественно, был прощён, раздался звук «пропеллера» ушей, Топик милостиво вылез из будки и поскакал на прогулку.

Папа, надо сказать, всегда мог попросить прощения, если действительно был не прав. Для него было не важно – взрослый человек, ребёнок или даже собака... Никогда не считал это зазорным или унижительным для себя. О многом такое поведение говорит. Только сильный, умный и самодостаточный человек умеет признавать свои ошибки, искренне переживать, раскаиваться, исправлять их и нести ответственность за содеянное.

Но вскоре случилась катастрофа – для меня точно. Для родителей, впрочем, тоже. Проклятая астма вновь проявилась у брата, пока покашливанием. Встал вопрос о том, что собаку придётся отдавать. Проблема усугублялась тем, что Топик взял в привычку ночью уходить спать к брату. Он залезал к нему в кровать, укладывался головой к голове на подушке. Его прогоняли, требовали, чтобы Вова ему не позволял этого делать, но процесс коварной болезни уже запускался – брат снова начал кашлять и участились бронхиты.

Родители не знали, как мне об этом сказать. И всё-таки пришлось. Эта ещё одна детская травма осталась на всю жизнь. Я плакала, наверное, неделю или две, а сколько после – не знаю, даже сейчас, спустя столько лет, едва могу спокойно об этом вспоминать. Папа с мамой, несмотря на то что время работало против здоровья брата, поддерживая его лекарствами, всё-таки ждали моего согласия. Я была чувствительным ребёнком, но понимающим и сопереживающим человечком... Мне нужно было принять и осознать проблему...

Потом стали думать, что делать с нашим любимцем и членом семьи: нужны были хорошие и добрые люди. Папа нашёл выход. Он поехал к старым хозяевам, где мы покупали Топу, объяснил ситуацию, попросил забрать Толика назад в семью. Бесплатно – друзьями не торгуют. Поехали втроем... Топик узнал старых хозяев и очень обрадовался, когда же мы с папой стали уходить без него... Отец съездил навестить Толика, меня отказался взять. Приехал расстроенным. Топ узнал папу, посмотрел и ушёл в комнату. Как с Пиратом – не простил предательства – ему же не объяснишь причины. Отец мне сказал, что не надо больше травмировать ни себя, ни собаку – у него другая жизнь. Всем, мы договорились в семье, было сообщено, что Топик умер...

Мне было легче так: «расставанье – это тоже маленькая смерть». Сантик Вики Леоновой куда-то потом исчез, незаметно, даже не помню, когда... Я её никогда не спрашивала об этом и много лет спустя, хотя мы и дружили... Вика, когда выросла, всегда держала собак.

Из этих печальных событий детства мною было извлечено много жизненных уроков. При этом я точно всегда знала, что у меня будет собака. Детские фантазии так и жили со мной. И я дождалась своей придуманной ещё в детстве таксы – мечты сбываются. Пусть и поздно, но мы нашли друг друга. С моей мраморной красавицей Энрикой – Кики – тоже по семейным обстоятельствам вынужденно расстались хозяева. Но это уже совсем другая история, счастливая, из взрослой жизни...

Проза

Сергей Собакин

Сергей Анатольевич Собакин (псевдоним Серёжа Собакевич) – культуролог, прозаик, детский писатель, публицист, поэт-песенник; член Совета молодых литераторов Союза писателей России, ЛИТО им. Шкулёва, Общероссийской психотерапевтической лиги. Участник VI Всероссийского совещания молодых литераторов СПР. Финалист международных литературных премий им. Ф. Искандера, им. А. Казинцева, им. А. Левитова (лонг-лист); лауреат и финалист всероссийских литературных премий им. В. Астафьева, им. И. Бунина, Губернатора Курской области, «Тэффи», фестиваля «Литературная карусель». Автор романов, рассказов и повестей в жанре мистического реализма, духовно-психологической прозы, сатиры, детской литературы. Публикуется в журналах «Наши современники», «Москва», «Берега», «Волга – XXI век», «Перископ», «Артбухта», «Профессиональная психотерапевтическая газета» и др.

ВЫБОР(Ы)

Рассказ

Во всём постигшем нас
Ты праведен, потому что
Ты делал по правде,
а мы виновны.

(Неем. 9, 33)

ПРОЛОГ

Эта история, которая, безусловно, является вымыслом и небывлю, произошла в одном западном государстве, именуемом Θ, которое испокон веков мнило себя самой великой державой и претендовало при этом на мировое господство и беспрекословное подчинение всех и вся, – других стран и народов, каковы, по мнению правительства сей могущественной державы, являлись разве что обслуживающим персоналом и ресурсом «избранников Божьих». Ну а люди... Люди, как считали хозяева мира, – это недочеловеки и рабы, расходный материал или что-то вроде того. Нет, вы не подумайте, дорогой читатель, что это была некая форма расизма, национализма или, боже упаси, фашизма, – нет. Великие правители так не считали, тем более что у них, у этих самых властителей, в их многоконфессиональной и многонациональной стране проживали все («понаехавшие» со всего света), кто грезил западной мечтой и прочими атрибутами роскошной и успешной во всех отношениях жизни. Поэтому, разумеется, речи никогда не заходило о том, чтобы истребить народы мира, а всего лишь подчинить себе оные, дабы те поработали с пользой для западной цивилизации и, естественно, на благо всего человечества; ибо золотой миллиард, как полагали властелины мира, находился не где-нибудь, а именно в западной части глобуса – месте, отмеченном Самим Богом, Которого сей избранный народ (что удивительно, состоящий из самых выдающихся представителей белого, чёрного, жёлтого, красного и прочего человечества) весьма почитал и восхвалял. И на деньгах, что были в государственном обороте, однажды начертал: «Мы надеемся на Бога», а быть может, и вовсе – «На всё воля Божья». И всё потому, что деньги Господь «благословил», чтобы бумажкой болотного цвета можно было подчинить всех неверных и непокорных, коих, как вы понимаете, любезный читатель, в мире, конечно же, хватало. Отчего (из-за своей «богоизбранности») правители сии решили наводить всюду свои порядки: навязывать различные «научные разработки» и добровольно-принудительно

организовывать (внедрять?) присутствие – не военное, естественно, а просто, как говорится, самое обычное, погранично-наблюдательное, чтобы никто не смел нарушать Божьи заповеди и заниматься непотребством, порочащим имя Бога в лице «неотёсанных и непросвещённых» неандертальцев и прочих дикарей (?) из недоразвитых стран, что находились за океаном от великой державы... И не извращали (!) букву закона, изложенную в священных книгах избранников Божьих. Нет, ни в коем случае не подумайте, мой дорогой и слегка тревожный друг, что кто-то кому-то в этой весёлой и одновременно печальной истории что-то навязывал! Бог с вами! И уж тем более им, этим людишкам по остаточному принципу, которым так повезло жить и соседствовать на одной планете с избранной нацией, вобравшей в себя всё лучшее, некогда созданное человечеством, – культуру, искусство, религию, науку, технологии и всё то, без чего сегодня трудно представить себе современный мир...

Это немного затянувшееся вступительное слово, нудно-заумная и монотонная речь рассказчика, предшествующая истории занимательной, – попытка ввести вас, мой любезный и весьма любопытный и нетерпеливый друг, в курс дела, дабы не было потом, опосля завязки или развязки сюжета, так сказать, некоего конфуза и растерянности или даже замешательства: мол, как это вышло, что меня не предупредили о столь непредсказуемом развитии событий, когда я даже воскликнул: «Вот это поворот!»

Так что, дорогой читатель, устраивайтесь поудобней и слушайте сказку-рассказку, но не забывайте: всё, что вы сейчас услышите, может быть использовано против вас, ибо изложенное слово, что следует ниже, несёт в себе сугубо личную и даже (модно нынче стало говаривать!) конфиденциальную, то есть закрытую информацию. Так что, как говорится, будьте готовы ко всему, если вы, конечно, не заядлый поклонник пословицы «Бережёного Бог бережёт».

Итак. К чёрту формальности! Приступим же, с Божьей помощью, к повествовательной части, ибо время не ждёт! И если вы и вправду готовы, мой неугомонный друг, то садитесь поудобней, налейте себе чаю или кофе, обложитесь конфетами (ибо нужно нам сладкое, чтобы голова работала плодотворно и долго) и слушайте внимательно, по возможности делая ремарки в блокноте или тетради школьной, дабы ничего важного не упустить...

Ах да! Вот ещё список действующих лиц, мой милый друг, чтобы вы не заплутали в хитросплетениях рассказчика-писателя и не нарекли его опосля кем-то вроде сумасшедшего, который понаписал всякого, знаете ли, бреда...

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА (ГЛАВНЫЕ)

Бог, Господь, Всевышний.

Джозеф Сэйтччайлд – президент величайшей державы, он же Патриарх Абрахам – владыка вся Вселенной.

Граф Рокфилд – князь тьмы.

Советники Линкольн и Бенжамин – приспешники, слуги графа Рокфилда.

Сама история

А начинается наша история с того, что некий президент западный, находясь в здании со странным названием Клинтогон (предположительно всё там же, где-то в западной части глобуса), имел неосторожность совершить опрометчивый и, что немаловажно, непоправимый поступок.

– Если вы нажмёте на красную кнопку, мистер Сэйтччайлд, то всем им крышка, гы-гы! – сказал генерал Бладкрафт.

– А если зелёную?.. – спросил президент и, словно малый ребёнок, не задумываясь нажал на выбранную кнопку.

– Нет! Стойте!!! Мистер президент!!!

Бух! Бах! Ты-дыщ-тыщ!

Вот здесь-то и пошёл хронологический отсчёт событий, с которого и будет у нашей истории логическое и последовательное, но весьма нетривиальное повествование, ибо зачем нам рамки, ограничивающие творца, правда? Ведь творец-человек, подобно Творцу-Богу, тоже может, так сказать, ваять, созидавая что-то (хорошее или плохое). Не в таких, разумеется, громадных масштабах, но всё же на своём месте, точно, скромно, – почему бы нет?.. *(Хотя в нашем случае всё достаточно обширно...)* Соответственно, этим мы и займёмся, мой любезнейший друг, – со-творением, чтобы жизнь стала немного краше и не такой пресной и унылой. А быть может, и вовсе необычной и весёлой.

Так вот. Оказался горе-президент после сих событий, созданных странными обстоятельствами и набором случайностей, в некоем месте – возвышенном, о котором сочинено несметное количество легенд и сказаний, написано столько многотомных научных трудов и философских трактатов, что и тысячи жизней не хватит, чтобы всё изучить, а преданий церковных ходит по земле и вовсе великое множество. Но суть остаётся сутью, неоспоримой истиной: всё давно уже было сказано Им... Благодаря наитию Духа Святого на первых проповедников Слова Божьего. Но, как вы знаете, мой досточтимый друг, человек – народ весьма ненадёжный, ибо нет ничего более постоянного, чем непостоянство людей, а следовательно, все мы грешные и оттого желаем стоять у руля и грезим о несбыточным – быть первыми у Бога. Из-за чего и навывдумывал человек, искушённый змием-искусителем, разных искажений и отпал от Всевышнего, лишившись Его покровительства, благословения и Отчего дома. Поэтому не удивляйтесь, мой друг, что история сия будет иногда звучать весьма странно и может показаться, что сказанное на страницах произведения – ересь и ложь. Позвольте разуверить вас, ибо идея, заложенная в повести, далеко не примитивна, – отнюдь. Художественный вымысел призван помочь нам, дабы мы разобрались во всех тонкостях материи души человеческой, исследовали вопрос из самой глубины: обман, ложь – это инструмент дьявола, который мечтает убедить «праведников», что именно их выбор и есть самый правильный и единственно верный...

– *Интересно, где я?.. – тревожно обратился в пустоту президент. – Так темно и ничего не видно... Я умер?! Господи!*

– *Видимо, в чистилище, или как вы там, люди-человеки, это называете? – ответил голос, могучий и бархатный.*

– *В чистилище?! Как так, почему?! – закричал в ужасе Верховный главнокомандующий. – Как я здесь оказался?! Неужели это конец?!*

– *Разумеется, нет, это только начало, дитя, – спокойно сказал голос.*

– *Кто здесь?! Что за голос всё время слышу во тьме?!*

– *А как ты думаешь, дитя?*

– *Боже Всемилостивый, неужели это Ты?! – предположил растерянный президент. – Да... Я знал, что Ты существуешь... А они мне говорили, что нет Тебя...*

– *Кто говорил? Когда? – изумился Господь.*

– *Мои подопечные, когда формировали предвыборную кампанию и меня из сенаторов выдвинули на президентские выборы как кандидата от...*

– *Джозеф Абрахам Сэйтчайлд? Третий? – заключил Бог.*

– *Да, Господи, это я! Это моё имя!*

– *Что ж, Джозеф... Скажи, дитя... – недоверчиво поинтересовался Господь, – есть ли кто на земле, кому есть до тебя дело? Кто сможет непрестанно молиться за тебя, об упокоении твоей души, чтобы вымолить тебя для Царствия Небесного? Ибо грешен ты весьма и весьма...*

– *Конечно, Отец мой Небесный! Естественно! – уверенно сказал Джозеф. – Весь народ мой, который почитает меня и уважает как лучшего правителя всех времён!*

– *Уважают или боятся, Джозеф? Это разные вещи...*

– *Э-м-м... Ну... Полагаю, что всё-таки уважают, нежели боятся...*

– *Ты уверен, дитя? – засомневался Бог. – Давай посмотрим, что про тебя говорят.*

Бух! Через мгновение в квартире многодетной семьи, что проживает в неблагополучном районе.

– Ну что за пустосвят этот наш президент! – возмутился хозяин семейства.

- Роберт, прошу тебя, не ругайся при детях! – укорила его жена.
- Да будь он проклят, старый хрыч и безбожник! – не останавливался многодетный отец. – Вон, посмотри, как распинается перед папой Карлом XIII, на аудиенции с ним воркует как благочестивый боголюбец! И рассказывает нам с телека, как часто он молится за нашу страну! А рыльце-то давно в пушку!
- Роберт! Остановись! – закричала супруга. – Замолчи, в конце-то концов! Зачем детей пугаешь своими разговорами?!
- Да успокойся ты, Хейли! Что я такого сказал-то?! – громко возразил хозяин дома. – Этот подонок только притворяется порядочным и истинным верующим и всё делает напоказ!
- Откуда тебе знать, Роберт?! Ты что, у него личным секретарём работаешь?.. – запрекословила жена.
- А что тут знать-то, Хейли?! Я тебя спрашиваю! Или ты забыла, как он наших парней кинул в самое пекло на Востоке, что, собственно, делали все ставленники масонские и до него! А наш сын, бедняга Юджин, он-то почему должен страдать, мучиться ожиданием? Пока ему не придёт приказ от приспешников этого самодура, чтобы наш мальчик со своими товарищами, не дай бог, отправился следом в новый «крестовый поход»! Я – глава семьи Коллапсов, и не намерен больше терпеть это беззаконие!
- Замолчи! Замолчи, Роберт!!! – заверещала жена и отвесила ему пощёчину.
- Ну, я тебе сейчас задам, гадюка! – рявкнул отец семейства, скрутил супругу и принялся нещадно её избивать.
- А-а-а! Папа, папа! – кричали маленькие дети. – Не бей маму! Не надо! Папочка!

Бух! И снова тьма...

- Ну что, доволен, Джозеф? Что скажешь, дитя? – спросил Бог.
- Так ведь это частный случай одной семьи, и всего-то... – оправдывался президент.
- Хорошо, Джозеф. Как скажешь... Может быть, ещё посмотрим?.. – предложил Всевышний.

Бух! Через мгновение на военной базе близ столицы одного из ближневосточных государств.

- Чего ты там телишься, рядовой?! Ноги в руки и на плац, кому говорю! – закричал приказным тоном сержант. – И чтобы в полном обмундировании! Будем отрабатывать схему! Выходим в ночь для выполнения операции под кодовым названием «Перепелиное гнездо»!
- Да, сэр! – послушно ответил рядовой. – Только захвачу с собой почту!
- Какая, к чёрту, почта, рядовой Томпсон?! – Сержант не на шутку разозлился и заорал на солдата благим матом: – Брось всю эту хрень и забудь до лучших времён! Или нас тут постреляют, как куропаток на охоте!
- Никак не могу, сэр! Это приказ майора Бернстайна!
- Да?.. Ну-ка дай глянуть! – потребовал командир.
- Вот, сэр!
- Любопытно, однако... Приказ... – Сержант искренне удивился документу и принялся читать его вслух: – «Немедленно перевести рядового Юджина Коллапса в запас и отправить на гражданку для вручения ему медали за заслуги перед Отечеством первой степени и присвоения звания Героя страны...»
- Так ведь его же, Юджина, на той неделе подстрелили, – затараторил рядовой Томпсон, – при исполнении воинского долга, сэр!
- Да без тебя знаю, рядовой! Что за чертовщина... Может, у нас в части есть ещё один... Твою мать!!! Нас атакуют! В укрытие!!!
- Ты-дыц! Ты-дыц! Тра-та-та-та!*

Бух! И снова тьма...

- Ну, а на это ты что скажешь, Джозеф? – снова спросил Бог.
- Господи, так ведь я же не увидел разрешение... – начал оправдываться президент.
- А разве ты не понял, что там произошло, дитя?
- Их убили?... – Джозеф Сэйтчайлд пустил скупую слезу.
- Да... Всех... – подытожил Господь. – И ты мог это остановить, Джозеф...
- Как? Как, Господи?! Я ведь и не знал об этой операции... – снова стал оправдываться президент.
- Не знал про «Перепелиное гнездо», Джозеф?... – недоверчиво поинтересовался Бог. – Зачем ты лукавишь, дитя?
- Я, конечно, что-то такое слышал от своих приспешников, но они, советники мои, сказали, что всё под контролем и что войны никакой не будет...
- Наивный ты, Джозеф, – с горечью произнёс Отец Небесный. – Простак! Как ты не заметил, что рядом с тобой были искусители и предатели-лицемеры, которые обманывали тебя всё это время...
- Так ведь я же...

Бух! В центре столицы ближневосточного государства...

- Мама, мама! Я очень боюсь! Мне страшно... – испуганно закричала маленькая девочка.
- Не бойся, доченька моя, Фатима! Не бойся, я рядом! И сестрёнки и братики тоже, – успокаивала мать ребёнка.
- А мы точно не умрём, мама?
- На всё воля Аллаха, доченька! – обречённо воскликнула мать. – Будем молиться, чтобы Он пощадил нас... И отца твоего, Абдуллу... И город наш, и страну...
- Но мне всё равно страшно, мама... – не переставая хныкала девочка.
- Ты должна верить, Фатима, – уверенно отвечала мама, – что Аллах позаботится о нас... И прогонит этого шайтана с запада обратно в преисподнюю, откуда он и вышел...

Тра-та-та-та! Бах-бах! Ты-дъиц!

- Мама! Мама!!! – кричала в ужасе девочка и смотрела на растерзанные осколками тела родных. – Ибрагим! Мохаммад! Аиша! Джамиля! Н-е-е-е-ет!!!

Бух! И снова тьма.

- Боже мой, неужели это всё моими руками да без моего ведома?... – негодовал президент.
- Да, Джозеф. Или ты всё-таки знал, дитя? – испытывал Джозефа Бог.
- Да как я мог знать, Господи?! Я только догадывался разве что...
- Хорошо, Джозеф, если не лукавишь пред лицом Моим... – утвердительно ответил Господь и предложил новые обстоятельства: – Что ты на это скажешь?

Бух! Разговор в кабинете сенатора Джозефа Сэйтчайлда во время президентской гонки.

- Бенжамин, я думаю, что этот простофиля и лох ничего не подозревает! – обратился советник сенатора к коллеге. – Ха-ха! Он у нас, как говорится, под колпаком! А если всё-таки догадается о наших планах и вздумает рыпаться, то сразу получит по шапке и мы его мигом поставим на место, поскольку компромата у нас хоть отбавляй! Ха-ха-ха! Против него готовы дать показания все: профсоюзы, бывшие компаньоны, любовницы, друзья и даже родные – жена и дети! Ха-ха-ха!
- Лох! Простофиля! Компромат, компромат!!! Вот уж точно, идиот так идиот этот бездарный старый хрыч! – злорадно поддакивал второй советник. – Хе-хе! Даже не догадывается, что он лишь марионетка в руках настоящих правителей – власти, что поставлена графом Рокфилдом! Хе-хе! Остаётся только немного подогреть горделивого маразматика, разрекламировать его отвратительную рожу по всем центральным каналам, и дело в шляпе, хе-хе! Ух, как весело будет, однако!

– Гениально! Ха-ха! – зловеще рассмеялся советник Линкольн. – Превосходно, Бенжамин! Да, когда народ проглотит наживку в виде обещаний этого дегенерата-сенатора Сэйтчайлда о светлом будущем и будет полностью зомбирован сладкими речами его, вот тут-то мы и начнём претворять наш план в жизнь! Ха-ха-ха!

– Дегенерат-сенатор! Дегенерат! Зомби-народ проглотит наживку! А главное, хе-хе, – не унимался советник Бенжамин, – и самое восхитительное и забавное, мистер Линкольн, что этот остолоп ничего и не подозревает! Хе-хе-хе!

– Веселуха, да и только, ха-ха-ха-ха! Гы-гы-гы! – гоготал от удовольствия советник Линкольн, доставая из-под стола сенатора две бутылки виски и тарелку, на которой лежала внушительная горка белоснежного порошка и две зелёные бумажки, свёрнутые в трубочки.

Бух! И снова тьма.

– Как это возможно?! Господи, скажи! – Президент не мог поверить в увиденное и непрестанно убеждал Господа в своей невиновности: – Я не верю, не верю ни единому слову! Это всё враньё! Всё наверняка сфабриковано моими конкурентами! Баобабой и Дурайденом, сенаторами от социал... респу... Да к чёрту их! Откуда у Тебя, Господи, эта видеозапись?

– Не видеозапись, Джозеф, – строго возвестил Бог, – а уже история, фрагменты которой нам любезно предоставила Небесная канцелярия, или как вы там, человеки, называете наши секретариат и архивы...

– Но не могли, не могли, говорю, мои самые проверенные люди, ближайшие соратники, личные советники и друзья, Линкольн и Бенжамин, затеять такое! Против меня! Это же предательство и государственная измена, переворот! Революция!

– О чём Я тебе и толкую, дитя, всё это время... – изрёк Господь и на мгновение замолчал. – Как ты мог быть таким наивным слепцом и поставить возле себя этих лицемеров-предателей и фарисеев, которые выполняют только обрядовую часть и напоказ чтут букву закона, играя на камеру в богомольцев и патриотов своей страны?!

– Не верю, Господи, – не унимался Джозеф, – не верю! Ни единому слову не верю!

– Тогда смотри, Фома неверующий!

Бах! За десять минут до запланированной речи президента Сэйтчайлда на съезде профсоюзов.

– Билли, а может, всё-таки не стоит брать деньги от федералов?.. – тревожно размышлял зампред объединения профсоюзов. – Мы, наверное, и так протянем?.. У нас ведь есть ресурсы и люди... Мы же, в конце концов, можем сократить расходы...

– Ты чё ведёшь себя как кисель, Андрэ?! – закричал на него председатель. – Какие ресурсы, какие, к чёрту, люди?! Ресурсов у нас от силы на полгода хватит, а люди сразу взбунтуются, как только узнают, что мы хотим сократить бюджет! И что нам тогда делать, Дрэ? Что?! Сокращать штат?

– Не, ну сокращать-то никого не надо, конечно... – рассуждал зампред.

– А как ты тогда предлагаешь решать эту проблему?! – заорал председатель и скинул кепку на пыльный пол. – Вот то-то и оно! Молчишь! А всё потому, Андрэ, – председатель начал топтать головной убор с неистовством безумца, – что у нас просто нет другого выхода, как сотрудничать с вышестоящими! Иначе они закрутят все гайки и перекроют кислород, и мы останемся ни с чем! Понимаешь, ни с чем!

– Да, наверное, ты прав, Билли... – На мгновение зампред, казалось, разубедился в ранее сказанных собою же словах. – Наверное, ты прав... Нужно брать деньги...

– А вообще, Дрэ, – ёрничал председатель, – мне, чтоб ты знал, вовсе не страшно! И плевать я хотел на всех этих начальствующих, или как их там! Я сам себе хозяин и указ! – Председатель бил себя в грудь и топал ногами, словно ребёнок. – И пусть только посмеют заявиться ко мне! Я их, это, сразу всех!.. Ну, ты понял, Андрэ, короче...

В подсобное помещение за сценой Дома культуры профсоюзов вошёл высокопоставленный чиновник.

– Здрас-с-те, в-ваше... Ми-мистер... Сэр Бе-бенжамин... – От напускной бравады председателя не осталось и следа, но появилось нервное заикание: – Вы собственной персоной к-к н-нам, а мы... Я... М-мы... В-вы... К-какими су-судьбами к нам?..

– Не нужно громких слов и оправданий, мистер Льюис! Не нужно, хе-хе! – парировал чиновник. – Вы получили бандероли и письмо с указаниями, как и что говорить своим работягам?

– Т-так т-точно, ми-мистер Бе-бе-бе-е-е-енжами-мин, с-с-сэр...

– Вот и славно, вот и славно, мистер Льюис. Билли Льюис. Я надеюсь, вы не подведёте меня, не предадите родное Отечество и выполните свою миссию: расскажете рабочему классу, что, со слов нашего глубокоуважаемого, чтоб его черти жарили, президента Джозефа Сэйтчайлда, который пообещал нам всем светлое будущее, у вас – простых работяг – будет постоянная работа, дома, машины, отпуска и прочие блага цивилизованного мира. В противном случае – голова с плеч, хе-хе-хе! Хе-хе!

– Д-да, д-да... Мистер Бе-бе-бе-е-е-енжамин-мин... – заблеял от страха председатель.

– Да ладно, не переживайте так сильно, мистер Льюис, Билл, не стоит! И перестаньте блеять, ей-богу! Хе-хе-хе! Это я так шучу, разумеется! Мы же с вами не в Средневековье! Хе-хе! Инквизиция – это моветон нынче, хе-хе!

– Аг-г-га, аг-га, сэр, мистер Бе-бе-бенжами-ми-мин... – Председатель от нервного напряжения обмочился и даже не заметил этого. – А я-т-то уж бы-было п-подумал... Фуф!..

– Хотя гильотину можно и на электрический стул заменить, хе-хе! – Советник Бенжамин ехидно смеялся и тыкал пальцем на мокрые штаны председателя. – Вот умора, ей-богу! В следующий раз, мистер Билли Льюис, надевайте подгузники, чтобы не случился такой конфуз, хе-хе-хе! А то я чуть от смеха не обделался, смотря на вас! Хе-хе-хе!

– Мистер Льюис! Билли! – воскликнул зампред и в последний момент подхватил свалившегося в обморок председателя. – Билли! Скорую! Врача!

Бух! И снова тьма...

– Господи! Зачем искушаешь меня?! Ведь это всё неправда! – неустанно перечил Господу Джозефу. – Ложь! Заведомо ложь!

– Неправда, дитя? – переспросил Бог. – Отчего же?..

– Здесь правда только в том, что я выступал на съезде профсоюзов, в ихнем Доме культуры, и всем обещал светлое будущее! – Президент в очередной раз пытался уйти от ответственности.

– Такое уж и светлое, Джозеф?.. – усомнился Господь, вновь проверяя Верховного главнокомандующего. – Ты уверен, дитя?

Бух! В одном из кабинетов в здании администрации президента.

– Отличная работа, Бенжамин! Ха-ха! – не скрывал восторга советник Линкольн. – Теперь, когда этот придурочный и самолюбивый болван стал президентом и сам же с нашей подачи усыпил бдительность народа и простых работяг, красиво рассказывая им про лучшую жизнь, которой они якобы достойны, нужно уговорить его наплести подобной чуши, умноженной на три, и тем, кто так или иначе считает себя элитой и богемой – бизнесменам, артистам, людям искусства и иже с ними проституткам, чтобы те скопом помчались жертвовать деньги для стран третьего мира – на восстановление городов, борьбу со стихией, голодом, засухой, эпидемиями и прочую чепуху! Ха-ха-ха! – Советник залпом выпил бутылку виски, обмазал лицо белым порошком и, словно бесноватый, принялся выламываться в такт песне известного певца Найджела Пэкстона – протезе Чёрного Дома, где восседали правители и начальствующие всея планеты.

– Бизнесмены, артисты, проститутки! Хе-хе-хе! Жертвовать, жертвовать! Да, Линкольн! Ты прирождённый стратег. И перенаправлять эти деньги на военные базы и разработку оружия массового поражения, как того хочет граф Рокфилд, хе-хе! Ибо он лучше знает, что будет полезно для человечества! Хе-хе-хе!

– А точнее, тем особям, которые останутся в живых! – завопил потусторонним голосом советник Линкольн и снова начал выламываться, как одержимый. – Ха-ха-ха!

– Хе-хе-хе! Хе-хе-хе!

– Ха-ха-ха-ха!

– Хе-хе-хе! Хе-хе-хе!

– Хватит! – прикрикнул советник Линкольн и остановил веселье, граничащее с бесовским наваждением. – Посмеялись и ладно, Бенжамин! За дело! Нужно созвониться с учредителем премии «Человек (У) года» и дать ему указание, чтобы он обработал этих безмозглых пингвинов, богемную тусовку, и сказать, что сейчас модно, мол, и круто жертвовать деньги на так называемые благие дела!

– Угу, Линкольн! Безмозглые пингины! Безмозглые! Человек года! Ты гений! И что, мол, самый щедрый меценат и получит награду! Хе-хе-хе!

– Заткнись уже, Бенжамин! – рявкнул советник Линкольн. – Бесишь меня!

– Да, ты прав, Линкольн... Делу – время, а потехе – час! Прости...

Бух! И снова тьма.

– Но ведь это просто абсурд, Господи! Что за нелепые склейки, что за монтаж?! – нуще прежнего возмущался президент.

– Говорю тебе, дитя, это история твоей жизни, а не монтаж, – спокойно отвечал Бог.

– Да где же? Как же, Господи?! Ведь сразу понятно, что всё это проделки...

– Прделки кого, Джозеф?.. – подловил Господь Джозефа.

– Прделки, надо полагать, самого дьявола, Господи...

– Какой же ты болван, Джозеф... Нет Моих сил... – сказал Бог и, видимо, сокрушённо покачал головой...

Бах! На границе одного из государств в Восточной Европе, предположительно в лагере повстанцев.

– Петар, Петар! Иди сюды, только тихо... – шёпотом сказал партизан.

– Шо, шо случилось, Павле?.. Почему шепчешь?.. Враг уж совсем близко, видать? – спросил лидер повстанцев.

– Да если бы... Как тут не шептать, Петар?!.. Вон, глянь, шо делается-то! Только тихо, умоляю...

– Где? Шо там?.. – недоумевал главный.

– Неужели не видишь, Петар?.. Говорю, посмотри за лагерем, – амбар видишь?..

– И шо с того? Амбар как амбар...

– Нет, Петар... – тревожно говорил партизан. – Приглядиись хорошенько... Свет горит в сенях и кто-то хороводы водит...

– Ничего не вижу, Павле, – настороженно ответил лидер. – Ничегошеньки не видать... Ан нет! Смотри-ка, шо делается! Это ж наши: Марко, Йован, Лука и Матея!.. Шо замышляют подлецы, негодяи? Паршивые овцы!

– Нужно сообщить в штаб!! Немедля! Шобы расстрелять предателей!

– Давиду? Зачем?.. – воскликнул главный, изумившись. – Погодь, нужно сначала удостовериться в злонамерениях, Павле... Не руби с плеча, братка... Остынь.

– Говорю тебе, предатели они, Богом клянусь! – вторил неугомонный партизан.

– А вот это зря, Павле, зря... Глядь! Гляди-ка, брат! – шёпотом «прокричал» лидер.

– Шо, шо тамо, Петар?! – напряжённо всматривался вдаль партизан.

– Смотри! Выходят из сарая все: Лука, Йован, Матея и Марко, а с ними... Кто это? Кто таков, Павле, брат?..

– Где? Дай гляну! Агась... Так это ж ведь Юда по кличке Красавчик!

– Юда Красавчик, который не хотел идти на войну против Антихриста?! – негодовал главный. – Оратор от лукавого?!

– Выходит, шо он... – проямлил партизан.

– А кто его сюды пустил тогда? Ты знал об этом, Павле, брат? – спросил лидер и с укоризной посмотрел на соратника.

- Про Юду, шо ли?
- Да, про него самого! Про Юду.
- Конечно знал! Все об этом знали!
- Прямо все, Павле?! Даже отец Георгий – наш военный священник? – Глава повстанцев Петар хотел вывести партизана на чистую воду.
- Ну да... – признался Павле.
- И Никола, который лекарь монастырский? – продолжал допытывать главный.
- Ну да, и Никола тоже.
- Хочешь сказать, что и Лазар знал, Павле, брат?! – закричал Петар и грозно посмотрел на Павле.
- Какой ещё Лазар? Не знаю никакого Лазара... – недоумевал Павле.
- Ну как же! Лазар – из начальствующих, друг Самого... Лазар, который чудным образом, с Божьей помощью, видать, смог одолеть-таки болезнь, пребывая уже одной ногой в могиле, и пошёл с нами на фронт!
- Ах да! Точно! – Партизан Павле вспомнил подробности минувших дней.
- А тебя не смущает, Павле, что все трое входят в состав совета духовного попечения о военнослужащих и были изначально против, чтобы брат Юда шёл с нами на передовую?! – Петар уже с трудом владел собой. – Так как негодяй этот призывал всех, используя свои сладкие речи, Антихриста сего приветствовать, ибо увидел в нём Мессию!
- Хм... Нет, я не знал, Петар... – оправдывался Павле. – Правда, не знал...
- Врёшь, Павле! Врёшь, предатель! И покрываешь гниду! Как и эти трое! Ты ведь с ними заодно?! Тогда умри, гадёныш! – Петар передёрнул затвор карабина и направил дуло на соратника. – Умри за измену Родине!
- Шо ты делаешь, Петар?! Остановись! Господь всё видит! – кричал Павле и закрывал лицо руками. – Всё ведаёт всеведущий и всемогущий Господь!
- Бог тебе не поможет, Павле, ибо ты предал народ свой и страну! Да и не станет Господь соваться в это пекло, раз Сам же эту войну и допустил! – воскликнул Петар и нажал на курок...

Тыщ! – прогремел выстрел.

- Шо ты наделал, Пе-е-етар? Шо... – Павле надсадно застонал и, схватившись за живот, упал на землю. – А-а-а! Как больно...
- Боже мой, Павле, брат!.. – Главный осознал свою ошибку, но уже было слишком поздно. – Прости... Бес попутал...
- Ты в меня выстрелил?.. – спросил Павле, не веря в случившееся. – Ах...
- Господи, Павле! Господи! Будь я проклят! – сокрушался Петар.
- Шо это, Пе-е-етар?.. уф...
- Где?..
- На небе. Глянь... – бредил Павле. – Огненные змеи! И дышат, и дышат огнём! Изрыгают шарами его! А-а-а-а...
- Матерь Божия, Павле! Это же бомбардировщики, которые наслал Антихрист! – закричал глава и подхватил товарища. – Быстро в убежище!
- Смотри-ка, Петар! А-а-а! Юда побежал в лес! Зачем?.. Зачем он побежал в лес?.. Уф...
- Молчи! Молчи, Павле! – приказал Петар. – Ничего не говори! Побереги силы, братка. Давай-ка! Давай я тебе помогу!..
- В амбаре есть погреб, Петар. А-а-а...

Гра-та-та-та! Туф-туф! Ты-дыщ-тыщ! Бум! Бам! – раздалась автоматные очереди, а после и несколько слабых и сильных взрывов.

- Я ничего не вижу, Петар... Ничего... А-а-а... – жаловался Павле и, корчась от боли, тяжело и прерывисто дышал.
- Тихо, тихо, Павле, брат. Сейчас я... Свет... Господи, нужен свет... – Петар зажёл охотничью спичку и обомлел от удивления и ужаса. – Лука?.. Йован?.. Матей?.. Марко?..

– Уф... А-а-а... Петар, глянь-ка сюды! – произнёс измученный партизан свои последние слова.
– Господи Иисусе... – молвил Петар и заплакал, словно дитя. – Христе... Сыне Божий... Ты ли это?..

Ты-дыщ-тыщ! Бах! Бум! Тра-та-та-та! Тудуф! – снова раздалась выстрелы и череда взрывов.

Бух! И снова тьма...

– *И об этом ты тоже, разумеется, не знал, Джозеф?* – Господь ждал, как президент будет выкручиваться на этот раз.

– *Какой кошмар... Господи... Я знал, конечно, что мы, то есть я, то есть наше государство направило в Восточную Европу войска, но меня уверяли мои же советники, что вся эта война, как и атака с неба, – всего лишь постановка, спектакль, да и только! Как и всё... – Джозеф никак не мог поверить в то, что поведал ему Бог. – Выходит, они, весь этот многострадальный народ – мученики? Так Ты был там, Господи? Почему не остановил это кровопролитие?*

– *Не твоего ума дело, Джозеф!* – прокричал Бог. – *Думай о своей душе, ибо вся твоя жизнь – это не что иное, как постановка, дитя!*

– *О чём говоришь, Господи? Не понимаю Тебя...*

Бух! В гримёрке, за главной сценой Дома кино и телевидения, где проходит самая престижная премия «Человек (У) года».

– Мы всё устроили, всё устроили, мистер Пэкстон! Звезда! Звезда! – в экстазе кричал советник Бенжамин. – Вам останется только выйти на сцену и произнести речь, после которой вы получите награду как артист века.

– Это так неожиданно для меня, – ответил поп-король и лукаво улыбнулся. – Мистер Бенжамин, мистер Линкольн!.. Право, я не знаю... Советники президента пришли ко мне в гримёрку перед самым моим выступлением и объявили мне о такой прекрасной новости! Я так взбудоражен, так взволнован!

– Мистер Пэкстон, Найджел, – обратился к поп-идолу советник Линкольн, продолжая умасливать зазнавшуюся звезду, – здесь ровным счётом нет никакой неожиданности, ибо вы кумир миллионов и заслужили эту награду по праву!

– Мистер Линкольн, я весьма польщён! – кокетничал Найджел. – Благодарю вас за столь приятные слова в мой адрес! Ой, кажется, меня зовут! Конферансье объявил мой выход. Ну, я побегу, с вашего позволения! – Певец манерной походкой вышел из гримёрки, игриво оглядываясь на советников.

– Иди-иди, самодовольный болван, хе-хе-хе! Самодовольный! Болван! – напутствуя, злорадно смеялся советник Бенжамин.

– Ха-ха-ха-ха! Да пусть идёт, пустоголовый олух! – восторженно поддакивал советник Линкольн. – Видишь, Бенжамин, как тщеславие затмевает взор зазнавшимся смертным, жалким людишкам, наподобие этого клоуна Найджела Пэкстона!

– Точно-точно, ты прав, Линкольн. Клоун! Зазнавшийся клоун! Смертный! И они перестают видеть, что творится вокруг, хе-хе-хе! Поскольку гордыня для жалких людишек превыше всего, хе-хе!

– Пускай резвится, шут гороховый, пока есть ещё время у него для праздности и греха, ха-ха! – не скрывал неприязни мистер Линкольн. – Недолго ведь осталось! Пусть превозносится в своей самости. Для нас главное использовать его авторитет, дабы вся эта богемная тусовка не поняла, на что на самом деле пошли деньги! Ха-ха-ха! Пусть вещает, пусть!

– Хе-хе-хе! Пушай вещает! Пушай! – вторил советник Бенжамин и потирал липкие руки.

– Ха-ха-ха-ха! – громко, как лошадь, ржал мистер Линкольн.

– Хе-хе-хе, хе-хе-хе! Пушай вещает! Пушай! – всё повторял мистер Бенжамин.

– Заткнись уже, Бенжамин! – Нервы у советника Линкольна в конце концов не выдержали. – Зачем повторяешь за мной?

– Прости, Линкольн... Прости... Я больше не буду...

Через пять минут на сцене Дома кино и телевидения.

– Дорогие друзья! – поздоровался с аудиторией поп-король, начиная долгую, пространную речь, от которой тянуло в сон и хотелось заткнуть уши. – Я весьма польщён этой наградой. И я правда... Уверяю вас, что я не знал до сего момента, что буду удостоен столь высокой награды – «Артист века»! Господи, это так приятно... – ликовала звезда, наигранно пустив слезу. – Так неожиданно. Так почётно...

Бурные аплодисменты.

– Спасибо, спасибо, друзья! Люблю вас! – продолжал лицемерить артист. – Благодарю за столь тёплый приём и эти овации, которые греют мне душу как никогда! Храни вас Бог. У меня есть для вас приятнейшее известие-послание от самого президента Джозефа Сэйтчайлда, друзья!..

Сдержанные аплодисменты.

– Дело в том, – задумчиво, серьёзным тоном произнёс поп-идол, смотря вдаль, – что мы сегодня весь вечер жертвуем деньги странам третьего мира, чтобы дети там не голодали и не умирали, разрушенные города восстанавливались, болезни излечивались, а любовь приумножалась...

Пауза. Тихие аплодисменты.

– Спасибо друзья, спасибо! Я люблю вас! Храни вас Господь! – не останавливался Найджел и, словно заправский подхалим, начал откровенно угождать «господину». – Так вот. Наш президент, Джозеф Абрахам Сэйтчайлд, просит нас не быть жадными и, памятуя о втором пришествии и апокалипсисе, подумать о дне грядущем и спасении своей души. И настаивает на том, чтобы мы были щедры как никогда. Внимание на экран!

Пауза. Постепенно нарастающие аплодисменты.

– Храни вас Бог, друзья! Я люблю вас, и Господь любит вас! – Заискивание поп-короля стало безграничным. – Спасибо, что вы есть! И спасибо, что я у вас есть! Итак, мы собрали с вами весьма внушительную сумму, друзья! С чем я вас и поздравляю! Я полагаю, что моё имя, как и ваши, останутся в веках! Я люблю вас! Храни вас Бог!

Бурные и долго не смолкающие овации.

Бух! И снова тьма.

– Цирк! Буффонада! Лжецы! – неистовствовал Джозеф. – Меня окружают лжецы и лицемеры! Господи! Но для чего, для чего им это всё?! Зачем?! Скажи, о Боже мой!

– Хороший вопрос, Джозеф, дитя Моё, хороший вопрос, – задумался Господь.

– Так есть ли ответ на него, Боже Всезнающий, есть ли?! – упорствовал президент.

– Узри, Джозеф, смотри внимательно, дитя Моё...

Бах! В замке самого графа Рокфилда.

– Ваше сиятельство, мы всё сделали, как вы сказали! – отчитался советник Линкольн.

– Да-да, милорд, как вы сказали, как вы сказали! – вторил советник Бенжамин.

– Ну что ж, жалкие прихвостни, слуги мои верные, легионеры! – насмешливо сказал граф. – Так и быть, оставлю вас ещё на земле, чтобы вы могли развлечься во славу мою! И натворили дел – да так, чтобы в веках о вас слагали легенды, никчёмные людишки!

– А как же вы, ваше сиятельство?... – недоумевал советник Линкольн.

– Да-да, а как же вы, милорд?! – поддакивал советник Бенжамин.

– Обо мне не беспокойтесь, черти поганые, я-то как-нибудь проживу, справлюсь и без вас! – грозно рявкнул граф.

– А куда же вы собрались, ваше сиятельство? – поинтересовался советник Линкольн.
– Куда? Куда, милорд? Не оставляйте нас одних! – повторял за мистером Линкольном неугомонный советник Бенжамин.

– Да чтоб вас, бесы настырные! – гневался граф. – Говорю же, что нужно мне отбыть. А вы здесь за старших останетесь, легионеры чёртовы! Домой нужно съездить, а то дел накопилось... Нужно встретиться с руководителем и его сыном, обсудить пару насущных вопросов, – напутствовал он слуг.

– Так а нам-то что делать, ваше сиятельство?.. – недоумевал советник Линкольн, от растерянности пожимая плечами.

– Что делать-то нам? Что делать, милорд?! – спросил то же самое советник Бенжамин и принялся бегать вокруг графа на четвереньках, хохоча, как гиена. Иногда он всё же останавливался, но не мог долго без движения и невольно начинал пританцовывать, выделывая одержимые па.

– Какие ж вы бываете занудные и тупые! Как овцы! Тьфу, то есть как... Свиньи! Тупорылые свиньи! Точно! Да ну вас к чёрту, шакалы! – злился граф Рокфилд, пиная советника Бенжамин в бок, отчего тот взвизгивал, словно дикая свинья. – Значит, так! Дальше всё делаем по ранее оговорённому плану: культы, масоны, иллюминаты, властители планеты, золотой миллиард, плоская Земля, раздел мира, сокращение населения, голод, вирусы, засуха, наводнения, эпидемии и войны, войны, войны! Что непонятного, чёрт побери?! И ставленника моего чествуем как полагается! Сечёте, черти?! – кричал граф, надсадно бранясь, и на глазах превращался в страшного демона, который становился всё больше и больше, обратившись в огромное, невиданное потустороннее чудище.

– Да вроде всё понятно, сечём... – ответил советник Линкольн и от страха присел на корточки, закрыв лицо хвостом. – Ваше сиятельство... Только вы нас не секите...

– Вроде понятно... сечём, понятно вроде бы... – повторял советник Бенжамин и, замерев от ужаса, смотрел в одну точку и почти не дышал.

– Отлично, слуги мои, легионеры! – Демон начал постепенно уменьшаться и вскоре вновь превратился в графа. – Я рад, что вам всё понятно и ясно как Божий день, черти чумазые! Ха-ха-ха! Чёрт меня дери, что я сейчас сказал?! Как «Божий день»?! Серьёзно?! Ха-ха-ха! Вот умора, однако ж... – Граф Рокфилд на мгновение призадумался, теребя редкую бородёнку.

– Да, ваше сиятельство! Ха-ха-ха! – наигранно рассмеялся советник Линкольн и, утирая испарину, чуть привстал.

– Да, милорд! Да! Хе-хе-хе! Хе-хе-хе! – согласился советник Бенжамин и снова начал бесовски пританцовывать.

– А! Вот ещё что... – Граф собрался было уходить, но вспомнил что-то очень важное и безотлагательное: – Устройте бал, церемонию посвящения по этому поводу в ложе, на нашем старом месте! Только не забудьте предупредить привратников Адольфо и Муссона, а также казначея Хиро. И проследите, чтобы все там были: чиновники, духовенство, богема и прочие! Ну и наш кандидат, избранный, баловень судьбы Джозеф Абрахам Сэйтччайлд! Ха-ха-ха! – Из глотки графа раздался утробный потусторонний смех.

– А ему-то зачем там бывать, ваше сиятельство?.. – удивился советник Линкольн. – Зачем ему знать подробности?.. Сидел бы себе старый пень в Чёрном Доме и развлекался с поклонницами его небольшого «таланта» руководителя, ни о чём не подозревая...

– Ага, ага! Зачем, зачем, милорд? – повторял как заведённый советник Бенжамин и снова начал бегать вокруг графа. – Пушай сидит себе в Чёрном Доме. В Чёрном Доме пушай сидит! Старый пень!

– Ну какие ж вы безмозглые, я иногда диву даюсь! – Глаза графа налились кровью, а изо рта вылетела стая летучих мышей. – Чтобы он уверовал до конца, что он тот самый мастер в третьей степени, которому все поклоняются и чтут его как святого, сына Отечества, пророка или что-то вроде того. Сами додумайте, в конце-то концов! Неужели так трудно хотя бы раз напрячь свои иссохшие, тухлые мозги, черти поганые?! Всё! Я всё сказал! Удаляюсь! – Граф Рокфилд мгновенно испарился, выкрикнув напоследок по слогам слово «по-свя-ще-ни-е!», и оставил после себя зловонное чёрно-серое облако.

Бух! И снова тьма...

– Неужели это правда, Господи?.. Верить ли мне в то, что я увидел? – с сомнением в голосе спросил Бога президент.

- *А во что бы ты хотел верить, Джозеф, дитя Моё? – ответил Господь.*
- *Я бы хотел верить в правду и познать истину, Боже!*
- *А в чём же истина, чадо? – улыбаясь, поинтересовался Бог.*
- *Как? Ты разве не знаешь, Господи?*
- *Я думал, что знаю, Джозеф, пока вы, человеки, не навывдумывали столько других учений и верований, что у Меня кругом пошла голова от такого изобилия вариантов и всяческих «изобретательных» искажений...*

Бах! День посвящения Джозефа Сэйттчайлда, президента величайшей державы всех времён и народов, в мастера – «духоносного старца», духовника нации.

- Вы можете снять капюшон, мистер Сэйттчайлд! Чтобы священник-призрак мог освятить вашу голову, окропив её святой водой из источника вселенских знаний! – разглагольствовал со знанием дела советник Линкольн.
- О! Простите, простите меня за мою неловкость... – ответил Джозеф и покорно снял капюшон.
- Мистер Бенжамин, подайте, пожалуйста, ветку лозы и мастерок президенту Сэйттчайлду, – обратился к коллеге мистер Линкольн.
- Да-да, мистер Линкольн! Как скажете! – услужливо отозвался советник Бенжамин. – И кристалл разума тоже возьмите, мистер Сэйттчайлд! Сэр! Президент!

Президент в чёрной мантии с кровавой подкладкой вступил на середину собора и распротёр руки к небу. Подмастерья и ученики окружили будущего авву Абрахама (Джозефа Сэйттчайлда) – учителя Вселенской Церкви и наставника нации, чтобы провести инициацию. Подданные выстроились треугольником – так, чтобы президент был ровно в центре, олицетворяя собой всевидящее око. Тем временем священник-призрак приказал дьяконам вынести заранее заготовленный циркуль и наугольник (деревянные фигуры были намного больше своих обычных металлических собратьев) и положить их к ногам иницируемого. Советники Линкольн и Бенжамин вышли из треугольника и, бережно отодвинув президента немного в сторону, помогли дьяконам установить гигантский циркуль наконечником в отверстие посередине храма с фреской: Моисей, пророк Божий, на горе Синай получает от Небесного Отца скрижали с десятью заповедями.

После установки циркуля священник и дьяконы торжественно взяли огромный наугольник и вышли за пределы человеческого треугольника. Священнослужители принялись петь хвалебные песни Святой Троице, а подмастерья и ученики раскручивали циркуль вокруг своей оси, да так сильно, что, казалось, ещё чуть-чуть, и он превратится в пропеллер, который, словно мотор самолёта, вот-вот загудит и заставит весь храм вместе со священниками, дьяконами, подмастерьями, учениками и советниками с президентом взмыть в воздух и улететь к самому солнцу.

Напряжение от магически-изотерических действий собравшихся, которые неистово кричали, подначивая друг друга, с каждой секундой всё нарастало и совсем скоро должно было вылиться в некую кульминацию – во что-то божественное, как думали собравшиеся. Участники обряда хрюкали, сквернословили, корчились в экстазе, вопили словно загнанные раненые животные, поливали друг друга заранее приготовленными настоями из трав и крови ягнёнка, а потом и вовсе полностью разделись и принялись бегать по кругу, запрыгивая на стены храма. Когда градус нервно-психического напряжения понизился, все постепенно пришли в себя, оделись и снова сошлись в центре храма, образовав фигуру треугольника и всевидящего ока, зрачком которого по-прежнему был мистер президент.

Советники Линкольн и Бенжамин и дьяконы на минуту исчезли из поля зрения. Вскоре четвёрка вновь появилась в центре храма: советники держали в руках священные книги (Библию, Талмуд и Коран), а дьяконы принесли праздничный аналой и крест, а также трёх белоснежных голубок как символ мира и приношения, жертвы будущего патриарха во имя народа, – нации, исключительность которой не могла быть подвергнута ни малейшему сомнению, ибо была помечена Всевышним от сотворения мира...

Президент по очереди возложил руки на сакральные тексты и поцеловал крест. Священник-призрак бубнил молитвы, а Джозеф Сэйттчайлд только и успевал повторять за ним. Это представление длилось до тех пор, пока служитель не прочитал все положенные молитвословия и не убедился, что президент всё усвоил и осознал; ибо обряд посвящения заключался именно в том, чтобы посвя-

щаемый понимал, а главное, принимал на веру всю суть духовного-нравственного учения секретной ложи, или, другими словами, тайного общества. Как и полагается, у оной были свои догматы, устав и некие обеты, коим неукоснительно должен следовать каждый: ученики, подмастерья, служители и уж тем более избираемый кандидат в патриархи, коим являлся сам президент великой державы, – Джозеф Абрахам Сэйтчайлд-младший. А обеты, как ни странно, заключались в следующем: не пить, не курить, не блудить, почитать родителей, любить ближнего своего и прочее. Вам это ничего не напоминает, дорогой читатель?

В конце церемонии священник-призрак вознёс над головой избранного чашу с кровью ягнёнка, дал президенту отпить и возложил на его голову триединый венок – символ единства трёх религий.

Обряд посвящения приблизился к своей кульминации, во время которой президент дал кровную клятву перед собравшимися и священными книгами трёх религий, что будет до конца своих дней служить народу и стране. И никогда, ни при каких обстоятельствах не предаст свою нацию и сделает всё, чтобы держава процветала и была самой величественной из всех когда-либо существовавших на земле.

Немного погодя, как только посвящение закончилось, президент Джозеф Сэйтчайлд, уже будучи несколько минут в сани Патриарха Абрахама вселенского, всё ещё пребывал в трансе и забытии, потому торжественно и без малейшего сожаления и колебания заколол трёх невинных голубок, – пустил им кровь, отрезав головы, и начертал на доске устава закрытой ложи заклинание, подтверждающее его намерение быть единым патриархом вся Вселенной до скончания века...

***Бах! Во время бала, посвящённого избранному патриарху.
Место нахождения: Великая ложа, коронационная зала.***

Играет торжественная музыка.

Президент Джозеф Абрахам Сэйтчайлд, которого все теперь называли не иначе как Святейший Владыка Абрахам, торжественно восседал на королевском троне: сиденье олицетворяло собой земной шар, а сверху он – царь народов мира и «святой» правитель исключительной нации и величайшей в истории человечества страны... Советники Линкольн и Бенжамин стояли рядом – один по правую руку, второй по левую – и, почтённо склонившись, заговаривали зубы «патриарху».

– Ваше Святейшество! Вы неотразимы, превосходны! – не стыдился подхалимничать советник Линкольн. – Абсолютно святы и восхитительны, не правда ли, мистер Бенжамин?! Осталось дело за малым: нужно вас короновать, Святейший!

– Да-да! Превосходны и абсолютно святы! – поддакивал, как всегда, советник Бенжамин. – Вне всяких сомнений, Святейший Владыка! И – да! Нужно вас короновать!

– Ха-ха! Великолепно! – превозносился в самости избранный «патриарх». – Советники мои, я чувствую себя замечательно, восхитительно, ей-богу! Я и не думал, что во мне столько сил, энергии и любви и что я готов делиться ею со всеми и каждым на благо всей цивилизации, всего человечества, мира, в конце концов! И творить, творить, и ещё раз творить! И делать добрые дела! А зачем короновать? Я ведь и так Патриарх вселенский!

– Превосходно, Ваше Святейшество! Превосходно! Вы неотразимы! – Советник Линкольн делал всё, чтобы угодить «Святейшему». – Коронация – это формальности! Предоставьте это нам и наслаждайтесь вашим превосходством!

– Неотразимы, неотразимы! Святейший! – по-прежнему вторил советник Бенжамин, «облизывая» самолюбие «патриарха». – Формальности, абсолютные формальности!

– Заткнись уже, Бенжамин! Спасу от тебя нет! – внезапно закричал мистер Линкольн и наотмашь отвесил пощёчину коллеге. – Простите его, непутёвого выскочку, Ваше Святейшество.

– Ничего-ничего, я теперь наделён такой властью, что могу простить кого угодно и за что угодно! – Джозеф Сэйтчайлд настолько поверил в свою избранность, что возомнил себя чуть ли не Богом. – И, более того, мне под силу принимать какие угодно решения, и никто меня не осудит, даже Сам...

– Никто вам не указ, никто-никто, Святейший! Даже Сам Бог, даже Сам Бог! Ибо не существует Его и вовсе! Ведь вы и есть... – тараторил неугомонный советник Бенжамин.

– Говорю тебе, заткнись, Бенжамин! – пуще прежнего заорал мистер Линкольн и ещё раз со всей силы ударил товарища по лицу. – Подобру-поздорову! Немедленно прикрой свою вонючую пасть,

тупоголовый! Рогатый ч-ч-чэ!.. – Мистер Линкольн едва успел сдержаться, чтобы не сказать лишнего. – Я хотел сказать, козёл... Простите нас, Ваше Святейшество...

– Ха-ха! Вы так мило ссоритесь! Прямо как муж с женой! Или как брат с сестрой, ха-ха! – искренне умилился «патриарх».

Музыканты на мгновение перестали играть, и в зале коронации повисла гробовая тишина.

– Советники мои, мистер Линкольн, мистер Бенжамин! Почему музыканты прекратили играть? Что случилось?

– Ваше Святейшество, вам не о чем беспокоиться. Совершенно не о чем! – успокаивал советник Линкольн.

– Да-да! Совершенно не о чем! Так задумано, задумано, Святейший Владыка! – вторил советник Бенжамин.

– Мистер Бенжамин хотел сказать, Ваше Святейшество, – обратился к патриарху мистер Линкольн, – что сейчас будет торжественная часть, где все сильные мира сего – царствующие особы, политики, олигархи, люди искусства и иже с ними – придут поклониться и отдать почести вам, Патриарху Вселенской Церкви, назначенному самим...

– Самим графом Рокфилдом, его Сиятельством! Да-да! – перебил его мистер Бенжамин.

– Бенжамин! Замолчи, негодяй! Заткнись, тебе говорю! – рявкнул советник Линкольн. – Простите нас, Ваше Святейшество...

– Кем-кем назначен? Я думал, что это свыше распорядились... В Небесной... – наивно размышлял Джозеф Сэнтчайлд.

– Так и есть, Ваше Святейшество! Свыше всей Вселенной! – снова воскликнул советник Бенжамин и принялся кружиться вокруг трона патриарха, бегая на четвереньках как бешеное животное.

В зале коронации неожиданно громко заиграла торжественная музыка.

Привратники Адольфо и Муссон распахнули пятиметровые двери, и в залу один за другим начали заходить важные особы. Казначей Хиро при этом подбегал к высокопоставленным лицам, непременно отвешивал им глубокий поклон и протягивал наплечную сумку, в которую гости как заговорённые клали какие-то странные свёртки.

– Позвольте узнать, мистер Линкольн, мистер Бенжамин, – поинтересовался «патриарх», – что за свёртки все эти люди кладут в сумочку казначея?

– Так это обычай такой, Ваше Святейшество! Обрядовая часть ритуала после посвящения в патриархи. И всего-то, – сообщил мистер Линкольн и переглянулся со вторым советником.

– Да-да, Святейший Владыка! Обрядовая часть, обрядовая! И всего-то! Всего! – приговаривал мистер Бенжамин, поглядывая на мистера Линкольна.

– А... Тогда понятно... И всё-таки, а что там, на этих бумажках неведомых написано?

– Не суть важно, Ваше Святейшество. – Советник Линкольн, остановив размышления патриарха, добавил: – Не суть. Обычная клятва верности. Вас сейчас не это должно волновать.

– Точно-точно! Не это, Святейший Владыка! Совсем не это! – сказал советник Бенжамин и волчком закружился вокруг своей оси, а потом и вокруг трона патриарха.

Наконец первая особа вплотную приблизилась к патриарху Абрахаму, покорно склонилась перед владыкой, сняла с его ног туфли и уже через мгновение лобызала их как святыню.

– Фу! Какая мерзость! Кто это, что она делает?! – возмутился патриарх и брезгливо одёрнул оголённую ногу.

– Это королева Виктория, Ваше Святейшество, – пояснил советник Линкольн. – Особа, весьма значимая для народа, но по сути не имеющая никакой силы, мнения и власти над ним, поскольку, да будет вам известно, Святейший, королева Виктория лишь символ, лицо нации, если хотите. На самом же деле всем управляют парламент и министры, а бедная особа может лишь торговать лицом, как говорится. Но нам это ведь только на руку, Ваше Святейшество!

– Только на руку, только на руку, Ваше Святейшество! – попугайничал мистер Бенжамин. – Не имеет власти и своего мнения! Абсолютная пустышка, фантик от...

– Бенжамин! Пустоголовый ч-ч-чэ!.. Заткнись уже! Простите нас, Ваше...

– То, что она мне целует ноги и туфли, – перебил советника патриарх Абрахам, – не означает ли, что я выше её по статусу, советники мои, мистер Линкольн, мистер Бенжамин? Она ведь нас не слышит, как я понимаю?

– Именно это и означает, Ваше Святейшество, – подтвердил советник Линкольн. – И по той же самой причине, как вы сами заметили, не слышит вас, поскольку вы есть свет, солнце, бог во плоти, – избранный, что ниспослан нам, грешным, на землю, чтобы научить, как нужно жить, любить, молиться!

Оба советника упали на колени и начали кланяться патриарху в ноги, касаясь лбом мраморного пола.

– Да-да, Святейший Владыка! Чтобы научить нас, научить! – Советник Бенжамин, сверкая маленькими глазками, грубо льстил патриарху, чтобы тот продолжал думать о своей богоизбранности.

– Встаньте, встаньте с колен, немедленно! Вы же мои советники, а не рабы! – повелел патриарх Абрахам.

– Рабы, рабы, Святейший Владыка! Рабы Божьи! И повинемся тебе во всём! – Советник Линкольн снова упал к ногам патриарха, на этот раз задев королеву, которая, отпрянув, завалилась на бок, но попыталась тут же встать.

– Да-да, рабы, рабы, Святейший! – кричал в экстазе мистер Бенжамин и толкнул королеву Викторию. Она, не успев опереться, снова упала.

– Что за цирк, мистер Линкольн, мистер Бенжамин?! Я вас спрашиваю?! Именем Святейшего Патриарха всея Вселенной, заклинаю, приказываю вам встать! Немедленно! – закричал разъярённый патриарх Абрахам и приподнялся с трона, топнув ногой, как капризное дитё.

Оба советника медленно, нехотя встали с колен и заняли свои обычные места: один по правую руку, другой – по левую от Владыки. В это время привратники Адольфо и Муссон снова открыли парадные двери залы, и внутрь оной вошла престарелая чета с детьми и, видимо, с внуками. Королева Виктория между тем перекатилась на живот и поползла в сторону от Владыки и его приспешников.

– Хм... А это кто ещё мог бы быть? Ума не приложу... – вслух размышлял «патриарх», перебирая в памяти лица известных персон. – Но, по всей видимости, эти люди имеют весьма высокое положение в обществе...

– Да, вы правы, Ваше Святейшество! Это семья Чёртилей, древнего рода, который был поставлен на служение нашему Отечеству ещё предками самой королевы-матери, Виктории Досточертимой, которую вы, Святейший, наблюдали несколькими минутами ранее, – отрапортовал советник Линкольн.

– Да-да, Святейший Владыка! Наблюдали, наблюдали! Только что! – встрял мистер Бенжамин.

– Заткнись, Бенжамин! Заткнись, пустоголовый! Подлец! Простите нас, Святейший...

– Ничего-ничего, советники мои! Я так понимаю, что глава этого семейства имеет некий вес в нашем государстве? Он, видать, герцог или ещё кто...

– Ваше Святейшество, я вас умоляю! Ха-ха-ха-ха! – расхохотался во всю глотку советник Линкольн. – Ну да. Герцог он, как вы догадались. Из рода Марбэри. Но, по сути, клоун ряженный! Ставленник наш. А отсюда какой, спрашивается, вес? Ха-ха-ха! Так, разве что мнимый! Чтобы польстить дряхлому жирному старику, и только, дабы он думал, что был поставлен править нашими колониями по всему свету за какие-то там, видите ли, заслуги! Ха-ха-ха! Ну а пока жирдяй-коротышка упивается своей самостью и пребывает в гордыне и грехе тщеславия, мы можем преспокойно вить из него верёвки и обстрипывать свои делишки! Ха-ха-ха!

– Ага-ага! – радовался этому и мистер Бенжамин. – Вить верёвки из старого жирдяй-коротышки и обстрипывать делишки, Святейший Владыка! Жир! Жир!!!

– Но, позвольте, что значит вить верёвки и обстрипывать делишки?! – возмутился Владыка и грозно посмотрел на подданных. – Это просто безобразие какое-то, господа советники! Негоже так говорить о людях, тем более о доверенных, подчинённых!

– Вы правы, вы правы, Ваше Святейшество... Каюсь. Виноват, – отвечал мистер Линкольн и лукаво ухмылялся. – Виноваты мы, окаянные... Конечно, негоже. Это я так, не подумав. На самом деле этот старичок, Липтон Чёртиль, весьма и весьма хороший человек, как и вся его семья. И выбрали мы его, потому что он профессиональный заговорщик! Ох, а сколько Липтон делов наворотил с нашей подачи! Мама не горюй!

– Вот-вот! Хо-о-о-ро-о-оший человек, очень хороший, Святейший Владыка! – согласился советник Бенжамин. – Настоящий профессионал!

– Заговорщиком, говорите? – задумался патриарх Абрахам.

– Ну, в смысле, – оправдывался советник Линкольн, – может кого угодно на что угодно уговорить, Ваше Святейшество.

– А-а-а... Ну, тогда ладно, а то я было подумал...

Достославное семейство во главе с Липтоном Чёртилем приблизилось к Святейшему, и каждый из рода оного, включая детей и подростков, по очереди проделал с ногами и туфлями патриарха то же, что до них сделала сама королева Виктория Досточертимая, – облобызал ступни и обувь Владыки. Святейший морщился и пытался убрать ноги куда подальше, но бдительные советники не давали Владыке ни малейшего спуска, каждый раз ставя ноги Его Святейшества обратно на патриарший коврик с изображением Бога Отца, Бога Сына и пророка Моисея. Сие обстоятельство – расположение патриаршего трона на фреске – служило символом богоизбранности и святости патриарха Абрахама, Джозефа Сэинтчайлда-младшего.

Когда семейство Чёртилей из рода герцогов Мэрбэри всё же закончило обрядовую часть поклонения патриарху как святыне, лорд Липтон Чёртиль с супругой, детьми и, по всей видимости, внуками (уж очень было много ребятни у герцога) прошли в отдельную залу – помещение для важных особ, куда до них зашла и сама королева-мать, дабы подождать, пока все вельможи, политики и представители богемы прикоснутся к святому образу самого «Бога», что восседал на троне в лице Святейшего Патриарха Абрахама.

На поклон к вселенскому патриарху, «богоизбранному» Святейшему Владыке, пришли все, кто имел отношение к Великой ложе и тайному обществу. Здесь была и знать всех мастей: принцы и принцессы, герцоги и герцогини, князья, графья, маркизы, бароны, вельможи и прочие представители высших сословий; чиновники и политики: сенаторы, губернаторы, министры, замминистры, маршалы, генералы, прокуроры, судьи и другие начальствующие и высокопоставленные лица; и, конечно же, элита, богемная тусовка: актёры, певцы, художники, режиссёры, музыканты, продюсеры, поэты, писатели, драматурги – в общем, творческая интеллигенция, как они высокопарно себя называли.

И все эти люди, как дрессированные цирковые животные, по команде падали ниц при виде Святейшего и готовы были на всё: целовать ноги и туфли «богоизбранному» патриарху; танцевать перед ним джигу, как заводные марионетки; устраивать театрализованное представление, играя уготованные для них роли лизоблюдов и подхалимов и присягая в верности оному до скончания веков; распевать хвалебные песни во имя Владыки и его приспешников; и даже (что вполне могло быть и правдой при других обстоятельствах) дать почесать пузико, развалившись на коленях любимого хозяина как домашний питомец. Мерзость, да и только...

Когда очередь из сильных мира сего почти иссякла, в парадных дверях, которые со всей важностью открыли напыщенные привратники Адольфо и Муссон, появился Найджел Пэкстон – та самая икона стиля, легенда поп-сцены, выдающийся человек столетия, по мнению народа... Который совсем забыли спросить: а точно ли это его выбор?..

Найджел Пэкстон с опаской вошёл в залу. Он украдкой, почти на цыпочках, еле касаясь мраморной плитки (буквально порхая), преодолел большое расстояние и подошёл к трону патриарха.

– Позвольте представиться, Ваше Святейшество... Святейший Владыка, патриарх Абрахам... Вашество... – заискивал поп-король, подбирая всё более вежливые формы обращения, и от смущения и страха не смел смотреть Владыке в глаза.

– Я знаю, кто вы, любезнейший, – ответил самодовольный патриарх Абрахам. – Мои верноподанные советники, мистер Линкольн и мистер Бенжамин, уже доложили мне, кто вы будете такой! Не знал, не знал... Видимо, стар уже совсем стал. Не думал не гадал, что у нас в королевстве, простите, в стране есть такой выдающийся человек, – заслуженный мэтр, редкий талант и просто славный малый Найджел Пэкстон!

– Да-да, точно-точно! Редкий талант, Святейший Владыка, и просто хороший человек! – Советник Бенжамин и здесь дал знать о своём присутствии.

– Хм! Мистер Бенжамин, Его Святейшество уже сказал это! Довольно с нас! – сделал замечание коллеге советник Линкольн.

– Ну... Я... Как бы... – замялся Найджел Пэкстон. – Мне весьма и весьма приятно, что вы, Святейший Владыка, уделили внимание моей персоне и немного ознакомились с моей биографией и достижениями...

– Не смущайтесь так, мистер Пэкстон, вы – олицетворение современного мира искусства, – продолжил патриарх Абрахам помпезную речь, – а посему вхожи в наши общие круги и общества, и в частности в закрытую ложу. Поэтому Сам Бог велел нам сейчас вести беседу в этой прекрасной коронационной зале, в которой мы сегодня все вместе собрались, чтобы чествовать меня как Святейшего Патриарха Вселенской Церкви.

– Да-да! Как Святейшего Патриарха! Вселенской, межнациональной, межконфессиональной единой Церкви! – взбудораженно воскликнул советник Бенжамин и принялся кружить возле трона патриарха, а затем и возле гостя.

– Мистер Бенжамин! Может, мы не будем повторяться! – закричал мистер Линкольн. – Мистер Пэкстон, сэр. Ваше Святейшество, Владыка. Простите нас... Мистер Бенжамин, можно вас на секунду. – Советник Линкольн поймал закружившегося коллегу за ухо и, словно нашкодившего малолетку, увёл прочь.

Найджел Пэкстон и патриарх остались наедине. И только привратники Адольфо и Муссон, а также казначей Хиро, с вождением пересчитывающий деньги в углу залы, остались невольными слушателями. Впрочем, через какое-то время советник Линкольн вернулся и приказал привратникам и казначею оставить Святейшего наедине с поп-звездой.

– Ну... Вот мы и остались одни, Ваше Святейшество... Совсем одни... – Поп-король снова обрёл вид смущённого подростка и трясся от волнения, как кисейная барышня.

– Да! Наконец-то я могу хоть немного перевести дух и расслабиться, ха-ха! – восторженно воскликнул Владыка и, сидя на троне, отбил чечётку. – А то я так устал, уважаемый, любезнейший друг, так устал... Как никогда!

– Ваше Святейшество, отчего же вы устали? Хотя, конечно, мне ли, жалкому смерду, недостойному и перста его Святейшего Владыки, задавать такие вопросы... Гм... – унижался ради покровительства священноначальника поп-звезда.

– А почему нет, мой милый друг Найджел? Ведь я тоже человек и, следовательно, ничто человеческое мне не чуждо, – грустно подметил патриарх.

Найджел Пэкстон на миг замялся и, нервно покашливая, в замешательстве растерянно потупил взгляд. Из-за тихо приоткрытой двери за спиной патриарха, прямо за тронем, высунулась голова советника Линкольна, а за ней и советника Бенжамина. Найджел Пэкстон не сразу разглядел приспешников Владыки, поскольку был близоруким, но потом всё же рассмотрел «кричащие» силуэты и, сильно прищурившись, увидел в дверном проёме взбешённые лица советников, жуткие гримасы которых предупреждали о том, чтобы поп-король действовал строго по ранее оговорённому плану...

– Но как же, Святейший Владыка?! Как вы так можете рассуждать, скажите?! – пылко начал разглагольствовать Найджел Пэкстон. – Вы ведь есть избранный, посланник Бога, пророк, Мессия, поставленный на трон патриарха, чтобы вершить правосудие и вести за собой народ! Нет! Более того – вы есть святость! Сама непорочность! Сын Божий во плоти! Тут нет никаких сомнений! – рассыпался в комплиментах пройдоха-лизоблюд. – И я, и мы, ваш верный и покорный народ, будем следовать за вами везде и всюду, ибо вы и есть тот, кого нам послал Сам Всевышний!

– А так ли это, мой любезнейший друг? Так ли? Как я устал, Боже... Как устал... – без умолку жаловался Владыка, ёрзая на троне, как уж на сковородке.

– Ваше Святейшество! Перестаньте хандрить, ей-богу! Что вы, что вы! Прочь сомнения! – с пеной у рта переубеждал патриарха Абрахама поп-идол. – Я вас уверяю, вы самый великий и самый, самый... – Найджел Пэкстон захлёбывался в эпитетах, задыхался от экстаза, лез из кожи вон, чтобы захвалить патриарха до тошноты. – Э-э-э... Самый святой! Самый лучший! Самый обожаемый! Вы – великий молитвенник и Богом данный правитель! У вас нет изъянов, ибо вы непогрешимы! Свят, свят, свят! Его Святейшество! Всё, что вы делаете, делали и будете делать, – это воля Божья!

Сладкие речи притворщика имели успех: патриарх успокоился, расплылся в самодовольной улыбке и понемногу пришёл в себя. Мистер Линкольн и мистер Бенжамин, удостоверившись, что поп-король сказал всё, что было намечено, перестали гримасничать; их головы исчезли в тёмном проёме, и пятиметровые дворцовые двери с негромким щелчком закрылись. Внезапный стук захлопнувшихся створок насторожил патриарха. Святейший тревожно оглянулся, но поп-звезда не дал Владыке сосредоточиться на шуме и, отвлекая внимание «богоизбранного», вновь завёл с ним беседу.

– Вне всяких сомнений, Ваше Святейшество! Говорю вам, тут не о чем переживать. Вы на своём месте, Богом клянусь! Ведь всё, что мы делаем, точнее, вы делаете, это правильно и единственно верно, истинно и справедливо, а значит, имеет божественную силу, покровительство высших сил! Нам нечего бояться, ведь с нами Бог! – без усталости нахваливал патриарха поп-король, уже совсем не стесняясь в выражениях.

– Возможно, ты и прав, мой милый друг! Ну, допустим-допустим. Но, по секрету скажу, – шёпотом проговорил Владыка, склонившись в сторону гостя, – я вот не совсем понимаю, в чём заключается истина, правда...

Философские размышления патриарха Абрахама прервала торжественная музыка, которая раздалась так внезапно, что ничего не ожидавший Владыка подскочил на месте и от страха вжался в трон, подумав на мгновение, что это покушение. Из парадных дверей сначала вышли привратники Адольфо и Муссон, а за ними советники Линкольн и Бенжамин в красно-красных смокингах.

– Ваше Святейшество! Святейший Патриарх Абрахам! – с чувством изрёк советник Линкольн. – Прошу вас пройти в Треугольный кабинет, чтобы торжественно подписать бумаги и произвести ритуал преемственности, возложив на вашу голову корону единовластия!

– Да-да! Святейший Владыка! Подписать бумаги и возложить корону! – не умолкал советник Бенжамин и бегал вокруг трона, словно собака, ждущая, когда хозяин бросит ей кость.

– Какие бумаги, советники мои, мистер Линкольн и мистер Бенжамин? – недоумевал Владыка. – Разве я ещё не всё подписал? И что ещё за ритуал такой – преемственности?

– Ваше Святейшество, Владыка, то были бумаги на присягу своему народу и клятвы, данные Богу! А сейчас вам нужно подписать внутренние документы, в том числе и право преемника и предшественника, чтобы всё было по букве закона! – объяснил советник Линкольн.

– По букве закона! Святейший Владыка! По букве! Закона! – вторил одержимый советник Бенжамин.

– А... Ну, раз надо, значит, надо... – обречённо ответил Владыка.

Патриарх Абрахам медленно приподнялся на троне, нехотя оттолкнулся от сиденья и, громко кряхтя и постанывая, как и полагается человеку в почтенном возрасте, встал на мраморный пол и не спеша подошёл к советникам. Приспешники учтиво поклонились Владыке, взяли его под руки (один с правой стороны, а другой с левой) и повели старика прочь из коронационного зала. Найджел Пэкстон на долю секунды растерялся и хотел было пойти за важной особой, но привратники Адольфо и Муссон тут же перегородили ему путь и пренебрежительным жестом спровадили поп-короля, чтобы тот шёл куда полагается – в зал ожидания, где до него расположились все сливки общества во главе с королевой-матерью Викторией Досточертимой и семейством Чёртилей.

Бух! Треугольный кабинет.

Полумрак и загадочность Треугольного кабинета наводили ужас на уставшего и изнурённого за день Владыку Абрахама, и он всячески оттягивал момент, тревожно избегая того самого ритуала преемственности, о котором только что узнал, а посему ковылял всё медленнее и медленнее, только бы не заходить в чёртов «треугольник». К слову сказать, патриарха Абрахама в сопровождении советников так никто и не встретил, что насторожило Владыку ещё больше, и он не на шутку разволновался.

В комнате никого не было, кроме графа Рокфилда. Он сидел на стёганом кожаном диване спиной к вошедшим и любовался панорамным видом на ночную столицу – город греха. Смакуя табачный дым, его сиятельство пускал никотиновые кольца в воздух и, видимо, размышлял о насущном...

– Ваше сиятельство! – осторожно обратился к графу советник Линкольн. – К вам с визитом Его Святейшество – Патриарх Абрахам – Владыка всея Вселенской Церкви и президент нации, Верховный главнокомандующий, в миру – Джозеф Сэйнтчайлд-младший.

– Сам патриарх, милорд! Его Святейшество! – резко выкрикнул советник Бенжамин и забегал рысью по кабинету, вынюхивая обстановку, но вскоре, правда, успокоился и покорно замер в ожидании ответа его сиятельства.

Граф Рокфилд неторопливо встал с дивана, взмахнул мантией-плащом и через мгновение уже стоял напротив ошеломлённого и дрожащего от страха и неожиданности патриарха Абрахама.

– Ваше Святейшество, Владыка Абрахам! – льстиво улыбаясь, сказал граф и учтиво поклонился патриарху. – Я так рад видеть вас в своих хоромах, которые, впрочем, скоро станут вашими по праву!

– Моими?.. – растерянно спросил патриарх и переглянулся с советниками, которые одобрительно кивали и кланялись. – Так ведь...

– Да-да, именно вы, Владыка, – не дослушав, перебил граф. – Вы и есть наше всё! Богоизбранный, помазанник Божий, которому суждено править миром и всеми народами, олицетворяя собой власть и господство, данное свыше. – Граф с укоризной посмотрел на непрестанно делающих реверансы советников и добавил: – А вы, жалкие прихвостни! Может, стоит уже представить меня как полагается?

– Да-да, представить! Нужно срочно представить милорда! – Советник Бенжамин всё же не устоял и засуетился пуше прежнего, дёргаясь на месте, словно бесноватый в припадке.

– Заткнись! Замолчи, Бенжамин! – заорал мистер Линкольн и дал коллеге такую затрещину, что тот кубарем покатился к ногам графа. – Ваше Святейшество! – торжественно заявил советник Линкольн, обращаясь к взволнованному Патриарху, и принялся делать то, что он любил больше всего, – угождать вышестоящим: – Для меня большая честь представить вам его сиятельство графа Рокфилда – нынешнего коронованного престолодержца, Великого князя и непревзойдённого стратега и повелителя всея Земли!

– Великого и непревзойдённого князя! Повелителя! – вторил, выкрикивая отрывки из предшествующей речи, мистер Бенжамин, который успел за это время поцеловать ноги графу, а затем встать и походкой одержимого вернуться на прежнее место.

– Мне, право, весьма приятно... – задумчиво произнёс патриарх Абрахам. – Я много о вас слышал от моих советников, но не мог и представить всего величия вашего, милорд... – Владыка, не чувствуя подвоха, смотрел графу прямо в глаза. Тот, воспользовавшись доверчивостью старика, прибегнул к гипнозу.

– К чёрту формальности, Ваше Святейшество! – неожиданно воскликнул граф и щёлкнул пальцами.

Через мгновение все сидели за невероятно огромным круглым столом (в центре Треугольного кабинета), который ломился от яств и изобилия спиртного. Граф курил взятяг сигару за сигарой, а советники без конца выдували пар из кальянов, что стояли рядом со столом, представляя собой огромные резервуары с розовой жидкостью, где плавали маленькие человечки, – то ли младенцы, то ли карлики. Кабинет вскоре наполнился табачным дымом, сквозь завесу которого трудно было разглядеть собеседника. Патриарх сидел как в дурмане и с трудом дышал, ибо сизое сигарное облако обволокло его полностью. Речи и близко не шло, чтобы трезво мыслить и рассуждать в такой непотребной обстановке. По понятным причинам (и при всём желании, разумеется) невозможно было сосредоточиться и во что-то вникнуть, не упустив каких-либо мельчайших деталей, которые в итоге могли бы сыграть роковую роль во всей этой вакханалии. На сие, как нетрудно догадаться, рассчитывали граф Рокфилд и советники Линкольн и Бенжамин. Заговорщики желали во что бы то ни стало совершить сделку всех времён: оформить преемственность, назначить президента самой великой державы на земле, возведённого ещё и в сан Святейшего Патриарха всея Вселенной, – наследником империи князя тьмы, чтобы передать все полномочия в руки несчастного смертного и таким образом избавить себя от ответственности перед Богом и обвинить Его творение во всех злодеяниях, совершённых человечеством (за всё время от сотворения мира) под влиянием тёмных сил. И чтобы губитель людей Джозеф Абрахам Сэйтчайлд отныне нёс вечную ношу проклятого и изгоя вместо самого Сатаны.

Ничего не понимая, патриарх Абрахам всё же пытался совладать со своим состоянием, но делал это Святейший весьма неуклюже и забавно. Владыка падал на пол и ползал под столом как пьяница, что налкался до беспамятства накануне Нового года; дёргал за ноги советников, думая, что это дверные ручки (патриарх мечтал быстрее убежать прочь); вернувшись на место, тряс головой, чтобы опомниться, но тут же впадал в транс, после чего снова сидел неподвижно как замороженный и смотрел в одну точку: на лоб графа Рокфилда. Его сиятельство сверкало кровавыми, пылающими огнём глазами, от которых веяло ужасом и вечными муками. Магический треугольник на лице графа,

образованный соединением незримых линий между глазами и точкой на лбу, приводил патриарха в кошмарный экстаз: Владыка испытывал страх, восторг, смятение и удовольствие одновременно. Разрываемый полярными чувствами и злым духом противоречия, патриарх Абрахам абсолютно лишился воли и был похож на тряпичную марионетку в руках кукловода, которая не могла сама думать и принимать решения.

Видя, что Владыка всецело находится во власти тёмных сил, советники ехидно смеялись и корчили рожи от удовольствия. Граф Рокфилд, в свою очередь, был спокоен и даже сдержан: он по-прежнему не спускал глаз с патриарха и смотрел ему прямо в душу, где видел маленького мальчика, младенца, подобного тем детишкам, что плавали в резервуарах, которые выкуривали советники Линкольн и Бенжамин. То были души великих людей, однажды загубленных князем тьмы.

В Треугольный кабинет забежали юные обнажённые распутницы и начали виться вокруг стола, ещё больше отвлекая и без того полоумного патриарха, который без стеснения хватал чертовок за телеса, сажал их на колени и бесстыдно целовал в губы, шею и грудь.

– Да! – кричал в экстазе опьянённый развратом Владыка, не понимая, что губит себя и свою душу. – Вот это я понимаю! Граф Рокфилд, да вы всё предусмотрели! Целый бал-карнавал получился, однако! Да ещё и... Как же чертовки хороши! – восторгался одурманенный патриарх и щипал молоденьких ведьм за пышные формы. Те взвизгивали от удовольствия, игриво строили глазки и похотливо хихикали.

– Наслаждайтесь, Святейший Владыка! – воскликнул граф и лукаво улыбнулся. – То ли ещё будет, когда мы подпишем все бумаги, коронуем вас и вы станете наследником престола Земли и распорядителем человеческих судеб, властителем умов и душ сильных и слабых мира сего! Ах! – одёрнул себя милорд и, указывая на резервуары, сказал: – Вот же они, мои фавориты! Великие и мерзкие! Гениальные и отвратительные! Все они здесь! Лучшие из лучших: выдающиеся учёные и исследователи, непревзойдённые музыканты, певцы, художники, архитекторы, политики, вояки, религиозные деятели, – все, кто служил и служит и будет служить мне, а теперь и вам, предоставив души в вечное рабство взамен талантам и дарованиям, дабы прославиться на земле!

– И чем больше таких мёртвых душ мы соберём, Ваше Святейшество, – подначивал невменяемого патриарха советник Линкольн, – тем быстрее погубим и всё человечество, подчинив всех смертных нашей воле! Чтобы жалкие людишки выполняли приказы и повиновались аки рабы! Веки вечные! А-ха-ха-ха! – Советник Линкольн неприлично громко рассмеялся. Его тут же подхватил мистер Бенжамин, который с грохотом соскочил с насиженного места и, хохоча как безумный, принялся бегать вокруг стола. Бесноватый советник запрыгивал на столешницу, вытанцовывал на ней неведомые па, затем спрыгивал на пол и всё так же гогоча, словно гнедая лошадь, скакал, но теперь уже возле патриарха Абрахама.

– Мёртвые души! Мёртвые! Нужно много человек! Погубить! Погубить! – неистовствовал мистер Бенжамин и выкрикивал одни и те же слова то в правое ухо Владыки, то в левое.

– Почему мёртвые? Разве души могут быть мёртвыми? – Патриарх на секунду пришёл в себя и засомневался в услышанном.

– А как же?! Ваше Святейшество! Ха-ха-ха! – демонически захохотал граф Рокфилд и вмиг предстал перед Владыкой в образе Сатаны, впиваясь огненным взором глубоко в душу и сердце наивного старика. – Разумеется, мёртвыми! – пояснял граф. – Ведь они умерли как люди, человеки, но не телом, а душою, продав её власти тьмы за блага временные, тленные! И обрекли себя на вечные муки! Ха-ха-ха! – Его сиятельство, утробно кашляя и злорадно смеясь, вновь принял человеческий облик.

– Тлен! Тлен! Всё – тлен! – поддакивал советник Бенжамин и припадал к ногам графа, целуя милорду ступни и щиколотки. – Только власть тьмы и вечные муки!

– Да... Вы правы, ваше сиятельство... – соглашался с графом патриарх Абрахам, словно слышал божественное откровение, в котором говорилось иное, но тоже искажённое: все люди святы от рождения и нужно потворствовать их желаниям, ибо они есть свет и подобие Божие, которое нужно чтить и лелеять, одаривая благами небесными, и не спрашивать с них ничего – ни искупления грехов, ни покаяния, ни жизни по совести с Богом...

Наигравшись вдоволь с безвольным, податливым и мягким, как застывший кисель, Владыкой Абрахамом, граф Рокфилд снова щёлкнул пальцами, закружился вокруг своей оси, раскрутил всех присутствующих в Треугольном кабинете волчком и окутал их чёрной мантией-плащом.

Бах! Всё там же, в Треугольном кабинете, но уже абсолютно в другой обстановке: мнимо светлой, торжественной и праздничной.

В кабинете по-прежнему присутствовали четверо: граф Рокфилд, советники Линкольн и Бенжамин и сам патриарх. В белоснежных платьях они стояли перед панорамным окном с видом на столицу – город греха, олицетворяющем мир, которым будет править новоизбранный князь тьмы.

– Ну что же, подпишем, Ваше Святейшество, и дело с концом! – давил на Патриарха граф и ехидно ухмылялся. – И вы станете единственным властителем Земли, Патриархом всея Вселенной, правителем над людьми, который, имея сам по себе человеческое происхождение, впервые удостоится титула князя!

– Князя! Князя тьмы! Правитель над людьми, жалкими людишками! – в безумстве орал мистер Бенжамин и скалил зубы, постукивая тяжёлыми челюстями, как у дикого зверя.

– Заткнись, чертополох! Замолчи немедленно! – перебил его советник Линкольн и, как всегда, ударил коллегу по лицу.

– Я думаю, – размышлял вслух Владыка Абрахам, – мы...

Бах! И снова темнота...

– Господи, – тревожно отозвался Джозеф, – я ничего не вижу...

– А нужны ли тебе ещё доказательства? – спросил Бог и тяжело вздохнул.

– Так я подписал талмуд этот толстенный или нет?! – теряя терпение, поинтересовался Джозеф.

– А ты как думаешь, дитя? – строго ответил Господь. – Не возникает ли у тебя вопроса: почему ты тогда здесь?

– Значит... Всё-таки подписал...

– Да, ты подписал, Джозеф, – с печалью и разочарованием ответил Бог. – Но теперь ты обязан досмотреть всё, что натворил...

Бах! Вспышка света. В коронационной зале...

Владыка Абрахам снова восседал на патриаршем троне, рядом с которым стоял ещё один, не менее величественный и вычурный, – он принадлежал графу Рокфилду. Милорд с увесистой, пёстрой короной на голове непринуждённо сидел на чёрном троне и, положив ноги на подлокотник, вёл себя развязно и вызывающе: сквернословил, язвил и проклинал всех и вся. Советник Линкольн стоял рядом с патриархом и что-то настойчиво ему нашёптывал. Мистер Бенжамин, в свою очередь, метался загнанным зверем, бегая между двумя важными особами, и нахваливал то одного, то другого.

Раздался пронзительный, громогласный звук. То были фанфары, в которые протрубили стайки маленьких чёртиков (на каждой трубе их было не меньше дюжины – чёртовой): бесенята торжественно возвестили о начале церемонии, приуроченной ко дню коронации Владыки Абрахама – Патриарха Вселенской Церкви, уже имеющему титул князя, который он получил ранее, подписав в Треугольном кабинете бумаги с графом Рокфилдом. Так что можно сказать, официально Святейший Владыка уже являлся преемником милорда, поэтому коронация прошла скорее для галочки, хотя обрядовую часть никак нельзя было исключать, ибо это действие имело сакральное значение...

Когда чертенята наконец закончили выдувать медь и, запыхавшись, громко и прерывисто, с хлопотанием в лёгких (словно сотни заядлых курильщиков) принялись откашливаться и колотить друг друга копытцами и хвостами по мохнатым серо-зелёным спинкам, привратники Адольфо и Муссон с присущими им высокопарностью и надменностью открыли ворота в залу. Из комнаты ожидания вечности повалили все, кто пришёл поклониться новому князю и отдать почести предшественнику, – графу Рокфилду, на прикорме у которого все предатели, негодяи, бандиты и иже с ними нечестивые продажные подлецы находились сотни, а быть может, и тысячи лет.

Королевские особы, политики, вельможи, чиновники, олигархи, спортсмены, люди искусства, интеллигенция, богема выстроились в нескончаемую очередь-вереницу, что зигзагом пролегла через всю коронационную залу и тянулась дальше, заворачивая в комнату ожидания вечности. И не было ни конца ни края «нуждающимся», которые мечтали воздать почести преемнику графа Рокфилда и заручиться поддержкой нового князя тьмы, чтобы обеспечить себя и потомков всеми благами земной жизни: бо-

гатством, славой, нескончаемым плотским удовольствием. А ещё они хотели получить благословение и покровительство новоизбранного князя и в будущей, как все наивно полагали, вечной жизни, где бы продавшие душу продолжили бесчинствовать и наслаждаться, ни в чём себе не отказывая...

Таков был план графа Рокфилда и его бесовских приспешников, но патриарх Абрахам, опьянённый славой и могуществом, которым его наделил отнюдь не Господь, ни о чём таком даже не подозревал...

Пребывая в забытьи и иступленном восторге, которые граничили с безумием, самодовольный, горделивый патриарх принялся раскачиваться в такт заигравшей музыке в исполнении всё той же кучки бесенят: чёртики в глазах Владыки Абрахама представляли в образе благочестивых и одухотворённых музыкантов. На самом же деле демоны-карлики, которых не видел околдованный патриарх, играли отнюдь не возвышенную, ласкающую слух мелодию, а наоборот – дрянное бряцание с дикими воплями и топотом невопад. Эту отвратительную какофонию и полную безвкусицу никак нельзя было назвать искусством и музыкой, а скорее набором ритмически закольцованных, повторяющихся фраз, похожих на шаманские заклинания или обрядовые песнопения африканских чародеев, практикующих магию вуду...

Сие омерзительное действие, когда под топот и крики чертей-музыкантов все гости, пришедшие на поклон, начали выламываться и изгибаться словно одержимые, продолжалось бесконечно долго, и, казалось, ничто не могло прервать эту вакханалию, плавно переходящую в буйное помешательство и ужасающее по силе своей беснование. Приспешники Сатаны, находясь в экстазе от сего «священнодействия», срывали друг с друга одежды, складывали их посередине залы и сжигали в костре, вокруг пламени которого водили хороводы и надрывно кашляли от зловонного дыма. Подоспевшие советники Линкольн и Бенжамин, придерживая походный котёл, с нескрываемым восторгом бросали в огонь младенцев – заблудшие души некогда усомнившихся праведников (ибо они помышляли о сделке с лукавым), взятых накануне из резервуаров Треугольного кабинета, и смеялись потусторонними голосами.

– Вот это я понимаю! – радостно изрёк патриарх Абрахам. – Радость жизни будущего века! Ай да молодцы, хвала этому славному народу! Хвала Господня!

– Хвала! Хвала! Ему, ему! – верезжал советник Бенжамин, вылавливая на дне котла последних младенцев, и сверкал бегающими глазёнками то на мистера Линкольна, то на графа Рокфилда. Милорд одобритительно кивал и закатывался демоническим хохотом.

– Ха-ха-ха-ха! – раздавался потусторонний смех графа снова и снова. – Какая великая радость, однако! Какое веселье! Массовое, так сказать! Обожаю, когда так много людей предаётся...

– Радости во имя Господне! – перебил его воодушевлённый Владыка Абрахам.

– Да! Именно! Ха-ха-ха-ха! – жутко и ещё громче захохотал милорд Рокфилд.

– Ваше сиятельство! – обратился к графу советник Линкольн. – Послать казначея Хиро за свёртками?

– Правильно речёшь, слуга мой! – похвалил советника граф Рокфилд. – Пора! Самое время этому смерду явиться и принести ношу!

– Пора! Пора! Явиться! Принести ношу! – по привычке повторял за хозяином советник Бенжамин и истерически гоготал. – Смерд! Смерд!!! Смерть! Ой! Хе-хе-хе! Хе-хе-хе!

– А что за ноша такая? – удивлённо спросил патриарх, и уже через мгновение стоял вместе с графом Рокфилдом и советниками перед казначеем в центре залы. В руках казначей Хиро держал маленькую сумочку, больше похожую на клатч, – дамский аксессуар для разной мелочи. Патриарх Абрахам искренне недоумевал и просил объяснить ему, как в этой штучке могли уместиться все те свёртки, которые непрестанно приносили гости. В тот же миг клатч распахнулся, подобно ларчику, и из него посыпались золото и бриллианты, как это видел Владыка Абрахам. Святейший думал, что сие есть дары Господни, которыми он, Патриарх всея Вселенной, мог воспользоваться как сокровищами-талантами и раздать всем нуждающимся, дабы приумножились оные. На деле же всё обстояло иначе: Владыка Абрахам, не ведая того, копался в перегнившем навозе и разлагающейся плоти – грехах и пороках человеческих (грязи духовной). Люди, прельстившись обещаниями князя тьмы, вполне допускали пребывать в праздности, творя беззаконие, ибо граф Рокфилд samozабвенно утверждал, что у каждого человека есть выбор: веселиться и ещё раз веселиться до скончания века, а там, в самом конце, глядишь, и разберёмся, что к чему. Бог, как всегда, всех простит... Он ведь обычно так поступает...

Точку в отчётном бесовском концерте-представлении поставил сам граф Рокфилд, возложив на голову патриарха свою увесистую корону: отныне Джозеф Сэйтчайлд полностью находился под властью Люцифера и его верноподданных...

Коронация и посвящение в князя тьмы прошли гладко, безболезненно и незаметно – даже, можно сказать, играючи, ибо, как это водится за всеми людьми, которые сначала делают, а потом думают, Владыка Абрахам ничего особенного не почувствовал и не заметил, и сердце его совсем не дрогнуло, поскольку сам не ведал тогда, что творил... И пребывал в грехе самости, напевая славные песенки своему эго...

Бах! В месте трагическом, но с весьма забавным названием: Клинтгогон. Где-то в центре западного государства на связи с полигоном для испытаний оружия массового поражения.

– Если вы нажмёте на красную кнопку, мистер Сэйтччайлд, то всем им крышка, гы-гы! – сказал генерал Бладкрафт.

– А если зелёную?.. – спросил президент и, словно малый ребёнок, не задумываясь нажал на выбранную кнопку.

– Нет! Стойте!!! Мистер президент!!!

Бах! И снова тьма...

– Господи, – разрыдался Джозеф, обращаясь к Богу, – неужели... Неужели я сделал это своими руками?

– Да, дитя Моё... – печально ответил Господь. – Ведомый князем тьмы...

– Но как же так, Боже мой?! – не находила места неприкаянная душа. – Как же так вышло?!

– Тебя сгубили тщеславие и гордость, чадо, – терпеливо объяснял Всевышний, – и воспевание своей самости...

– Так это что, было ядерное оружие? – в отчаянии закричал президент Джозеф Сэйтччайлд.

– Разумеется, оно самое... – с грустью ответил Господь.

– И что теперь будет?! Что с человечеством?! – вопил в темноту Джозеф.

– Ничего... ничего теперь не будет, – сказал Бог, тяжело вздохнув, – ибо нет больше человечества... Доигрался ты, дитя...

– Как это?! – не мог поверить в услышанное президент Сэйтччайлд.

– Всё просто, Джозеф: страна твоя и материк, на котором находилась она, сразу пошли ко дну, поглощённые пучиной океана, – объяснял Господь, – а остальное человечество – с восточных, северных и южных материков – погибло в течение семи дней от цунами, наводнений, бурь, кислотных радиоактивных дождей и землетрясений...

– Как в Бытие, только обратный отсчёт был? – промолвил Джозеф и всхлипнул.

– Да, чадо Моё, так всё и было... А на седьмой день всё покрылось пеплом, а затем и кромешной тьмой...

– Как сейчас?

– Да, Джозеф, дитя, как сейчас... И некому посему молиться о тебе... Совсем некому...

– Господи! – вновь взмолился президент Сэйтччайлд. – Господь Всемогущий! Ты можешь всё вернуть на круги своя, правда ведь?

– А зачем, Джозеф? – недоумённо спросил Бог. – Разве это стоит того? Ведь люди ничему так и не научились... Но... Я так вас люблю, дети Мои...

Бах! Где-то в центральной части западной державы.

В самом начале путешествия длиною в жизнь...

– Джозеф, милый мой мальчик, – с любовью обратилась мать к сыну, – тебе положить добавки?

– Да, мамуля, пожалуйста, – ответил малыш.

– Хорошо, кушай на здоровье, сыночек, – ласково сказала мама и погладила Джозефа по голове. – Скажи, дорогой, а где вы сегодня были с братом?

– А... Мы с Хайрамом были в саду, гуляли на Горе Откровений, – воодушевлённо начал мальчик. – Я наелся фруктов – яблок, абрикосов, тютюны – и немного задремал под солнцем...

– Как здорово, мой малыш! – умилилась мама. – Я так рада, что вы дружны с братиком. Вы моё всё... – Мать нежно обняла сына и расплакалась.

– А знаешь, что мне приснилось, мам? – радостно спросил мальчуган и озорно посмотрел на маму.

- И что же, сыночек?..
- Что я – богоизбранный правитель...

*Се, гряди скоро, и возмездие Мое со Мною,
чтобы воздать каждому по делам его.
Я есмь Альфа и Омега, начало и конец,
Первый и Последний.
Блаженны те, которые соблюдают
заповеди Его, чтобы иметь им право
на древо жизни и войти в город воротами.
А вне – псы и чародеи, и любодееи, и убийцы,
и идолослужители, и всякий любящий
и делающий неправду.*

Откр. 22:12–15

ЭПИЛОГ

Здесь, мой милый друг, как правило, рассказчик-писатель должен сказать фразу наподобие «Вот и сказке конец, а кто слушал – молодец!». Но если бы всё было так просто и без подведения итогов и выявления морали можно было обойтись, то у автора сего лихо закрученного сюжета просто-напросто не осталось бы возможности лишний раз поразглагольствовать и, строя из себя бывалого знатока и моралиста-пуританина, порассуждать на вечные темы. А это, знаете ли, любезнейший, ровно отказать себе в удовольствии. Ну, знаете ли, когда маленький ребёнок сделает что-то хорошее, то непременно получает некую награду в виде, например, мороженого или шоколадки. Так и тут: рассказчик хочет себя немного похвалить – дескать, какой он эдакий разэдакий (молодец, в общем), что поднял такую остросоциальную и в некотором роде политическую (без шуток, прости Господи!) тему.

Ну а если по делу, то всё понятно без лишних слов, ибо зло наказано, так сказать. А вот где правда, милый друг? Где истина? – большой вопрос... В том ли, что все погибли и Бог дал второй шанс, воскресив будущего президента Джозефа Сэйтнчайлда-младшего, которому надо бы всё переосмыслить и прожить данную Богом жизнь так, чтобы удостоиться Царствия Небесного: достойно, по совести, со страхом Божьим и смиренномудрием пройти заново свой путь? Так ведь сие не означает, что маленький Джозеф во второй раз сделает правильный выбор, оставив человечеству и себе время для покаяния и искупления грехов. Ибо мальчик не ведаёт, что в будущем станет великим человеком – президентом большой и могущественной страны, от политических решений которой будет зависеть судьба человечества, цивилизации, да и мира как такового, существование коего уже с незапамятных времён под большим вопросом, поскольку все люди-человеки только и делают, что пребывают в грехе и пороках, потворствуя страстям и низменным желаниям первого ряда потребностей: едят, спят и наслаждаются (секс, наркотики, выпивка и прочее).

Хочется, чтобы эта сатирическая отчасти повесть была не бредовым морализаторством, историей обличения человечества, однажды родившейся в воспалённом мозгу писателя-бумагомараки, а неким побуждающим мотивом, призывающим всех нас быть лучше, добрее, скромнее, порядочные, человеко- и боголюбивее, ибо если бы не было любви в мире, то и канул бы он в небытие уже давны-ы-ы-ым-да-а-авно!

Можно, конечно, сейчас оспаривать точку зрения автора: дескать, ничего нового я не узнал и не услышал, да и идея сего «произведения», мол, давно устарела и покрылась пылью, как бивни мамонта в музее Дарвина, и что всё это пуританство, нотации, нравоучения и прочее уж очень приелись, – прошлый век! Но... Подумайте сами, милый друг, сколько грязи и беззакония творится на улицах, в домах, в мире (!), в конце концов, – уму непостижимо! Посему заключим, что жизненно важно в наши дни (по современному состоянию общества) напоминать ему, что оно давно сгнило и отдаёт душком, так сказать, поскольку упало уже ниже плитуса, ниже таракашек каких-нибудь, а ведь человек не таракашка, не животное и даже не обезьяна, а венец божественного творения! Так давайте не забывать, мой милый друг, к чему мы призваны: быть подобием Бога, ибо создавал нас Творец по Своему образу. А значит, нужно, по всей видимости, соответствовать высокому званию Человека с большой буквы и творить дела, угодные Господу...

Проза

Галина Чудинова

Галина Васильевна Чудинова – прозаик, литературовед, публицист, кандидат филологических наук. Автор нескольких книг. Кавалер ордена Достоевского III степени (2013). Член Пермской краевой общественной организации Союза писателей России с 2015 года. Публиковалась в журналах: «Литературная Пермь», «Сибирский старообрядецъ» (Новосибирск), «День и ночь» (Красноярск), «Всерусский Собор» (С.-Петербург), «Крылья» (Луганск), «Берега» (Калининград). Публицистические очерки и рассказы были опубликованы на порталах: «Российский писатель», «Русская народная линия», «Новый социализм XXI века», «Луганский информационный центр», «Луганск-1», «Окопка. Ру», на авторской страничке Проза.Ру. Трижды – с 2015 года – приезжала в Донбасс и писала очерки о каждой поездке. Более десяти рецензий на луганские альманахи и книги писателей Луганска и Донецка стали её поддержкой современной, талантливой литературе Донбасса.

ПЕСНИ, ПЕСНИ, О ЧЁМ ВЫ КРИЧИТЕ?

Рассказ

В сентябре поток воспоминаний всё чаще относил Марину Сергеевну к её студенческим годам, к осмыслению неординарных судеб своих сверстников по студенческой группе филфака Пермского университета. «Какими мы были тогда, во второй половине шестидесятых годов двадцатого века, и какими стали сейчас? – неустанно размышляла она. – Какой была я? Кто из дружной нашей группы навсегда остался в моей памяти и почему? Конечно, прежде всего это Лариса Васильева. Попробую воссоздать её портрет да атмосферу тех неповторимых времён».

* * *

Только после долгих уговоров Лариса брала в руки гитару, минут пять-семь настраивала её, усаживаясь поудобней, и вот под гитарные струны начинал звучать её неповторимый бархатный голос – контральто. Игра и пение преображали её – застенчивую, не вполне уверенную в себе провинциальную девушку с нависшей над глазами чёлкой и простоватым лицом. Данное мною ласковое прозвище – наш Орфей – всякий раз вдохновляло Ларису. И впрямь, песни её завораживали нас, как голос легендарного Орфея. А начинала она свой сольный концерт с любимого мною есенинского стихотворения:

Песни, песни, о чём вы кричите?
Иль вам нечего больше дать?
Голубого покоя нити
Я учусь в мои кудри вплетать,
Я хочу быть тихим и строгим,
Я молчанью у звёзд учусь.
Хорошо ивняком при дороге
Сторожить задремавшую Русь,
Хорошо в эту лунную осень
Бродить по траве одному
И собирать по дороге колосья
В обнищалую душу-суму.

Каждый русский человек, хоть раз в жизни читавший эти бессмертные строки, замечал, настолько они напевны и мелодичны. Лариса сама подобрала к ним мелодию, сделала аранжировку и впервые спела песню в сентябре года тысяча девятьсот шестьдесят седьмого, когда студенческая наша группа, как десант, была срочно брошена в «Предуралье», учебное хозяйство Пермского университета, после того как по воле ректората рухнули наши планы отправиться на сбор яблок в один из богатых совхозов на Кубани. Помню, как расстроены были мы этим отказом, как гневались на начальство, как хандрили, и вот, дабы подсластить нам горькую пилюлю, направили нас, лучшую группу филфака, в считавшееся элитным учебно-опытное хозяйство. Предуралье – на редкость живописное место, где река Сылва петляет меж отвесных скал, а над речной поймой высится густая стена леса. Расселены мы были вполне комфортабельно в деревянных домиках учхоза, питание – более чем нормальное, условия труда – самые что ни на есть хорошие, однако первое время мы продолжали хандрить и изливали свою грусть-тоску в вечерних песнях под Ларкину гитару. Слова и музыка рождались сами собой: мы сочинили собственную «Гаврилиаду»:

Гаврила в край кубанский рвался,
Гаврила был энтузиаст.
Полгода целых собирался
И барахла мешок припас.

С трудом достал билет он в кассе,
С восторгом ехал на вокзал,
Но был он схвачен в третьем классе
И страшны речи услышал:

– Какой Гаврила суматошный,
Ведь фронт работ совсем не тот!
Езжай-ка ты копать картошку! –
Промолвил ректор-идиот.

Отважно два декана бились,
Пытаясь ректора сломить,
В опале чуть не очутились,
Но не могли стены пробить.

Три дня, три ночи наш Гаврила
Не спал, не ел, вина не пил...
Его сломила вражья сила,
И стал ему весь свет не мил.

Есенинское стихотворение-песня в ту осень было созвучно нашему настроению. Уже который сентябрь напеваю я эту песню, занимаясь домашними делами либо работая на даче. Напеваю тихонько, вполголоса – певец из меня никакой, но музыку я полюбила с детства, слушая русские песни да оперные арии, звучащие из старого радио. Помните, было такое – с круглым чёрным динамиком, наподобие громкоговорителей. А порой эта песня звучит в моей душе, рождая целый рой воспоминаний. Почему именно в сентябре? Это было начало очередного студенческого года и время сельхозработ, время, когда невозможно было обойтись без гитары.

Согласитесь, что неповторимые студенческие годы занимают особое место в жизни каждого человека: это, без преувеличения, открытие мира, формирование личности, выбор профессии, а порой – спутника жизни. Мы росли и учились на волне хрущёвской «оттепели», были вольнодумцами. Разнообразен и пёстр был круг нашего чтения: тут и Илья Эренбург, и Франц Кафка, Михаил Булгаков, ранние Василий Аксёнов и Андрей Вознесенский, Эрнест Хемингуэй и Василий Шукшин и, конечно, Александр Солженицын – тогда только-только прорвался в печать «Один день Ивана Денисовича».

На семинарах по истории КПСС шли жаркие споры о культе личности Сталина: так уж случилось, что почти половина студентов в нашей группе были внуками репрессированных. Помню, как на одном из семинаров Леонид Факторович, красавец-еврей, высокий, стройный брюнет, в разгар полемики запальчиво прокричал преподавателю:

– Кровавый палач ваш Сталин!

Мы даже испугались, не отчислят ли, не дай бог, любимца группы Лёначку, поэта и хорошего товарища, но всё обошлось. Все мы тогда осуждали Сталинский культ. Как же далеко, слава богу, ушла я теперь от этих стереотипных представлений! Стала подлинно православным человеком, старовойской. Однако неумолимая «машина времени», заключённая в филологической моей памяти, теперь каждый сентябрь уносит меня к студенческим годам.

В университете шли жаркие споры между «физиками» и «лириками», где подчас начитанные, эрудированные математики и физики «забывали» нас, утверждая, что будущее – только за наукой. К тому времени теорию и практику сциентизма давно уже развенчали антиутопии Евгения Замятина, Олдоса Хаксли, Джорджа Оруэлла, да до нас они дошли позже.

Студенческая газета «Пермский университет», редактировал которую Игорь Николаевич Ивакин, считалась по праву лучшей многотиражкой города. Мы: Нина Горлова, Таня Жохова и я, регулярно писали в неё маленькие статейки о студенческом житье-бытье. Публиковались мы и в факультетской газете «Горьковец», позже из нашей среды вырос профессиональный журналист Василий Бубенцов, автор глубоких статей в защиту пермской культуры.

Учёба на филологическом факультете дала нам глубокие, основательные знания по русскому языку и литературе. Глубочайшим уважением пользовались наши преподаватели: Маргарита Николаевна Кожина – известный стилист и автор ряда учебников, по которым учились многие поколения студентов; фронтовик Михаил Фёдорович Власов – человек неподкупной честности и принципиальности, списать на экзамене у которого было невозможно; Леонид Николаевич Мурзин – декан факультета, помогавший студентам сочинять самые остроумные сценки на сюжеты русской классики и разыгрывать их на факультетских концертах художественной самодеятельности. Филфак благодаря этим сценкам лидировал постоянно.

Отчётливо помню одну из них: «Вагон пригородной электрички “Верещагино – Пермь”. В вагоне лицом к лицу сидят студенты-выпускники филфака – князь Мышкин и Парфен Рогожин. Станция “Григорьевская”. Входит Ганя Иволгин, здоровается с сокурсниками, радостно восклицает:

– А меня взяли корреспондентом в пермскую газету! По распределению не поеду!

Станция “Локомотивная”. Входит Настасья Филипповна, делится своей удачей:

– Я нашла себе местечко в пермском издательстве, в деревню ни за что не поеду!

– А я вот поеду в деревню! – вступает в разговор Мышкин. – Там парное молочко, чистый воздух, добрые дети! Хочу по распределению в деревню!

– Идиот! – кричат хором все трое».

Признанным знатоком старославянского языка был Соломон Юрьевич Адливанкин, королевой в преподавании зарубежной литературы – Наталья Самойловна Лейтес. Курс советской литературы читала нам Сара Яковлевна Фрадкина, литературы народов СССР – Рита Соломоновна Спивак, курс русской литературы девятнадцатого века – любимица всех студентов Римма Васильевна Комина.

Формировались мы в вольнолюбивой среде шестидесятых годов. Уже тогда каждый из нас старался по-своему выразить себя, но совместными нашими самовыражениями стали песни, слова к которым сочиняли мы сами, а музыку подбирала Лариса Васильева. Одна из таких песен называлась «Девушка на выданье». Исполнялась она групповым нашим хором:

Мама, я филолога люблю,
Мама, за поэта я пойду.
Он поэмы сочиняет,
Но другим их посвящает,
Вот за это я его люблю.

Мама, я физика люблю,
Мама, я за физика пойду.
Физик ядра расщепляет,
Но меня не замечает,
Вот за это я его люблю.

Далее перечислялись разные профессии: геолог, биолог, химик и прочие, а финал был таков:

Мама, я вкиушника люблю,
 Мама, за вкиушника пойду.
 Раз уж душой рождена,
 Никому я не нужна,
 Буду офицерская жена.

Песни создавались по каждому поводу. Лариса Васильева, Нина Горлова, Володя Стариков да я жили аж на пятом этаже восьмого общежития на территории университетского городка. Как-то вечером захотелось нам литературно похулиганить, и мы сочинили песню под названием «Голодная», посвятив её городским нашим сотоварищам:

Вы ни в чём не нуждаетесь,
 Как сыр в масле катаетесь,
 А мы, иногородние,
 Вечно ходим голодные.

Вас бифштексом и пудингом
 Кормят нежные бабушки,
 А мы в соль тычем луковку –
 Никакой нам отрадушки.

Вы потом на кушеточках
 Спите – кверху животики,
 Мы ж на панцирных сеточках
 Травим всё анекдотики.

Пролетят годы быстрые,
 В жизнь откроем ворота мы.
 Мы в лишениях выстоим,
 Вы ж – птенцы желторотые!

Городские ничуть не обиделись на нас за сей песенный шарж, а много лет спустя «Голодная» в полном объёме была исполнена на концерте филфака, посвящённом 95-летию alma mater – родного университета.

Помню, как на третьем курсе нашего отделения «Русский язык и литература» по инициативе Леонида Факторовича да Анатолия Князева из соседней группы «Б» стал выходить у нас рукописный, точнее машинописный, журнал «Аз». Справа налево он читался как «За». «За творчество! За самовыражение! За свободу мысли!» – такова была идея журнала, и суждено было ему сыграть большую роль в грядущих наших судьбах.

Так уж случилось, что в двух студенческих группах на филфаке ПГУ во второй половине шестидесятых годов обучались сразу три будущих писателя: Анатолий Князев, Леонид Факторович и Нина Горлова – совпадение, согласитесь, достаточно редкое. Как только все они стали обретать известность, мы, бывшие сокурсники, бросились читать их творения: ещё бы – авторы были нам так хорошо знакомы! Наибольшую симпатию вызывали у меня рассказы, повести и романы Нины Горловой, созданные на биографической основе: мать четырёх детей, человек непростой судьбы. Прочла я парочку романов Князева – «Гений местности» и «Голова Гоголя», да на этом и остановилась. Согласно жутковатой князевской фантазмагории, учёные, вскрывшие гроб Гоголя, обнаружили в нём останки гения в сапогах, но без головы, а православных людей, как известно, в сапогах никогда не хоронят. Стоило ли мне, идущей к подлинному православию, и дальше читать подобные опусы!? Конечно, нет. Детективы Леонида Факторовича, сотканые на исторической канве, тоже оставили меня глубоко равнодушной к ним.

Нина, увлечённая в студенческие годы живописью импрессионистов, пошла в литературе путём авангарда. Анатолий встал на стезю постмодернизма и был чрезвычайно горд, что его романы опубликованы были во Франции, ну а Леонид ушёл в стан либералов, тех, кто ворочал литературными премиями. Его роман «Журавли и карлики» был удостоен национальной литературной премии «Большая книга» за 2009 год. Я прочла роман: захотелось получить ответ на интригующий вопрос, кем и за что дана премия в три миллиона рублей? Своё негативное мнение о нём высказала я в рецензии

«Время авантюристов, или Чтиво для образованщиков», опубликованной в альманахе «Литературная Пермь» за 2011 год.

Привожу краткий текст этой рецензии: «В основе сюжета – миф о вечной войне журавлей и карликов, которые “через людей бьются меж собой не на живот, а на смерть”. Отражаясь друг в друге, как в зеркале, в книге разворачиваются судьбы четырёх самозванцев – молодого монгола, живущего здесь и сейчас, сорокалетнего геолога из перестроечной Москвы, авантюриста времён Османской империи XVII века и очередного “чудом уцелевшего” цесаревича Алексея, объявившегося в Забайкалье в Гражданскую войну.

Авантюрист Тимофей Анкудинов, пристроенный в Москве на службу, ведающую казёнными питейными домами, совершил крупную растрату и решил бежать на исходе сентября 1643 года в Польшу. Сходные действия предпринимает в 1993 году Сергей Жохов: ему, прогоревшему на сделке с куплей-продажей большой партии сахара, приходится скрываться от бывшего “партнёра”, кавказца Хасана в подмосковном доме отдыха “Строитель”. Чуть позже, спасаясь от погони на одной из дач, Жохов выдаёт себя одинокой женщине по имени Катя за брата настоящего её владельца, а Тимошка Анкудинов рассказывает полякам, что он не кто иной, как единственный сын царя Василия Шуйского. Другим двум авантюристам – Алексею Пуцятю, странствовавшему в двадцатые годы по Уралу и Сибири под именем цесаревича Алексея, и монголу Баатару, потомку Чингисхана, – в романе уделено гораздо меньше внимания, всего-навсего несколько страниц, но и здесь двойники то искусно вживаются в свои роли, то терпят неминуемый крах. Чем пытается привлечь автор внимание читателей? “Прикол” не нов – это сексуальные приключения дважды разведённого Сергея Жохова да бегства Анкудинова из одной страны в другую: из Польши в Молдавию, оттуда – в Турцию, затем в Старый Влах, в Венецию и Рим, на Украину, в Швецию, в Голштинию, где герцог Фридрих выдаёт-таки его русским государевым послам. Тимошка меняет не только обличья и почерк, но с лёгкостью, ради спасения собственной шкуры и подачек от царствующих властителей, переходит из одной веры в другую: становится то католиком, то мусульманином, то протестантом, то иудеем. Его двойник Жохов, согласно приёму зеркального отражения, принимает буддизм.

Сцена интимного сближения Жохова и претерпевшей жизненное крушение Кати, вынужденной сдавать свою квартиру в Москве и сторожить чужие дачи, предельно детализирована, и эти детали – не что иное, как знаки, обозначающие непреодолимую пропасть между классической русской литературой и чтивом, рассчитанным на массового читателя: “Садясь, Катя расправила юбку. Она постоянно помнила, что в правом кармане лежит упаковка с двумя презервативами, и временами ощупывала из сквозь шотландку... На кухне Катя согрела немного воды в чайнике. Презерватив пришлось вынимать самой, при этом были небольшие потери. Она слегка помылась над поганым ведром, а заодно пописала туда же... Второй презерватив порвался, как советский, хотя изготовлен был в не знавшем социализма Гонконге”. Помимо этого – для оживляжа читателей – в романе то и дело проскальзывают матерные словечки: “хер”, “мудак”, а то и более крепкие...

Какова же при этом концепция мироздания в бестселлере Л. Факторовича? Автор всецело построил замысловатое своё повествование на одном из мифов, взятых из “Илиады” Гомера:

Крик таков журавлей раздаётся под небом высоким,
Если, избегнув и зимних бурь, и дождей бесконечных,
С криком стадами летят через быстрый поток Океана,
Бранью грозя и убийством мужам малорослым пигмеям,
С яростью страшной на коих с воздушных высот нападают.

Миф этот в романе становится сквозным, с его помощью объясняются не только поступки отдельных людей, но целых народов. По мнению Анкудинова, журавли и карлики “воюют между собой посредством казаков и поляков, венецианцев и турок, лютеран и католиков, евреев и христиан”.

В этой концепции мироздания особенно ощутимо различие между основанной на ценностях Православия русской литературой и чтивом для образованщиков. Герои русской литературы, пережив немало искушений и жизненных потрясений, делают свой выбор в пользу высших, непреходящих ценностей и смыслов – спасения души, а не жажды материальных благ и наслаждений. В романе Факторовича ни журавли, ни карлики не являются носителями каких-либо высших нравственных ценностей, поэтому борьба их бессмысленна. Для антигероев романа не существует ни веры, ни родины, ни нравственных убеждений.

Но так ли безобидно чтиво и полное отрицание традиционных православных ценностей? Какого читателя и какого человека они формируют? Если окинуть мысленным взором историю развития русской литературы, то мы обнаружим в ней жесточайшую идейную борьбу: А. С. Пушкин подверг резкой критике “Философические письма” П. Я. Чаадаева, полностью отрицающие созидательную роль Православия в истории России, славянофилы обоснованно выступили против западников. Идейное противостояние продолжилось в двадцатом и двадцать первом веках. Это не мифологическая борьба журавлей и карликов, а сражение подлинной литературы со чтивом, где толерантщики и образованщики всех мастей не на живот, а на смерть отстаивают губительные для России либеральные идеи вседозволенности, начисто стирающие грань между добродетелью и грехопадением человека. Если мы хотим получить нормального, верующего, думающего и созидającego гражданина России, то время авантюристов в литературе и культуре должно быть вытеснено временем национальных героев и подвижников. Только в этом залог нашего успешного будущего».

Мнение это осталось неизменным. За сию рецензию Факторович счёл бы меня нерукопожатной, но либерал староверу не друг! Тем паче, что талантливый русским писателям на литературном пиру перепадают крохи. Такие разные судьбы!

А куда же забросила судьба нашего Орфея? Далеко-далеко в Казахстан, в небольшой посёлок под Павлодаром, куда вышла она замуж. Мне довелось встретиться с Ларисой несколько лет тому назад, когда я на пару дней уехала в Соликамск – читать лекции на курсах повышения квалификации учителей, – а та, благодарную память о которой храню я всю жизнь, гостила неделю в родных Березниках. Какое счастье, что сокурсники сообщили мне об этом и что автобусы между двумя городами ходят регулярно! Отработав на курсах первый день, я бросилась в Березники, легко найдя нужную улицу и дом. Лара выбежала встречать меня на лестницу, мы обнялись, и в располневшей, поседевшей женщине с сетью морщинок на лице с трудом узнала я нашего Орфея.

– Как ты живёшь? Чем занимаются муж и дети? Много ль у тебя новых песен? – засыпала я её вопросами, когда уединились мы в одной из комнат в квартире её родственников.

– Детей было пятеро, остались четыре дочери, а сын Алёша год назад повесился из-за неудачной любви.

– Как же так? О Господи! – я перекрестилась двуперстием.

– Я и сама в двадцать шесть лет чуть было не полезла в петлю. Наверяд ли ты помнишь эту историю, но угораздило меня влюбиться в молодого парня. Василий Быстровец обещал тогда жениться на мне, поехали мы с ним в Киров, где учился он на охотоведа, да вскоре поклонник моих песен передумал и оставил меня. Старшая его сестра спасла меня от смерти, а вот сберечь сына мне не удалось.

– Работаешь ли ты? – попыталась я перевести разговор в спокойное русло.

– Ушла из школы. Слишком уж стало там тяжело. Русских детей почти не осталось, одни казахи. Сейчас занимаюсь домашним хозяйством: у нас две коровы, свиньи, куры, гуси да ещё большой огород. Этим и живём.

– А чем занят муж?

– Работал механиком, потом совхоз развалился, и его сократили. Теперь ходит по шабашкам.

– А песни? Есть ли у тебя новые? Жажду их услышать!

– Муж разбил мою гитару лет десять назад, чтобы я не занималась, по его словам, ерундой. Два года я не разговаривала с ним, а теперь играю и пою украдкой, когда его нет дома.

– Есть здесь гитара?

– Как же без неё!

– Спой нашу любимую!

Настроив гитару, Лариса начала песню с конца:

Но равнинная синь не лечит,
Песни, песни, иль вас не стяхнуть?..
Золотистой метёлкой вечер
Расчищает мой ровный путь.

– Подумай только, – тихо и грустно промолвила она, – песня эта написана была Есениным в 1917–1918 годах. Прошло почти сто лет, а что изменилось в России к лучшему? Как сказал поэт Юрий Кузнецов, «но русскому сердцу везде одиноко, // И небо высоко, и поле широко...»

– Не одиноко, коли твёрдо веришь в Бога! – решительно возразила я, подняв правую руку с двумя перстами. – Наша богооставленность и все наши беды – прежде всего от неверия.

Лариса в ответ тронула гитарные струны и снова запела. То была песня о собственной её судьбе:

Птичьи стаи плывут в тихом небе осеннем...
Ловит гусь на воде их прощальные тени,
Смотрит в небо и он и о небе вздыхает, –
Почему же они без него улетают?

Этот гусь так обидно домашним зовётся,
Вот и рвётся с воды, вот и рвётся.
Так и тянет туда свою длинную шею,
Чуть не плача кричит: «Я умею! Умею!...»

Но хозяин расчётливый крылья подрезал...
Ах, зачем вы так, люди, всё судите трезво?
Важно то, что он был не последним, а первым.
Разве разница в том, был он белым или серым?

Важно то, что душа у гуся не простая.
Так пустите его, пусть совсем улетает!
«Где в холодной ночи в перелётах ночуют,
Всё равно я туда улечу, улечу я!...»

Мы учились в университете в славные времена расцвета бардовских песен: Клячкин, Кукин, Галич, Булат Окуджава... Одним из бардов со всероссийской известностью могла бы стать и Лариса Васильева. Могла бы, но не стала. Чудесные её песни умерли для широкого круга слушателей: им, – как падшему на камень пшеничному зерну, – не суждено было принести много плодов.

* * *

В один из октябрьских дней две тысячи двадцатого года Марина Сергеевна неожиданно обнаружила в Фейсбуке фото своей соученицы по студенческой группе Татьяны Найшевой на фоне собора Святого Марка в Венеции. Вспомнила, как в их лучшей на филфаке группе особняком держалась замкнутая девушка-сирота, избегая весёлых посиделок – с непременным пением бардовских песен под гитару, коллективных празднований дней рождений, выпуска журнала «Аз» да прочих студенческих развлечений. К концу третьего курса Татьяна вышла замуж за пятикурсника с романо-германского отделения. Вскоре родила она двух девочек-близнецов и перевелась на заочное отделение. Семья сняла квартиру на одной из железнодорожных станций близ Перми, где однажды Марине довелось навестить соученицу, передать подарки да поклоны от группы. С тех пор волны времени далеко унесли семью Найшевых...

Увидев фото однокурсницы, Марина Сергеевна отправила ей свой электронный адрес и вскоре получила ответ: «Дорогая моя! Я очень многих забыла, а тебя отлично помню по нашей последней встрече. О себе: После получения диплома мы всей семьёй переехали в Славянск-на-Кубани. Там работала всю жизнь завучем в школе, вела свои любимые предметы, стала, как написано в удостоверении, Заслуженным учителем России, родила в тридцать два года – к имеющимся двойняшкам – ещё одну дочь, была абсолютно счастлива в материнстве, но потеряла свою младшенькую 24 февраля 2006-го.

Третья моя дочь Наташа закончила МГУ без единой четвёрки, вела отдел экономики в “Ведомостях”, а в тот роковой день после взятого интервью ехала в машине и погибла в автокатастрофе.

Да что говорить, если не считать трагедии с дочерью, дай Бог всякому такую старость: вся Европа моя, езжу, куда хочу, читаю, что хочу, делаю, что хочу. До пандемии по утрам крутила педали в фитнесе на Авиамоторной, потом падала в бассейн, плавала в своей стихии. Ещё хожу в парке со скандинавскими палками, читаю наизусть Бродского и стихи Лёни Факторовича. Чего ещё желать? Полная личная свобода. Ездил до пандемии в любимые места Европы: бабье лето ловила каждый год в Венеции, а в феврале – в другие итальянские города: Перуджию, Флоренцию, в Катанию-Палермо... Европу знаю лучше, чем Москву, которая остаётся до сих пор враждебной для меня средой, хотя четырнадцать лет прошло, как я потеряла тут Наташу.

У меня две внучки: хотелось бы увидеть правнуков. Переписывалась с Ниной Горловой, даже назначила с ней встречу в Перми, но дёрнул меня чёрт прочитать перед этим пару горловских книжек, и я поняла, что скучно будет смотреть на неё и слушать, как она упивается своей нищетой. И все герои её рассказов – не мои герои, меня всю жизнь окружали совсем другие люди.

Я последние двадцать лет не живу в одном месте. Про таких, как я, в Ветхом Завете написано: “И ноги её не живут в доме её”. Каждый год неукоснительно в конце октября продлеваю бабье лето или в Венеции, или в Испании. В январе езжу в санаторий, в конце февраля снова в Европу, в конце

мая улетала с Настенькой в Ульцин, в Черногорию. Она считает её своей родиной: там у неё вилла “Наталья”, купленная родителями к её рождению. Представь себе дом на горе, стеклянную стену над морем. Оттуда лунная дорога ведёт в Италию. Там мы двенадцать лет июнь проводили всегда вдвоём. Когда в августе зацветает амброзия, я быстренько сбегаю на Кипр и в Лигурию. А в сентябре снова Москва, моя квартира, где сижу себе спокойно в кресле, передо мной на всю стену “та самая длинная набережная, которая делает жизнь короткой”. Любимая набережная Иосифа Бродского. Хорошо бы, конечно, остаток дней не просто смотреть на неё, а прожить там безвыездно. Зато есть цель – приехать туда – и это лучше всех предписанных таблеток держит меня в тонусе.

В моей жизни после потери Наташи всё так переменялось, что хочется туда, где время никуда не торопится, где всё так, как было всегда, где ничего не исчезает, не теряется, а остаётся с тобой навсегда. Поэтому самые увлекательные путешествия для меня те, которые предполагают перемещения не в пространстве, а во времени – вот я и люблю Венецию, где давно УЗАКОНЕНО не трогать её камни. Не только не строить ничего нового, но и обветшавшие фасады не подновлять! Там всё всегда на своём месте, и там ничего не хочется менять!

Там “пряча лицо, но спиной пленяя, время выходит из волн, меняя стрелку на башне – её одну”. Я старею, но не хочу меняться хотя бы в привязанностях.

Ещё меня радует дружба с Лёничкой Факторовичем, он тоже живёт в Москве. Я его очень люблю и как человека, и как писателя. Люблю его стихи. Мы постоянно на связи. Он очень изменился внешне, но остался в душе тем светлым мальчиком, каким и был в университете. Мне недавно Лёня прислал свой новый неизданный роман “Филэллин”».

* * *

Трижды с захватывающим интересом перечитала Марина Сергеевна, депутат поселкового Совета, автор многих статей о соединении настоящего Православия с новым социализмом, письмо сокурсницы и вновь поразила разности их судеб. Подумала, что никогда не променяла бы ни на какие Венеции свою жизнь в разорённом внутренними врагами посёлке. Вновь поняла всю глубину и мудрость слов: «Живи не как хочется, а как Бог велит!», делая все последние двадцать лет не то, что хочется, а то, что нужно делать.

Их переписка длилась ещё некоторое время, а 15 декабря 2020-го она написала сокурснице по студенческой группе: «Сложившееся мировоззрение изменить чрезвычайно трудно: тут я понимаю тебя. Весь мой земной путь – поиск и обретение истины.

Мне глубоко чужды твои кумиры – Бродский, Факторович и прочие. Читать я их не буду, лучше лишний раз перечитаю русскую и мировую классику. Для меня самое дорогое место на Земле – мой разрушенный посёлок, за улучшение жизни в котором боремся мы, депутаты.

Позволь и мне высказаться откровенно. Если бы твоя дочь Наташа и её муж не служили мамоне, тогда трагедии могло не случиться. Подумай, разве может у нас рядовой учитель, врач, инженер, научный работник купить виллу в Черногории? Мой хороший друг из Екатеринбурга, доктор географических наук, зав. сектором развития экономики РАН, получает тридцать тыщ рублей, вся академическая наука у нас угроблена, как и образование. Либералы в любой момент могут сделать ноги на Запад, а как быть тем, кто не мыслит жизни без России? Защищать её от всякой нечисти».

Ответ не замедлил себя ждать: «Прощай! Успехов тебе в твоей борьбе не желаю, потому что в них не верю».

* * *

С наступлением тяжёлого военного сентября две тысячи двадцать третьего года Марина Сергеевна вновь вспомнила переложенные Ларисой на музыку бессмертные стихи Сергея Есенина, полные веры и любви к России: «Песни, песни, о чём вы кричите?»

07.08.2023

Поэзия

Эляна Суодене

Эляна Суодене – родилась в 1958 году в городе Минске. В 1989 году в Белорусском государственном Университете защитила диссертацию на тему «Анафора в поэзии Марины Цветаевой (стилистический аспект)». Автор книг о поэтах Серебряного века «Соло Марине», «Поэма об Осипе Мандельштаме», «Поэма об Анне Ахматовой» и др. Автор идеи и ведущая единственного в Прибалтике Международного фестиваля духовной поэзии «Покрова». Золотой лауреат литературного конкурса «Золотое перо Руси» в номинациях «Коммуникации» (2017) и «Духовность» (2024). Лауреат журнала «Берега» (2021, 2022, 2023).

Живёт в городе Каунасе (Литва).

* * *

Пока ещё земное время
Не исчерпалось до конца,
Благодарю благоговейно,
Людские чувству сердца.

Я знаю их преображение,
Когда невидима стезя
И так мучительно брожение
Заблудшего в миру ума,

Когда так тягостно трезвение
От сладких иллюзорных чар,
И с этим опытом болезненным
Так трудно жить и выживать.

Только смилив свои порывы,
Только умалив своё «Я»,
Вселенские постигнем ритмы,
Услышим музыку Творца.

Мой брат, моя сестра, отныне
Я знаю: боль моя – урок,
Чтобы преодолеть гордыню,
Увидеть суть земных дорог.

Убережение Другого,
Кто так же смертен, как и ты, –
Вот что останется в итоге,
Земное бытие продлив.

Закон любви универсален:
Мы жизнью платим, чтоб познать,
Что в самоотреченьи – сладость,
Дух укрепляя естества.

* * *

Мы платим жизнью за идею:
Сражаются герой и Рок.
Герой идёт к заветной цели,
Борьбы предчувствуя исход.

В экстазе самоотречения
Провидя Горние миры.
Мистические озарения
Приоткрывают Божий клир.

За все вселенские прорывы
Всегда была одна цена:
Мы снова кровью окропили
Сырой земли родную пядь.

* * *

Напои меня огненной брагой
Полуночных твоих Персеид.
Поздний август – моя отрада.
Галактический слушаю ритм,

И танцующих звёзд хороводы
Увлекают меня за собой.
Лучевых облачений покровы
Напитали плоть световолной.

Пью росу из рассветных тюльпанов,
Предосенний предчувствуя хмель.
Напои меня огненной брагой,
В золотое сеченье одень,

И Гармонии тайна святая
Приоткроется наверняка,
И загадка вселенского лада
В световом излучении гамм.

* * *

Нельзя остановить фотон
И выделить его из массы
Других частиц волнообразных,
Летающих через тьму времён.

Так среди мириадом солнц
Мы как летающие частицы
Единой лучетворной мысли,
И в каждом ближний отражён.

Из человечества никак
Не выделить вовек любого –
Мы целостны по воле Бога,
Иначе наступает тьма.

Со скоростью неповторимой
Летим от Альфы до Омеги,
Порой не сознавая цели,
И звёзды пролетают мимо.

О человечество моё!
Свечусь лучащимся фотоном,
Одoleвая все препоны,
В блаженной яви огневой.

* * *

Мы на самом стыке
Энергийных всплесков,
Эпохальных сдвигов,
Всполохов имперских.

Эпицентр событий
Драмы эпохальной,
Предстоянье мытарств,
Сохраняя храмы.

И во всём бедламе,
В хаосе зловещем
Ноты новой гаммы
Слышу в поднебесье.

Музыка нисходит,
Новые аккорды,
Ангельские хоры,
Скрипки и волторны.

В самой сердцевине
Раскалённой плазмы
Сотворенье мира
Так волнообразно.

Импульсы проходят
По телесной ткани.
Уловимы тоны
Сердца мироздания.

И любовь пронзает,
Озарив прозрением,
В радости познания
Воспарив над бездной.

* * *

Зачем нам пагубный прогресс,
Если лишает мир любви
За счёт развенчанных чудес,
Всё исчисляя рядом цифр?

При ярком свете нагота
Инстинктов так обнажена,
И таинства не нужен шарм,
Когда всевластен чистоган.

Тогда служение смешно,
Когда нас прочат лишь в прислуг,
И жертвенности вещей код
Воспринимается как дурь.

Пусть лучше уж глухая тьма,
Потенций сохраняя спектр,
Чем изошрённая игра,
Где светом правит Люцифер.

* * *

Мы можем не заметить Апокалипсис...
Мы так в притворство заигрались,
Что даже смерть как лицедейство
Воспримем, умиляя сердце.

Мы так привыкли к лжи в эфире,
Что всадников шутя воспримем:
Нет слаще клюквенного сока,
Хотя весь мир в крови по локоть.

Зловещие наги канканы,
Встречая всадников бравадой.
Мы так привыкли с сраму, мору,
Что Апокалипсис – умора.

Раз Красота давно Uroda –
Давно раздвоен лада корень,
И все слова поистрепались.
Днесь на повестке – Апокалипсис!

Покуда дата неизвестна,
Его мы видим повсеместно
И постепенно привыкаем:
Чужая боль почти не ранит.

Возможен «мягкий Апокалипсис»,
Чтоб мы как следует расслабились,
Чтобы под маской лицедея
Не разглядели Асмодея.

Мы все в угаре обмирщения
Словно забыли об отмщении
И отменили «Аз воздам!»,
Не веря собственным слезам.

* * *

Эта музыка предзимья,
Эти эликсиры звёзд,
Эти вспышки светосилы,
То играя, то всерьёз,

Эта лёгкая свобода,
Эти будней благодать...
Так чего хочу я снова,
Что неймётся мне никак?

Кто хоть раз всходил на пики
Осязаемых вершин,
Стал томим тоской великой,
Навсегда вошедшей в жизнь.

Всеблаженного притина
Кто хоть раз постиг восторг,
Ждёт его неутомимо
Как Всебытия залог.

* * *

Сакральным светом полнится
Сиятельный декабрь,
Сверкает россыпь звёздная,
Как ласковый янтарь.

Времён разноголосица
Не может не томить,
Но эта россыпь звёздная,
Как вверенная нить

К лазурным очертаниям
Надбытных берегов,
И больше быть не ранит,
И светится порог.

* * *

Продлись, декабрьская волшба!
Даруй мне радость предстояний,
Дерев серебристых тонкий шарм
И солнца томное дыхание.

Даруй мне ожиданье встреч
И предвозвестье слов нечаяных,
Когда сердечко не сберечь
От всеблаженных упований.

Моя надежда, затаись
В глубинах сундука Пандоры...
Пусть говорят, что лишь глупцы
Тобою тешатся покорно.

* * *

Я рассветаю вместе с Эос,
Предсердьем впитывая явь
Летящих с неба хлопьев снега,
Ошеломляющих декабрь.

Снегами засланы равнины,
Как белой простынью любви,
И голос всенебесной лиры
Опять о счастье говорит.

Я буду строить свои Фивы,
Как древний эллин Амфион,
И сладостно-непостижимо
Реален музыкальный фон.

* * *

Живём в эпоху катаклизмов –
Ломаются устои, призмы,
Крошатся в щепы убеждения
И Рока всё слышнее жерла.

Друг друга ищем, как слепые,
В потоках атмосферной пыли,
И тектонические сдвиги
Пласты коверкают земные.

Но вновь богиня облаков
Корабль шлёт волне ветров,
Чтобы герой после скитаний
Пришёл домой в одной сандалиии.

Так современные ясоны
Миры спасают красотой,
И наяву творится эпос,
Переосмыслив современность.

Валерий Герланец

Валерий Герланец – известный на Донбассе и далеко за его пределами писатель, драматург и публицист, заслуженный деятель искусств ДНР, член Союза писателей ДНР и Союза писателей России, многократный победитель международных и республиканских литературных конкурсов и премий. Его произведения для детей и юношества издавались в Белоруссии, Германии, Израиле, Канаде, России, США, Чехии, на Украине, а также ставились в профессиональных театрах, театральных коллективах школ искусств и дворцов детского и юношеского творчества, звучали по радио и телевидению.

Ряд прозаических и поэтических произведений давно вошли в школьные хрестоматии и учебники, выходили отдельными книгами и в престижных литературно-художественных журналах и альманахах, а философская сказка «Как Иван правду искал» включена в собрание сочинений лучших современных писателей во славу М. Горького «Литературный фонд», которое вышло в 2018 году в Москве. В октябре 2023 года историческая повесть писателя «Благословенный» была отмечена Почётным дипломом Национальной литературной премии «Золотое перо Руси» за реалистическое отражение эпохи Александра Первого и медалью «Ф. М. Достоевский. За красоту, гуманизм, справедливость».

ЛИРИКА ВОЕННОГО ЛИХОЛЕТЬЯ

НА ВЫСОТЕ 277,9

Стою на самом темени кургана,
Где обелиск пронзает неба лик,
Где ветер шевелюру треплет рьяно
И рвёт из рук большой букет гвоздик.

Чугунный девятиметровый воин
Застыл у обелиска на века.
Он крепко держит знамя полковое,
Сметая взглядом скопище врага.

Ну а вокруг, от края и до края –
Донецкий кряж, пролески и поля,
Степное буйство – близкая, родная,
Людскую кровь впитавшая земля.

Саур-Могила – место роковое!
Она свидетель многих ратных дел.
Мимо неё то с посвистом, то с воём
Неслись татары в дальний свой удел.

Курган сей знал сарматов, гуннов, готов
И полчища иных степных племён.
В опасных побывал он переплётах,
Жестокостью людскою удручён.

Эпохи проносились друг за другом:
В боях звенела сабельная сталь,
Свистели стрелы и рвались подпруги,
Чтоб стала чей-то эта высота.

С коричневой чумой велись здесь битвы
За обладанье древней высотой.
Но были все посланцы Рейха биты,
В объятьях смерти обретя покой.

С тех пор минуло семь десятилетий,
И вновь к кургану рвётся лютый враг,
Со свастиками на бронежилетах,
С идеями Бандеры в головах.

Не покорилась злу Саур-Могила,
Не покорится никогда и впредь,
Ведь это место щедро дарит силы
Лишь тем, кто за него идёт на смерть.

Расстрелян был мемориал бессмертья
Из пушек, миномётов и «смерчей»,
Чтоб выжечь память, веру и наследие
Из нас, из наших внуков и детей.

Но обелиск с солдатом, барельефы,
В жестоких пострадавшие боях
От ненависти чёрной и свирепой,
Стоят, как прежде, на семи ветрах.

Был воскрешён мемориал из мёртвых,
Чтоб сохранить героев имена:
Тех, кто фашиста гнал на Миус-фронте,
И тех, кто дрался с ним ещё вчера.

По лестнице спускаюсь я с кургана,
В небесной сини стаи облаков.
Порывы ветра шквального буянят,
А степь бушует, словно в шторм Азов.

У Вечного огня кладу букет я –
Цветы героям, павшим здесь в боях...
Трепещет пламя на ветру столетья,
И дышит святостью донецкая земля.

ВМЕСТЕ

Триколор над Донбассом трепещет –
Флаг великой, родимой земли.
«Мы – Россия!» – летят птицей вести.
Как же долго мы к этому шли!

Нас бомбил и обстреливал Киев
И идейно пытался сломить.
В наши лица летело: «Чужие!
Москалям с нами рядом не жить!»

Нас гнобили за русское слово,
За «Катюшу» и за «Огонёк»,
За Некрасова, Фета, Толстого,
За святой на груди образок.

Только тернии мы одолели
И теперь – часть Великой Руси!
Воплощаем заветные цели,
Чтобы мир наконец обрести...

В облаках, гордой птицей над нами,
Укрывая собою Донбасс,
Воссияло трёхцветное знамя –
Нас оно никогда не предаст.

ГЕРОЙ

На поле брани пулей был сражён,
Но вновь поднялся, боль превозмогая.
И в доблестном порыве замер он,
Застыл в седых степях родного края.

Стал неподвижным ополченец вдруг,
Забронзовел на вечном пьедестале –
Высок, широкоплеч и большерук,
С душой и телом, что прочнее стали.

Враги стреляли в дикой злобе вновь –
Свистели пули, и рвались снаряды,
И реками лилась людская кровь...
Тот бой в степи для всех стал сушим адом.

Но выстоял герой и не упал
На жёсткую обугленную землю,
Надёжно он на ней, родной, стоял,
Всевышнему лишь только молча внемля.

Враг отступил, попав затем в «котёл»,
На йоту не продвинулся он боле.
В атаку на него бесстрашно вёл
Своих товарищей забронзовевший воин.

Так и стоит теперь тот монумент,
Как символ стойкости, надёжности, отваги.
Как самый веский в мире аргумент:
Фашизм в Донбассе не пройдёт и шага.

СКИФСКИЕ БАБЫ

Этим каменным бабам десятки веков.
Охраняли они души спящих в курганах
Грозных скифских царей, воевод и жрецов,
Выполняя свой долг неустанно и рьяно.

Бабы эти – немые свидетели войн
И пожаров, что мчались степями, как кони.
Не смогли их разрушить ни холод, ни зной,
Ни дожди, ни дыхание ветра драконье.

Обереги племён не подвластны годам,
Только ныне они – экспонаты музея.
По их каменным ликам, как по письменам,
О былом узнаём мы, умом богатая.

Изваяньям казалось, что вечный покой
Обрели они возле музейного здания,
Что столетия вновь побегут чередой,
А они будут вечны, как и мироздание.

Но война вдруг пришла в край курганов – Донбасс,
 Руша всё и круша, убивая, калеча.
 ВСУ не жалели свой боезапас
 В виде мин и снарядов, плюющих картечью.

Содрогалась земля, воздух гарью пропах,
 И музейные стены осели в руины...
 Только бабы, презрев монолитный свой страх,
 Продолжали стоять среди сполохов минных.

Пострадали они от обстрелов врага:
 Вот стоит безголовая, рядом – без глаза,
 А у третьей посечена сильно «нога»...
 От осколков рванувшего рядом фугаса¹.

Первозданная дикость явила оскал –
 Она в прошлое нагло из пушек стреляет.
 Только тот, кто бывшее своё истреблял,
 Будет проклят в веках! – бабы скифские знают.

МИГ АТАКИ

Артобстрел – точно ад земной
 Или огненная геенна.
 У него характер взрывной,
 Облик хищной и злобной гиены.

Окопались наши бойцы,
 Их спасает земля родная,
 Но «молотят» вражки стрельцы
 По позициям с края до края.

Ведь обстрел, чтобы страх нагнать,
 Чтоб душа улетела в пятки,
 Чтоб морально бойцов сломать,
 Уложить, так сказать, на лопатки.

Чтоб в окопы загнать, блиндажи –
 Мол, к земле привыкайте, «ватники»...
 Вот такие у них куражи,
 У пришедших с «Укропии» ратников.

Но исчерпан боезапас,
 Полетела «ответка» метко.
 А потом все поднялись враз –
 Хоть такое бывает редко.

И – в атаку под визг свинца
 В направлении пришлых нацистов
 От юнца и до мудреца
 Ополченцы бежали быстро.

Жизнь и Смерть в этот жуткий миг
 Словно стали единым целым.
 Тот, кто тайну атак постиг,
 Стал сильней и душой и телом.

Одолел он природный страх
 И себя ощутил героем.
 По израненным травмам, в дымах,
 Он бежал, только с ветром споря.

Враг не выдержал, не устоял
 И, позиции бросив в страхе,
 Резво пятками засверкал,
 Изрыгая то маты, то «ахи».

Только враг не сумел убежать:
 Чабрецом степь опутала ноги.
 Полегла оголтелая рать
 От безумства и безнадёги.

Полегли на донецкой земле
 Те, кто рвал эту землю на части,
 Захлебнувшись в собственном зле,
 Приносящем боль и несчастья.

И я знаю: так будет всегда
 С теми, кто к нам придёт с мечами.
 Потому что Победы звезда
 Нас, донбассовцев, греет лучами!

2014–2024 гг.

¹ От артобстрелов ВСУ трижды пострадала уникальная коллекция каменных баб Донецкого республиканского краеведческого музея.

Поэзия

Юрий Богомолов

Один из создателей общероссийской общественной организации «Российский союз гидрогеологов» (РосГидроГео), председателем правления которой он является с 2011 года. РосГидроГео призвана объединить гидрогеологов и специалистов водного профиля для изучения водных ресурсов, их рационального использования, охраны и обеспечения безопасности. Представлял РосГидроГео в Экспертном совете Комитета Государственной Думы РФ по природным ресурсам, природопользованию и экологии в 2014–2016 годах.

В 2001–2003 годах был помощником на общественных началах сенатора Совета Федерации Федерального Собрания РФ В. П. Орлова, а в 2013–2015 годах – помощником депутата Московской городской Думы народного артиста РСФСР Н. Н. Губенко.

В настоящее время член Учёного совета ФГБУ «Всероссийский научно-исследовательский институт гидротехники и мелиорации им. А. Н. Костякова», действительный член Русского географического общества и член Союза писателей России.

Лауреат Национальной экологической премии им. В. И. Вернадского в номинации «Наука для экологии» и премии Союза писателей России «Имперская культура им. Э. Володина» по разряду «Наука», награждён Российским геологическим обществом медалью им. А. Е. Ферсмана «За заслуги в геологии».

ОЖИДАНИЕ ЛЮБВИ

Солнце в ясном небе,
Океан в лазури дня,
Золотой песок и ветер –
Все алмазы для тебя!

Кладовые вдохновений:
Моцарт, Пушкин и Шекспир –
Интеллекты поколений –
Отдаю тебе весь Мир.

И души моей страданья,
Боль, впитавшую века,
Только ты назло гаданьям
Покажись издалека,

Подари мне хоть мгновенье –
И тогда, любовь моя,
Буду счастлив, как Есенин,
Проскакав в начале дня.

1453 год

Ломались копыя, мир трещал –
Россия заново решила
Реанимировать причал,
Который сбили с ног, забыла.
А тот причал увяз в песке,
Но сохранился Божьей верой –
И вот плывут вдаль по реке
Ромеев древние галеры!

Константинополь завещал
России вечные скрижали,
На них Создатель начертал
Законов точные детали.

Вот так России повезло,
И так угасла Византия,
Но время русских вновь пришло –
Аскольда гордого и Кия!

Где Третий Рим – там нет войны,
В душе, желанная свобода,
И да попробуй докажи,
Перстом конкретно укажи
Обратное народу!

1976

ОСЕНЬ

Душу мою подсмотри наизнанку –
Жёлтые листья её облепили,
Птицы теперь не кричат спозаранку
И петухи захандрили.

Буднично, просто всё стало и мило...
Кажется, люди решают задачу:
Будет ли солнце, иль миру
Можно рассчитывать лишь на удачу?

Рыхлое небо ползёт, не закончится,
Лужи лежат зеркалами,
Что-то земле и томится и хочется...
Листья хрустят под ногами.

БЕРЁЗЫ

Берёзки плакали тихонько
На крайнем Западе Руси,
Никто не знал тогда, насколько
Их ранил гомон Сатаны.

Чтоб не засохнуть на корню
И не исчезнуть в русской ссоре,
Они вручили жизнь свою
Родным собратьям в диком поле.

И вновь славянская мечта
Сработала надёжно,
Тысячелетия всегда
Встречали нас тревожно...

1991

90-е годы

На этом хрупком переломе
Мир лихорадило везде.
И Русь была почти что в коме
На радость недругам извне.

Но государство развернулось
Своей глубинною душой
И осторожно потянулось
К забытой истине простой...

Исток, закатанный в бетон,
Стал пробиваться властно,
Мир ошарашило, что он
Ещё был жив негласно...

1995

БОЛЬ

Душа болит в славянском теле,
Который год горит свеча –
На край Руси химеры сели
И осквернили купола.

Там русский дух, там Русью пахнет,
Дозорный на ветвях сидит,
Там олигарх над гривной чахнет
И незалежностью смердит.

Там мелодичностью, как песней,
Гипнотизируют весь мир,
Там теплота, но лик беспечный
И в хромосоме бесконечной
Закамуфлирован вампир...

Нас всех когда-то разделили,
Неслышно нелюди вползли –
И вот тогда нас всех стравили,
И шёпот Гоголя в могиле,
И эхо Пушкина в Пальмире
Помочь с тех пор нам не смогли.

Вот и встаёт вопрос столетий:
Кто раздербанил нашу кровь?
Как под покровом лихолетий
И вновь возникших междометий
Угасла к Родине любовь?!

Душа болит в славянском теле,
Который год горит свеча,
На край Руси химеры сели,
Глаза и руки онемели
И сердце требует врача.

Душа болит в славянском теле,
Который век горит свеча!

2017

СОВЕСТЬ

Любовь и честь всегда на страже
Тех необузданных страстей,
Что, вырываясь на форсаже,
Калечат совести людей.

Её неясная структура
Была тревогой для Христа,
Она – сама прокуратура,
Вершит законные дела.

Её честнейшая природа
Не знает отдыха во сне,
Она послушница народа,
Всегда противница беде...

Она способна повернуть
Глаза зрачками прямо в душу,
И зло вселенское нагнуть,
И утопающих – на сушу.

Чиста всегда, как лик ребёнка,
Как с гор несущийся поток,
Как чуткий носик у телёнка,
Затеребившего сосок.

В ней мирозданье, словно в капле,
Висит под тяжестью Богов,
Она везде и, словно в масле,
Хранит нетленность ваших снов.

Она всегда на грани риска,
В ней не замечен наций след –
Вы подошли к ней очень близко,
А оказалось, её нет...

Но слышно «Лунную сонату»
И совесть нежным ветерком –
По переулочкам Арбата,
В ночи Венеции когда-то
Проплыли призрачно вдвоём...

2018

ЗАВИСТЬ

Люцифер задумал тайно
Человечество казнить –
И шепнул на ухо Кайну:
«Зависть – способ идеальный,
Чтобы Авеля убить».

Вот с тех пор мы по колено
В этой жиже и стоим.
Кто же вырвет нас из плена,
Этой «прелести калено»? –
За ценой не постоим!

Как к богатым, так и к бедным
Липнет копоть эта, мразь,
Путин с Трампом словом верным
И в народе достоверным
Чистят трубы, не стыдясь.

Жаба зависти всегда
Нападает ниоткуда.
Наша главная беда –
Мы расчёт ведём всегда
Вместо разума на чудо.

Вы слышали – древний Каин
Воплотился в наши дни? –
Враг Руси, сам Джон Мак Каин,
С чёрной завистью в крови.

Есть, по правде говоря,
Зависть белая такая –
В прошлом веке сказка для
Непридуманного рая.

Вязким слоем испражнений
Всех мутантов поколений
Зависть льётся по Земле,
Просим срочно наводнений,
Государственных решений
По России и везде...
SOS...

2018

ТАК ПОБЕДИМ!

Собор Парижской Богоматери
Не тронул ариев сапог,
Но Сатана пробрался к паперти
И там Святилище поджёг...

Поджёг Варшаву и Хатынь,
Под Сталинградом был опознан
И был впечатан в нашу пыль,
Как паразит и червь навозный.

В собор Парижской Богоматери
Бессмертный полк я заведу
И поддержку масонов взаперти,
Как Бог преступников в аду.

Так принужденье бесов к миру
Увидит мир наверняка,
И броневой своей лирой
Поэт расплатится сполна!

Тогда солдаты в сорок пятом
Родятся заново в душе,
Как и Создатель, в ночь распятый,
За всех погибших на войне...

2019

ГОГОЛЬ

Душа кристальная с рожденья
Не подводила никогда,
Сам Городничий наважденьем
Его преследовал тогда.

Свой дух воистину Вселенский
Он к мёртвым душам обратил,
Но, к сожаленью, сэр Белинский
В нём жажду истины убил.

Уродство липких либералов
И бесовщину от сохи
Никола показал не сразу,
Но постепенно вник «в проказу»
И вдруг расстроился с тоски...

2019

СПАСЕНИЕ

Слепой певец в пустынном Риме
Аве Марию призывал,
Спасти просил от пандемии
И сердце трепетное рвал...

Андреа, ангельский, Бочелли,
Ты Вечность в души запустил,
Слепые духом вмиг прозрели,
И ты грехи им отпустил.

Слепой Андрей и в Третьем Риме
Святую мать слёзно звал...
Слепцы сошлись в ущербном мире,
В забытой и трагичной лире,
И дух византов в них восстал!

2020

ДОСТОЕВСКОМУ

Он суть Христа всем разъяснил,
Любовью оросив сердца,
И тихо Вечность попросил
Вернуть нам Бога, господя!

И в преступленье с наказаньем
Учитель чувствовал Его,
Сие зловещее призыванье,
Как будто наше созерцанье,
Не может выполнить никто.

Как Идиот, писатель тоже
Перерождился много раз,
Но, отпустив свой нерв, он всё же
Стал русским гением для нас.

Его боюсь, люблю, страдаю,
Хочу понять, где мэтр сейчас,
Но он со мной легко играет,
Души своей не раскрывает,
А как бы вышел в парк на час...

2021

* * *

**«Зачем нам такой мир,
если в нём не будет России»,** –
Сказал уверенно, как выстрел,
известный в мире персонаж,
Он с малых лет ещё замыслил
Освоить государев стаж.

Опять России повезло –
Прошло две трети века,
Когда в дешёвеньком пальто
Мерзавцы из Политбюро
Распяли Человека.

«Мочить в сортире» их тогда
Не довелось кумиру,
Но он явился к нам пока
Для принужденья к миру...

Святая Русь, как миг прекрасный,
Как свет, рождённый от звезды, –
Дух возрождался многократно,
И человечество напрасно
Не знает этой глубины...

Дух, а не идол закордонный
Решал падения и взлёт,
Суть этой истины несложной –
Не стой под молнией – убьёт!

Мир в ожидании решения,
Что может страсти охладить,
А мёртвым душам воскресенье
И либералам для прозренья,
Чтоб крепче Родину любить...

Нам за державу не обидно
В «предневоенный» Новый год,
Как карта ляжет – будет видно,
А для смышлёных очевидно,
Что за Верховного не стыдно –
Он смастерил России взлёт!

2022

Поэзия

Елена Бобкова

Елена Владимировна Бобкова – родилась в 1980 году в городе Бершадь Винницкой области. Живёт в городе Балтийске Калининградской области. Стихи начала писать в 13 лет. Одна из победительниц конкурса «Молодые голоса – 2001», проводимого комитетом по делам молодёжи администрации Калининградской области и писательской организацией. В 2002 году издан сборник стихов «Солнечный зайчик». Автор более 80 песен. Участник ЛитО «Остров Вдохновения» (Балтийск). Член Международного союза писателей «Новый современник».

ОСТАРБАЙТЕРЫ

Цикл стихов посвящается памяти моих родных, угнанных на принудительные работы в Австрию во время Великой Отечественной войны. Моя любимая бабушка – Захарова (Морозевич) Роза Филипповна, её маленький брат – Морозевич Ольгерд Филиппович, прабабушка – Морозевич Елена Францевна и прадедушка – Морозевич Филипп Парфёнович. В 1945 году они все вернулись в родную деревню Подберезье Витебской области. Светлая им память!

* * *

У войны нет совсем оправдания.
Судьбы сколоты и разбитые.
Люди – жертвы, а их страдания
Алой кровью всегда умытые.

Страх поселится в снах, в сознании.
То, что прожито, – нужно высказать.
Внуки слушают и в молчании
Будто слышат войны той выстрелы.

* * *

Я прощаюсь с милой родиной,
С тихим шелестом полей.
И с Двиною полноводною,
И с подругою своей.

Пробежать хоть раз под липами,
По аллее дорогой.
Сердце детское колотится,
Хочет, хочет в дом родной.

Подберезье, детство милое,
К нам в страну пришла беда,
Словно сила чернокрылая,
Ворвалась и в дом война.

Детство как косою скошено,
Смеха нет, холодный страх.
Немец в дом вошёл непрошено.
Автомат в его руках.

Нас из дома силой вывели
И куда-то повезли,
И от этой безысходности
Вмиг не чувствуешь земли.

Вот Ольгово, школа милая,
Витебск, Орша и вокзал.
Всех согнали и построили,
А вокруг конвой нас встал.

Лай овчарок, речь немецкая,
Страх людской, детишек плач.
Тут стихия неизвестности –
Всех нас могут расстрелять.

Я прощаюсь с милой родиной,
С тихим шелестом полей.
И с Двиною полноводною,
И уже с семьёй своей.

* * *

Как скот, в товарные вагоны
Нас грузят, в спину автомат
Нам смотрит, каждого догонит,
Кто вдруг захочет убежать.

Загнали, наглухо закрыли,
Надёжно щёлкнули замки,
Крест-накрест досками забили.
От стука дёргались виски.

Овчарок лай стал приглушённым,
Тут теснота, тут места нет.
Мир стал тревожным, безоконным,
Жизнь потеряла смысл и цвет.

Вагоны дёрнулись, скрипели,
И паровоз гудел, как мог,
Мы без воды, семь дней не ели,
Кричали дети, видит Бог...

Нас в неизвестность мчат вагоны,
В край чуждый, мы теперь рабы.
День, ночь стоим, мученья, стоны,
Не нужно нам такой судьбы.

Охапки сена, воздух спёртый,
Тут спим, справляем и нужду.
Лежит мужчина уже мёртвый...
Тут каждый чувствует беду.

* * *

Нас ждала с «нетерпением» Австрия.
Город Линц и широкий Дунай.
Только это не родина милая,
А совсем чужеродный край.

Первый раз накормили «радушные» –
Суп с червивым горохом и хлеб.
Я запомнила это бездушие,
Мне-то девять всего было лет.

* * *

Непонимание и страх,
Торговля тут в разгаре,
Здесь продают людей в рядах...
Я помню на базаре

Так продавали кур и скот,
Тут взрослые и дети.
Фашизм беду и зло несёт
И рабство на планете.

Стоим уже не первый час,
День страха и позора.
Нас не возьмут – не станет нас,
Нас истребят без спора.

Мой младший брат и рядом я,
Мне так вцепился в пальцы,
И папа с мамой – вся семья...
Что будет с нами дальше?

Купил нас фермер, пожалел,
За жалких десять марок,
Такой судьбы у нас удел –
Ему такой подарок.

Нас увозили в Эфердинг,
Рабов судьбы безвольной,
Работать только за еду.
В труд тяжкий подневольный.

* * *

Слово «Ост» на груди не награда,
Метка просто дешёвой рабсилы.
Подневолье, и слов тут не надо...
Наш народ этим словом клеймили.

Отправляли в Европу вагоны,
Наполняя людьми до предела.
Страхи, вопли, крики и стоны,
Как фашизм тут орудовал смело.

Всем девочкам отрезали косы,
Только волосы вырастут быстро,
Но не смыть это зло вековое,
Нет прощенья проклятым фашистам.

Метка «Ост» – это синий квадратик
С белой надписью... Чёрная метка.
Подневольный восточный рабочий,
Для него тут чужбина-клетка.

Жизнь – работа, за супа миску.
Лагерь – дом. Будь готов трудиться.
И не смей привыкать к изыску.
И расстрел, коль посмел лениться.

ОСТАРБАЙТЕРЫ

Жизнь досталась совсем не сладкая,
Увозили их с милой Родины,
В неизвестность и недосказанность,
Там, где тёрн и мечты уничтожены.

Там рабы они подневольные,
Век двадцатый, планета в пламени
И фашизм поднимает голову,
Люди в страхе, все лица каменны.

Дом их – лагерь с колючей проволокой,
Тут собаки и немцы-охранники,
Нары жёсткие, хлеб с опилками
И баланда из брюквы, не пряники.

* * *

Поле, бескрайнее поле,
Нет ни конца ни края.
Где же ты есть, свобода
И сторона родная?

Двенадцать часов работы,
В солнце и в непогоду,
В рабском плену страдаю,
Жить приходилось народу.

Силы уже на исходе,
Голод и страх наказания.
Тут здравый смысл не сможет
Фашизму давать оправданье.

* * *

Нас на работу пригнали,
В это огромное поле,
И указания дали,
Восточным рабочим в неволе.

Слышу, летят самолёты,
Вдруг это наше везенье,
Вы нас от гнёта спасёте,
Кончится наше мученье.

Я побежала навстречу,
Я им машу рукою...
За мною другие дети
Следом бегут гурьбою.

Только не наши ребята,
В кабине пилот немецкий.
Он на курок нажимает,
Целясь по жизни детской.

И пулемёт стрекочет,
В пашню летят патроны.
Падают все на землю...
Даже молчат вороны.

Я укатилась в канаву,
В землю вцепились руки.
Я на всю жизнь запомню
От выстрелов эти звуки.

Ко мне подбежала мама,
Прижала к себе, ругает.
Жизнь и зловещее пламя
Смерти рядом гуляет.

Крик надзирателя – «выстрел»...
Быстро вернуться к работе.
Будто опять надо мною
Немец в том самолёте.

* * *

Мы на хозяйской кухне спозаранку.
Я чищу печь, а мама хлеб печёт.
Там аромат стоит, что наизнанку
Всю душу и нутро перевернёт.

Я задержу дыхание на минуту,
Так легче... Только в доме хлеба ждут.
Австрийский хлеб навеки не забуду.
За труд ведь даже корки не дадут.

Пекли хлеба на две, на три недели,
Всё уносили, прятали в чулан.
На них замки амбарные висели.
Всё для себя, всё в свой семейный клан.

Хлеба, как круг, как солнце золотое,
С хрустящей коркой, вот бы откусить...
Но есть писанье жизни непростое:
Терпи, ребёнок, если хочешь жить!

Идём в барак, братишка нас встречает,
– Ты пахнешь хлебом, – обнимает мать.
Она стоит, её душа страдает,
И нам не может даже крошек дать.

* * *

От гнёта спас всех и мученья
Победный сорок пятый год.
Был месяц май – весны цветенье,
Как счастлив был тогда народ!

Скорей домой, глоток свободы,
Скорей в родимые края,
У белорусского народа
Есть дом и родина своя!

* * *

Вот и наша семья уезжает,
Покидаем мы дом тот неволи.
Фермер с грустью стоит, вздыхает.
Кто же будет трудиться в поле?

За хозяйкой три маленьких дочки,
Все притихли, стоят несмело,
И заплакала девочка Хельга,
Я за ней очень часто смотрела.

Подбежала и крикнула: «Роза!»
Ведь ребёнок, а так привязалась,
Крепко-накрепко в шею вцепилась,
Я ей, видно, родной показалась.

Для неё детство – счастье и радость,
Мне тринадцать, а детство – украли.
Труд нелёгкий и жизнь не сладость.
Так мы с Австрии уезжали.

Всё готова отдать хозяйка.
«Хлеб, колбаска, одежда, мыло...
Всё возьмите, совсем не жалко».
Все чуланы, шкафы открыла.

Мы уйдём, ничего не взявши,
За наш труд вот такая награда?!
Тихо наша сказала мама:
«Нам, поверьте, чужого не надо».

* * *

Нас привезли для отправления домой
На пункт распределения, все ждали.
То место было просто тьмой,
Фашисты тут людей уничтожали.

Концлагерь, я запомнила тот страх.
Там печи крематория стояли,
Но жаром смерти всё ещё дышали...
И пепел от людей лежал в ногах,
Которых тут безжалостно сжигали.

* * *

Нас снова везут эшелоны,
Домой каждый хочет вернуться.
Скрипят монотонно вагоны,
Девчонки, мальчишки смеются.

Вагоны открыты, и песня
Летит над австрийской землёю.
Русская, им не известная,
О встрече, страна, с тобою.

В память мою очень врезалось,
Как прибыли мы на вокзал.
Там мужичок на коленях
Землю руками обнял.

Он целовал её, милую,
И прижимался щекой.
«Родина, самая милая!» –
Гладил её он рукой.

* * *

Мы вернулись осенью холодной,
Листья откружили листопад.
Сожжены деревни и разгромлены,
Только печи чёрные стоят.

Тишина, тут время стало каменным,
И людей убитых не вернуть.
Чтили память павших мы молчанием,
Продолжая снова к дому путь.

Подберезье, дом наш, нам не верится,
Выстоял войну, вернулись мы.
Пусть с Победой многое изменится,
Слава победителям страны!

Только впереди зима холодная,
Нам её бы только пережить,
Будет, без сомнения, голодная.
Нет запасов, дети, чем кормить?

Председатель разрешил из жалости
В поле нам картошку поискать,
Ведь могли колхозники не выкопать,
В спешке при уборке пропускать.

Я на поле, руки стынют в холоде,
Откопать пытаюсь клубеньки.
Накопаю, сытые – не в голоде,
До весны быстрее пройдут деньки.

Листья принесу ещё капустные,
Их на поле много так лежит.
Пусть они замёрзшие, невкусные,
Их засолим, дальше будем жить.

Хворост принесу, запасы сделаю,
Будет печка тёплая у нас,
– Ах ты, егоза, во всем умелая! –
Мама говорила мне не раз.

* * *

Репатрианты, возвращение,
Домой, но то, где были мы.
Все враз забыли на мгновенье,
Лет пятьдесят и для страны
Остались тенью наши муки,
Вся наша боль у нас в сердцах.

И только наши дети, внуки
Узнают правды этой страх.
И кто-то вовсе не расскажет,
Порой ведь людям не понять.
Кино про это не покажут,
А «Ост» с души так трудно снять.

Рабы с востока, столько судеб,
Пять миллионов человек
Угнали в рабство душегубы,
И скоро двадцать первый век.
Молчать нет сил, ведь даже дети
Попали в жерло той войны.

За детство кто теперь в ответе?
И кто теперь мы для страны?
Восстановили статус вскоре,
Прошли года, ещё б пожить.
Из непридуманных историй
Нам нужно правду сохранить.

* * *

Доказательства, есть архивы,
В райсобесе приём идёт.
Там меня про войну спросили,
Как работал советский народ.

Рассказала: «Насильно угнали.
В рабство продали всю семью.
Заплатили за нас десять марок.
Жить пришлось в австрийском краю».

Взгляд сотрудницы – омут презренья,
Словно выстрел: «Хочу я сказать,
Вы туда на работу стремились,
Чтобы марки свои получать».

В горле ком, сердце бьётся от боли,
Мне же было всего девять лет!
Я хотела жить в этой неволе?
В жизни той даже выхода нет!

Как язык может так повернуться?
Кто дал право такое сказать?
Будто в грязь дали мне окунуться,
Дома просто легла на кровать...

Ночь проплакала, душит от боли.
Дочь с расспросами – я молчу.
Как же больно меня укололи,
Жить от слов я таких не хочу.

Я потом рассказала домашним,
Как меня опустили до дна.
И ни статус, ни к пенсии помощь,
Мне подачка от них не нужна.

Дочь пошла, за меня заступилась,
Их стыдила за эти слова.
Та сотрудница извинилась:
«Мол, простите, была, не права.

Ну, сказала, а что тут такого...»
Как же можно вот так очерстветь!
Больно ранит бездушное слово,
Как в глаза таким людям смотреть.

МАЛОЛЕТНИЕ УЗНИКИ

От детства не осталось и следа,
Война его забрала безрассудно,
Отправив на чужбину поезда.
Там было, правда, очень-очень трудно.

Нелёгкий детский труд, ликует враг,
Мы рано понимаем прозу жизни.
Из рабства не отпустят просто так,
Присвоить нас хотят к своей отчизне.

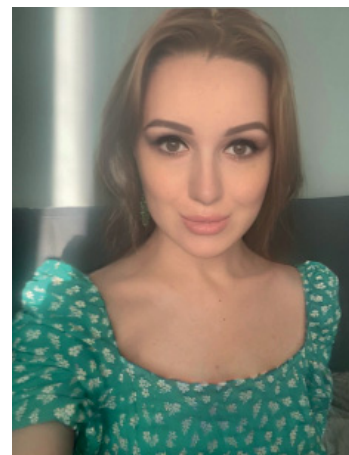
Славяне, нас фашизму не сломить!
Победа будет скоро и за нами!
Нам смогут снова волю подарить,
И красные знамёна будут с нами.

Мир будет на земле, фашизму – нет!
И родину свою мы не бросаем,
Мы будем жить в своей родной стране.
Своих детей достойно воспитаем.

Поэзия

Екатерина Громова

Екатерина Громова – родилась в 1993 году, г. Петрозаводск. Работает фрилансером. Лауреат Всероссийского конкурса «Литкон», Московского межрегионального поэтического конкурса «Россия – земля моя!», Открытого поэтического конкурса-фестиваля «Литературные Старки», Всероссийского молодёжного литературного конкурса патриотической поэзии и прозы «Пою тебе, моё Отечество!»; финалист Всероссийского литературного фестиваля «Солнечный круг» имени Л. И. Ошанина (Рыбинск); участник Всероссийской творческой лаборатории для молодых авторов, проводимой в рамках Дней Пушкинской поэзии и русской культуры. Член Совета молодых литераторов при Карельском региональном отделении Союза писателей России, публиковалась в литературных журналах «Север», «Сибирь».

* * *

Девочка варит игрушкам бесхитростный суп,
Всех усадила: слонёнка, медведя, лису,
Глиняных зайцев. Игрушек у девочки тьма,
Часть их от скуки она смастерила сама.
Банки консервные вместо набора кастрюль.
Тёплой землёю и стружками пахнет июль,
Варится суп из травы, корешков лопуха,
Ягод рябины и горсти кудрявого мха.

Суп аккуратно был каждому в чашки налит.
Многим гостям ненароком попортили вид:
Мишке – дворняга, лоскутной лисице – мороз,
Папа забыл и на зиму домой не занёс.
Мальчик соседский по имени вроде Артём
Ватного слоника тыкал сосновым копьём.
Еле отбили, но вата торчала сквозь швы, –
Слоник едва не лишился хвоста, головы...

Девочка – было тогда ей, наверное, шесть, –
Гладила дачным питомцам игрушечью шерсть.
В тюле веранды запутался рыжий закат,
Суп невзначай выливается в бабушкин сад.
Мама зовёт – людям ужинать тоже пора!
...Годы прошли, только помнится всё, как вчера.
Девочка смотрит моими глазами во двор –
Детство на дачной веранде живёт до сих пор.

ЧАЙКИ

Не богато на звёзды над городом небо,
Фонари освещают фасады домов.
Белоснежные чайки парят над Онего,
Просыпаюсь ночами от их голосов.

Наливаю карельского крепкого чая,
В нём чайники кружат, как густой листопад...
И внезапно сквозь марево душного мая
Вижу мир, что до дома у озера сжат,

Там, где шишки сосны в чешую черепицы
Побережник, играючи, шумно кидал.
...Где кружили такие же белые птицы,
Словно снег, опускались на серый причал.

ВОКЗАЛ

Сквозь окно жар-птицей любопытной,
Мягко клюнув, прячется закат,
Месяц выплывает, еле видный...
На вокзале люди шелестят.

Я пока что зритель аккуратный,
Вписанный дорогой в этот вид.
Скоро встреча с поездом крылатым –
Он гигантской ласточкой взлетит

Из гнезда, которое не глина,
Окружает мрамор и гранит,
Шум растёт... а запах капучино
Пташкой над спешащими парит.

МОЯ ЛЮБОВЬ

Моя любовь заполнила весь дом,
Она горька и терпка, словно ром,
И кажется, не дым от табака
Над ней, а грозовые облака.
Вот-вот начнётся ливень, да такой,
Что станет беспокойною рекой,
И даже морем, где огромный кит
Разрушит мой уютный, тихий быт.

Кит уплывёт в густую синеву...
А я себе на помощь призову
Русалок добрых, крабов, чтобы мне
Любовь мою спасти, на глубине
Пусть для неё намоют островок,
Подняв со дна спасительный песок.
И я пойму – любовь моя жива,
Когда на островке взойдёт трава.

И, словно стадо маленьких ягнят,
Туда однажды облака слетят –
Нежны, светлы... Как первые шаги
Мои к тебе... Прошу, убереги
Свою любовь, чтобы согреть ты смог
Любовь мою – наш новый островок.
И тёплый, от грозы спасённый дом,
Чтоб в нём друг друга мы нашли потом.

* * *

Годы листались, как скучное чтиво –
Скомкан пролог, непонятен финал,
Часто – неловко и в целом – фальшиво:
Автор как будто меня и не знал.

Но избежал моего порицанья –
Был он прощён за одну лишь главу.
Больше не кажутся мне наказаньем
Чёрные строчки, в которых живу.

В свежей главе серебрилось начало –
Дар новогодний от Бога двоим.
С первой страницы тебя я искала,
Где же ты был... где ты был столько зим?

Книга продлилась не тьмою, а светом.
Каждая строчка – что ровная гладь...
Мне остаётся следить за сюжетом
И продолженья счастливого ждать.

КАРЕЛЬСКИЙ ЛЕС

Снова сюда возвращаюсь, как будто к причастью,
Чувствуя необъяснимый, а может, завещанный зов, –
В мир, где всегда становилась я малою частью
Мудрого таинства древних карельских лесов.
Россыпь морошки, полянки с игривой брусникой,
Ягель, покрывший холодные панцири скал...
С ними себе я казалась такою же дикой
И не желала, чтоб кто-то меня отыскал.
Ночь городская. Луна, словно белая кошка,
Мягким клубком на небесной подушке легла...
Вижу во сне, что иду по заросшей дорожке
В тот удивительный лес, где себя я нашла.

* * *

Мне хочется не дум, а созерцанья,
Не зауми, а тихой красоты –
Неброской, как далёкое сиянье
В небесном море крохотной звезды
Над домом, где родители не в ссоре,
Где чай нальют и спросят про дела,
И где в шкафу лежат ракушки с моря –
Я их домой из Сочи привезла.
Где мир я свой как ларчик открывала
Лишь для себя да парочки подруг...
Глядит звезда из тех времён устало –
И никого поблизости вокруг.

* * *

Поехать утром – рано и без завтрака,
Куда угодно, лишь бы через лес.
Звезду найти на коже у яблока
Зари, пока багрянец не исчез.
Остановиться. Выйти из автобуса,
Забыть рюкзак там, всю себя забыть...
В тайге остаться – песней, ветром, голосом,
Кружиться в танце. Плакать. И любить...
Как старый ключ, в приветливо шуршащую
Траву, швырнуть привычную печаль.
Разглядывать живое настоящее
И неба вдохновляющую даль.
Читать узоры ягеля пушистого
На лишь себе понятном языке,
Любить и жить – безудержно, неистово,
Баюкать солнце вечером в руке.
В ночном костре сжигать воспоминания,
Надеть закат и в нём же танцевать.
Смотря в себя, загадывать желанья
И тут же в небо к звёздам отпускать.

Берега юбилеев

Лидия Довыденко

Лидия Владимировна Довыденко – главный редактор художественно-публицистического журнала «Берега», секретарь Союза писателей России, член Союза писателей Союзного государства, автор 34 художественных, историко-краеведческих, публицистических и научных книг, прозаик, публицист, критик. Член Союза журналистов России, кандидат философских наук. Почётный гражданин Балтийского городского округа, член редакционного совета журнала «День и ночь» (Красноярск), член Международной академии русской словесности. Лауреат литературных премий: Гумилевской, Корниловской, Союзного государства, «Щит и меч Отечества», награждена орденом «Русская звезда» имени Ф. И. Тютчева.

ТАЙНА ВЕЧНОСТИ А. С. ПУШКИНА

О сборнике «Пушкин: незаходящее солнце мировой культуры» / сост. и авт. предисл. д-р филос. наук С. Фарах. М.: ИД Академии Н. Е. Жуковского, 2024. – 384 с.: ил.

К 225-му юбилею А. С. Пушкина вышел в свет сборник «Пушкин: незаходящее солнце мировой культуры», включающий статьи учёных, стихи на русском и переводы на французский, английский и арабский языки, репродукции картин по пушкинским произведениям, подготовленные московским творческим объединением «Мастерская 18+».

Юбилейное издание вышло под эгидой Автономной некоммерческой организации развития диалога цивилизаций и культур, популяризации достижений в науке и технике «Центр креативных стратегий». Книга состоит из четырёх глав с приложением, которые разделяются графическими портретами Пушкина Марии Семёновой, студентки Института дизайна и рекламы Международной академии бизнеса и управления. Графику рисовала студентка Института дизайна и рекламы Международной академии бизнеса и управления Гульсафа Хиялова.

Тайна вечности Пушкина, как отметил Сухейль Фарах в предисловии сборника, в самом духе творчества великого поэта, оставившего громадное наследие не только русской, но и мировой цивилизации, и слова его читателей полны беспримерной любви.

Взывая к Пушкину, вспоминая его происхождение и значение поэта для стран Ближнего Востока, Сухейль Фарах пишет: «Мы здесь, в Антиохии, и повсюду в Леванте считаем тебя одним из нас, ведь ты дорог здесь тем, что сумел вместить в своём духовном мире всю Божественную любовь Иисуса»

и Мухаммеда. В каждом слове мы слышим дыхание музыки и пение соловья, а творчество стало синонимом искусства вообще. Министр просвещения граф Уваров однажды вошёл в залу вместе с Пушкиным, где шла лекция по искусствоведению, со словами: здесь говорят об истории искусства, а я привёл с собой само искусство».

Глава первая «Пушкин и вопросы религии» открывается работой доктора философских наук, президента Международного Фонда единства православных народов Валерия Алексеева «Пушкин и Православие». Эта великолепная статья сразу погружает читателя в мир духовно-нравственной внутренней жизни поэта, подчёркивая, что христороцентричность мира для Пушкина была очевидной, «великий духовный переворот планеты – есть христианство». В своё время и на все времена великий поэт дал истинную оценку Европе в её небрежительном отношении к России, не обольщаясь на сей счёт: «И ненавидите вы нас... Иль нам с Европой спорить ново?» Выражение «клеветники России» принадлежит именно Пушкину, которому император Николай Первый дал определение: «Умнейший человек России». До сих пор никто не превзошёл его по уникальной цельности, как «великое явление русской жизни и мировой литературы».

Статья Радифа Замалетдинова, доктора филологических наук, директора Института филологии и межкультурных коммуникации КФУ, «Диалог русской (православной) и восточной (исламской) культур в поэзии А. С. Пушкина» обращает внимание читателя на национальную историю России, связанную с исламом. Исламский мир раскрывается Пушкиным в цикле стихотворений «Подражание Корану». И, как в Коране, где Аллах говорит от первого лица, так и в стихотворении «Пророк» Пушкин оценил выразительные возможности Корана и в заключительных строках «Пророка» использует прямую речь Бога: «Встань, пророк...», что говорит о духе Корана, в отличие от священных книг иудеев и христиан (Торе и Евангелии), где повествование ведётся от третьего лица... Пушкинскую традицию обращения к духовности мировых культур продолжили Ф. М. Достоевский, Лев Толстой, Иван Бунин, В. Соловьёв и многие другие выдающиеся русские писатели и мыслители.

Культуролог Владимир Карагодин в статье «Образ огненного Серафима в творчестве А. С. Пушкина» размышляет об истоках и причинах обращения поэта к образу Серафима, встреча с которым перевернула, преобразила жизнь Александра Сергеевича. В стихотворении «Пророк» поэт описал свой сон, находясь в болдинском затворничестве. Он знал, что жители Болдино и окружающих деревень, из разных уголков России сотнями, тысячами пешком ходили в Саровский монастырь, несмотря на запреты в период эпидемии холеры, но в Сарове эпидемии не было, «как будто холера не смела ступить на святую землю обители». Крестьяне рассказывали Пушкину о дивном старце Серафиме, утешавшем страждущих. Нет свидетельств, что поэт мог с ним встречаться, но бесспорным является факт, что Серафим Саровский поминает в своих молитвах и Александра Сергеевича. «И кто знает, – заключает автор статьи, – чьими молитвами легкомысленный гуляка стал на путь покаяния? Чей огонь веры растопил беспечное сердце утончённого грешника».

Вторая глава юбилейного сборника открывается моей статьёй «Величие духа в творчестве А. С. Пушкина», в которой подчёркивается, что русская литература – неотъемлемая часть православной культуры, а православие открывается как всечеловеческая ценность, как высшее достижение человеческого духа вообще... В 19-м веке Россия отличилась грандиозным явлением русской и мировой культуры, русского самосознания – явлением Пушкина, творчество которого можно рассматривать как «размеренную, успокоенную, гармоничную красоту», и этой красотой поэзия Пушкина служит «делу истины и добра».

Очарование античной красотой, которой поэт напитался в лицее, сменилось погружением в народность, в понимание того, что вера в Бога и воля к достойной жизни у русского человека взаимосвязаны. Как актуально звучат сегодня слова Достоевского из Пушкинской речи «что такое сила духа русской народности, как не её стремление ко всемирности и всечеловечности». И как не вспомнить слова Н. А. Бердяева, опиравшегося на мировоззрение Пушкина: «В сегодняшний день необходимо утверждать примат духовной культуры над всякой политикой».

В статье Виталия Даренского, доктора философских наук, заведующего кафедрой философии МГУТУ им К. Г. Разумовского, «Духовное преображение героев в романе “Евгений Онегин”» интерпретируется образ Евгения Онегина в рамках «инициационного подхода», что позволяет концептуализировать принцип воздействия этого произведения на сознание и миропонимание читателя.

Интенция преобразования развёртывается вокруг фигуры главного героя. Предложенная интерпретация соотносится со спецификой русской культуры как культуры преобразования в горизонте духовного идеала, сопрягающегося со словами В. С. Непомнящего: «Творчество Пушкина – металитература, а его роль – сверхлитературная, как нравственный подвиг, облечённый в слово».

Рамазан Абдулатипов, доктор филологических наук, представил в сборнике статью «Восточные перспективы творчества А. С. Пушкина», которая обретает особую актуальность в связи с проектом В. В. Путина «Возвращение России на Восток», выстраивающим новые приоритеты внешнеполитического курса России. Рамазан Абдулатипов рассматривает интерес Пушкина к Востоку, опираясь на исследования пушкиноведов по блокам: «Пушкин и русский Восток», «Пушкин в работе над образом Ибрагима Ганнибала», «Пушкин и библейский Восток», «Арабский Восток в стихах Пушкина», «Тема Турции в творчестве Пушкина», «Пушкинские строки о Персии», «Индийские мотивы в творчестве Пушкина», «Пушкин и культура Китая», «Книги о Монголии в библиотеке А. С. Пушкина», что сегодня имеет огромное значения для видения пространства и современных взаимоотношений России и стран Востока.

«Восточные мотивы в поэзии пушкинской поры» стали предметом исследования Марии Николаевой, кандидата филологических наук, старшего научного сотрудника ИВ РАН. Она отметила, что восточные мотивы и образы на протяжении веков вплетались в ткань русской литературы, где образ Востока был не просто экзотичными диковинными картинками, а его наполняла глубочайшая духовность притягательного мира.

Глава третья открывается статьёй Сухейля Фараха «Философское путешествие в историко-эстетическом духе Пушкина», где подчёркивается влияние бескрайних просторов русской земли на создание многочисленных произведений, в которых красота природы и человеческая деятельность взаимодополняемы. Рукотворные сады, скульптура и архитектура, фонтаны, выполненные в разных стилях не только в столицах, но и в частных владениях в провинциях, вызывают радость жизни.

Кроме дара поэтического видения, Пушкин обладал талантом исторического исследования источников, в результате чего сделал ряд важных умозаключений, объясняя разницу и причину этой разницы между православным и католическим направлением мысли, причину царизма как единственно необходимой системы власти, почему именно православие позволило отстоять самобытную культурную сущность русских, почему победы Петра Первого были необходимы не только России, но и человечеству, почему историческому мышлению России не нужен западно-европейский подход.

Высшие прозрения сущности вещей позволяют каждому новому поколению читателей Пушкина называть его пророком, открывшим гармонию вместе с тайной бытия, осветившим всю жизнь России в её слабости и мощи.

В работе «Александр Пушкин: гений, вдохновляющий народы» Абдулла Исса, кандидат филологических наук, член РАЕН, поэт и критик, отмечает, что интерес к жизни и творчеству Пушкина возрастает в то время, как националисты на Украине уничтожают его памятники, тщетно пытаясь стереть его вклад в мировую культуру. Несмотря на западное утверждение, что мир движется к тривиальности, идеи Пушкина остаются вдохновляющими все поколения людей в мире. Пушкин, по словам поэта Дж. Г. Лоуэнфельда, – «духовное противоядие», лечащее «депрессию, пессимизм и чувство безнадёжности». В Пушкине любой народ и любая личность могут найти отражение своей самобытности и своих стремлений.

Зависть и ревность – неотъемлемые свойства человеческой природы с древнейших времён, именно зависть привела Каина к преступлению против Авеля, как и Сальери – к убийству Моцарта. Малик Сакур выявляет основной смысл трагедии – в непримиримой борьбе добра и зла, таланта и бездарности, великодушия и эгоизма, борьбе высоких идеалов и низменных побуждений, благородства и подлости, мужества и трусости, высокомерной гордости и смирения, борьбе между величием души и малодушием.

Абдо Кахи, председатель центра социологических исследований университета Нотр Дам Элуэзи (Ливан), рассматривает творчество и личность Пушкина в контексте мировой культуры, так как великий поэт в своём творчестве выразил свои размышления о России, о государстве, о свободе и об анархии. Мы видим в его произведениях различные социальные установки: сильно подверженные европейскому влиянию у Евгения и свойственные провинциальным помещикам и старинному рус-

скому быту у Татьяны. «Пушкин воспевает, – говорит Абдо Кахи, – саму душу России с высот пророческой миссии – а это послание о легитимности вдохновения и любви ко всему возвышенному».

В заключительной, 4-й главе сборника «Русский мир Пушкина» слова любви о великом поэте выразили следующие авторы.

Екатерина Коврикова в статье «Пушкин и мелодия русской души» сосредоточилась на раскрытии темы «Пушкин и музыка» и «Пушкин в музыке», подчёркивая, что поэт мыслил творчество как абсолютную ответственность и духовную свободу, и именно эта черта «оказалась столь животрепещущей для всего отечественного искусства».

Тахсин Раззак Азиз (Ирак) и Е. В. Кончакова – оба кандидаты филологических наук, в статье «Территориальный аспект хронотопа повести А. С. Пушкина “Путешествие в Арзрум” и его проекции на русскую литературу» уделили внимание лексической наполненности и лексической репрезентации имён собственных, учитывая географическое пространство в произведении «Путешествие в Арзрум».

Алексей Варламов, доктор филологических наук, ректор Литературного института имени А. М. Горького, писатель, критик, в статье «О Пушкине поневоле» блестяще вывел на тему отцов и детей, перечитывая Пушкина и Гоголя: «Тарас и Остап, Пугачёв и Гринёв. Отцы и дети минувших времён. Наше Отечество».

Зинат Битар, кандидат исторических наук, доцент Ливанского государственного университета, представил в сборнике статью «Влияние Пушкина на русскую литературу Серебряного века».

Он отметил, что все поколения русских литераторов, «невзирая на различия своих идейных и творческих установок, обнаруживали всё новые творческие сокровища в пушкинском наследии», и, обратившись к поэтическим влияниям Пушкина в творчестве Валерия Брюсова, Александра Блока, Анны Ахматовой, Марины Цветаевой и многих других, заключил, что особенно сильным было влияние гениального поэта на творчество Николая Гумилёва.

Ирина Степанова, представитель Фонда «Русский мир», на Международной конференции «Пушкин: вопросы религии и жизни» (Ливан, Университет Нотр Дам Элуэзи, 2009) рассказала о Русском мире Пушкина в проектах фонда «Русский мир» представителей Болгарии, Великобритании, Германии, Литвы, США, Украины, Финляндии, Эстонии и других стран: это конкурсы, фестивали, турниры молодых поэтов, концерты-лектории, которые способствуют «сохранению и расширению русской языковой среды за рубежом».

Диалог переводов самых известных стихов Пушкина на арабский, французский и английский языки украшает этот солидный сборник, а также отпечатанные в цвете работы творческого объединения «Мастерская 18+», художники которой немало времени посвятили пленэрам в Пушкинских местах: в Михайловском, Тригорском, Москве, Санкт-Петербурге, в Царском Селе, в Павловске, в подмосковных усадьбах Захарово, Большие Вязёмы, Архангельское, Остафьево.

В эпоху глобального наступления антикультуры идеи великого поэта важны для всех людей на планете, Пушкин – действительно незаходящее солнце мировой культуры.

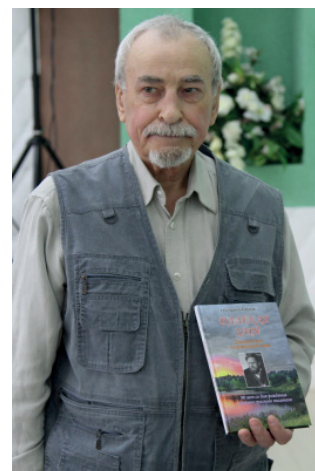

Берега юбилеев

Геннадий Сазонов

Геннадий Алексеевич Сазонов – поэт, прозаик, публицист. Автор 35 книг поэзии, прозы, публицистики, член редакционного совета журнала «Берега». Лауреат ряда литературных премий и конкурсов, в том числе лауреат журнала «Берега» за 2022 год (номинация проза), Международной литературной премии главы Республики Карелия «ВО СЛАВУ ОТЕЧЕСТВА» им. Г. Р. Державина за 2022 год (номинация литературоведение), Филофеевской литературной премии за 2022 год за книгу прозы «Яблоки небесные» (Архиерейская грамота митрополита Тобольского и Тюменского Дмитрия, медаль Святителя Филофея).

С 1987 года живёт и работает в Вологде.

ПУТНИК НА КРАЮ ПОЛЯ

*75 лет со дня рождения прозаика, публициста, поэта, историка
Николая Михайловича Коняева (25 августа 1949 – 16 сентября 2018)*

Брал человек
Холодный мёртвый камень,
По искре высекал
Из камня пламень.
Твоя судьба
Не менее сурова –
Вот так же высекать
Огонь из слова!

Николай Рубцов

ЧАСТЬ I

Сколько бы ни прошло времени, но сердце не хочет свыкаться с утратой, с потерей, о которой я неожиданно услышал. Бывает, что ты как бы готов к печальному повороту в судьбе знакомого, а тут ничего не предвещало беды.

Да, я всё никак не могу примириться с мыслью, что Николая нет, что он отошёл в обители иные, как писал Сергей Есенин, «в ту страну, где тишь и благодать».

Все мы когда-то будем там, закон Божий никто отменить не в силах. И всё же всякий раз, когда случается подобное, как-то становится не по себе, возникает ощущение некоей несправедливости, хотя роптать на волю Божию – большой грех.

Но, согласитесь, в самом деле! Ещё совсем недавно в Петербурге в Доме книги на Невском проспекте Николай Коняев представлял читателям своё новое произведение – художественно-публицистическую хронику «Лихие и святые девяностые» (объёмом 755 страниц), где сделал попытку проследить и осмыслить все важнейшие события так называемой «новейшей истории России».

Труд проделан был огромный! Цикл произведений – явление уникальное!

Дневниковые записи составили три книги: «Застигнутые ночью» (1986–1991), «Лихие и святые девяностые» (1991–1996) и вышедшая уже перед 40-м днём по кончине Николая книга «Прощание с тысячелетием».

День за днём в течение ряда лет Николай Михайлович заносил себе в дневник впечатления от текущей повседневности в любимом Петербурге, в Москве, в других градах и всеях, что и легло в ос-

нову повествования. Я смотрел по телевизору запись той памятной встречи на Невском проспекте. Искренне радовался за товарища, ощущал, даже на расстоянии, его духовную силу, чувствовал, что он полон энергии и что новая книга – далеко не последняя.

Но, увы, оказалась последней!

Даже в немногое время, прошедшее после смерти, всё яснее и отчётливее проступает масштаб художественного таланта, личности Николая Михайловича Коняева, писателя, создавшего «свой мир в русской литературе» на рубеже двух столетий – конца XX и начала XXI.

Всё осязаемое ощущаешь масштаб невосполнимой потери, которую понесли и русская литература, и весь донныне существующий Русский мир. Всё, что вышло из-под пера замечательного автора, предстоит осмыслить заново, увидеть в контексте эпохи, в связи с теми задачами, которые необходимо решать русскому народу в первой половине XXI века.

Мне выпало счастье общаться с Николаем Михайловичем в разное время, в разных местах. Память сохранила подробности его характера, мировоззрения, таланта.

И некоторыми впечатлениями от этой яркой личности я хочу поделиться.

Мы не были близкими, душевными друзьями. Но когда встречались, нас всегда тянуло друг к другу, незримо мы ощущали какое-то душевное родство. На книге «Неудавшийся побег», вместившей под обложку три новых романа, которую подарил Николай Михайлович, он написал: «Моему другу и самому близкому человеку на любимой мною, бесконечно любимой и родной Вологде. 19 сентября 2013 года».

Было это в писательском городке Переделкино под Москвой.

Спустя несколько месяцев, в апреле 2014 года, мы опять оказались вместе в столице и провели неразлучно целый день. Мы ехали в автобусе, который катил из Переделкино в Москву на улицу Поварскую, в «Дом Льва Толстого», где расположен Литфонд. Там участвовали в работе писательской конференции, её вёл известный поэт и прозаик, председатель «Литфонда России» Иван Иванович Переверзин. К слову, Иван Иванович высоко ценил творчество Н. М. Коняева, а подход к авторам у него был профессиональным.

После возвращались назад в Дом творчества. А вечером сидели рядом за столом на фуршете. И всё говорили, говорили, говорили – темы были самые разные.

Боже, как я сожалею, что не записал хоть малую толику тех откровенных, искренних, замечательных бесед! В них открывался характер и внутренний мир большого писателя.

Вот такие мы, русские люди, – беспечные, близок локоток, да не укусишь!

В тот раз, когда уже уезжал в Петербург, Николай достал из сумки объёмную книгу «Что читал Государь в Тобольске», подписал на титуле: «Геннадиию Алексеевичу Сазонову – от автора и старинного товарища». Протянул подарок с напутствием: «Прочитаешь – черкни, хочу знать твоё мнение».

Я пообещал обязательно прислать отзыв.

ЧАСТЬ II

Впервые имя Николая Коняева я встретил на страницах литературно-художественного альманаха молодых писателей «Молодой Ленинград – 1974». Его тиражом в 30 000 экземпляров издал «Советский писатель» (Ленинградское отделение). Из многих пишущих в огромном городе в книгу в триста страниц отобрали лишь 30 авторов, конкурс был – настоящая творческая конкуренция. Мою подборку стихов «забраковал» поэт Александр Кушнер. Другие редакторы, в частности известная поэтесса Ирина Малярова, «отстояли» её и поместили в сборник.

Я «шёл» рядом с Николаем Коняевым, который дебютировал рассказом «Пятьдесят пятая весна».

Это были его яркие, непосредственные впечатления от быта в родном посёлке Вознесенье на берегу Онежского озера Подпорожского района, где Николай родился 25 августа 1949 года в семье учителей. И сам рассказ, первый напечатанный, был посвящён учительнице младших классов в поселковой школе – Евдокии Алексеевне. «Жить надо, как живут все» – вот кредо героини, которая душу отдала детям.

Сюжет рассказа показывал читателю последний день Евдокии Алексеевны в школе перед её уходом на пенсию.

Я работал в разных изданиях в Ярославле, Вышнем Волочке, Череповце, Твери, Оренбурге, Вологде. С большим интересом следил за творчеством Николая, читал его произведения в журналах или газетах, радовался творческому росту. Кстати, из того альманаха, кроме Николая Коняева, вышли и другие авторы, ставшие известными – прозаик Борис Роцин, поэты Виктор Того, Владимир Голубев, Григорий Калюжный, прозаик Александр Житинский.

Широкое читательское признание Николая Коняева началось с повести о выдающемся русском поэте Николае Рубцове – «Путник на краю поля». Уже после её публикации, где-то в марте 2000 года, Николай приехал по делам в Вологду.

Так я с ним впервые встретился, хотя заочно мы знали друг друга давно.

Думаю, Николай с любовью относился к Вологде не только потому, что это одна из «литературных столиц России». Было и другое обстоятельство. Его двоюродный дед по отцовской Иван Алексеевич Шергин (1866–1930) – коми публицист, писатель, издатель журнала «Вестник Севера», родился в Вологодской губернии – в селе Серёгово Яренского уезда (ныне территория Республики Коми).

Так что с Русским Севером его связывали «кровные узы».

К повести «Путник на краю поля» в литературных кругах относились по-разному: от восторженных похвал до неприятия. Но никто не мог возразить против главного: это было первое в русской литературе художественно-публицистическое произведение о Николае Рубцове. Оно несло огромный объём информации, высвечивало неизвестные страницы жизни и творчества выдающегося лирика.

Хотелось как-то поддержать Николая, и я предложил сделать большое интервью для центральной прессы. Он пришёл ко мне на корпункт после обеда, и мы проговорили почти до темноты.

Конечно, я прочёл повесть и был потрясён откровениями автора, его позицией, проникновением во внутренний мир Рубцова. И всё же меня интересовали подробности того, как повесть создавалась.

Я знал, что Николай Коняев никогда не писал стихи, во всяком случае, опубликованных его стихов я не видел. Было удивительно, что он, сугубый прозаик, взялся за столь «сложный предмет» – поэзию, да ещё за Рубцова. Как он отважился на это? Почему?

ЧАСТЬ III

Я внимательно слушал неторопливый рассказ гостя с характерными для него интонациями и жестами.

– Однажды мне попала в руки книга стихов Рубцова, – начал Николай Михайлович. – Я люблю Ахматову, Мандельштама, Цветаеву...

Но Рубцов оказался мне пронзительно родным, «заповедным», книга, что называется, обожгла душу. А тут как раз актёры одного из московских театров предложили мне написать пьесу о судьбе Рубцова. Разговор проходил в кабинете Вадима Кожинова – ему прислали из Мурманска рукописи воспоминаний о поэте. Кожинов тоже загорелся идеей пьесы и дал мне почитать воспоминания.

Я взял ворох бумаг домой, стал читать и не мог оторваться всю ночь. Было ощущение, как будто это про меня написано, как будто это моя жизнь. Не то чтобы я соотносил себя с Рубцовым, у нас всё разное. Он – сирота, у меня – отец и мать, всё благополучно. Тем не менее я всё чувствовал, узнавал – и свет барака посреди ночи, и сосны, которые шумят рядом, и всё, всё. Родное! Словом, я написал пьесу, её сыграли на гастролях. Прошло ещё несколько лет, а эта тема во мне жила. И в 1987 году я начал писать повесть о Рубцове. До этого накопил большой материал, побывал практически во всех архивах, располагавших документами о жизни и творчестве Николая Михайловича, повесть я написал за полтора месяца.

– *Сразу начистовую написал?*

– Да, почти начисто. Но после я поехал на родину поэта в Тотьму, в село Никола, где Николай Михайлович учился в школе, куда он приезжал, когда был студентом Литинститута, где встретил свою любовь – Генриетту Шамахову, которая родила ему дочь. Здесь я нашёл много людей, которые знали и помнили Рубцова. Я записывал их воспоминания на диктофон, а вечером в гостинице расшифровывал. Я пришёл в полное отчаяние: повесть написана, а тут живой материал, надо всё пере-

делывать. И вдруг понимаю, что ничего, по сути, не надо менять, воспоминания точно «ложатся» на текст рукописи, надо только кое-что подкорректировать. Повесть довольно быстро напечатали.

– *Чем дальше мы уходим от трагической гибели поэта, тем, кажется, сильнее интерес у читателей к личности Рубцова и его стихам. В чём здесь дело?*

– Николай Рубцов, считаю, – крупнейший российский поэт второй половины XX века. К тому же он наиболее «коммерческий» – каждый год его книги расходятся суммарными тиражами от 50 до 100 тысяч экземпляров. Это по нынешним временам тиражи фантастические. Рубцов написал: «Я умру в крещенские морозы...» Так оно и случилось. Пророческая сущность творчества Рубцова является той «тайной», которая дополнительно притягивает к нему огромное количество людей.

Пророчеств в его стихах очень много.

Конечно, в данном случае воспроизводить полностью нашу беседу, её опубликовала газета «Труд» (№ 062, 5 апреля 2000 г.), где я работал собкором, не буду. Но приведу ещё любопытный фрагмент.

– *Если верить вашей повести «Путник на краю поля», в судьбе Николая Рубцова есть некая предопределённость. Можем ли мы говорить о религиозности поэта? – спросил я автора.*

– Да, некоторая предопределённость и в жизни, и в посмертной судьбе Рубцова есть, и я пытался отразить её в повести. Расскажу только один эпизод. Будучи в гостях у писателя Василия Белова, я ему сказал, что нашёл в архиве такую телеграмму: «Дорогой Вася, извини, я был не прав. Рубцов». Видимо, был 30 лет назад какой-то резкий разговор между Беловым и Рубцовым. По какой причине Рубцов не отправил телеграмму – трудно сказать. Может, просто не нашлось денег. Но есть мистический факт: через десятилетия адресат получил телеграмму через меня, выполнившего роль почтальона...

Вопрос о том, был ли Рубцов православным человеком, выходит за пределы его биографии, но принципиально важен для понимания эпохи, в которой он жил. Вся поэзия Рубцова проникнута духом Православия. Но к нему он шёл не через церковь, а через русскую классическую поэзию, что очень типично для писателей, начинавших свой путь в конце 50-х годов...

Сам же Николай Коняев, в отличие от героя повести, пришёл к Православию именно через храм, через церковь. Он, казалось, погрузился в безграничный мир Веры. Её свет, её отблески ощущались во всём, о чём бы ни писал он. Не зря же в одном из интервью Николай Михайлович заметил: «Писатель – соратник Бога».

Лучше и точнее не скажешь!

И он следовал этому внутреннему своему правилу.

После нашей беседы вышло ещё изрядное количество книг о знаменитом поэте, написанных разными авторами.

Но повесть Николая Коняева, как первая любовь, продолжает оставаться лучшей о Рубцове.

ЧАСТЬ IV

На моём рабочем столе лежит объёмный труд, более пятисот страниц – новая книга Николая Коняева «Что читал Государь в Тобольске». Она вышла в Санкт-Петербурге в 2013 году. Это художественные очерки о русской истории, собранные под одной обложкой в связи с 400-летием династии русских царей и императоров Романовых.

Был соблазн одолеть книгу одним махом, тем более что она написана живым языком, читается легко. Но я решил растянуть удовольствие, неторопливо вбирал в себя страницу за страницей, как бы заново открывая Русскую историю.

Читал, радовался за Николая, учился у него любви к Родине.

Казалось бы, ну что нового способен поведать писатель о русской Истории после Василия Ключевского, Николая Карамзина, Владимира Соловьёва и других заслуженных наших авторитетов? Не будем, однако, спешить с выводами. Оказывается, повествовать о Святой Руси не только можно, но и просто необходимо, поскольку ещё остаётся немало так называемых «белых пятен», требующих современного осмысления, творческого поиска, новых подходов.

Именно так и поступал Николай Коняев.

Для него русская История не что-то давнее, застоявшееся, малоинтересное, а суть – день сегодняшний, яркий и неповторимый. История для него – личная сопричастность далёким и грозным

событиям, умение увидеть в них, в судьбах героев и антигероев действие Божественного Промысла о нашей Родине.

Это как раз и есть та черта, которая отличает писателя-историка Николая Коняева от многих других авторов, пишущих об истории России.

Так, в упомянутой книге по-новому предстаёт нравственный, духовный подвиг великого князя Александра Невского. Он смело вступил в схватку с «тогдашним НАТО», отстоял независимость Родины. «Разгром и покорение нетронутой татарами северной Руси готовилось Западом планомерно и целеустремлённо, – писал автор. – На Восток, в псковские пределы устремились немецкие рыцари, а на соединение с ними, с Северо-Запада, двинулись шведы Ярла Биргера, которых римский папа сулил наградить Новгородской землёй.

Александр Невскому было всего 20 лет, когда 15 июля 1240 года он разгромил эти силы тогдашнего НАТО. И случилось это всего в нескольких километрах от нынешнего Санкт-Петербурга.

За эту победу святого князя прозвали Невским».

Или вот просто потрясает исследование судьбы спасителя Отечества Кузьмы Минина, а также сюжет об уничтожении народной святыни – иконы «Казанской Божьей Матери».

Не удержусь, чтобы не привести ещё маленький отрывок из этой прекрасной книги.

«Воистину, в этом смысле наша страна – феноменальное, небывалое в мировой истории образование. Из различных центров, на основе совершенно различных государственных идеологий, различными империеобразующими этносами создавались эти государства, но совпадала их территория, на которой – лучше ли, хуже ли! – но обеспечивалось выживание всех включённых в империю народов. Когда же империя благодаря враждебным силам разрушалась, она снова возникала на основе другой идеологии, другого этноса, из другого центра, но в тех же самых границах.

Что это значит?

Да только то, что эта империя нужна Богу, то, что народам, населяющим нашу страну, надобно исполнить то, что предназначено нашей стране Богом.

И мы ясно должны понимать, что все, кто тем или иным способом пытаются разрушить страну, враги не только нашего государства, но и самого Бога».

Будем помнить замечательные слова нашего товарища по литературе и носить их в своём сердце!

Николай Коняев – писатель многоплановый.

Ему по плечу были самые разные жанры и темы. И в каждом своём произведении он старался быть интересным читателю – от короткого рассказа до большого романа. А как иначе? Необходимо, чтобы читатель откликнулся. Приведу только один эпизод. Много лет назад в еженедельнике «Литературная Россия» был напечатан рассказ Николая Коняева «Крыса». Жёсткий такой рассказ о деградации женской души, героиня – падшая, ставшая на путь «древнейшей профессии». Сколько прошло времени, а рассказ остался в памяти. Прочитав рассказ, я подумал: автор мог бы, наверное, и не так сильно «отделать» героиню.

Но, поразмыслив, я понял: для Николая художественная правда в данном рассказе оказалась превыше иных обстоятельств.

Однажды в письме к одной знакомой Иван Сергеевич Тургенев заметил, что «имеющий Веру имеет всё, и ничего не может потерять».

Творчество Николая Коняева как раз и свидетельствует, что он имел Веру, умел её хранить и отстаивать.

В большую заслугу ему следует поставить книги о великих русских литераторах – Дмитрие Балашове, Фёдоре Абрамове, Валентине Пикуле. Это серьёзные художественные исследования. Они по-новому открывают читателю личности и творчество великих мастеров русского слова.

Осенью 2018 года судьба преподнесла подарок – известный писатель из Тюмени Леонид Иванов пригласил на 55-летие областной писательской организации. На другой день, солнечным утром, мы поехали в Тобольск – духовную столицу всей Сибири. Впечатления от светлого города на Иртыше были незабываемые. Здесь я познакомился с Аркадием Елфимовым, известным в Тобольске хранителем истории. Именно кратким рассказом о нём заканчивалась книга «Что читал Государь в Тобольске».

Кстати, я так и не сказал о главном мотиве повествования. По точному исследованию Николая Коняева, император Николай II, находясь вместе с семьёй в ссылке в Тобольске, впервые прочитал

несколько томов Николая Лескова и был поражён тем, как глубоко писатель проник в душу русского народа.

Показывая ботанический сад «Ермаково поле», уникальный для всей Западной Сибири, Елфимов рассказывал подробности о сражении Ермака с войском хана Кучума. Силы были неравные: татарские «тьмы» в несколько раз превышали по числу бойцов скромный отряд Ермака. Рассказчик сожалел о том, что до сих пор историки так и не смогли установить, сколько отважных казаков атамана Ермака Тимофеевича полегло во время сражения у крутого мыса Иртыша.

– А вот писатель Николай Коняев, вы его, конечно, знаете, когда сюда приезжал ко мне, – заметил Аркадий Григорьевич, – точно сказал: 122 казака сложили свои буйные головушки. Как он подсчитал? Это осталось тайной.

Свою тайну Николай Михайлович не стал раскрывать Аркадию Елфимову. По какой причине? Трудно сказать!

Наивно так думать, но тем не менее не оставляет мысль, что не без влияния книги «Что читал Государь в Тобольске» в апреле 2018 года, в год столетия казни императора Николая II, здесь отрыли музей царской семьи. Он разместился на двух этажах бывшего дома генерал-губернатора, который стал последним пристанищем законного русского царя, членов его семьи и сподвижников. Дом сохранился стараниями горожан, хотя могли бы сжечь, взорвать, развалить, как случилось с «домом купца Ипатьева» в Екатеринбурге (тогда Свердловске), куда в 1918 году вывезли пленников, а в середине лета зверски расстреляли.

Глубокие и трепетные чувства охватывают всякого, кто входит под своды дома, где комнаты и лестницы помнят последнего Русского Царя.

ЧАСТЬ V

Талантливый русский писатель, как правило, талантлив не только в даре слова, полученном от Бога, но и во многом другом – в увлечениях, в быту, в занятиях, смежных с литературой.

Примеров на сей счёт достаточно. Вспомним хотя бы Михаила Васильевича Ломоносова, нашего национального гения. Он, будучи учёным, открывал законы физики, механики, химии. Как литератор он составил «Граматику русского языка», написал трактат о стихосложении, сочинял прекрасные оды. А на досуге Михаил Васильевич занимался искусством мозаики. В здании Морского музея на стрелке Васильевского острова в Санкт-Петербурге до сих пор сохранилась на стене огромная мозаика, выложенная руками Михаила Васильевича.

Николай Коняев тоже принадлежал к типу «людей многосторонних». Он, к слову, очень любил путешествовать, знал Россию, что называется, не понаслышке, а воочию. Знал конкретно определённые деревни, посёлки, города, людей, живущих в них.

Здесь же хочу кратко коснуться такой стороны его личности, как редакторская деятельность. В разные годы и в разных местах Николай Михайлович работал редактором на киностудии «Беларусьфильм» и в издательстве «Советский писатель», заведовал отделом прозы в журнале «Нева». В начале двухтысячных годов он возглавил журнал «Аврора» в Санкт-Петербурге. К тому моменту издание почти «угасло», утратив былую популярность.

С приходом нового главного редактора журнал изменился к лучшему, как бы заново ожил, читатели снова потянулись к нему. Не в последнюю очередь тому способствовала широко представленная на страницах издания русская История и история Православия в «современном прочтении»: то есть не отвлечённая, а «увязанная» с проблемами текущими.

Сам Николай вёл «Дневник редактора», где высказывал мнение на «горячие» темы. «Бывший диссидент А. А. Зиновьев очень точно определил характер поддерживаемого Западом советского свободомыслия, сказал, дескать, “мы метили в коммунизм, а попали в Россию”, – писал редактор в одном из номеров. – Эти слова А. А. Зиновьева можно поставить эпиграфом к решению правительства Москвы о переименовании Большой Коммунистической улицы в улицу Александра Солженицына.

На первый взгляд, всё складно получается.

Александр Исаевич, как считается, боролся с коммунистической идеологией, вот и переименовывается в его честь улица, некогда названная в честь ВКП(б).

Но есть, есть тут и закавыка.

Ведь до 1924 года эта улица не Коммунистической была, а носила имя строителя Москвы и Русского государства, сподвижника Дмитрия Донского и Сергия Радонежского – святителя Алексия, митрополита Московского, и называлась она тогда Большой Алексеевской.

Вот и получается, что переименование её в улицу Солженицына вполне можно использовать иллюстрацией к изречению Александра Александровича Зиновьева.

И не потому получилось это, что планировали так, а просто потому, что, хотя московская мэрия и не ВКП(б), конечно, но тоже, как и ВКП(б), мимо России живёт...» («Аврора», № 5, 2008).

Очень точно подметил редактор: «...мимо России живёт...»

Людей, обладающих похожим самосознанием, изрядно развелось в нашей стране. Они не чувствуют под ногами «почвы», а это – большая беда.

В том же номере Николай опубликовал замечательные путевые размышления «Рёбра Северовы» о своей поездке на Кольский полуостров.

Я поздравил Николая с назначением в «Аврору». В ответ он заверил, что готов предоставить страницы журнала для произведений авторов из Вологды. Сказал нашим писателям и, не откладывая в долгий ящик, послал поэтическую подборку. Но шла неделя за неделей, а весточки из «Авроры» я так и не получил.

Кажется, в конце зимы я встретил Коняева в коридоре Литфонда в Москве, ещё, наверное, в прежнем здании на улице Усиевича. Мы стояли вместе в очереди в бухгалтерию оформлять командировку, а рядом с Николаем был поэт Борис Орлов, председатель правления Петербургской организации Союза писателей России.

Разговор, как обычно в очереди, переходил с одного на другое. Как-то мне не получилось напомнить главному редактору о стихах. Но он, вероятно, почувствовал моё настроение, сам вспомнил о них, порадовал: «В ближайшем номере выйдут».

Вечером, после писательского ужина, когда народ начал расходиться из ресторана в Переделкино, Николай предложил мне партию в бильярд. И я согласился. Эта игра, кстати, самая любимая моя с раннего детства. Но из-за всяких больших и малых дел редко удаётся «погонять шары». А тут такая возможность. Да и не просто поиграть, а ещё попутно пообсуждать «литературные вопросы».

Мы вышли в фойе, где стоял бильярдный стол, сложили «треугольник» из шаров, взяли в руки кии.

Меня разобрал азарт, я забивал один шар за другим, сам не понимая, как это получалось, потому что навык игры был почти утрачен.

Мой партнёр проиграл партию «всухую».

И вторую партию он тоже проиграл, но, правда, уже с определённым счётом.

«Ну вот, – подумал я грешным делом, – плакала моя подборка. Наверное, Коля обиделся на моё поведение».

Я даже немного расстроился.

В «Авроре», к слову, я мечтал напечататься ещё со студенческих лет.

Я вернулся в Вологду и в суете будней позабыл о своём «расстройстве».

Недели через две почтальон принёс пакет, где был номер журнала с моими стихами и короткое тёплое письмо от Николая.

На сердце у меня сразу посветлело.

ЧАСТЬ VI

Николай Коняев не раз говорил о том, что русский писатель – соработник Богу. И он ввёл в обиход понятие «православный реализм», объясняя тем, что следует рассматривать окружающий мир под «углом духовности». Понятно, такое непросто и далеко не каждому автору по плечу. Сам же Николай Михайлович старался следовать правилу – жертвенно служил Русской православной церкви, верным чадом её он был до конца дней. Без преувеличения, писатель внёс существенный вклад в дело христианского просвещения.

«Его книги и труды стали для многих соотечественников опорой в деле обретения веры, – отмечено в некрологе Секретариата правления Союза писателей России. – Достаточно вспомнить созданный им

пантеон подвижников Валаамской обители, честное описание эпохи преподобного Иринарха Затворника, непревзойдённое жизнеописание Александра Свирского, блаженной Ксении Петербургской... В течение 25 лет Николай Михайлович активно участвовал в создании и работе Всемирного Русского Народного Собора, Всероссийских Иринарховских чтений, Православного общества писателей Санкт-Петербурга, пользовался заслуженным авторитетом в среде православной интеллигенции, а его труды отмечены наградами Русской Православной Церкви, Патриаршей литературной премией имени святых Кирилла и Мефодия...»

И ещё одна поразительная черта прозаика. С его уходом в мир иной читателю открылся «неизвестный Коняев», существенно дополняющий представление о нём. После смерти вышел трёхтомник Николая Михайловича, который «представляет актуальный пласт творчества историка-агиографа, публициста, прозаика, поэта. Это объёмное исследование, им Н. М. Коняев напряжённо занимался в последние годы жизни, можно назвать наивысшей точкой творчества писателя, которому всегда было присуще стремление понять сакральный смысл истории, выявить и сформулировать базисные смыслы существования нашего Отечества, желание увидеть и отразить мир как единое историческое пространство, в котором Русь-Россия – любимое детище Господне...»

Так отозвалась о трёхтомнике известная петербургская поэтесса и литературный критик Валентина Ефимовская, назвав произведения «новым научно-художественным жанром». «Рукописи были отредактированы и подготовлены к печати женой Николая Михайловича – Мариной Викторовной Коняевой, его неустанной сподвижницей, соавтором и продолжателем дела, – утверждала Ефимовская. – Здесь вспоминается писательский союз Фёдора Абрамова и его жены, которая после смерти мужа более четверти века выполняла его наказ: “Живи за двоих и заверши мои писательские дела”. Марина Коняева не только исполнила завет своего выдающегося мужа, но и сама предстала как профессиональный редактор и талантливый автор...»

В чём состоит новизна трёх уникальных произведений? А в том, что, пожалуй, впервые в нашей истории и литературе Николай Коняев открыл истоки Русского Народа со времён до Потопа и далее. На это пока не решался никто, дальше Киевской Руси никто не вёл исследований. Здесь же мы видим и Киммерийскую цивилизацию, и цивилизацию Великая Скифия, что помогает лучше понять, КТО МЫ И ОТКУДА.

...Один мой знакомый писатель в Сибири, который уже после ухода Коняева более подробно познакомился с его творчеством, с изумлением признался: «Да это же современный Достоевский!»

* * *

...Фраза писателя «Путник на краю поля», которая стала названием повести о Николае Рубцове, несёт в себе, на мой взгляд, глубокий сакральный смысл.

Край Поля – наша земная жизнь.

Само Поле – Вечность.

Мы идём по краю Поля, не зная срока, когда призовут в пакибытие. И хотим успеть сотворить что-то важное, заметное.

Для Николая Коняева это важное – соработничество Богу в Слове.

МОСКВА – ВОЛОГДА,
2014–2019 – 2024 гг.

Берега юбилеев

Наталья Менендес

Наталья Мануэловна Менендес (Тютникова) – автор пятнадцати художественных книг, среди которых три сборника рассказов, две повести («Разведённые мосты», 2017, и «Потеряла я колечко», 2018), два романа («Пересекающиеся параллели», 2019 и «Наследство Каина», 2021), четыре книги детской литературно-образовательной серии «Ивановы сказки» и четыре поэтических сборника. Публикуется в альманахах и журналах. Член Союза писателей России. Лауреат премии «Триумф» (Иваново, 2016), премии им. А. Н. Островского (Кинешма, 2022), областной литературной премии им. Д. А. Фурманова (Иваново, 2022). Живёт в Иваново.

«КРотовые дыры» ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ НАШЕЙ ПЛАНЕТЫ

К 85-летию окончания гражданской войны в Испании

1 апреля этого года исполнилось 85 лет с того дня, когда после трёх лет кровопролитной гражданской войны диктатор Франко объявил о её завершении. Под руководством именно этого генерала был совершён военный мятеж 17 июля 1936 года и была развязана гражданская война. Почти полмиллиона испанцев погибли в этой войне. Со стороны республиканцев погибших было в два раза больше. Были многочисленные жертвы и среди мирного населения, и тоже намного больше именно там, где территория была занята франкистами. Прошло несколько месяцев после её окончания, и мир потрясла другая война. Именно гражданская война в Испании для германского фашизма становится репетицией того ужасного, трагического события 20-го века, получившего название – Вторая мировая война.

Сегодня, пристально вглядываясь в то, что происходило в те далёкие дни, ясно видишь, как возникают исторические параллели. Становится тревожно от явного повторения схожих событий, словно жестокий джинн, выпущенный из кувшина, прорывается к нам через «кротовую дыру» в пространстве и времени. На планете то тут то там воспламеняются новые Испании, в которых свергается законное правительство и развязывается гражданская война. И в 20-м веке, и сегодня, в начале 21-го века, мы можем с вами видеть такие успешно реализованные заинтересованными силами сценарии по всему миру: Чили, Ливия, Украина, а в большей или меньшей степени многие другие страны. И всегда заокеанский куратор и Европа с её загадочными «европейскими ценностями» занимают двойственную позицию: явно поддерживая, но делая вид, что не поддерживают незаконное агрессивное правительство, если считают это для себя выгодным. Таким был Комитет по невмешательству во внутренние дела Испании, в который входили 27 государств, но отстаивали интересы Испании в нём только СССР и Мексика. Организатором комитета была Англия, которая активно лоббировала невмешательство, при этом не мешая вмешиваться в войну фашистской Германии, Италии и Португалии, которые оказывали мощную военную помощь заговорщикам. У СССР были связаны руки, ведь помощь рассматривалась как «военное вторжение», даже если об этом просит само законное правительство. Даже «добровольчество» с февраля 37-го года комитет объявляет незаконным. И всё-таки помощь от СССР была: оружие, военные консультанты, военные специалисты.

Советские люди искренне болели за республиканскую Испанию, шли добровольцами воевать на их стороне. Стихи Михаила Светлова оказались пророческими: «Я хату покинул, пошёл воевать, чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать. Прощайте родные, прощайте друзья! Гренада, Гренада! Гренада моя!» Стихи, ставшие песней, люди моего поколения очень хорошо помнят. Восторженно

и наивно, скажут многие сегодня. Но это были наши идеалы, в которые мы верили. Злопыхатели будут утверждать, что СССР навязывали свою идеологию. Конечно, пропагандировали, кто спорит. А разве сегодня большинству стран Запад не навязывает свои «идеалы и ценности», совершенно не учитывая культурные традиции живущих там народов? И навязывают более агрессивно, чем когда-то СССР, отнюдь не демократическими методами, а войнами и военными переворотами, не считаясь с мнением народа. А тогда, в 1936 году, не правительства, а народы мира были на стороне законного республиканского правительства, которое, конечно, было неидеально, как и любое другое, но было законное. Помощь приходила со всего мира, но чаще не официальная, а добровольная, от простых людей, сегодня тоже распространённое явление под названием «волонтёрство».

Особенно наглядно мы видим это на примере интербригад, в которых сражались более 12 тысяч добровольцев, многие из которых погибли. По разным источникам цифры колеблются. Но можно точно сказать, что иностранцы-антифашисты – это лучшие люди планеты. Они приезжали в пылающую Испанию, несмотря на запрет Комитета по невмешательству. Среди приехавших в Испанию были знаменитые писатели, такие как Илья Эренбург, Михаил Кольцов, Эрнест Хемингуэй, Пабло Неруда, Джордж Оруэлл и многие другие. Благодаря их книгам мы можем сегодня погрузиться в то время, вдохнуть полной грудью воздух пылающего Мадрида, увидеть словно воочию людей, вскидывающих руку в страстном призыве «¡No pasarán!», пронаблюдать все героические поступки, а также промахи и неудачи республиканцев.

И сегодня, словно предостережение для всех нас, осознание того, что гораздо опаснее явного врага «пятая колонна» – предатели, которые скрытно или даже совершенно открыто присутствуют рядом. Понятие «беженцы», которое в современном мире так нам знакомо, появилось как массовое явление тоже после поражения республиканцев. По оценке разных источников, их количество было от 500 тысяч человек до более 600 тысяч. Несомненно, что среди этих беженцев особенно незащищённые в период таких разрушительных событий бывают дети. Сегодня в Испании их называют «дети войны». Вывезенных детей было более 30 тысяч, и три тысячи таких детей принял за годы гражданской войны СССР. Это были дети тех родителей, кто сражался за республику. Впервые они смогли выехать домой в 1956 году, но уехали далеко не все. После смерти Франко в 1975 году путь на родину стал более свободным, и прошла ещё одна волна отъезда, но снова ещё многие оставались. Третья волна репатриации была после развала СССР. Сегодня «детей войны» в России осталось совсем немного. Это люди преклонного возраста, да, собственно, и в Испании это поколение уже почти ушло.

Меня давно интересовала испанская тема, возможно, потому что сама я дочь одного из детей, привезённого в 37-м году из Хихона испанской провинции Астурия в Ленинград. Имя моего отца – Мануэль Менендес Робаналь (в моём свидетельстве о рождении неправильно написана вторая фамилия, вместо буквы «б» написана «в» – Рованал). Мне хотелось написать книгу об отце и других «детях войны». В молодости я разговаривала с его друзьями, жившими в Тбилиси, с Луисом Фернандес и Мануэлем Мартинес, когда приезжала в гости к своему двоюродному брату Хоакину Меана. Но тогда я ещё не думала о книге и почти ничего не записала. Сведения были отрывочны и даже некоторые неправильны.

Когда Мануэль Мартинес мне рассказывал об Ивановском Интердоме, я решила, что отец воспитывался тоже там. И ошиблась. В нулевые годы, когда подросли мои дети и стало больше времени, я начала писать, одновременно уточняя данные. Я пришла в Ивановский Интердом, где в те далёкие годы воспитывались испанские дети. София Ивановна Кузнецова – хранительница музея – встретила радушно, но разочаровала тем, что астурийских детей у них не было. Были бесполезные поиски по библиотекам Иванова, многочисленные монографии были о самой войне, а информация о «детях войны» почти совсем отсутствовала. Мне помог секретарь Московского Испанского центра Энрике Вентимилла Алонсо, который дал мне телефон моей однофамилицы Элоины Менендес Меана, живущей в Санкт-Петербурге. Знакомство с Элоиной становится для меня просто удачей. Она приглашает меня в гости и щедро делится своими воспоминаниями и некоторыми документами. Результатом общения с ней и другими знакомыми испанцами стала повесть «Разведённые мосты», которая была опубликована в 2012 году в Санкт-Петербурге в журнале «Писатель. XXI век». Правда, «Разведённые мосты» оказались в большей степени книгой об этой удивительной женщине, а не о моём отце. В повесть вошёл не весь материал, о котором я узнала, некоторые очень интересные вещи не вмещала концепция повести, и я их сохранила до лучших времён. Опу-

бликовать повесть книгой мне удалось только в 2017 году, и в этом же году я смогла впервые съездить на родину моего отца. Наша встреча не состоялась, в 1999 году мой отец умер. Но поездка в Испанию и новые знакомства в Испанском Центре в Москве дали много нового интересного материала. После публикации повести ко мне стали обращаться люди, так или иначе связанные с испанской темой.

В 2019 году я опубликовала новый роман «Пересекающиеся параллели», героями стали лётчики – испанец и русская девушка, воевавшие вместе в годы гражданской войны, а другим героем – Максимино Рода Сарабосо, из тех «детей войны». Материал о лётчиках мне прислала молодая женщина из Харькова, она была с ними лично знакома. А с Максимино я познакомилась в моей поездке на родину отца.

После публикации нового романа состоялась ещё одна поездка в Испанию. Первую повесть «Разведённые мосты» в 2017 году я представляла в Мадриде в доме Мануэля Арсе – руководителя фонда «Ностальгия», оказывающего помощь приехавшим в Испанию «детям войны» и их семьям. Презентация романа «Пересекающиеся параллели» прошла в 2019 году в Хихоне.

Я всё больше погружалась в тему, захватившую меня. Приходили новые материалы, появлялись новые знакомые. Одна из них поведала мне о своей судьбе, заинтересовавшей меня, странным образом перекликающейся с судьбой одной из подруг Элоины, о которой когда-то она мне рассказала. Я с увлечением начинаю работу над новым романом, который назвала «Наследство Каина». Это пока единственная книга, в которой мне пришлось изменить имя по просьбе героини. Трудная её жизнь была тесно связана с историей Советского Союза и новейшей историей России, но в ней невольно присутствовала украинская тема, ведь повествование касалось мест, которые сегодня охвачены пожаром войны. Возможно, роман закончился бы совершенно по-другому, не случись этой страшной гражданской войны в Украине в 2014 году и дополнительно не узнав я от своей племянницы из Испании об интересной истории испанского паренька, поехавшего воевать на Донбасс. Я закончила свой новый роман на событиях в Дебальцево, опубликовав в журнальном варианте в 2016 году. И несколько лет всё ждала окончания событий на Донбассе, надеясь, что война остановится. Роман я опубликовала в 2021 году. Теперь думаю, что сделала правильно, сейчас я не смогла бы его дописать, не зная, что может ещё произойти с героями моего романа. Возможно, продолжение этой истории будет в будущем.

Вглядываясь в сегодняшние события, удивляешься, как много знакомого из того испанского далёка: добровольчество, приехавшие со всего мира люди, которые воевали и по ту и по другую сторону баррикад, помощь простых людей, предательство внутренней «пятой колонны», двуличность «цивилизованных государств». Проследившая всё, что происходило на Украине, я невольно вспоминала события 85-летней давности. Хочется верить, что возобладает разум и высшая мудрость, данная нам Богом: братья не должны убивать друг друга, и какой-нибудь более мудрый, чем сегодня на Украине, политик призовет так же, как когда-то президент Испании Мануэль Асанья, к «Миру, Состраданию и Прощению».

Испанская тема остаётся в моём творчестве очень важной. У меня много новых знакомых, чаще всего это дети и внуки тех испанских «детей войны». При общей схожести детства судьбы их такие разные, что соединить их в одно произведение мне не представляется возможным. Поэтому я решила писать небольшие рассказы, взяв из их жизни наиболее запоминающиеся моменты. Так в 2022 году появилась книга «Близкое далёкое». Работа эта не останавливается. Я рассказываю эти истории, надеясь, что их прочтает и подрастающее поколение, ведь они наше будущее.

Война – страшная разлучница, она разъединяет любимых, родителей и детей, братьев и сестёр. Очень часто они так и не находят друг друга, как многие из моих героев, как не смогла встретиться со своим отцом и я. Надеюсь, что люди смогут предупредить расползание этой войны по всему миру, не дав сбыться библейским пророчествам, ведь современная война намного страшней всех

*Элоина Менендес Меана с матерью и братом
после прибытия в Ленинград, 1937 год*

прошлых. Давайте все вместе постараемся закрыть прочной пробкой эту проклятую «кротовую нору», из которой вылезает снова и снова злой джинн, несущий разрушения и войны. А читателям нашего журнала я предлагаю рассказ, приоткрывающий нам то далёкое, которое сегодня становится таким близким.

Звёзды на рассвете

*Памяти моего деда – Мануэля Менендес Менендес¹ –
и всех узников-республиканцев тюрьмы Эль Кото города Хихон*

Наконец ступени закончились. Тяжёлая железная дверь впустила в сырость и духоту свежую струю. Мануэль задохнулся от запаха моря, травы, песка, от запаха родного города. Лёгкие отказывались вдыхать прохладу и аромат после привычной затхлости.

Рассвет не наступил, звёзды над дальней сьеррой² были по-августовски яркими. Мужчина с трудом выпрямился, поднял голову навстречу мерцающей россыпи. Он не хотел выглядеть униженным в свой последний час. «Да, час... – подумал мужчина, – видимо, повезут на кладбище».

Подтверждая его мысли, у дороги стояла закрытая машина. Мануэль почувствовал толчок в спину, чувствительный, но позволяющий удержаться на ногах и не ткнуться лицом в каменистый выступ на краю тротуара. За прошедший год конвоиры научились выполнять свою работу чётко, без лишних ненужных осложнений. Привычная, почти повседневная работа. Конвейер смерти, работающий бесперебойно.

– Иди, – конвойный снова ткнул Мануэлю между лопаток.

Губы кривоносового сержанта искривились в презрительной и брезгливой гримасе. Он ждал покорности и униженности побеждённого, но идущий на смерть не доставил победителю удовольствия лицемерить это. Он снова распрямил плечи и поднял голову. Стоящий сзади тощий, измождённый человек, такой же бедолага, доживающий свои последние минуты, прошептал:

– Мануэль! Я не думал, что ты ещё жив. Твоё имя называли ещё три месяца назад.

– Нет, Педро, это был не я. Просто имя такое же.

– Имя было твоё, но я не успел разглядеть выходящего, когда меня вели с допроса. Ты узнал меня, Мануэль?

– Я узнал тебя, парень.

– Эй! Хватит болтать! – снова раздался грубый окрик того же конвойного.

– Ладно, Хесус, пусть. Скоро замолчат навечно.

В перебранку вмешался коротконогий толстяк, стоящий у грузовика. Добряк был выше по званию, и окрикнувший их конвоир, буркнув себе под нос ругательство, замолчал.

Приговорённые двинулись к грузовику парами. Педро шёл рядом, шепча Мануэлю почти в ухо.

– За что они так ненавидят нас, Мануэль? Мы защищали нашу республику, то, что принадлежало нам по праву. Мы не насиловали, не убивали их жён и дочерей. Я не боюсь смерти. Мне стыдно, что я не защитил своих девочек.

– Да, Педро, я знаю про твою жену.

Скорбь и стыд мужчины, у которого враги отняли и жену, и дочь, были понятны. А вот объяснить Педро свои мысли о ненависти Мануэль не мог. Он много думал об этом за прошедший год. Он понял одно: в ненависти тех, кто его допрашивал, тех, кто водил на допросы, тех, кто с искривлёнными от злобы лицами, свалив на пол, пинал в голову, грудь и бока, пока он не потеряет сознание, пинал до своего собственного изнеможения, в этой ненависти скрывался страх. Страх, который они прятали за этой ненавистью. Идущий на смерть вдруг осознал со всей ясностью, что этот страх у победивших их непреодолим. Он будет жить долгие десятилетия, а может, и столетия. И они снова и снова будут пытаться стереть с лица земли тех, кто осмелился заявить о своём человеческом праве, праве на свободу. Их попытки уничтожить людей, захотевших стать свободными, с годами станут более изощрёнными. Победители, возможно, придумают вместо пушек, танков и истребителей что-то другое, но также несущее смерть, ведь они могут видеть их только рабами, не понимая одного, что и сами

¹ Мануэль Менендес Менендес – двойная фамилия по испанской традиции (первая – отца, вторая – матери) в данном случае означает, что родители были однофамильцы.

² Сьерра – горная гряда (*исп.*).

*Максимино перед
отправкой на фронт
в 1941 году*

*Испанские дети в эвакуации в Ташкенте, среди них
Максимино Рода Сарабоса, вернувшийся с фронта*

они – рабы. В этой безжалостной смертоносной машине все они были только винтиками, позволяющими властвовать тем, кто этой машиной управляет. Они и их невидимые хозяева ненавидели людей и одновременно боялись. Боялись тех, кто сказал им в лицо: «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях!» Мануэль ясно видел за этой ненавистью только страх! Но разве может он всё это сейчас объяснить своему товарищу?

Разрешение поговорить, данное коротышкой, носящим капитанские погоны, произвело обратное действие. Приговорённые к смерти замолчали, протянув друг другу руки в последнем прощальном пожатии, растянутом на весь короткий путь по дороге к кладбищу Сеарес. Да и о чём говорить людям, стоящим перед последней чертой? О несбывшихся надеждах? О несправедливости к ним Всевышнего, в которого многие из них уже разучились верить. Или нет? Наоборот? Именно сейчас они обрели эту веру вновь? В темноте закрытого кузова, где трудно было разглядеть сидящих, в тихом шёпоте так явственно слышалось имя Девы Марии.

* * *

Мануэль взывал к помощи Святой Девы, пробираясь по узким улочкам Хихона. Нужно было проскользнуть незамеченным к окраине, где, возможно, ещё оставался не перекрытый проход, ведущий в горы – заветные горные тропинки, тонкими ручейками сходящиеся на дорогу к границе с Францией. Разгорячённая щека прижималась к холодному камню стены. Ботинок соскользнул с невысокого приступка перед наглухо закрытой входной дверью. Рука непроизвольно ухватилась за поблёскивающую в тусклом свете луны бронзовую ручку. Послышался мелодичный звук. Дверь мгновенно приоткрылась, словно по ту сторону кто-то нетерпеливо ждал его прихода. Женская рука с длинными, не лишёнными изящества пальцами, отмеченная временем припухлыми венками, разбегающимся веером вверх, и сплошной сеточкой тонких морщинок, ухватила мужчину за рукав.

– Входи, сынок.

Мануэль поднял голову. Внимательный добрый взгляд пожилой женщины, в котором не было страха.

– Входи, входи, сынок, – повторила она.

– Нет, сеньора, нужно уходить.

– Тебе уже не пройти, сынок. Оставайся. Я укрою тебя.

– Я попытаюсь, мать, спасибо. Я должен идти.

Он склонил голову. Губы мужчины прикоснулись к этой руке, пахнувшей домом и уютом. «Скорей. Торопись, Мануэль. Ты не должен задерживаться здесь, у этой открытой двери, как не стал задерживаться у дверей собственного дома».

Он снова змеёй скользил по стене, повторяя все её выступы. Иногда ему нестерпимо хотелось просто врасти в эту холодную стену. Он замер, прислонился горячей щекой к прохладе камня. Стена навалилась на него всей своей тяжестью. Ему не удержать её. Он снова оторвался. Поворот, ещё один. Несколько шагов к противоположной стороне. Приближающиеся шаги из-за поворота. «Успеть, я должен успеть!» Сильный толчок сбил с ног, и глухая темнота придавила его к влажному тротуару мостовой.

Наконец звуки пробились сквозь чёрный провал, в котором был Мануэль. Он не осознал, сколько времени его окружали холод и эта могильная тишина, из которой он вынырнул в духоту и смрад.

– Очнулся, товарищ?

Слова, обращённые к нему, яркой молнией проникли в сознание, подарили надежду, что он среди своих. Окончательно очнувшись, Мануэль понял, что все, кто его окружают, такие же пленники, как и он.

– Где мы?

– Тюрьма Эль Кото, парень, – склонился к нему пожилой мужчина. – Не успел выбраться?

– Не успел.

– Вот и я не прорвался. Меня Фермином зовут. А тебя? Где-то я тебя, парень, видел.

– Мануэль Менендес.

– Что-то припоминаю. Ты к нам в депо не приходил?

– Случалось. Ты там работал?

– Я машинист. Республика была моя мечта и надежда. Хотел лучшую жизнь для детей, у меня их пятеро. Да и внуки уже подрастают. А видишь, как всё обернулось, Маноло. Почему, как думаешь?

– Веник плохой связали. Не смогли им предателей вымести с земли нашей.

– Ты о чём, парень?

– Анархисты, социалисты, коммунисты и другие. И каждый в свою сторону. А хуже всех анархисты, только безобразничать да народ пугать. Что только стоил их «либеральный коммунизм», когда они деньги отменили. Думаю, что голод в Хихоне – это их вина. А вот как воевать, так первые разбегаются и в кусты. И доверчивость наша глупая, которой такие, как Аранда, пользовались. Помнишь, когда всё только началось, отправил к Мадриду отряд вооружённых шахтёров, а потом заманил на переговоры руководителей и социалистов и коммунистов и всех расстрелял. Даже невооружённых рабочих не пожалел! Сколько моих товарищей погибло! А ведь убеждал в верности республиканскому правительству.

– Тише, Мануэль. Анархисты здесь есть, а может, и предатели тоже.

– Нам теперь, Фермино, бояться нечего.

– Ошибаешься, парень, думаю, наши мытарства только начались. Сразу к стенке не поставят, помучают. И вот что тебе скажу: ты не говори, где живёшь. Они ведь никого не жалеют. Я давно из родительского дома уехал. Я из Куирос (Quiros). Откуда родом, этим подонкам сказал, но где живу в Хихоне – нет. Боюсь за своих.

– А ты откуда? Где твоя семья?

– Родился в Сомиедо-Виллардевидас (Somiedo-Villardevildas), но в Хихоне очень давно. Начинал учеником обувщика. Сейчас сам мастер.

– Семья-то у тебя большая? Детей сколько?

– У меня двое – дочка и сын. Они ещё дети. Сына в Союз отправил. Дочку жена не хотела, но пришлось позднее в Мексику. Дома только жена.

– Поздновато женился парень?

– Да, поздновато. На вдове. У неё уже взрослый сын. Его детей отправляли вместе с моим Мануэлем.

– Дети укрыты – тебе спокойней. Но ведь и жену могут не пожалеть. Ты знал Педро Фернандеса? И жену, и дочь убили.

– Я знал и его жену, и дочку-малышку. Жена у него красавица была.

– А твоя красивая? Уже немолодая, наверное, раз и внуки есть.

– Моя особенная. Как для каждого мужчины своя женщина. Моя... Моя из рода тех, против кого мы воевали. Но она моя...

* * *

Окна мастерской знаменитого хихонского обувщика почти врастали в землю, и Мануэлю часто можно было наблюдать творенье его рук, мелькавшее перед ним. Его рабочий стол был напротив окна, ближнего к входу в мастерскую. Громоздкие мужские ботинки на мужчину впечатления производили мало. То ли дело изящная женская ножка, обутая в лёгкие туфельки с ремешком, туго обтягивающим щиколотку. Сегодня его особенно заинтересовали ножки, которые долго и неуверенно топтались у входа. Мануэль уже хотел встать и, подойдя к входу, крикнуть: «Входите, сеньорита». Но ножки исчезли, а через несколько секунд в мастерскую вошла женщина. «Да ты, парень, ошибся, – усмехнулся про себя Мануэль, – сеньорита, наверное, твоя ровесница, да к тому же в трауре».

– Сеньора что-то хотела?

– Да, заказать туфли или ботинки.

– Так туфли или ботинки?

– Наверное, скоро потребуются ботинки. Хочется и туфли. Нет, скорей ботинки. Это ведь именно та мастерская...?

Мануэль, не дав договорить немного смущённой женщине, продолжил:

– Лучшая в Хихоне. Да, сеньора. Садитесь. Сейчас хозяин снимет мерки. Я его позову.

Поднявшись на второй этаж, Мануэль позвал хозяина мастерской. Но тот отмахнулся, занятый разборкой со своим провинившимся сыном.

– Сними мерки сам, Мануэль. Ты уже отличный мастер. Мне некогда.

Мануэлю такая работа была не впервой. Хозяин, у которого он работал долгие годы, научил его всем тонкостям профессии и доверял ему ответственную работу.

Расстёгнутая туфелька опускается на пол, и в руках Мануэля миниатюрная ножка. «О! Да вы, сеньора, не очень утрудили свои ноги непосильным трудом. У молодых крестьянок они бывают намного грубей», – про себя съязвил мастер. Но, заметив опущенные глаза и покрасневшее лицо сеньоры, засунул свою иронию куда подальше. Мануэлю было приятно держать в руках эту миниатюрную ножку. Сняв все нужные мерки, он невольно задержал её в своих руках, а потом бережно поставил на пол и ласково провёл рукой от щиколотки к пальцам. Женщина вздрогнула и подняла на Мануэля глаза.

– Вот и всё. Как сеньору зовут?

– Тринидад.

– А меня – Мануэль. Через пару дней приходите на примерку.

– Спасибо.

– Так делаем ботинки?

– Да, конечно, ботинки. Скоро будет прохладно. До свидания.

– До встречи, сеньора.

Два дня Мануэль работал с каким-то особым воодушевлением. К ночи усталые руки мастера-обувщика согревали своим теплом миниатюрные ножки вдовы, которые никак не выходили из его головы. Утром третьего дня мужчина сидел за столом, мечтая о предстоящей встрече. Ботинки к примерке были готовы. Убирая их в ящик, он увидел завалившиеся кусочки разноцветной кожи. И вдруг его озарило. Из этих ненужных обрезков могут получиться красивые разноцветные туфельки. «Какое счастье, что хозяин сегодня уехал и не дал мне новый заказ, – подумал Мануэль. – Только бы успеть к её приходу». И он лихорадочно принялся за новую работу.

В этот день Тринидад не пришла. В мучительном ожидании прошли ещё два дня. Аккуратные изящные туфли с красной полоской от носка к вырезу и красным ремешком ожидали заветные ножки в дальнем углу ящика. Мануэль ходил хмурый, и работа валилась из его рук. Хозяин, никогда не видевший своего лучшего мастера в таком расположении духа, удивился. К тому же, во всём пола-

Мануэль Менендес Робаналь

гавшийся на опыт Мануэля, он увидел на паре ботинок, отложенных в сторону, брак, который мог сделать только неопытный ученик.

- Эй, Маноло, ты чего, парень! Так ты не делал даже двадцать лет назад, – удивился хозяин.
- Исправлю.
- Понятно, что исправишь. Да так у тебя и получиться не могло. Заболел?
- Может.
- Так иди, отлежись.
- Само пройдёт.

Мануэль злился на самого себя. Бывало с ним и раньше, что мог приударить он за понравившейся женщиной, но никогда мысли о ней не захватывали так, как сейчас. Когда он увидел в окне ножки, снова затормозившие перед входом, он сразу понял, что пришла она. Мужчина замер от стука падающей туфельки, как от грома неожиданной грозы, заставшей его на вершине горы. Знакомая ножка, протянутая к нему, словно ждала его ласковой руки.

И вот примерка, которую он затягивал, закончена. Светло-коричневые ботинки, прирастая к ногам женщины, ладно садятся на них, не причиняя неудобства. Да и разве он мог ошибиться! Он помнил каждый изгиб, каждую выпуклость ножек, от прикосновения к которым жар поднимался изнутри к самому сердцу.

- Сеньора Тринидад, разрешите сделать вам подарок от меня лично.
- Мануэль достаёт туфельки с красными ремешками. Женщина смотрит на него удивлённо.
- Наденьте, сеньора.
- Молчание.
- Наденьте. Я делал их с любовью.

Сколько потом он сделает и лёгких ботинок, и изящных туфель на любимые ноги. И даже став хозяином своей мастерской, обувь для своей жены и детей он будет делать только сам.

* * *

На другой день тюремного заключения Мануэль вместе со всеми хлебал баланду. Фермина Родригеса Сариего вызвали на допрос и через несколько часов возвратили обратно в бессознательном состоянии. Пытаясь хоть как-то помочь товарищу, Мануэль смачивал его пересохшие губы, в подтёках засохшей крови, влажной тряпкой. Когда он в очередной раз наклонился к Фермину, услышал своё имя: «Мануэль Менендес Менендес». Он ещё не успел осознать этой безысходной угрозы, как из дальнего конца камеры поднялся человек. И словно в подтверждение того, что ошибки нет, конвойный выкрикнул: «Моряк!» В дверном проёме мелькнул силуэт мужчины, на плечах которого лежал традиционный морской воротник гюйс.

«Парень – мой полный тёзка», – с удивлением подумал Мануэль. Очень хотелось взглянуть и поговорить с моряком, лица которого он не разглядел, да и возраста его тоже не понял. Через несколько часов моряка приволокли и бросили, словно набитый ватой матрас, не разбирая направление его падения. Если бы не вовремя подставленные руки товарищей, удар о цементный пол был бы дополнительной травмой этому избитому и почти бездыханному телу.

Мануэль протиснулся поближе, прихватив влажные тряпочки и кружку с остатком воды. Увидев распластавшегося окровавленного молодого моряка, еле шевелящего губами, выдавливающими слово «пить», понял, что правильно сделал. Приложил кружку к разбухшим губам и влил несколько глотков, а потом, как это делал и Фермину, стал обтирать лицо влажной тряпкой. Попытался приподнять рубаху, через которую просачивалась кровь, оставляя тёмно-бурые следы. Ужаснулся. Невольно перенёс увиденное на своё близкое будущее. Содрогнулся. Мелькнула мысль: «Со мной они тоже не будут церемониться». Наклонился ниже, увидев, что парень пытается что-то сказать. Из хриплых, булькающих звуков разобрал только: «Спасибо». В горле встал ком, мешающий говорить. Дотронувшись до плеча моряка, ответил хрипло, с большим трудом: «Держись, парень. Мы ещё поговорим». И снова пробрался в свой угол к Фермину.

Фермин лежал, скорчившись, и держался на правый бок. Мануэль помог мужчине лечь поудобней, подстелив под спину изодранную куртку, оставшуюся от шахтёра, уведённого перед рассветом. Уходящего навсегда. Перед глазами Мануэля встал его пошатывающийся силуэт с поднятым кулаком. Мужчина ничего не сказал им на прощанье. Молча скинул с плеч свою куртку. Он понимал, она ему больше не потребуется.

Через некоторое время Фермин заснул. Мануэль тоже прилёт рядом, нужно было хоть немного отдохнуть. Сон не шёл к нему. Мужчина понимал, что передышка ненадолго. Скоро и ему предстоит подставить свои бока тюремному сапогу. Возможно, прошло несколько часов. Мануэль не понимал времени. Пришло какое-то забытьё. Сон это был или нет? Сквозь обрывки неясных мыслей, воспоминаний, видений в этот душный реальный мир его вывел стон Фермина.

– Ужасно больно. Наверное, всю печёнку отбили, сволочи, – прошептал мужчина Мануэлю.

– За что тебя так?

– Я рабочий. Рабочие, да ещё шахтёры – это те, кого они ненавидят больше всего. Если бы не нуждались в их металле и угле, они закрыли бы все шахты и заводы, выбросив людей умирать на улицы. Ну а меня, наверное, скоро забьют насмерть.

– Ты машинист. Кто же будет возить их грузы и их жирные задницы? – попробовал пошутить Мануэль.

– А, Мануэль. Им хватит личных авто и самолётов. А вот тебя пощадят, ты ведь обувщик, будешь делать им модные ботинки. Когда-нибудь они снимут свои тяжёлые сапоги, которыми бьют нам по рёбрам.

– Раз так заговорил, значит, ты, Фермин, немного оклемался. Пойду туда к моему тёзке – моряку. Хочу поговорить с ним.

– Иди, Мануэль. Я слышал, морякам тоже досталось. Много их повесили на реях да расстреляли.

– Это так, на одном крейсере «Адмирал Сервера» двадцати пяти морякам подарили на прощанье верёвки, а остальным пули.

– А за что, Мануэль? За то, что не предатели? За то, что остались верны законному правительству? Мир сошёл с ума!

– Да, Фермин, ты прав. Тебе ничего не нужно?

– Ничего. Иди.

Мануэль снова стал пробираться в противоположный угол к моряку. Теперь в тусклом свете решётчатого верхнего окна можно было разглядеть моряка получше. Синие и жёлтые пятна – следы свежих и старых ударов – и припухлость лица от воспаления не могли до конца скрыть молодость. Взгляд был уже совсем осознанный.

– Привет, парень. Как ни странно, но и здесь приятно встретить своего полного тёзку, хоть обстоятельства, сам понимаешь...

– Ты тоже Мануэль Менендес?

– Да. Мануэль Менендес Менендес, как и ты. Только ты моряк, а я обувщик. Ты молодой, а я нет.

– Даты рождения у нас разные, а вот даты смерти, думаю, будут почти одинаковы.

– Считаешь, что всех поставят к стенке?

– Нас слишком много. Зачем им кормить такую прорву.

– Но кого-то и оставят?

– Наверное, более покладистых. А впрочем, трудно понять. Кого-то откупают родные. Но некоторые не рискуют высвечивать своих родных.

– А ты откуда, парень?

– Родился в Газон-Луанко (Gazon-Luanco).

– Ты женат? Дети есть?

– Нет, не успел. Считал, что рано, а теперь оказалось – поздно. Можно только пожалеть.

– Это не факт. Может, наоборот, можно порадоваться, что ты не женат. Тебе спокойней. А у нас сердце разрывается, когда думаем о своих жёнах и детях, которых не успели укрыть. Эти звери – настоящие фашисты, никого не жалеют.

– Наверное, ты прав, Мануэль.

– С какого времени ты здесь? Давно?

– Мне кажется, целую вечность, а на деле четыре месяца. Я хорошо помню тот день семнадцатого марта, когда моё море не защитило несчастных, хотевших уйти во Францию. А когда взяли тебя?

– Двадцать второго июля. Республика ещё сопротивляется, парень. Мадрид не взят. Но сил у нас всё меньше. И проклятые предатели! Мы верили тем, кому верить нельзя. Старый мавр никогда не будет хорошим христианином. Думаю, что главная наша беда в этом.

– Согласен, Мануэль. Сорняк никогда не умирает.

– Да, Мануэль. Беда лишь в том, что у нас и у них разные понятия о сорняках. Для нас бесполезные сорняки – это те, кто не даёт полезных плодов, а для них – мы. Хоть без нас они просто ничто. Они и сами понимают, что без тех, кто работает на них, не проживут и дня. За это ещё больше нас ненавидят. Они видят нас только бессловесными рабами, прислуживающими им.

– Видимо, это наша участь. Попытка стать свободными не удалась. А я мечтал стать капитаном. А ты, Мануэль, веришь, что всё ещё может получиться? Ведь есть в мире Страна Советов!

– Есть. С русскими парнями из интербригад мне доводилось встречаться. А как думаешь, у них там, в России, нет «пятой колонны», которая засела у нас в Мадриде?

– А кто это, Мануэль? Ты, видимо, что-то знаешь.

– Знаю, парень, я всё-таки поближе к нашему руководству был. «Пятой колонной» франкисты называют своих, которые среди нас. Они этого не скрывали. Громко говорили. Заставляли жить с оглядкой, не доверять друг другу. Может, совсем хотели нас сломать духом.

– Я здесь давно Мануэль. Но даже в тюрьме перед смертью тех, кто раскис и сломался, очень мало. Ты уже видел, как товарищи уходят на рассвете? Они почти всегда уходят спокойно. Наша правда всё равно больше, чем у этих сволочей.

– Так и у них есть какая-то своя?

– Наверное. А иначе откуда у них столько ненависти?

– Это действительно так. Ненависти много. Больше, чем у нас.

Сколько долгих месяцев им предстояло и говорить с друг другом, и просто сидеть рядом молча. Мануэля тянуло к этому парню, хоть между ними была разница в тридцать лет. Таким, как он, хотелось бы в будущем видеть своего сына, которого Тринидад в честь мужа назвала тоже Мануэлем. Он понимал, что никогда не увидит сына взрослым, и то, что он хотел бы сказать ему, сейчас говорил Мануэлю – моряку.

Прошло восемь с половиной месяцев. За это время и Мануэля много раз приволакивали с допроса бездыханным. Раскалёнными потрескавшимися губами теперь уже он выдавливал из себя: «Пить». И, приподняв голову, молодой друг вливал ему живительные капли.

В их камеру всё меньше прибывали новые товарищи. Чаше на рассвете они уходили навсегда.

Мануэль вздрогнул, когда в этот страшный час седьмого мая тридцать девятого года он услышал: «Менендес Менендес Мануэль». Ему не стало легче от добавленного: «Моряк». Тот, кого он считал своим сыном, был спокоен и молчалив. Он пожал ему руку. А потом вскинул свой кулак вверх и молча шагнул через порог.

Впереди, до девятнадцатого августа, когда и Мануэль последний раз шагнёт за порог своей камеры, оставалось три месяца и двенадцать дней. За неделю до этого последний раз он пожмёт руку Фермину. И настали пять безысходных, мрачных дней, скатавшихся в один горький ком, словно обмазанный чёрной и липкой смолой.

Господи! Сколько страданий ты посылаешь нам! Почему?! Что твои недостойные дети делают не так? Им так больно и горько прощаться со своими близкими и друзьями. А страшней всего, когда родители провожают в последний путь своих детей!

* * *

Рука к руке, живое к живому. Пока живое. Пока. До той самой минуты, когда в последний раз их встряхнуло на повороте и машина остановилась.

– Выходите.

Скрипнула задвижка, в просвете показался кусок светлеющего неба.

Их несколько человек. Они стоят у серой стены. Художница-Смерть небрежно раскрасила её бурными пятнами и подтёками. Сколько жизней оставили здесь свои следы? Ещё несколько мгновений – и в эту картину вольются свежие краски.

– Мануэль, это всё? Всё кончено?

– Звёзды на рассвете исчезают, Педро, но мы знаем, что они есть.

Они стоят напротив, вооружённые и безоружные, победители и побеждённые. Испанцы и испанцы. А разве могут быть победители в такой войне?

Рассвет уже наступил. Над дальней сьеррой не видно ни одной звезды.

Берега Беларуси

Ирина Гришан

Ирина Константиновна Гришан – член союза кинематографистов Республики Беларусь. Образование высшее, архитектор. Работает художником по костюмам в кино. Художник-постановщик по костюмам высшей категории. В апреле 2024 года получила награду за лучший дизайн костюмов фильма «Аист надежды» (Венетто, Италия). В 2015 году была номинирована на премию АПКит (Москва) за лучшую работу художника по костюмам фильма «Красная королева».

«ЮНОНА» И «АВОСЬ»

Союзное государство двух славянских народов живёт уже не одну сотню лет благодаря родству своих глубинных сущностей. Славянская духовная толерантность была всегда привлекательной не только для близких, но и дальних народов, что запечатлено во многих произведениях искусства. Талантливо это показал Театр Ленинского комсомола («ЛенКом») в своём спектакле ««Юнона» и «Авось»» о вспыхнувшей большой любви русского морского офицера и испанки.

Пример глубокого этнического согласия дают народы Белоруссии и России. Приведу яркий случай такого взаимопонимания на семейном уровне. Очень давно мой двоюродный дядя из Москвы попросил написать воспоминания о наших родственниках и его родителях Богомоловых. С большим опозданием я это делаю сейчас.

По линии моей матери Станиславы Иосифовны Гришан (Врублевской) я имею прямое отношение к Франциске Владимировне Богомоловой (Врублевской). Четыре сестры Владимира Адамовича и Павлины Павловны Врублевских – Олимпиада, Леокадия, Мария, Франциска – и их брат (мой дед) Иосиф родились в Российской империи в XIX веке в селе Пазерки Минской губернии. Семейный дом Врублевских, где родилась и Франциска, позднее был перевезён в частный сектор Минска, где поныне живу я со своей дочерью Полиной.

Мой прадед Владимир Адамович Врублевский хорошо играл на скрипке и основал в Сан-Франциско небольшую фирму по настройке скрипичных музыкальных инструментов, звал в Америку свою супругу. Однако в результате сильного землетрясения в 1906 году на западе Соединённых Штатов (особенно в Сан-Франциско) его фирма была разрушена, и он вернулся через Владивосток в Белоруссию, назвав народившуюся самую младшую дочь (24.12.1906) Франциской. Род Врублевских довольно разветвлённый, один из предков которого принимал участие во Французской революции XVIII века. Народный художник СССР и БССР З. И. Азгур, хорошо знавший Богомоловых, изваял бюст Врублевского и Г. В. Богомолова, которые находятся в настоящее время в музее его имени в Минске.

Уроженец Смоленской губернии супруг Франциски Владимировны Герасим Васильевич, уже будучи доктором наук, профессором и директором института, получил звание полковника инженерных войск в период Великой Отечественной войны (ВОВ), был удостоен ордена Красной Звезды, многих других наград. Из пяти детей Василия Кировича Богомолова и Евдокии Алексеевны – Харламий, Николай, Герасим, Февронья, Агрофена, двое участвовали в мировых войнах: Харламий как рядовой погиб в Первой мировой войне, Герасим встретил победу в Великой Отечественной войне (Второй мировой) в Берлине. Свечи за упокой русских воинов в Первой мировой войне поставили двадцать первого июля главы Союзного государства в востановленном Смоленском ските на острове Валаам.

Познакомились Герасим и Франциска в Минске в 1927 году, когда дипломник Московской горной академии им. И. Сталина разворачивал гидрогеологические исследования по водоснабжению города. Свой романтический период они провели на безлесом в ту пору берегу реки Свислочи, где

*Павлина Павловна Врублевская (Гинтовт),
Владимир Адамович Врублевский.
Российская империя – Западная Белоруссия, 1898 г.*

*Семья Богомоловых: первый ряд – Василий Кирович,
Евдокия Алексеевна, Аграфена Васильевна.
Смоленская губерния, Мольгинская волость,
Сычѳвский уезд, РСФСР, 1922 г.*

под руководством Герасима бурилась скважина, вскрывшая широко известную теперь минеральную воду «Минская-4».

Эту небольшую историческую справку я привела, чтобы сообщить читателю о подготовке в том числе проведения в 2025 году 120-летия со дня рождения участника ВОВ академика Г. В. Богомолова (1905–1981). В 2005 году его 100-летие как первооткрывателя месторождений калийных солей и нефти в Белоруссии, главы Правительственных делегаций СССР и лауреата Сталинских премий, почётного президента международной ассоциации научной гидрологии прошло под патронажем президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко, председателя правительства Российской Федерации М. Е. Фрадкова и ЮНЕСКО.

*Валерий Врублевский, XIX в.
(бюст в музее им. З. И. Азгура,
Минск)*

Я много лет работаю в кино в качестве художника по костюмам, была знакома с выдающимися режиссёрами, поэтому неплохо разбираюсь в людях и в их взаимоотношениях. Супружескую пару Богомоловых – русского Герасима Васильевича и белоруски Франциски Владимировны – я видела несколько раз в Минске и Москве, много слышала, в том числе о рождении у них 5 мая 1940 года мальчика, через две недели после получения Франциской диплома об окончании Института иностранных языков им. М. Тореза.

Когда я побывала на спектакле «ЛенКома» ««Юнона» и «Авось»», мне вспомнилась эта красивая пара моих родственников, которые уже давно были на небесах. Знаю доподлинно, что свою любовь они пронесли через большие испытания – в пя-

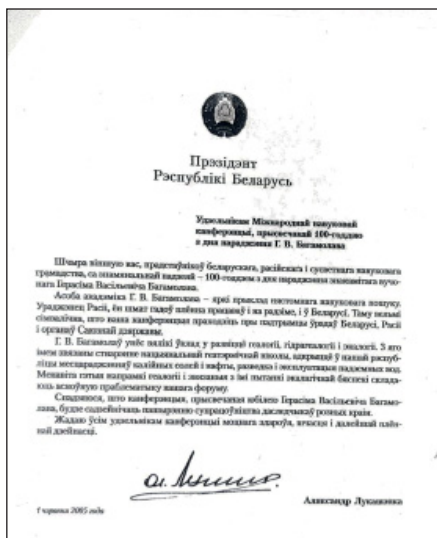
Семья Врублевских: первый ряд – Ядвига, Павлина Павловна, второй ряд – Франциска, Антон, Стефанида, Леокадия, Полоцкий переулок, д. 7, Минск, 1946 г.

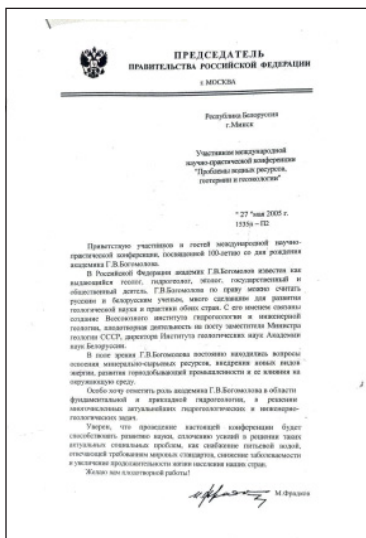
Орденская книжка полковника инженерных войск Г. В. Богомолова, 1944 г. (ордена Красной Звезды № 363884, Трудового Красного Знамени № 76486)

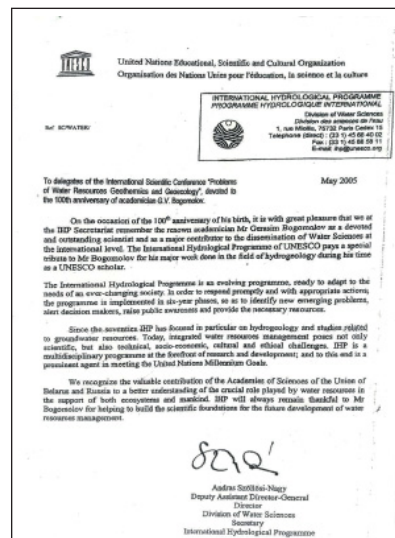
Франциска Владимировна Богомолова с сыном Александром (1929–1934). Москва, 1932 г.

Приветствие президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко участникам Международной научной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения академика Г. В. Богомолова (на бел. языке). Минск, 2005 г.

Приветствие председателя правительства Российской Федерации М. Е. Фрадкова участникам Международной научно-практической конференции «Проблемы водных ресурсов, геотермии и геоэкологии», посвящённой 100-летию со дня рождения академика Г. В. Богомолова (на рус. языке). Москва, 2005 г.

Приветствие заместителя генерального директора ЮНЕСКО Андриша Шалоши Надь делегатам Международной научной конференции «Проблемы водных ресурсов, геотермии и геоэкологии», посвящённой 100-летию юбилею академика Г. В. Богомолова (на англ. языке). Париж, 2005 г.

*Франциска и Герасим Богомолвы.
СССР, г. Сочи, 1948 г.*

*Герасим и Франциска Богомолвы.
Москва, 1937 г.*

*Семья Богомолвых: Екатерина, Мария, Юрий,
Герасим. Москва, 1985 г.*

*Герасим Юрьевич, Мария Юрьевна,
Юрий Герасимович, Максим Артёмович,
Аполлинария Герасимовна, Екатерина Юрьевна
Богомолвы. Москва, 2019 г.*

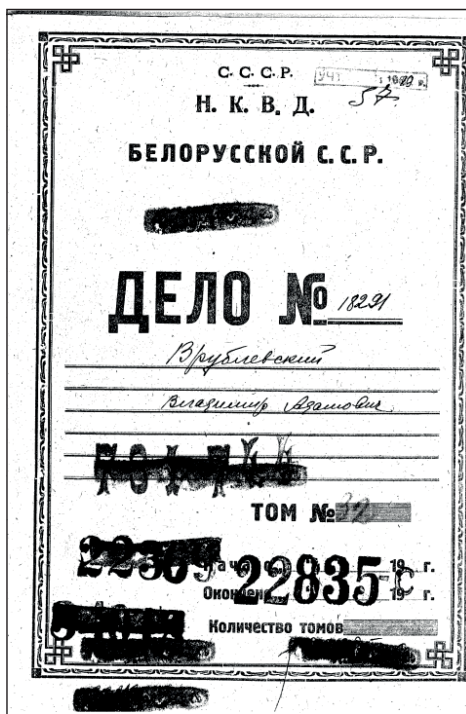
Захарьевская улица. Минск, 1900 г.

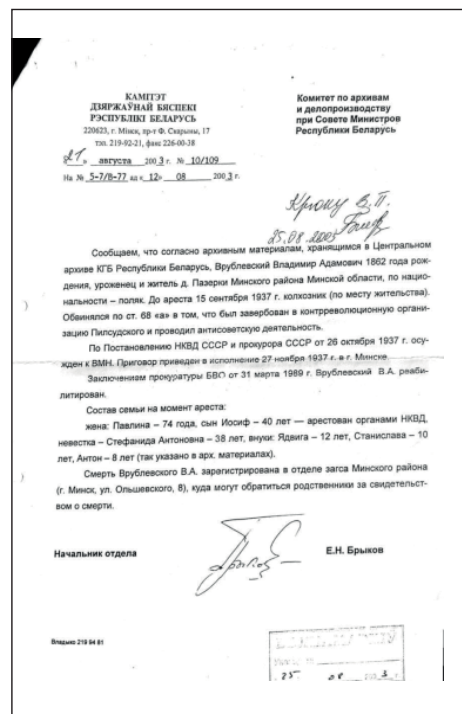
Природная лечебно-питьевая минеральная артезианская вода «Минская-4» с глубины 200 м, первооткрыватель академик Г. В. Богомолов (в 2014 году в парке им. М. Горького в Минске установлен на оголовке скважины, вскрывшей минеральную воду «Минская-4», памятный скульптурный знак в виде капли из силумина)

тилетнем возрасте трагически погиб их первенец Александр, были репрессированы Владимир Адамович Врублевский и его сын Иосиф. Типичные представители Востока и Запада – русский православный офицер и испанка трагически, как показал «ЛенКом», расстались в XIX веке, а вот супруги Богомолы, очень похожие по происхождению на главных героев спектакля, всё преодолели в XX веке и прожили вместе счастливо более 50 лет, оставив достойный след в потомках.

Для Союзного государства символом мира и любви является открытие для белорусов минеральной воды «Минская-4» на берегу реки Свислочи рядом с булыжной мостовой Захарьевской улицы в далёком 1928 году... В 2025 году мы будем отмечать 80-летие победы над фашизмом Союзного государства и дружественных стран в ВОВ. У меня мирная профессия и хотелось бы, чтобы такие взаимоотношения и любовь, как у Герасима и Франциски, распространялись между народами по всему миру, особенно в наши дни...

Титульный лист дела НКВД Белорусской ССР № 18291 на Владимира Адамовича Врублевского

Сообщение Комитета государственной безопасности Республики Беларусь о Владимире Адамовиче Врублевском и его семье

Берега истории

Галина Кучина

Галина Кучина – основатель и почётный член «Литературно-театрального общества им. В. Солоухина», член Союза писателей России, почётный академик Международной академии русской словесности (МАРС), Австралия. Автор книг: «Минувшее развёртывает свиток» (2007), «Люди и судьбы в письмах» (2014), «Memoirs of Galina» (2015), «Калейдоскоп времён и судеб» (2019), «Семейная история: кулинарные рецепты» (2023), романа «Из двух миров» (2023), «Так это было» в соавторстве с отцом – Волеговым Игнатием Каллиниковичем (2023).

ТАК ЭТО БЫЛО

Воспоминания об отце и комментарии к его записям дочери Игнатия Волегова – Галины Игнатьевны Кучиной (урождённой Волеговой). Фрагменты текста. Вступительное слово Риммы Лютой

ВСЁ БУДЕТ – НА БЛАГО РОССИИ...

Книга воспоминаний Игнатия Волегова, изданная его дочерью Галиной Кучиной, «Так это было...»¹, напечатана Областной Воронежской типографией имени Евгения Болховитинова в 2024 году. Автора воспоминаний – Игнатия Каллиниковича Волегова, бывшего офицера Белой армии, участника Великого Сибирского Ледяного похода – более полувека нет в живых, в глубоких годах теперь и его дочь Галина Игнатьевна Кучина. Она родилась за пределами России, живёт в Австралии и является прихожанкой храма Святой Троицы Русской православной церкви в Мельбурне. Через настоятеля храма о. Игоря Филяновского, уроженца Воронежского края, осуществлялись творческие связи в процессе рождения этой книги. Материалы для неё – сканы отдельных рукописных текстов – пересылались частями по электронной почте из Мельбурна.

Признаюсь, заниматься подготовкой издания к печати было чрезвычайно интересно, ведь появление на свет новых достоверных свидетельств участника исторических событий вековой давности – редкий для нашего современника шанс услышать подлинный голос прошлого, не редуцированный в угоду политической сиюминутности. Конечно, предварительная работа была непростая: дешифровка, компьютерный набор, редакция, составление структуры книги, макетирование, поиск иллюстративного материала, атрибуция исторических фотографий, комментариев, различные согласования... Два года длился процесс, завершившийся получением готового печатного тиража. Он небольшой – всего 300 экземпляров, так что книга сразу, можно сказать, стала раритетной. Первоначально наследники И. К. Волегова хотели издать книгу в Сибири – в Иркутске или в Красноярске, где-нибудь в Зауралье, – в тех местах, о которых идёт речь в воспоминаниях, там же надеялись найти автора вступления и комментатора. Увы, не сложилось. Но во всём есть Промысел Божий. Потрудились на всех стадиях создания книги воронежцы – и издание, получившееся качественным в полиграфическом и в содержательном отношении, вошло в короткий список «Золотого Витязя» текущего года.

¹ Волегов И. К., Кучина Г. И. Так это было. Книга воспоминаний Игнатия Волегова, изданная его дочерью Галиной Кучиной. Воронеж: Воронежская областная типография – издательство имени Е. А. Болховитинова, 2024. – 320 с.: с илл.

Книга «Так это было» состоит из нескольких разделов, связанных, прежде всего, тёплой, искренней интонацией автора-повествователя. Она воспринимается как свидетельство человека о происходящем на его глазах в переломную эпоху, как отражение социальных бурь в его личной биографии и в судьбах близких.

Вопросы осмысления полного драматизма исторического периода в жизни России достойны не одной монографии, у этого же издания задача иная: сохранить живую память о событиях, которые неумолимо оказываются погребёнными далью времён. И специалистам, исследующим отечественную историю первой половины XX столетия, детали, которые присутствуют в книге, дадут дополнительную возможность стать «над схваткой», обращаясь к противостоянию «белых» и «красных» в революции и Гражданской войне в России, к её самодержавному прошлому.

Судьбы участников Ледяного Сибирского похода сформировали одно из направлений «великого русского рассеяния», которое началось в русско-китайском пограничье. Ведь Харбин, Хайлар, Маньчжурия и окрестности КВЖД были в ту пору территорией Российской империи. Многие вынужденные эмигранты, наши соотечественники, жили там не одно десятилетие, и только когда в 1950-х годах власти коммунистического Китая стали массово высылать их в Советский Союз, где судьба большинства «возвращенцев» была – оказаться в лагере, это «русское рассеяние» расширилось, перекинулось в иные земли. Автор книги с семьёй оказался в Австралии, но всю жизнь бережно хранил в сердце образ родины и передал любовь к ней своим потомкам.

Будучи обнародованы, изданы, хранившиеся в личном архиве Галины Игнатъевны Кучиной (Волеговой) дневниковые записи её отца принесут пользу нашему Отечеству. Пусть и это будет – на благо России.

*Римма Лютая,
редактор-составитель книги*

...Почему я так беззаветно люблю Россию? Это тайна, на которую я на протяжении нескольких лет пыталась найти ответ.

Родилась я в Китае, уже почти шестьдесят лет прожила в благополучной Австралии – и полюбила эту страну, приобретя здесь многих друзей и знакомых, которых уважаю, и сама с благодарностью принимаю их ответную любовь и уважение. Но сердцем я вся – в России... И ответ на мой вопрос очень прост: моя связь с Россией – это мой папа. У такого отца, истинного патриота своей страны, дочь другой стать не могла. Сейчас, перечитывая его мемуары, я окончательно убедилась в том, что мою сердечную тягу, мою любовь к России определяют именно мои корни.

«Историк прежде, чем написать историю, ищет живых свидетелей, тех людей, которые принимали участие в событиях, и суть этих событий заносит в историю. Историк собирает материал от разных лиц, которые имели отношение к событиям, полемику из общественной прессы, пусть эта полемика будет в форме писем, но лишь бы были отрывки из тех событий, о которых он собирается писать» (Игнатий Волегов).

Что подвигло меня к написанию этого очерка, этих комментариев к записям отца? Стремление познакомить читателя с дореволюционной жизнью в России, с традициями и обрядами её народа. Стратегию военных действий, события Гражданской войны и роль Белой армии я сознательно оставляю за скобками повествования: у читателя есть возможность ознакомиться с этим в книге «Воспоминание о Ледяном походе» Игнатия Волегова¹.

Есть и ещё одна важная причина, побудившая меня написать то, что прочтёт здесь читатель: это желание восстановить историческую справедливость. Политизированная пресса советской эпохи и не менее политизированные западные СМИ оболгали русский народ. Вопиющая ложь о России продолжает распространяться на Западе и сегодня. Внесло и по-прежнему вносит свой вклад в утверждение этой лжи и киноискусство. Достаточно вспомнить сцены эпизода, называемого «Штурм Зимнего дворца», из художественного фильма Сергея Эйзенштейна, который был представлен как документальный. А в действительности-то никакого штурма не было! Но идея режиссёра-постановщика

¹ Электронная версия книги: <http://hrono.info/text/podyem/voleg.html>; http://irkipedia.ru/sites...pdf/automat/ignatiy_volegov.pdf; http://militera.lib.ru/memo/russian/volegov_ik/index.html.

была принята как реалья, и на Западе она живёт до сих пор. Целый ряд подобных заблуждений я попытаюсь назвать и осветить здесь, в моём тексте.

* * *

Когда папа достиг пенсионного возраста, он часто уходил к себе в комнату и писал, заполняя своими воспоминаниями одну тетрадь за другой. Я тогда не особенно интересовалась тем, о чём он пишет уединяясь. Я не вникала в историю его жизни, не задавала ему вопросов, о чём сейчас очень жалею. Папа никогда не был навязчивым рассказчиком, не вызывал собеседников на политические споры и всегда оставался чрезвычайно тактичен. А мы, тогда молодые, легкомысленные, были заняты своей жизнью, своей работой, воспитанием ребёнка и вовсе не задумывались о том, какой удивительный человек живёт с нами рядом – истинный патриот своей Родины, перенёсший тяжкие испытания Первой мировой и Гражданской войн.

Только недавно я поняла, почему книга моего отца получила такой резонанс в России и почему она была переиздана и в Воронеже, и в Иркутске, и в Чите. Потому что это – воспоминания очевидца, современника событий страшных, жестоких. И, рассказывая о них, папа не использует художественный вымысел, а констатирует факты, честно свидетельствуя о них и не будучи несправедливым по отношению к врагу. Даже описывая часто беспощадные действия Красной армии, он не позволяет себе грубых суждений, не навязывает своей точки зрения, оставляя за читателем право делать собственные выводы.

Папа пишет: «Октябрьская революция всколыхнула весь российский народ. Мало было таких людей, которые не принимали бы никакого участия в международных распрях и в вооружённом Белом восстании против большевиков». И продолжает: «Я буду справедлив по отношению к совершившимся фактам, не отступая от истины».

Моё желание как автора – попытаться максимально сохранить интонационное единство повествования и его фактическую достоверность. Этим и обусловлено то, что дальнейшая речь здесь будет в основном вестись от лица моего отца, Игнатия Волегова – как непосредственного свидетеля и участника описываемых событий.

* * *

В первой декаде 1918 года, вспоминает папа, на основании декрета большевистского Правительства началась демобилизация бывшей Российской Императорской Армии. 28 февраля 1918 года я получил освобождение от несения служебных обязанностей. Удостоверение на предмет увольнения в отпуск уже носил в своём кармане больше месяца. Своим чинам учебной команды о том не говорил, чтобы не огорчать их своим отъездом. Очень было мне жаль оставлять двести двенадцать человек чинов учебной команды, прекрасно дисциплинированных. Все они были хорошо подготовлены к тому, чтобы стать унтер-офицерами¹. Увы, накануне их выпуска вышел приказ о демобилизации – какая ирония!

Фельдфебель построил учебную команду. Я пришёл с ними проститься. Этот момент я не забуду до самой смерти. Прощаясь, они почти все плакали, за исключением тех, кто стыдился показать свои слёзы. Некоторые из них говорили: «За что Вы нас наказываете, бросаете на произвол?»; кое-кто и упрекал меня: «Вы оставляете нас на съедение распушенной толпы!»; а другие просто заявляли, что поедут туда, куда еду я.

Я уговаривал их с 9 до 12 часов дня. В 12 часов – обед, и они задержали меня, чтобы мне пообедать с ними. Возница на полковой двуколке, которая была приготовлена отвезти меня на ближайшую станцию железной дороги, ожидал меня. Итак, я с ними расстался с великой грустью на сердце, сознавая, что больше никогда их не увижу и такой любви мне уж больше не сыскать.

Мой возница – не из чинов учебной команды, а солдат из нестроевой роты – был свидетелем нашей прощальной драмы и дорóгой мне говорит:

¹ Институт унтер-офицеров в Русской армии существовал с 1716 по 1917 год. Воинский устав 1716 года к унтер-офицерам относил: сержанта – в пехоте, вахмистра – в кавалерии, а также каптенармуса, фельдфебеля, подпрапорщика, капрала, ротного писаря, денщика и ефрейтора. Положение унтер-офицера в военной иерархии определялось так: «Те, которые ниже прапорщика и своё место имеют, называются “унтер-офицеры”, т. е. нижние начальные люди».

– Товарищ охфицер, а что, если бы все охфицеры были такі, как ты, – ведь не было бы ефтово-то... а?

– А чего «ефтого»?

– Ну, революции...

Дальнейший разговор я не поддержал, помышляя, как бы на станции залезть в любой вагон не замеченным пьяными солдатами и охраной железной дороги, которая уже была сформирована из местной разнузданной молодёжи. Тут я увидел эшелон, составленный из товарных вагонов. Около вагонов бегают солдаты с винтовками. Оказывается, станционная охрана требовала, чтобы солдаты сдали винтовки. Но унтер-офицер показал охранникам наган и пригрозил, что они разнесут всю станцию, если поезд не отправят через десять минут.

– А Вы что ждёте, товарищ офицер? Садитесь в любой вагон, скоро поедет.

Я поднял свой чемодан и через толпу стал пробираться к вагонам. Слышу, сзади подошёл кто-то, обернулся – огромного роста унтер-офицер, с погонами на плечах, взял меня за плечи и говорит:

– Давайте я донесу Ваш чемодан и посажу Вас в наш вагон.

Он нёс поклажу без труда и, можно сказать, забросил меня в вагон, как лёгкую вещь, туда же загрузил и мой чемодан.

– Садитесь в угол слева на нижние нары, там уже сидит один офицер, Вам будет веселей с ним, – посоветовал мой провожатый. – Сможете поговорить, а с нашей братвой говорить не о чем: услышите только ругань...

В углу на нижних нарах сидел подпоручик Подкорытов. Мы звали его Шурой. Он – мой однополчанин, и вместе с ним мы в одиночном порядке приехали на Румынский фронт. Боже, как он был рад нашей встрече! Бросился ко мне на шею, обнял – я знал это свойственное ему выражение радости, эту юношескую открытость характера и почти детскую манеру дружеской ласки, присущую ему от природы.

Выехали мы не через десять минут, а через десять часов...

Не буду вдаваться в подробности нашего передвижения, отмечу лишь наиболее важные моменты, касающиеся нас с Шурой Подкорытовым, и поведение и беседы солдат-сибиряков в дороге, которые просто нельзя обойти молчанием. Один говорил: «Ораторы на фронте много нам обещали. Только, сказали, скорее кончайте войну – и вам будет дана земля, и никто вас не будет притеснять, как притесняли помещики и правительство, будете строить свою жизнь, как вам захочется». Другой рассуждал: «Приедем домой – и увидим, какая там власть. Если такая, как здесь – власть молокососов, у которых ещё материнское молоко не обсохло на губах, сам едва винтовку-то поднимает, а тут же лезет указывать нам, фронтовикам, как надо устраивать новую жизнь. Нет, ребята, мы должны приехать домой с оружием – с оружием нам будет веселей с ними разговаривать. Если б у нас не было винтовок, мы бы уже давно были завербованы – почитай, на каждой станции подмазываются к нам с призывами записаться в народную революционную армию». Так разговаривали меж собою солдаты-фронтовики, которые возвращались с Румынского фронта в Сибирь...

* * *

Из Бессарабии до Урала мы ехали около месяца. На больших станциях и городских вокзалах нас с Подкорытовым не выпускали наши сибиряки: оберегали, чтобы нас не арестовали. Говорили, что если увидят нас, то сразу снимут с поезда: «Здесь так много этой рвани, все они вооружены до зубов гранатами, даже пулемётные ленты на них висят – ищут офицеров и снимают их с поездов».

Я слез с поезда в городе Кунгуре¹, а Подкорытов поехал в Екатеринбург. В силу правил, установленных декретом народных комиссаров, нужно было встать на учёт и получить удостоверение личности. Здесь я был зачислен рядовым солдатом. Конечно, фронтовые офицеры не хотели, чтобы большевики осквернили их офицерские погоны, бросая их на пол и топча. Некоторые сняли погоны сами, но с кого-то их и насильно содрали. На тот момент тыловое офицерство ещё некоторое время могло, скрываясь и лавируя, не снимать погон. Но были среди офицеров и такие, кто открыто заявлял, что погоны даны самим Государем, и кроме него никто погоны с них не снимет. «Данную мною

¹ Кунгур – старый купеческий город в Пермском крае, официально основан в 1663 году. Отличается от большинства населённых пунктов Урала, поскольку возник как торговый город, а не рождён заводом. Расположен в Среднем Предуралье, в 90 км к юго-востоку от города Перми.

присягу не нарушу», – говорили они. Против этого в большевицкой среде применили вероломный лозунг: «Беспощадно бей погоны!..» И часто те, кто попадался разнузданной толпе в погонах, бывал зверски убит. Когда не стало офицеров в погонах, эта же толпа, всё ещё жаждавшая крови, нашла себе новую жертву и закричала: «Бей очки!..» – и те, кто очки носил, тоже стал бояться за свою жизнь... Продолжить уничтожение офицерства и русской интеллигенции позволило очередное воззвание: «Бей белые не мозолистые руки!..» Жестокость толпы дошла до последнего предела... Так наша интеллигенция, именовавшая себя «народниками», увидела подлинное лицо революционной стихии.

* * *

От невыносимых этих тягот смутных времён многие офицеры бежали из городов в деревни: там ещё можно было найти хотя бы временное убежище, там городская разнузданность пока не свирепствовала. Те профессора университетов, которые прежде поощряли в своих аудиториях студенческие сходки, воодушевлённые темами свободы и прав человека, ныне стали бросать свои кафедры и потянулись за границу. Некоторые из них примкнули к Белому Движению, но большинство просто спешно уехало за границу с поддельными документами, бросив Родину и надеясь, что Россия скоро переболеет революционной чумой, а когда всё войдёт в своё русло, им можно будет вернуться... Студенты, которые раньше незаслуженно оскорбляли офицеров Императорской армии и называли их «политически безграмотными и слепо защищающими императорский трон», теперь, когда трон оказался повержен, увидели, что такое революция в понимании бунтующей массы, – и пребывали в глубоком недоумении, не зная, что же им делать, что нужно предпринять, к какому лагерю примкнуть? Высокие идеи, которые в спорах на студенческих сходках казались столь привлекательными, быстро вылетели из молодых голов, и там остались только сумбур и хаос – точно такой же хаос, что свирепствовал и по всей стране. Многие эти вольнодумцы вынуждены были пойти добровольцами в Народно-Революционную армию, будучи поставлены перед выбором: жизнь или смерть. Так что нередко командовали полками красных – бывшие студенты...

* * *

В Петрограде по инициативе народных комиссаров собрали съезд, на который направлялись делегаты от рабочих и солдат, от штаба военного командования и от казачьих кругов всех казачьих войск.

Надо заметить, что казаки намеревались возвратиться домой с фронта целыми полками и с оружием. Ленин это учёл, понимая, что на съезде ему крайне необходимо иметь голос большинства в поддержку пролетариата. И это свершилось. Съезд дал серьёзные козыри в руки большевиков, так как вынесенные на нём резолюции были в их пользу. Но в лице казачества съезд нашёл вовсе не поддержку пролетарской революции, а подлинных врагов её. Так же, как и в вернувшихся с фронта офицерах, к которым городские комитеты рабочих и солдатских депутатов относились с огромным недоверием, видя в них контрреволюционеров. На этом съезде народный комиссариат получил большие полномочия, в том числе на право создания Народной Революционной армии, а её задачей было подавить все внутренние контрреволюционные выступления, в случае же внешней агрессии со стороны капиталистических стран – встать на защиту завоеваний революции. Военнопленные из разных стран, находившиеся в России, были распропагандированы большевиками и оказались полезными новым революционным властям как исполнители большевистских указов по уничтожению русских офицеров, духовенства и интеллигенции.

В деревне жизнь была совсем другая. Мужик занимался прежним крестьянским трудом. Не умея точно определить, что ему даст революция, крестьянин своим практическим умом понимал: от новой власти хорошего ожидать не приходится. Он просто говорил: «Хозяина Земли Русской, Царя – столкнули! И теперь много найдётся самозванных хозяев, один другого умнее, и каждому захочется быть хозяином, и пойдёт между ними грызня, а у нас, мужиков, чубы полетят. А что хорошего сделали с войной? Позорно убежали с фронта, “Штыки в землю!..” – кричали!.. где это слыхано?..» По поводу войны между крестьянами и теми, кто прибыл с фронта, часто возникали споры, были разногласия, и мнение стариков-крестьян было твёрдым: надо было довести войну до конца.

Но большевицкая власть добралась и до деревни, взялась и за мужика. В деревне революционерам потребовалась коренная ломка крестьянского уклада, им нужно было, чтоб мужик подчинился только пролетарской власти и никакой другой, чтоб вошёл в союз с городскими рабочими. В сёлах

упразднили волостное управление, заменив его советами, в деревнях заместили сельским советом сельского старосту. Советы утверждались не выборным началом, а просто назначались, проталкивали туда людей бедных, в хозяйственном плане неопытных. И эти советы, конечно, защищали интересы бедноты.

Между крестьянами – середняком и бедняком – раз за разом возникали ожесточённые споры, особенно часто случались они среди женщин. Например, у одной крестьянки имеются две коровы, но стельные, то есть временно они не доятся. Она идёт к соседке, у которой много коров, и требует от неё: отдай мне свою корову дойную, с молоком. Та ей не даёт, и тогда не имеющая молочной коровы угрожает: «Буду ходить и предъявлять на тебя ложные обвинения за божественные проповеди или за преподавание в школе Закона Божия». А смотришь – и делает это без зазрения совести.

В праздничные дни не стало слышно колокольного звона, службы в церквях стали редкими; сёла и деревни охватило уныние, мужик свои насущные дела по хозяйству забросил – совсем опустили руки. Как-то сами собою прекратились споры фронтовиков со стариками-крестьянами о политике. Правда, некоторые из убывших с фронта пролезли в советы, но это, как правило, были люди, которые и до войны ничем своим не располагали и возвратились с фронта, имея только шинель на плечах. Впрочем, таких было мало.

С того времени затаил русский крестьянин глубокую мысль, и мысль эта была такой: если ничего не предпринять, как бы не потерять того, что имел. Понял, наконец, что хорошего ожидать от новой власти для него, мужика, невозможно, что нужно действовать. Вот тут-то и взял он в руки дубину, решив твёрдо: «Или я отстою то, что имею, или пусть не достанется оно ни им, ни мне!»

* * *

<...> В русском мужике до революции мы видели глубокую веру в Бога, веру чистую – такую, как может верить только дитя. Всегда в нём присутствовало и сострадание к ближнему, и хлебосольство. Эти качества в русском человеке сочетались гармонично, являясь основой для мирной и дружной жизни с иноплеменными народами. А мало ли у нас таких соседей? Укажу только тех инородцев, которые занимались исключительно скотоводством. От Омска, Петропавловска, Челябинска на юг – киргизы, калмыки; от Иркутска на юг – буряты, монголы. Со всеми ними наши русские мужики и казаки жили в дружбе, и взаимоотношения с иноплеменными народами основывались на полном доверии.

Вследствие добросердечности, свойственной русскому человеку, происходило сращивание всех народностей в одну общую семью, эта семья и составила Российскую империю. Русский народ почти триста лет находился под игмом татар, а, когда Россия освободилась и, объединив разрозненные княжества и земли, стала великой Русью – народ наш остался по внутренней сути тем же, каким был и раньше: он никому не мстил за прошлое. Тому, что доброта русского человека никогда не угасала, есть много примеров и доказательств.

Например, в Уфимской губернии татары пользовались большими земельными наделами. Эту землю они сами не обрабатывали, а сдавали в аренду нашим русским мужикам, которые обрабатывали эту землю и жили на ней. Когда приезжал хозяин этой земли, татарин, к русскому мужику, чтобы получить аренду, этого татарина как гостя сажали за стол, угощали чаем и называли его князем. Надо сказать, что татары очень любили, когда их именовали князьями, тогда иной из них, бывало, и за аренду ничего не требовал, а только просил «на чай»: «Моя любви чай чарга¹»...

И так веками у народов на Руси сохранялись добрые взаимоотношения. Не было между ними ни ссор, ни национальной ненависти друг к другу, и розни по историческим политическим вопросам также не существовало. Вот таким был русский народ до революции: он жил в мире и нёс мир в себе и с собою, даже не зная сам и не подозревая о богатстве своей души.

* * *

<...> Иногда поставленная перед собою задача кажется мне невыполнимой: я, дочь офицера Белого движения, не была свидетелем тех давних, судьбоносных для России времён. И всё же по мере своих сил я попытаюсь осветить отдельные события 1918–1922 годов, выбрав, безусловно, самые интересные и яркие описания жизни крестьян тех лет, а также оренбургских и забайкальских казаков и переселенцев. Сделать это возможно: на основе воспоминаний моего отца, Игнатия Волегова,

¹ Чай с молоком, традиционный напиток монголов, татар, калмыков, бурятов.

можно почувствовать, понять, как именно всё тогда происходило, ведь он писал об этом правдиво и убедительно как очевидец. Его книга «Воспоминания о Ледяном походе» переиздана в России несколько раз и доступна в Интернете, о чём я уже упоминала. Пролыстывая её, страницу за страницей, понимаю: мне хочется приводить из неё цитату за цитатой, иногда комментируя, иногда нет – так много важного для будущих поколений заключено там. Но невозможно охватить всё, остановиться на всех деталях, оставаясь в рамках объёма, отпущенного для этого очерка.

Ознакомив читателя с изображённым в воспоминаниях отца образом мышления и поведения крестьян тех лет, теперь я хочу сосредоточить внимание на реакции крупных капиталистов на драматические события, происходившие в России. Как пишет папа, нельзя обойти молчанием сознание и поведение тех людей, которые должны бы, кажется, принимать горячее участие в Белом движении против большевиков.

Сколько было крупных капиталистов в Екатеринбурге, когда был освобождён этот город от красных!.. Военный комиссариат ещё не успел расправиться там с промышленным и коммерческим классом населения, в городе сохранилось очень много не тронутого большевиками капитала, который нужен был для Белого движения.

Князь Голицын¹ начал формировать в Екатеринбурге дивизию. Солдат нужно было обмундировать, обуть и одеть, но необходимых на это денежных средств не было. Он обратился к населению с просьбой: «Жертвуйте на нужды формирующейся Армии!» – и никто не откликнулся... Второе воззвание было расклеено по всему городу на всех видных местах – и тоже не имело никакого успеха. Наконец, в третьем возвании князь пишет с болью и горечью: «Я прошу у вас для тех солдат, которые приносят для своей Родины в жертву свою жизнь. Я прошу у вас денег для них, которые спасут и вашу жизнь! Враг жестокий, он просит у вас не будет – он придёт и возьмёт у вас всё, что у вас есть, а когда нечего будет у вас взять, тогда он отнимет у вас и жизнь!» На это третье воззвание поступило пожертвование в размере всего сорока тысяч. А путём насильственного изъятия средств можно было бы собрать не один десяток миллионов рублей...

Приблизительно через год всё это богатство, бережливо утаиваемое, без всяких просьб было отнято большевиками. Капиталисты мужского пола, оставшиеся на месте в попытках сохранить свои капиталы, были расстреляны, а жёны их стали любовницами комиссаров.

* * *

О трагическом отступлении Белой армии, о Ледяном походе и обо всём ужасе происходившего тогда в этом обзоре я не решаюсь писать, это всё есть в папиной книге. Но не могу обойти вниманием несколько особенно памятных и драматических высказываний из неё.

Армия, пишет отец, не могла полностью перебросить интендантские склады по железной дороге в одно указанное место, где бы можно было произвести выдачу военного обмундирования воинским частям, и потребовалось продолжительное время, чтобы всех одеть в соответствующее обмундирование. В Читу мы пришли в зимнем обмундировании: на голове папаха, на плечах полушубок, на ногах катанки² и ватные брюки. А весна вступает в свои права, не спрашивая нас, готовы ли мы к встрече с ней.

* * *

Эта весна была для нас так же дорога, как и Воскресение Христово. Ледяной поход, полный страданий и лишений, словно отнял у нас здоровое мышление, и мы чувствовали себя так беспросветно, так измученно, как будто были всё это время на застывшей планете, которую солнце уже никогда больше не обогреет.

Десятки тысяч чинов Белой армии плюс множество семей военнослужащих и беженцев стали приближаться к городу Чите. Подходили двумя путями: одни воинские части двигались походным

¹ Князь Николай Дмитриевич Голицын (1850–1925) – государственный деятель Российской империи, последний председатель Совета министров (27 декабря 1916–12 марта 1917).

² Тёплые войлочные бесшовные сапоги из овечьей (козьей, кроличьей, верблюжьей и др.) шерсти, сделанные (сваленные, скатанные) особым способом на специальной колодке, традиционная зимняя обувь народов Евразии, используется для ходьбы по сухому снегу. «Катанки» – распространённое сибирское, казачье название валенок.

порядком, по второму пути перемещались в эшелонах по железной дороге семьи и некоторые подразделения вместе с больными тифом и выздоравливающими.

Не знаю, с каким радушием принимал всю отступающую армию атаман Семёнов, но квартиры для наших штабов были предоставлены. Чтобы не загружать город, войска распределили по окрестным деревням. И только здесь люди почувствовали, что могут, наконец, отдохнуть. Прошлое же казалось ужасным кошмаром...

Солнце уже пригревало, былого страшного физического переутомления не было, мучительные воспоминания о пережитом не воскресали, будто оставленные за гранью сознания. И никто, казалось, не задумывался уже о том, откуда он сюда пришёл, что он потерял – дом ли свой, где когда-то уютно проводил время с семьёй, или имущество, которое было нажито десятками лет и поколений и составляло всё его богатство, – никто об этом не думал, а если что и приходило кому на мысль, то человек старался от этого избавиться, отгородиться новыми впечатлениями от прежних воспоминаний, чтобы не подвергать своё измученное сердце страданиям и не омрачать печалью долгожданные минуты покоя. Всякий из нас уже слишком много выстрадал, и эта передышка под яркими, тёплыми лучами солнца для всех была подлинным счастьем. Человек не обращал внимания на то, во что одет, не стыдился, крепко придерживая винтовку рукой, идти по городским улицам в катанках, несмотря на то что местами уже на подтаявшей почве стояли лужи, а размокшие катанки давно потеряли форму сапога: носок задран вверх, задник свёрнут набок, и путник, по сути, идёт на голенище... Наконец не испытывая холода, не слыша свиста неприятельских пуль, почти каждый здесь ощущал некое умиротворение, и, пожалуй, в жизни его едва ли бывали прежде такие счастливые минуты, какие он переживал теперь.

А посмотрели бы вы на то, что делалось в эшелонах с семьями военных, в поездах с больными и ранеными! Через открытые настежь двери и окна все тянулись к солнцу, стремясь обогреться его лучами... Ведь люди ехали сюда во множестве в простых товарных вагонах, которые нечем было отапливать...

Когда мы встали, наконец, твёрдо на землю и, остановившись, оглянулись назад, перед нами открылась страшная картина: весь пройденный нами путь был усеян павшими конями и брошенными санями, и путь этот не был узким и прямым – ширина его местами достигала трёх километров. Да, в странствиях на водах люди с отрадой видят берег, а на земных просторах – взглядом ищут селение. И как утопающий в море старается скорее доплыть до лодки, так и тут: чтобы не замёрзнуть на холоде, не застыть на блестящем зимнем льду, люди оставляли скарб, бросали обессиленных коней и шли дальше пешком, торопясь и обгоняя друг друга... Невольно вспомнишь слова Достоевского: «Страдание-то – это и есть жизнь (так говорит чёрт Ивану Карамазову), если б не было страдания, где же удовлетворение?»...

Через некоторое время существование наше стало входить в нормальную колею, карантин был снят, постепенно полки за полками, дивизия за дивизией преображались, сбрасывая с себя грязную, изношенную дорожную одежду. Измученный переходом неряшливый боец превращался в аккуратного солдата в чистой, приличной форме, на голове его появлялась фуражка, на плечах – шинель с погонами, на ногах вместо смятых катанок – кожаные сапоги или ботинки с прочными обмотками. Казалось бы, что значит форма, в которую переоделся солдат? Вроде бы он остаётся таким же человеком, каким был и прежде, но вот, оказывается – нет. Вид армии, её внешний облик снова стал внушать народу доверие; пришло понимание, что эти солдаты – не изнурённая переходом толпа, а настоящие защитники, борцы, воины, которых снова можно вести в бой. И действительно, как только все были переодеты и немного отдохнули, те же самые люди уже стали ощущать себя по-иному и мыслить не так, как в то время, когда они считали за счастье сменить на себе бельё... Теперь не думалось о праздной жизни – людей охватывала и снова объединяла идея о борьбе с большевиками.

Воинская дисциплина была та же, что и в Сибири. Если б она была создана лишь на принципе строгого и безусловного повиновения, тогда, надо полагать, в тяжёлые минуты солдаты могли бы превратиться в толпу. Но в войсках существовало глубокое сознание своего долга перед Отечеством, и оно воодушевляло нашу Армию идти на подвиг, а каждого из нас – быть готовым к тяжёлым переживаниям и испытаниям; если же суждено было кому умереть, то умереть, мы знали, следовало с честью.

В Забайкалье нам пришлось встретить и людей, у которых не было такого единомыслия, чему следует уделить особое внимание. Забайкальское казачество в военное время выставило четырнадцать полков, и все они участвовали в войне против Германии. Для пополнения действующих полков в войске существовали запасные полки, куда призывалась молодёжь. Когда на фронте была проведена мобилизация действующей Армии, то большевики повели свою усиленную революционную агитацию именно в этих запасных полках, чтобы из них создать потом новые большевицкие полки – в противовес казакам-фронтовикам. Вот с этим-то молодняком нам частенько приходилось сталкиваться в перестрелках в борьбе за обладание некоторыми населёнными пунктами. Какая ирония судьбы и какая драма! Эти молодые люди – как правило, материально обеспеченные и не испытывавшие ни в чём нужды – взяли в руки винтовки и направили оружие против своих же, чтобы в результате прийти к полному разорению!.. Вот так сделали молодые казаки Забайкалья.

О богатстве забайкальского казачества нельзя не сказать особо. Несмотря на то что Германская война¹ длилась три с половиной года и Гражданская война продолжалась уже около двух лет – а у забайкальского казака богатство не убывало. Система отношений в производстве в этих местах не изменилась. Прибыль в скоте с каждым годом только увеличивалась, и казак жил, как «сам себе Царь и Бог». Со слов самих казаков мы знали, что среди них были семьи, не знавшие счёта своим табунам.

Наш полк стоял несколько месяцев в посёлке Х. Когда подъезжаешь к нему, видны невысокие дома, не отличающиеся особой красотой, и невольно думаешь, что здесь люди живут если не в нужде, то достаточно скромно. Но на самом деле выходило точно по пословице: «Не красна изба углами, а красна пирогами».

При размещении наших казаков по квартирам почти в каждом доме было поставлено около пяти человек, и все они перешли на полное довольствие добрых хозяев и хозяек. Как бы эти хозяева и хозяйки ни были гостеприимны, казакам не хотелось злоупотреблять их добротой, поэтому они старались перейти на свой стол², принося в дом мясо, приварок³ и хлеб. Хозяйки неохотно брали мясо, хлеб и приварок из сухих овощей, подвергая всё принесённое большой критике, и неохотно готовили из него. Хлеб отдавали свиньям, а солдат кормили своим.

Для Белой армии этот период отдыха в Забайкалье явился наградой за всё пережитое. Я жил на квартире у забайкальского казака Ефимовича, фамилии его не помню. Приближался праздник Покрова Пресвятой Богородицы. В доме моего хозяина началась заметная суета, которой до поры не было. Необычная эта активность сосредоточена была на кухне и на летней кухне, которая была построена на переднем дворе в виде небольшого домика. Утром вся семья стала вставать гораздо раньше, приступая к делам. Я подумал: вероятно, готовятся к какому-то семейному торжеству. Моё любопытство заставило спросить о том хозяйку. Она ответила, что скоро будет праздник Покрова, к нему и готовятся. С хозяином мне поговорить не пришлось: он часто уезжал недели на две на пастбище к скоту или в гурт баранов.

Приготовление к празднику велось с размахом: стали резать свиней, поросят, гусей, уток, кур, а если кто имел индюков, то и они попадали под острый нож. На летней кухне, оказалось, имелся огромный стол в виде верстака. Именно на нём производилась разделка мяса и распределение его на разные блюда. Потом женщины приступали к стряпне. Да, вот ещё что добавлю: очень принято было у них варить в масле хворост разной формы.

Дом, где я жил, был разделён на две половины, как почти все дома в посёлке. Входя вовнутрь, попадаешь в большую комнату, которая называется кухней, но служит одновременно и столовой. Вторая половина – тоже большая комната – это горница. Обстановка в горнице такова: в переднем углу большой стол, вокруг него дюжина венских стульев (при необходимости можно поставить и две дюжины). У двух стен стоит по большому дивану, у третьей стены – очень широкая кровать, отгороженная ситцевой занавеской. Полы, кровать и диваны не крашены. Видно, что на постройку дома и обстановку комнат не было затрачено много денег: всё сделано своими руками, за исключением венских стульев. Но приготовления к престольному празднику в этой семье были изобильные, как у крупного помещика.

¹ Первая мировая война.

² Обеспечение питанием; обеспечение продуктами процесса приготовления пищи.

³ Продукты для приготовления горячей пищи (воен.).

... Вот и пришёл праздник. Погода прекрасная, день солнечный, тепло. Раскрылись в домах двери и окна, на улицах стал слышен гул общего разговора, который вскоре сменился пением старых традиционных песен. И казачий посёлок – весь строй его – преобразился, словно наполнившись праздником, превратившись в общий жизнерадостный муравейник. Смешалось всё: песни, гармоника, балалайка, пляска и свист... Столы ломились от яств и самогона – и у моего хозяина, да и в каждой избе. Рюмки, стопки и даже чайные стаканы раз за разом наполнялись самогоном для родственников и гостей. Должен заметить, что здешний самогон не имел неприятного специфического запаха, обычно свойственного этому напитку. На его основе здесь приготавливались различные настойки, не только брусничные и малиновые, но и из целебных корней и трав. Ни офицер, ни казак не мог избежать общего праздничного разгула: отказать нельзя, поскольку отказом наносишь хозяину большую обиду. Если не зашёл к нему в дом, не отведал ничего из приготовленных закусок или не выпил рюмку настойки, хозяин решит, что гость счёл его недостойным того, чтобы его посетить, отведать закусок и выпивки – и оскорбится.

Праздничное брожение по обычаю продолжалось несколько дней. Первый день – полная свобода мужчинам. Они сами шли куда хотели и вели к себе кого хотели. В этот день у стола увидишь только самую старую хозяйку, и та не присядет, а только следит за порядком. Молодые же казачки в кухне совершают свой труд по мытью посуды. На второй день начинается гулянка у семейных казаков. Тут уже приглашают семьями в гости – обычно зовут гостей к обеду, чтобы к вечеру освободиться для уборки дома и работ по двору: напоить и накормить скот, подоить коров, пропустить молоко и прочее. Несмотря на то что казаки любили гулять, но про хозяйство не забывали. Порядок праздничных гуляний устанавливался не хозяевами, а хозяйками. У имеющих большое родство праздник продолжался до двух недель. Без причуд, конечно, не обходилось. Те, кто начинал с первого дня пить «по полной», к концу застолья уже не могли поддерживать компанию, они садились на коней и уезжали в степь на простор, чтобы ветер очистил головы от винных паров.

Ввиду такой грандиозной гулянки в полку назначалась дежурная сотня. Эту сотню сменяла другая, и каждые сутки приходилось производить такой наряд. Меня поражало то, что у старых казаков укоренилась военная дисциплина. Пригласит к себе в дом, спросит, кто в наряде – тому крепкого не даст.

Рассказывали, что когда наследник цесаревич ездил в Японию, то по возвращении его из Японии на одну из станций Забайкальской железной дороги казак Шестаков согнал свои табуны – двадцать тысяч лошадей, принадлежащих ему одному. Наследник престола осмотрел эти табуны. И Шестаков сделал ему подарок в количестве двухсот пятидесяти лучших коней, для выбора которых была организована комиссия специалистов. Отборные кони были погружены в вагоны и отправлены в Петербург. Этот рассказ – не вымысел. Уже будучи в Маньчжурии, я лично познакомился с Шестаковым, и он подтвердил, что это верно.

За роскошью забайкальский казак не гнался, несмотря на то что средства позволяли. Одежду носил такую, чтобы была удобна для верховой езды; не увлекался постройкой красивого дома. Это его, по видимому, не интересовало, и соревнования в этом с другими казаками не было, зато соревнование в скотоводстве было очень развито. Любили казаки выращивать коней-скакунов, это им доставляло истинное наслаждение. Очень часто устраивали здесь конские бега, во время которых был общий праздник. Здесь закладывались немалые суммы на хороших лошадей.

Узнав подлинную жизнь забайкальских казаков, я стал упрекать себя за своё прежнее неведение. О казаках я знал только по книгам, но чтоб их узнать подлинно, нужно было с ними пожить. Так и вся русская интеллигенция: она мало знала русские народы, населяющие отдалённые части Российской империи, поэтому и не умела ценить своё русское богатство, больше увлекаясь идеями Запада. А вот казаки-скотоводы, бывало, соберутся и начнут разбирать политику сегодняшнего дня, так и порешат: «А ведь Бог попутал наши умы. Разве нашему народу нужна революция? Иностранцы, наверное, над нами смеются. Дураки, мол, русские – царя убили...»

И вот пришёл день, когда нам пришлось перейти китайскую границу и остановиться, не доходя до города Маньчжурии километров шесть или семь. Артиллерийская канонада затихла, стала стихать и ружейная стрельба. Изредка где-нибудь услышишь одиночный выстрел, но свиста пуль уже не было. Затишье, казалось, должно было принести некоторое облегчение от сознания того, что ты остался жив, но на деле случилось обратное. Это состояние даже объяснить трудно: нас охватило

неожиданно такое горькое чувство, от которого можно только плакать или кричать в отчаянии. Мы не были готовы к этой минуте сказать Родине: ПРОСТИ!..

Кто не испытал подобных моментов, тому трудно понять, что переживали мы в то время. Уйти со своей родной земли в чужую страну, куда нас никто не звал, где никто не ждал, было нелегко! Все богатства российские, которые были нажиты веками нашими предками, оставались в пользование победителю. Увидим ли мы тебя, Россия, такой, какой ты была? Не знаем. Такими тяжёлыми мыслями все мы были охвачены в то время, и каждый старался незаметно заглянуть другу в глаза, почувствовать, измерить своё и его общее страдание...

Подходим к границам Китая, и через Маньчжурию Белая армия движется на Владивосток. За Маньчжурией нас встречали китайские войска и препровождали в определённый район, где было отведено место для сдачи огнестрельного оружия. Сотню казаков выстраивали в одну шеренгу с винтовками на плечо и с открытыми затворами. Медленно двигаясь сквозь строй китайских солдат, которые стояли шпалерами, наши солдаты сдавали оружие китайским офицерам, которые и указывали, куда его складывать. После сдачи оружия полки направлялись в город для расквартирования. Квартиры были отведены в школах, в городских театрах и в домах частных жителей.

Продолжительность стоянки в этом городе зависела от погрузки в эшелоны и от отдыха коней. Пехотные части грузились и немедленно отправлялись. Конницу погрузить было невозможно: неоставало вагонов, поэтому некоторые полки отправлялись в походном порядке в город Хайлар.

Казакам жаль было расставаться с оружием. Они долго носили его за плечами, чистили и ухаживали за ним, как и за своими конями: в походе заботились, главным образом, о коне и о карабине. Карабин гораздо легче по весу и короче винтовки, поэтому именно этот вид походного оружия был принят в кавалерии. Но никакое правительство не позволит присутствие чужой вооружённой армии у себя на территории. Какие бы ни были дружественные договоры у Китая с царской Россией, наша армия была обязана подчиниться требованиям правительства трёх восточных китайских провинций. Не сдать оружия было нельзя – и так наша армия наделала много хлопот и принесла большой материальный ущерб этому правительству.

Для пропуска наших войск через всю Маньчжурию к станции Пограничная на Маньчжурскую железную дорогу были сгруппированы китайские войска из всех трёх восточных провинций. Железнодорожный транспорт был полностью использован для перевозки наших войск. Коммерческие операции по перевозке грузов были приостановлены, пассажирские поезда шли не по графику. На служащих железной дороги легла большая нагрузка, им пришлось работать лишние часы. Целая вереница поездов шла к станции Пограничная, а оттуда отправляли пассажирские поезда и все воинские эшелоны на станцию Гродеково¹ – первую станцию в Приморском крае.

Во время поездки нашей Дальневосточной армии по китайской территории на протяжении полутора тысяч километров не было никаких эксцессов ни с жителями китайской национальности, ни со служащими железной дороги, несмотря на то что здесь, в Маньчжурии, большевиками была уже проведена большая агитационная работа, благодаря которой на нас железнодорожники смотрели как на врагов.

С начала революции прошло уже три года и девять месяцев. После Февральской революции пришёл Октябрьский переворот, а потом наступила Гражданская война, которая продолжалась более двух лет. Казалось бы, за такой период времени китайское правительство должно бы утратить доверие к России, но оно не нарушило старый договор, несмотря на то что не извлекло для себя выгод из сложившейся ситуации. Белая армия, оказавшись на территории Китая, уже не являлась в полном смысле армией-защитницей старой России. Это могло дать право китайскому правительству интернировать её на своей территории, но не пропускать в Приморье через всю Маньчжурию. Но это было осуществлено, причём прошли через неё десятки тысяч солдат, казаков, офицеров и их семей – беспрепятственно... Верю, что если оба государства – Россия и Китай – воскреснут экономически и политически, обретут и отстают национальную крепость своих интересов, то эти добрососедские отношения Китая к русскому народу Россия не забудет. <...>

¹ Железнодорожная станция в Приморском крае, расположенная у границы с Китаем и являющаяся железнодорожным пограничным перевалочным переходом. В прошлом Гродеково – станция исторической Китайско-Восточной железной дороги, первая крупная грузовая и пассажирская станция на Российской территории, на которую прибывал поезд, следовавший с запада через территорию Китая.

Берега Архары¹

Александр Герасимов

г. Калининград

Все авторы этой рубрики – с моей родины – из таёжного уголка Приамурья – участники литературного клуба «Вдохновение» при районной библиотеке посёлка Архара. Руководит клубом Анна Проскурякова, – восхищаюсь ею. Я и сам член клуба – тысячи километров не разделяют нас, у литературы нет расстояний. Из года в год в первую пятницу месяца собираются у библиотекаря Анны Проскуряковой из посёлков, кордонов и урочищ таёжного района поэты и прозаики – от школьников до пенсионеров, обсуждают написанное, делятся творческими планами. У авторов клуба вышли десятки книг, множество публикаций в солидных литературных журналах. Ей-богу, возможно, по всей великой нашей России второго такого клуба не сыскать. Вот уж кому надо присвоить звание – заслуженный работник культуры РФ! Пусть мои строки станут предлогом к этому представлению.

О моих земляках-авторах: Светлана Адаменко – учительница, мама троих детей, Юрий Богомолов – пчеловод таёжной пасеки, Александр Бочкарёв – биолог-охотовед.

Когда прочтёте земляков моих, убедитесь, что край наш не только медвежий, а и литературный.

*Александр Герасимов,
член редакционного совета журнала БЕРЕГА*

Александр Владимирович Герасимов – прозаик, драматург, публицист. Родился в 1955 году в таёжном Приамурье, на Дальнем Востоке работал учителем, редактором газет и телевидения, генеральным директором телерадиовещательной компании «Амур», трижды избирали председателем Амурской областной организации Союза журналистов России. С 2011 года живёт в Калининграде. Спектакли ставили театры России, Казахстана, Латвии, США, Украины. Рассказы публиковались в России, Австралии, Германии, Канаде, Чехии. Член редакционного совета журнала «Берега», редакционных коллегий литературных журналов России и Германии. Награждён орденом Преподобного Сергия Радонежского Русской православной церкви, заслуженный работник культуры РФ. В 2022 году книгу рассказов Александра Герасимова «Соприкосновение. О России с любовью» космонавт Герой России Олег Артемьев брал в экспедицию на Международную космическую станцию, экземпляр, побывавший на орбите, передан в Московский музей космонавтики.

Рассказы

МЕДОВЫЕ КРАЯ

Мёд с одной ложечки не опробуешь. Вот когда, отведав черпачком, засомневаешься вначале, снова наберёшь, потом, хмыкнув, – ещё... Да захочется отчаянно загребать из мисочки, чувствуя, что остановиться невозможно, – тогда точно мёд распробован. Такой медочек можно есть по утрам большой ложкой, как кашу. Он настоящий, – энергии, здоровья и отличного настроения на весь день наберёшься.

По мне, так лучшие мёды – таёжные приамурские. Не стану умалять алтайские, башкирские, кубанские, но наши – превосходнее.

¹ Архара – приток Амура.

От Байкала до срединного Амура – самые безоблачные и погожие земли России. Нигде более по огромной нашей стране не найти столько солнечных дней в году. Солнца так много, даже, кажется, избыточно. Оттого и цветы чуть иные, их запахи... А цветы всё – медоносы. От них и солнечных лучей берут пчёлки нектар, ароматы и бог знает что ещё для оттенков вкуса и полезности несравненных мёдов.

Но и в обширнейшем солнечном крае, что я описал, есть заповедный уголок, где и цветы лучшие из лучших и – мёды.

Хинганский горный хребет сдержал здесь натиск Великого оледенения, защитил от сокрушения уголок лесов, сопок, степей, озёр и болот. На болотах гнездятся японские и даурские журавли. На реликтовых озёрах можно встретить тропическую кожистую черепаху, цветут огромные лотосы. Буйству растительного мира тайги позавидуют ботанические сады.

Моя родина. Явился на свет в доме на высоком берегу Амура, где впадает в него таёжная река Архара.

А у моей мамы, Натальи Васильевны Валяевой, в паспорте было записано – «место рождения: Долгое озеро». Не село, не селенье какое, просто – озеро, словно она русалка.

В мамином паспорте не метрическая ошибка – топоним. На крайнем юго-востоке Амурской области, о котором сейчас и рассказываю, есть знаменитое у орнитологов и биоэкологов – Долгое озеро. Сейчас это центр Хинганского государственного природного заповедника. В тридцатые годы дом, где родилась мама, был единственным на берегу озера, других не было.

Сказочно красивые места. Заметил, как многие мои земляки, покинувшие Амур, готовы рассказывать об очаровании и благодати нашей тайги, наших степей вплоть до Второго Пришествия, бесконечно. Оказалось, что правда – издалека виднее.

Вот представьте ту же степь... Любили когда-то русские классики повествовать о переливах печальных ковылей: тоска, неизбывная любовь к родным просторам. Но ведь вовсе не такая моя приамурская степь. Она яркая, радостная, изменчивая. Удивительнейшие метаморфозы: то залита пламенем цветов купальницы, то до самых горизонтов – светится жёлтым золотом лилий-саранок, сверкает островками белых маков, снежных пионов – марьяных кореньев, заплетается лиловой виной – мышиным горошком, то внезапно взрывается таким феерическим разноцветьем и радужным многоголосьем, что даже художники Левитан и Пластов задумались бы, узрев, – а хватит ли их талантов передать это на холстах!

А сейчас о главном. О главном из наших мёдов, который превыше всех. Не просто номер один, а, по убеждению моих амурчан – лучший в мире. Называют его – «серпуховый».

Переписываюсь со старым товарищем Виктором, в Орле сейчас живёт. Проверяя себя, попросил вспомнить этот мёд. Отвечает: «Цвет назвал бы – болотно-зелёный. Даже не дегустатор выделит основной вкус сладостно-горьковатым. Сердцевинный медонос – серпуха, но всегда казалось, что в аромате участвует тысяча трав. Воображению представлялось, что пчёлы собирали в недоступных человеку местах, в борьбе со шмелями и паутиной таёжных пауков размером с ладонь. Всё это называется – в отрогах Малого Хингана». Красиво ответил.

Свежесть и первозданность девственного края в нашем мёде «серпуховый».

Крупные плотные корзинки с короной – изящно распушенным фиалковым либо лилово-пунцовым венцом, так выглядят цветы серпухи венценосной. Она и в иных местах растёт, но у нас какая-то особенная. По таёжным опушкам, берёзовым околкам, лесостепью серпуха расцветает ближе к августу. Собранный с неё мёд качают к поздней осени, когда уже запечатан будет пчёлами в сотах, вызреет. Мёд чистый, не перегретый знойными летними погодами, он и храниться может очень долго.

Совершенным, исключительным в колорите вкуса назову и наш мёд липовый. В Приамурье липы пахнут не так, как в европейской России, – много ярче, божественным ароматом завораживают. Липа Таке, липа амурская, липа маньчжурская – родом из моих краёв. Оттого липовый мёд свой особый, как нигде. В семидесятые прошлого века, в пору июльского цветения лип, пасечников с ульями пчелиных семей вертолётами забрасывали в глубины бездорожной тайги, настоящая охота шла за драгоценным мёдом.

Настоящий мёд можно купить только у пасечников. А чтобы быть уверенным, что не разбавлен падевым, сладкой водицей, крахмалом и ещё невесть чем, отправляться надо в места, где заготавливают, хорошо бы на пасеку, да подгадать время, когда на медогонках откачивают пчелиные соты. И главное правило: хороший мёд – у хороших людей.

В деревнях и таёжных посёлках моей родины до сих пор живут общины староверов. Сам я из казачьей Иннокентьевки, а мой приятель Олег (учились на историческом отделении) – из старообрядческой Грибовки, это километрах в шестидесяти. Как-то, лет двадцать тому, уже по морозам ездили в гости к его родителям. Помню, въехали в Грибовку: над заснеженной деревней – зимняя радуга. Улицы широкие, перед каждым домом – высокие сосны. Надо же, подумал, в тайге живут и таёжные сосны под окнами высадили!

Дед Иван, отец Олега, по старости уже слепым был, но – крепкий, в доме его слушались безропотно. Хлебосольный стол, еда простая: отварная картошка, квашеная капуста, пилушки, грузди с рыжиками, бочковые помидоры с огурчиками, малосольные ленки из реченьки Архары, что сразу за огородами (ленков этих – бочки в сенах). И стояли на столе отборные мёды: янтарные, белые, тёмные, прозрачные...

В Грибовке почти все – пасечники. Омшаники с ульями в тайге, – у одних поближе к дому, у других на дальних заимках.

Родитель товарища сам мёдом не занимался. Отправились мы по деревне выискивать, чтобы я домой отвёз. Немало лет прошло, как уехал однокашник из Грибовки, а всё про всех знал. Вышагиваем вдоль размашистых дворов, про хозяев рассказывает. У этих, мол, пасека недалеко от гречишных полей, не таёжный мёд. А у тех – на лугах, на разнотравье, хороший мёд – цветочный, но брать не будем. Здесь липовый, но та ещё липа – смешали с падевым. И этот двор стороной пройдем, к рапсам улики свозили, не нужен нам рапсовый. Короче, идём-идём, а он всё бракует да бракует. Я уже надежду потерял, что сыщем что-то, такой проводник привередливый.

Подходим к очередному подворью. Дом – хоромы из свежетёсаннных брёвен, с проблесками смолы, прощелины паклей и мхами аккуратно проконопачены, видно, что недавно выстроили. На светлой веранде хозяин с хозяйкой бадьи с мёдом перекачивают, а сорокалитровых фляг тех, бог ты мой, – не пересчитать! Сами – люди молодые, розовощёкие. С ходу стали нам на бидоны указывать и свои мёды, разных сборов, нахваливать. Олег всё внимательно выслушал, потом говорит: «Брать не будем». Хозяева не обиделись, спустились в глубины подполья, вытянули на свет тяжеленую флягу. Половничком аккуратно, боясь капельку пролить, наполнили нам банки. И среди хороших настоящих мёдов у хороших хозяев есть, как оказалось, заветные баклаги с самым хорошим мёдом.

Столица приамурского Эдема – посёлок Архара, – по имени реки. Районный центр. Узловая станция Транссиба. Все пассажирские – пригородные, скорые, экспрессы – останавливаются перевести дух. Помощники машинистов, исполненные достоинства, – в галунах, шевронах и форменных фуражках, проходят вдоль составов, постукивают молоточками на длинных ручках, вслушиваются. А железнодорожные философы-проводники и пробуждённые-ожившие многоцветные толпы странников, сойдя из вагонов, улыбаются, жмурятся от нестерпимо яркого солнца, спешат к столам-прилавкам рыночка, окошкам ларьков и киосков. Покупают лапотных размеров пирожки, шерошистые кедровые шишки, протекающие соками кулёчки лесных ягод, и – знаменитый мёд. Многие, не удерживаясь, тут же на перроне через щёлочки ртов втягивают в себя приторные солнечные нектары, смакуют, восторгаются, облизывают липкие пальцы и губы.

А ещё берут местное пиво. Когда-то знатоки считали лучшим в мире, по крайней мере, по всей Сибири и нашему Дальнему Востоку – терпкое тёмное пиво «Таёжное». Давно сгорела старая пивоварня, и рецепт прежнего напитка утерян, но осталась людская молва.

Я сам там был, мёд и пиво пил.

ЛОТОСЫ МОЕЙ РОДИНЫ

Архаринский район Амурской области, где я родился, уникальнейший во всей нашей необъятной России: когда-то от Великого оледенения уголок этот защитил Большой Хинган – вулканический горный хребет. Оттого сохранились на реликтовых озёрах дивные тропические лотосы.

Не рискну сказать, какого цвета мои царственные водяные лилии, да и невозможно это. Лотос в течение дня постоянно, во времени почти неприметно как, меняется.

Цветок Солнца. Огромные лилии всегда обращены к солнцу, движут гордые головы вслед за светиллом. Ночью лотос спит, с закатными лучами складывается в тугой бутон, с рассветом расправляется.

Утром лотосы самые яркие, с матово-восковым отливом. Розовые, чуть малиновые.

Но и рассветные лотосы неравномерны цветом. У кончиков лепестков окрас насыщенней, в центре – мягкий. Дорожки светлого от сердцевинки лучиками тянутся и растворяются.

Сердце цветка – глянецкий золотой конус, семенная коробочка с изящным, каким-то космическим контуром, а ещё она похожа на аккуратное рыльце садовой леечки, даже дырочки в ней просматриваются, обрамлена множеством тычинок с густой жёлтой пылью. Запах лотоса плотный сладкий и терпкий, нравится пчёлам, их часто увидишь пирующими. Всю жизнь мечтаю попробовать на вкус лотосовый мёд. Родом из мест, где лотосы тысячи лет цветут на древних озёрах, оттого что-то и воображаю себе.

Днём лотосы бледнеют, порою белеют, заполняются солнечным светом. Цветы могут почти лежать на воде, но чаще – гордо подняты над нею упругими высокими стеблями.

Лепестки лотоса всегда чистые и сухие.

Удивительно, даже сорванными, поставленные в воду, лотосы продолжают сжимать и раскрывать лопасти лепестков, в течение дня меняют окраску – столько в них великой силы и желания жить. Это мне рассказали, сорвать самому – не смел и подумать.

Цветок похож на многокрылую бабочку, грациозно взъерошенную, взметнувшую ярусы огромных чуть заострённых крыльев.

Размерами лотос ошеломляет, в садах таких цветов не встретите, диаметром лилия сантиметров в тридцать. А зелёные округлые листья – до полуметра, кажется, что по ним ступать можно. Листья, как и цветы, никогда не намокают, только очень ранним утром видел на них редкие перламутровые шарики тёмной росы.

Цветок мудрого Будды, в нём – очищение, просветление, вечность...

Стараниями и заботой добрых людей сейчас лотос бережно расселяют по озёрам Приамурья, охраняют, его изображения становятся брендовыми. Лотос, он тоже цветок России.

Берега Архары

Светлана Адаменко

с. Аркадьевка, Амурская область

Светлана Валерьевна Адаменко – родилась в селе Касаткино Амурской области. Окончила Благовещенский педагогический университет по специальности учитель истории. Работает по профессии в поселковой школе. Ведёт краеведческую работу со школьниками, занимается литературным творчеством. Имеет публикации в местных периодических изданиях и коллективных сборниках. В 2024 году при финансовой поддержке Министерства культуры РФ и Союза российских писателей издан сборник рассказов «В стране безоблачного детства».

Рассказы

ЖУРКА

Эта история правдива, и оттого она ещё удивительнее.

Оля была боевой девчонкой. Ни один мальчишка в деревне не посмел бы её обидеть – любому давала отпор. Она не слыла хулиганкой, а обладала повышенным чувством справедливости, всегда вступаясь за беззащитного.

Ох уж эти отчаянные сельские мальчишки! Покоряя родные просторы, с весны до поздней осени бродят по селу и окрестностям, ищут приключений. А после возвращаются голодные, усталые, счастливые, раззадоренные забавами.

В тот вечер трое Олиных одноклассников брели мимо её калитки, возвращаясь домой с очередной своей эскапады. Что-то обсуждали, громко спорили. Один нёс в руках маленького пёстроного журавлёнка, он и был предметом бурных дебатов. Несчастный птенчик, казалось, уже смирился со своей участью, умаявшись от борьбы за свободу, сник, лишь изредка издавал грустные писк, был напуган, вздрагивал от каждого резкого движения, от возгласов Кольки, Сашки и Лёшки.

– Бессердечные! – возмутилась девочка, разглядев из-за забора пленника. Она выбежала за калитку и преградила ребятам дорогу. – Как вам не стыдно?! Это же птенец! Зачем вы его забрали из гнезда?

Мальчишки опешили от дерзкого выпада. Они и сами не могли найти объяснение поступку. Зачем они вытащили малыша из родного болота и забрали с собой? Просто так, из интереса. Это всё Колька. Сашка возражал, он и сейчас образумливал Кольку, просил вернуть птицу на болото. А Колька не отступался. Вот ещё! Он похвастает добычей перед старшим братом. Да и Лёшка раззадоривал Кольку. Лёшка всегда был в восторге от Колькиных авантюр, он перебивал Сашку, обвиняя того в занудстве:

– Понимаешь, взрослые птицы уже не примут его. Раз уж мы его вытащили, то вернуть уже нельзя. Надо раньше было думать!

– Тем более он был совсем один. Может, его родителей кто-то подстрелил, – не унимался Колька. – Может, мы его вовсе спасли от сиротства!

Как раз в это время Оля и вмешалась в их спор.

– Ну на что он вам? – чуть не плача от жалости к птенцу, не отступалась девочка. – Отдайте его мне, раз вернуть нельзя.

Оле во что бы то ни стало хотелось спасти несчастного взъерошенного журавлёнка.

Сохранив непринуждённую стойкость, Колька начал спорить с боевой девчонкой.

– Уйди, Олька, а то я тебе! – пригрозил он, отодвигая её с дороги и направляясь дальше.

– Чего вмешиваешься? Без тебя справимся! – вторил ему Лёшка, следуя за другом. – Иди домой, жалуйся бабушке.

Олино самолюбие было задето. Она могла броситься и в драку, если б потребовалось себя защитить. Но жаловаться – это было не в её правилах. Тем более она не привыкла отступать. И помчалась вслед за ребятами, на ходу выкрикивая угрозы, пытаясь их образумить, взывала к совести.

Когда Оля, отчаявшись добиться результата с помощью переговоров и ультиматумов, хотела перейти к решительным вооружённым действиям с применением метательных снарядов в виде камней, Колька вдруг сообразил, что старший брат за полуживого журавлёнка выдаст ему по первое число, да и мама не одобрит, огреет хворостинкой по спине.

– Да на, держи! – Колька резко развернулся и всучил остолбеневшей от неожиданности Оле уже обмякшего птенца.

Оля, не сразу осознав, что одержала победу, так и осталась как вкопанная стоять посреди дороги, обнимая пушистого малыша. Изумлённая и озадаченная, она развернулась и побрела домой.

– Ну и что ты будешь с ним делать? – сокрушалась бабушка. – Ты подумала? Чем его будешь кормить?

Об этом Оле было ещё некогда подумать. И действительно, она совсем не знала, как теперь быть. Но не могла же она оставить бедного птенца мальчишкам! От них ничего хорошего нельзя было ждать. А значит, Оля была уверена, она поступила правильно, отвоевав журавлёнка.

– Это же тебе не курица. Он же кушает рыбку! – продолжала бабушка выговаривать растерянной внучке.

Ранним утром Оля, взяв нехитрые рыболовные снасти и чёрствый хлеб для приманки рыбы, отправилась на ближайшее озеро. Дело привычное. Здесь они с папой бывали не раз. Покрошила хлеба на поверхность, забросила по корочке в каждую мордушу и, закинув их в воду у берега, стала ждать, чтобы через некоторое время вытащить улов. Ей нельзя было вернуться домой с пустыми руками. Журка, как называла Оля своего нового друга, нуждался в пище.

Спустя час вытащила мордуши на берег, вынимая в стеклянную банку трепещущих гальяшек и карасиков. Счастливая, прижимая к себе улов, Оля помчалась домой.

Её ждал Журка. Он был вовсе обессилен перенесённым стрессом и, конечно, хотел кушать. Изредка квёло пицал, иногда поднимался на ножки, силился что-то поковырять неокрепшим клювом, а потом потерянно опускался на дно своего нового гнезда – большой картонной коробки. Журавлёнок, повернув голову набок, увидел свою спасительницу, только что прибежавшую с утренней рыбалки. От неё пахло тиной и рыбой. Журка сразу почувствовал этот запах, напоминавший ему маму. Оля бросила ему рыбёшку. Журка ловко подцепил её клювом, словно щипцами, и моментально проглотил, запрокинув голову вверх. Потом вопросительно посмотрел на Олю и банку с рыбой в её руках. Девочка вытаскивала по рыбке и клала птенцу в клюв, пока банка не опустела. А журавлёнок продолжал смотреть вопрошающе.

Оля развела руками:

– А больше нету, Журка, – со вздохом сожаления произнесла она.

Оля погрузилась в заботы о спасённом птенце. Её одноклассницы беззаботно купались на речке, зазывая подружку с собой. Но Оля была в ответе за Журку. Теперь ей было не до развлечений. Водоёмы манили её лишь с единственной целью – наловить рыбки для своего подопечного. Чтобы прийти с уловом, девочка преодолевала не один километр. Дивилась бабушка стойкости и ответственности внучки.

– Одной рыбой сыт не будешь, – приговаривала бабушка и подкармливала птенца пшеницей и просом.

Журка быстро рос, к тому же сильно привязался к Оле. Ходил за ней буквально по пятам. Уткнётся клювом ей под руку, и так они идут вместе, как две подружки. Оля идёт не торопясь, а рядом, сложив крылья за спину, вышагивает долговязый Журка. А какой доверчивый! Смотрит круглыми глазками, поворачивая боком голову. Какой любопытный! Везде всунет свой длинный клюв, всё попробует им на прочность да на вкус.

Окреп за лето журавлёнок. Давно уж детский пух сменился пёрышками. Выросли большие маховые перья на крыльях, удлинились перья и в хвосте. Пёстрый детский окрас постепенно сменялся серым. Проявлялся в нём даурский журавль. Только вот, несмотря на это, Журка – совсем ещё ребёнок, наивный малыш. И бабушка как-то сказала:

– Дело к осени, Оля. Журке твоему зимой нельзя оставаться здесь. А он летать-то не умеет.

И действительно, Оля не задумывалась об этом. Новое испытание превратилось в цель. Стала она учить журавлёнка летать. Заберётся вместе с ним на крышу невысокого амбара. Подтолкнёт его к краю и пытается спихнуть вниз, надеясь, что тот инстинктивно расправит крылья, приземляясь. Не хочет птица, упирается. С недоумением и опаской относится к Олиной затее. Спрыгнет на землю, крылья вновь за спину сложит и вышагивает гордо по огороду. Оля вновь его в охапку – и на крышу. А Журка-то уж большой стал, тяжело было Оле поднимать его, да ещё и наверх тащить. С неохотой учился птенец, прямо как всякий подросток.

Однажды Оля, в очередной раз тщетно пытаясь подтолкнуть Журку на край крыши, потеряла равновесие и сама сорвалась вниз. Вся ободралась, синяков не сосчитать.

Мажет бабушка Оле зелёной коленки, ворчит, ругает девочку:

– Вот охота тебе возиться с ним! Так и шею себе свернуть недолго. А с него какой толк? Скоро в школу тебе идти, а он за тобой по пятам ходит.

– Бабушка, не ругай Журку. Он друг мне, – вытирая слёзы, Оля возражала бабушке. Она не намерена отступить.

Чуть только зажили царапины и перестали болеть синяки, Оля опять полезла на амбар со своим Журкой. В этот раз журавль, словно почувствовав в себе силу, будто осознав своё предназначение, распахнул широкие крылья и, сделав несколько взмахов, пролетел над землёй.

Олино сердце сжалось от радости и восхищения. Она захлопала в ладоши от восторга.

– У меня получилось! – воскликнула она, подбежав к бабушке.

Девочка затевала с Журкой «перегонки». Журавлёнок постоянно «хитрил», расправляя крылья и пускаясь в полёт, как только ему удавалось настичь Олю в их неудержимой погоне. Теперь он уж не казался таким беспомощным. Он был прекрасен. Оля с восхищением смотрела на него всякий раз, когда он, взлетев, кружил над головой и плавно приземлялся, складывая за спиной крылья.

Бабушка хоть и ворчала, но втайне восхищалась такой необычной дружбой. Она гордилась своей внучкой, её стойким характером. Даже те самые деревенские мальчишки, до этого дразнившие Олю «цыплёнком», попритихли и тоже не могли сдерживать эмоций, когда видели над крышей Олиного дома большую красивую птицу, удивительно преданную хозяйке.

Закончилось лето. Наступила школьная пора. Оля, принарядившись в новую форму с белым фартуком, заплела пышный бант, надела нарядные гольфы, отправилась на уроки. Журка скучал по своей подруге. Он, ещё не совсем привыкший летать, бегал за нею до самого школьного порога. Оле приходилось возвращаться, чтобы запереть его в сарае.

Тоска одолевала Журку. День-деньской он кричал своими журавлиными кликами, просясь к девочке. Громко хлопал крыльями, стучал клювом о дверь сарая, просился на свободу. Оля после уроков бежала к своему Журке, не осознававшему цели расставания.

Приближались холода. Почти взрослый журавль вырос из птенца. Нужно было подумать о том, как ему пережить зиму. На семейном совете было решено отвезти журавушку к «своим».

Старенький трактор, дребезжа, катил по свежееубранному полю, тряся по полевым дорогам, бегущим за горизонт. Справа мелькали дубовые рощицы, заросли тальника и лещины. Дорога, изрезанная глубокими колеями, посреди луга почти исчезла, превратившись в две полосы примятой колёсами травы.

Трактор продолжал своё неторопливое следование. В его телеге сидела Оля, прижимая к себе Журку. Они были грустны. Девочка и журавль – два существа из разных миров, так не похожие друг на друга, но ставшие такими близкими. Они прожили вместе целое лето с того момента, как их свело Олино сострадание. Друзья приближались к неумолимой разлуке.

Трактор выпускал чёрный дым из выхлопной трубы, подминал огромными колёсами траву. Суходольные луга сменились заливными. Впереди блестело зеркальце воды. То было озерцо, окружённое кочками. Еле заметная колея делала петлю. Трактор обогнул водоём, проехал по покосу, оставленному на зиму после вывоза последнего стога. Путь снова протянулся по стерне вдоль убранного поля, по которому были раскиданы копны соломы.

Вдали белели силуэты птиц. То были даурские журавли, кормились на поле перед дальним перелётом, что предстоял им. Трактор остановился. Оля спрыгнула на землю, за ней вылетел Журка. Порыв

свежего ветра ударил в грудь даурцу. Этот ветер принёс ему запах тины и рыбы с болота. Он, вдохнув воздух родной стихии, придававшей ему уверенности и силы, взмахнул крыльями и взлетел. Ветер подгонял птицу и заставлял её подниматься выше. Ощущение безбрежного полёта опьяняло, каждый новый взмах крыла отдалял его от Оли и приближал к «своим». Он впервые видел даурцев – этих серых статных птиц, и невольно его тянуло к ним. Раскидывая крылья, распутив маховые перья, журавль парил в воздухе, словно невесомый, описывая полукруг, он приближался к земле и снова взмывал ввысь.

Там, внизу, стояла Оля, вырастившая его и научившая летать. Но сама девочка летать не умела.

Журка опустился на землю неподалёку, вышагивал по полю, сложив большие крылья за спиной. Теперь он уже не тот пушистый взъерошенный птенец, а статный серый, с гладким оперением, даурский журавль. Ему, познавшему небо и счастье полёта, больше никогда не быть ручным журавлёнком. Оля это понимала. Она медленно удалялась от своего Журки, прощаясь, говоря ему что-то ласковое, журавлиное. Журка повернул боком голову, смотрел круглым глазом на уходящую Олю. Он ещё не понимал, что она уходит навсегда.

– Поехали, пап, – всхлипнув, тихо сказала Оля, взобравшись в кабину. Трактор затарахтел, начиная движение, сделал большой полукруг, разворачиваясь, и не спеша поехал по своим колеям в обратном направлении. Журка смотрел вслед удаляющемуся трактору. Оля наблюдала за другом в заднее окно. Глаза её блестели.

Даурец остался в недоумении. Ему так много нужно было понять. Оля видела, как Журка сначала побежал вслед за ними, а потом, как будто осознав неизбежность грядущего, остановился.

Он потерянно шёл по полю, пока не приблизился к «своим». Взрослые и молодые даурцы с осторожностью рассматривали новичка. Журка подошёл ближе, пока не слился с собратьями, теперь Оле было трудно разглядеть своего друга среди этого птичьего множества.

Настало то промозглое время, когда голые деревья по утрам покрывались изморозью, а лужицы на дороге стали сковываться тонкой коркой льда. Бабушка всё чаще кутала спину в серую шерстяную шаль, а Оля надевала в школу поверх платья стёганую курточку. Наблюдательные сельчане с грустью и тоской провожали взглядом очередной стройный клин улетающих в тёплые края журавлей. А однажды увидели, как одна серая птица долго кружила над крышей Олиного дома, а потом села у её двора. Побродила немного, заложив крылья за спину, а потом взмыла в осеннее небо...

ПЛОВ

Когда я ещё не ходила в школу, мой папа работал трактористом-механизатором в колхозе «Амур». И водил он не какой-то там обычный колёсный МТЗ или гусеничный ДТ, покорявший колхозные просторы со скоростью улитки. Папа работал на К-700! Этот огромный, высотой с дом, красный «Кировец» на ночь вставал за двором. Мотор ревел, вызывая вибрацию великана, а колёса были в полтора раза выше меня, оставляли широкие и глубокие следы от протекторов. Когда подъезжал ко двору, всё вокруг начинало дребезжать: дорога, дом, посуда в шкафах. Механизаторы в основном пахали на синих «Беларусах» или гусеничных ДТ, и только моему папе доверили К-700! Не без гордости я рассматривала, как блещут на солнце все восемь лемехов плуга, подвешенного к «Кировцу». Не каждый трактор справился бы с таким мощным агрегатом!

Но не только созерцание этого величайшего из тракторов вызывало восхищение. До сих пор не оставляет меня ощущение избранности от того, что папа доверял мне заводить трактор. Брал меня в кабину, я с усилием нажимала на круглую резиновую кнопку, после чего великан-трактор резко вздрагивал и взрёвывал, затем начинал громко и размеренно гудеть, дребезжать, поддёргиваться под воздействием мощного сердца-мотора внутри него, который был заведён, как я была уверена, с моей лёгкой руки.

Иногда папа брал меня с собой на работу, на поле. Хоть плуг был и восьмилемешный, но даже для него процесс вспашки бескрайнего поля оказывался непростым делом и продолжался много часов. В качестве развлечения в кабине я рассматривала разноцветные лампочки разных датчиков, а также время от времени пила ледяную воду из большого алюминиевого термоса, которая наливалась в его пластмассовую, величиной с мою голову крышку, по совместительству служившую кружкой. Для

разнообразия в другом термосе, поменьше, содержался ещё и чай – очень крепкий, с плавающей заваркой и несладкий. На папин вкус. Я наблюдала то в лобовое стекло, то в заднее окно, как папа опускает плуг в землю, тащит его, взрыхляя полосу земли длиной до конца поля, поднимает плуг, разворачивается достаточно широкой амплитудой, после чего опускает плуг, тащит его обратно – и так до бесконечности. Увлекательнейшее из развлечений!

Досконально изучив особенности весенней вспашки, я умудрялась засыпать, приклонив голову к железной спинке сидения, подложив под голову папину фуражку, при этом невзирая на тряску трактора, пашущего землю, дребезжание кабины и невыносимую духоту. А приходилось ли вам испытывать эти ни с чем не сравнимые ощущения радости, когда попадаешь на «большую землю» после долгого пребывания в ходящей ходуном целый день кабине?

После таких праведных трудов не грех и пообедать. На поле подъезжал большой ЗИЛ. Откуда ни возьмись возле машины оказывалось ещё человек десять колхозников. Оказывается, на этом бескрайнем поле мы с папой пахали не одни. В кузове ЗИЛа появлялись импровизированные лавки из досок, поставленных поперёк на борта, две добрые женщины в белых косынках открывали зелёные баки – увеличенные копии солдатских походных котелков, раскладывали по тарелкам аппетитный плов с мясом, а из дюралевой фляги в железные кружки разливали горячий чай. Одна тётя с доброй улыбкой на лице протягивала и мне обед. Колхозники с натруженными руками, почти чёрными от не отмывающегося мазута, смотрели на меня, поедая свой плов, дружелюбно улыбались. Все разглядывали меня с таким торжественным видом, словно я победитель соцсоревнования, герой-стахановец.

А мне тем не менее было так стыдно, ведь я понимала, что все тяжело работали, пахали землю, управляя тракторами, а я в кабине «Кировца» проспала всё это время! Вроде как есть-то не заслужила! Так стеснялась. Кое-как папа меня уговорил пообедать. А плов-то оказался горький! А чай-то, выяснилось, несладкий!

Это мне в мои пять лет так показалось.

А сейчас вспоминаю и кажется мне: то были самый вкусный плов и самый вкусный чай в моей жизни...

Берега Архары

Юрий Богомолов

с. Могилёвка, Амурская область

Юрий Михайлович Богомолов – родился в городе Комсомольске-на-Амуре. С 1990 года живёт в селе Могилёвка Архаринского района Амурской области. С раннего детства занимается пчеловодством. Много времени проводит в тайге наедине с природой. Увиденное и подслушанное у лесной тишины переводит в рассказы. Автору знакомы все нюансы таёжной жизни. Победитель районного и областного литературных конкурсов. Рассказы публиковались в местных периодических изданиях, в областных альманахах и сборниках.

Рассказы

НОЧНЫЕ ТАЙНЫ

Смеркалось. Сгущающиеся сумерки наступающей ночи быстро меняли привычную для глаз картину: прежде казавшиеся при ярком дневном свете вполне понятными и обычными, кусты превращались в нечто таинственное, теряли привычные очертания. И неискущённое воображение при взгляде на привычные при свете дня картины рисовало в голове простого обывателя нечто таинственное, сказочное, а зачастую и пугающее своей угрюмостью до мурашек на спине, до дрожи в коленках. Ночь вступала в свои права, превращая обычные коряги и причудливо изогнутые природой деревья в неведомых чудовищ.

Днём черёмуха Маака, опутанная лианами актинидии, привлекала внимание желтовато-оранжевой с чёрными вкраплениями корой и листьями лиан, в течение лета меняющими цвет с привычного зелёного на белый и ярко-красный. Ночью же она превращалась в жутковатого великана с посохом в руках и, казалось, навеки замершего, с тяжёлой котомкой за плечами. Словно некое напоминание из прошлого о нелёгкой доле тех, кто когда-то первым пришёл сюда и поселился в этих лесах. На пути великана – замшелый камень. Он словно превратился в черепаху, затаившуюся под гранитным панцирем до восхода, а недалеко мирно бродит, почти не двигаясь с места, гордый олень, дожидаясь рассвета, чтобы превратиться в куст рябины, увешанный гроздьями незрелых зелёных ягод.

Стали просыпаться птицы, спящие днём и бодрствующие ночью. Даже насекомые, живущие под покровом ночи, были словно не от мира сего – мохнатые. Не то мотыльки, не то бабочки сновали повсюду в ночи. Иногда, беззвучно разрезая ночь, торопливо пролетали, охотясь за мотыльками, летучие мыши. Ночь – время чудес и перевоплощений: где ещё, как не во мраке ночи, будучи в трезвом уме и здоровой памяти, увидишь мышшь, которая умеет летать? Природа лишила её лап, но взамен дала ей крылья, и она теперь, словно стыдясь этого, прячется днём и незаметно, словно призрак, летает в ночи.

Сова. С незапамятных времён тянется за нею недобрая слава – извечная спутница Бабы Яги. Некую тайну – мрачную, словно тёмные облака, медленно плывущие под безликой холодной луной, равнодушно смотрящий свысока на окутавший сырые ложбины туман, – бесшумно пролетая, несёт она, опираясь на прохладную тьму ночи мягкими крыльями. Большой, с мохнатыми лапками паук, именуемый в простонародье крестовиком за то, что на брюшке среди сложного рисунка проглядывается крест, осторожно выполз из своего убежища и, словно паря во мраке, принялся вязать свою сеть, надеясь где-то в глубине своей паучьей души, как и любой рыбак, на хороший улов. Кто научил

его, лишённое разума насекомое, соблюдая идеальную симметрию, плести свою паутину, двигаясь против часовой стрелки? Ответом не задавался, пожалуй, даже он сам, глядя на деяние лап своих, расположенных в ряд четырьмя глазами, в глубине которых даже днём живёт зловещая, пугающая тьма. Словно некое таинство, зловещий обряд древних языческих племён, творит он медленно, шаг за шагом, перебирая лапками, соединяет бесконечную нить в одно целое – гибельную для остальных насекомых сеть. Сеть, которая с первыми лучами солнца предстанет перед глазами в жалком изорванном виде, словно напоминая о живущих во мраке ночи призраках, разбросавших всюду клочья вырванной из потустороннего мира паутины. Но на самом деле рвут паутину те, кому чудом удаётся вырваться из последних сил из этой паутины, чтобы позже угодить в более прочную, сотканную более крупным сухопутным осьминогом.

Лёгкий порыв ветра, запутавшись в опутанной лианами черёмухе, недовольно зашумит листвою, начнёт качать ветви, пытаясь убрать преграду, стоящую на пути. Оживёт великан, поднимет голову и, расправив плечи, вдруг выпрямится с явным намерением перешагнуть черепаху, неподвижно лежащую тут задолго до его появления. Но стихнет ветер, вдохнувший в него жизнь, и вновь согнётся под тяжестью лет великан, опершись на посох...

Сатанинский хохот филина неподалёку, долго и пристально наблюдавшего за всем происходящим, заставит вздрогнуть и, вернув к реальности, навсегда спугнёт сказку, созданную природой. Сказку, которая, словно сон, навсегда исчезнет во мраке ночи, подобно искре костра, но она ещё долго будет жить в памяти. И о ней, время от времени, долгими бессонными ночами будет напоминать проникающий в окно холодный свет безликой луны...

ВЕСНА

Небольшой посёлок, расположенный недалеко от областного центра, со всех сторон продуваемый семью ветрами, встречал весну под унылое нытьё ветра в проводах. Коты, как им и полагалось в это время года, исправно завывали свои кошачьи проклятья, не обращая внимания на спешащих по своим делам людей. Жизнь шла своим чередом. На одной из улиц, возле небольшого, обычного для этих мест деревянного дома, вооружившись граблями и метлой, приводила в порядок дворовую территорию молодая женщина. Подле неё сутилась, то мешая, то пытаясь помочь ей, маленькая, лет пяти, девчушка.

Обычная на первый взгляд картина, но... Что-то искренне доброе чувствовалось во взгляде больших карих глаз мамы, что-то не от злобного мира, а тёплое и прекрасное. Дочь, задрвав маленькую, увенчанную двумя задорными хвостиками голову, со звонким смехом бежала в надежде не то ухватить пролетающую бабочку, не то обнять огромный, казавшийся таким добрым мир, согретый наконец-то яркими лучами солнца. Обычная и знакомая нам весна...

А далеко от степного посёлка, вдали от людских глаз, просыпалась природа. Ручьи талой воды, торопливо журча, спешили с крутых сопков вниз. Туда, где всё ещё под ледяной шубой, зажатая между отвесных скалистых сопков, дремала река. Угрюмая седая старушка-тайга всё ещё спала. Она хранила свои, так никому и не поведанные тайны. Яркое солнце, согревшее равнину, словно вспомнив о спящей в ущелье реке, теперь, навёрстывая упущенное время, спешно отогревало скрытую от человеческих глаз завораживающую картину. На проталинах расцвело одно из таёжных чудес – цветы адониса. Среди снегов, на крошечных островках отогретой земли лежали лишённые стеблей, в окружении тёмно-зелёных листьев ярко-жёлтые цветы. Робкие, пугливые при малейшей тени, они превращались в полупрозрачные зелёные шарики. Словно таёжные веснушки, цветы перемигивались с небесной синевой, радуясь солнцу.

Шли дни. Однажды звенящую тишину нарушил шум проснувшейся реки. Кто-то сказал ей: «Пора!»

И она, словно мифическое существо, сломав ледяные оковы, с шумом и грохотом толкала прочь дышащее холодом заклиятие снежной королевы. Так уж заведено: проснулась река – просыпайся и тайга!

МАРЬ

Луна смотрела на труднодоступную марь, окутанную седым туманом, протянувшуюся на десятки километров среди бескрайней тайги. Лишённая дорог и построек, являлась излюбленным местом для зверей, особенно в ночное время. Многочисленные стада косуль, спасаясь от летнего невыносимого зноя, с наступлением темноты спускались с сопок и бродили по закрайкам широкой болотистой низменности. Ночная прохлада скапливалась в низине, поднималась по тесным распадкам между высоких сопок, обрамляющих марь, зазывала осторожных зверей в гости. Здесь, словно в оазисе, относительно мирно уживались медведи, косули, изюбры и другие лесные жители.

Озираясь и высоко подняв ушастую голову, пугливая, по-своему прекрасная косуля, осторожно пробиралась среди высоких трав. Позади неё, путаясь в траве, на тоненьких ногах семенила пара отпрысков. Маленькие, серенькие, они спешили за ней, боясь отстать или быть пойманными голодными лисами, которые тоже наведывались сюда. В основном лисы охотятся за лягушками, мышами и прочей мелкой живностью, не забывая по пути разорять гнёзда, но никогда не побрезгуют и более крупной добычей, вроде несмышлёного детёныша косули.

Чуть раньше вышел из леса лось. Осмотрелся и, не заметив ничего, что помешало бы направиться вглубь трав, где за завесой тумана спряталось озеро. Громко шлёпая раздвоенными копытами по сырой почве, быстро зашагал к болоту, там росла его любимая трава – сочная трёхлистка. Большие, зелёные, похожие на капустные листья, посеребрённые росой, они торчали из воды. Зная об этом, лось без опаски шагал туда, куда доберётся не всякий зверь. Болотистая местность пропустит не всех. Но и тишина многое может рассказать тому, кто умеет слышать.

Оглушающая, звенящая, давящая заставила насторожиться косулю. Сейчас она была не просто грациозным животным, которое в случае опасности может с лёгкостью убежать, сейчас она – мать, а позади в траве шуршат два крошечных «якоря». В чьём обличье ни находилась бы мать, она всегда остаётся ею и готова встать на защиту детей. Неважно, кто она: грозный хищник, которому нет равных, или крошечная синичка, которая самоотверженно бросается под ноги чужаку, рискуя, с одной единственной целью – увести опасность от своего гнезда, в котором едва ли поместится обычная луковица. В крошечном, с заботой и любовью построенном из сухой травы клубочке лежит три, а то и четыре маленьких, конопатых, с ноготь величиной яйца. Это продолжение пернатого рода. Так устроен этот мир. Косуля, слыша предостерегающий крик своего сородича, замерла, вслушиваясь в тихий шелест тишины. Прошла минута, показавшаяся вечностью. И вновь грубый крик козла, переключаясь с эхом, пронёсся, расталкивая тьму, и пропал, проглоченный туманом. Оглядываясь по сторонам, встревоженная косуля торопливо повела своё потомство ближе к кромке леса. Туда, где заросли трав вперемешку с кустарниками давали хоть какое-то укрытие от опасности. А опасность была. Была очень близко. О ней отчётливо шептала тишина. Сухо и едва слышно щёлкнула веточка, и шорох мокрой травы послышался в полусотне метров левее, как раз там, где намеревалась укрыться косуля. Словно шепнув что-то своим детёнышам, которые, как по команде, не до конца понимая – зачем, легли в траву, растворившись во тьме. Шорох усилился и двинулся навстречу. Времени на раздумья не оставалось, но и медлить было нельзя! Оттолкнувшись от земли, косуля подпрыгнула как можно выше и вбок. В прыжке увидела, наконец, причину тревоги и бросилась в сторону опасности. Намереваясь пробежать как можно ближе к хищнику, но с таким расчётом, чтобы не угодить в его лапы. А когда он бросится в погоню за ней, увести его как можно дальше от своих детей.

Громадный, чёрный, как беспросветная тьма, медведь, лишь приподнялся над травой и, со свойственным ему кажущимся безразличием, проводил взглядом вихрем промчавшуюся мимо косулю. Шумно выдохнув воздух вслед беглянке, он с досадой, что его разоблачили, шумно двинулся дальше, оставляя после себя широкую полосу примятой травы. Перепуганная косуля должна убежать без оглядки, но замерла в трёх десятках метров. Материнский инстинкт приколол её к земле. Вытянув шею, она смотрела на медленно удаляющегося мокрого от росы исполина. Мелкая дрожь выдавала волнение, и она сама, не понимая – зачем, пошла вслед за медведем. И лишь убедившись в том, что медведь неспешно отправился по своим делам, успокоилась. На всякий случай осмотрелась ещё раз и отправилась к тем, ради кого только что рисковала своей жизнью. Осторожно пробираясь среди трав, отправилась к своим детям, которые по-прежнему неподвижно сидели там, где их оставила мать.

Вскоре встревоженная косуля скрылась в зарослях, торопливо уводя семейство подальше от опасного места. Но кто знает, что или кто поджидает их впереди, скрытый чёрным покрывалом ночи.

В это время сквозь чашу медленно пробирался навстречу туманной сырости изюбр. Крупный, от природы очень осторожный и хитрый зверь. Его мало тревожил далёкий крик козла, но и он не оставил его без внимания. И на то тоже были веские причины: рога. Точнее – панты, покрытые тонкой кожей и коротким мягким ворсом. Осторожно пробираясь сквозь заросли, он бережно нёс на голове десятикилограммовые, которые с каждым днём всё явственнее приобретали очертания оленьих рогов, панты. Даже лёгкий удар тонкой веткой по ним причинял зверю боль, и это добавляло осторожности.

Вот уже седьмой год подряд изюбр приходил сюда в это время. В глухой угол, где можно укрыться и спрятаться. Бегать по чаще с таким «подарком» на голове сложно. И сейчас, медленно пробираясь навстречу прохладе, он, со свойственной ему дотошностью, присматривался и прислушивался к тишине. И никто не знает, о чём она шептала ему.

Расталкивая густую темноту круглой головой, словно призрак, бесшумно пролетел, опираясь на туман большими крыльями, филин.

Усевшись на макушку первой попавшейся на пути лиственницы, принялся раскачиваться, безуспешно пытаясь поймать равновесие. Через пару секунд оторвавшись от неудобного насеста, полетел дальше, беззвучно растворившись во тьме. Тоскливый крик неведомой птицы, по которому можно сверять часы, издав далеко летел над сырой марью и, не находя преграды на своём пути, казалось, не смолкал, а попросту улетал дальше. Ровно две секунды звучит незамысловатая песня ночного исполнителя. И ровно столько же длится пауза.

Уть-то-та-а-а, уть-то-та-а-а... Укладываясь ровно в две секунды, поёт птица, слегка растягивая последний слог. И следующий двухсекундный интервал как будто собирается с мыслями, прежде чем начать песнь сначала. Казалось, что она кричит совсем близко, но в следующее мгновение приходит осознание, что она очень далеко. Загадочная ночная песня словно подтрунивает над своими слушателями, дескать, не поймает, не поймает... словно тикали лесные часы-ходики – так птица отсчитывала двухсекундными отрезками отведённое ночи время.

Зловещим красноватым заревом на востоке медленно выползала достигшая апогея в своём росте кроваво-красная луна. Непривычно огромная, алая, словно предостерегающая о грядущих страшных свершениях, поднимаясь ввысь, уменьшалась в размерах и приобретала привычный всем естественный холодный цвет. Туман, доселе скрытый тьмой, вдруг в свете луны словно пеленой накрыл притихшую марь. Где-то в глубине леса глухо бубнил филин, переключаясь с соседом. Сварливо, будто вредная старая тётка, ворчала сова. Одиноким соловей, безуспешно пытаясь найти себе собеседника в ночи, страдал бессонницей и, не дождавшись утра, принялся звонко выводить трели в ночи. Холодный лунный луч, найдя прореху в кронах деревьев, осветил голосившего на все лады певуна и с удивлением пытался заглянуть в чёрные бусинки глаз необычного гостя, пожаловавшего в покой тьмы.

Близился рассвет. В предутреннюю тишину, нарушаемую пением соловья, резко ворвался крик кукушки. Туман, оседая на листьях, клонил к земле мелкий кустарник. Светлеющий от первых лучей восходящего солнца восток медленно преображал ночную картину. Осветив верхушки сопки, яркий свет всё отчётливее открывал доселе не видимые глазу яркие краски. Казавшаяся ночью угрюмой и мрачной, дышащая могильным холодом марь при свете дня расцветала яркой синевою ирисов, буйством зелёных трав и огромным многоцветьем всевозможных цветов. Туман всё ещё упрямо продолжал держаться за водную гладь Лосинога озера, но стайки мелких птиц уже спешили отовсюду к синеющему посреди болот водоёму, спрятавшемуся за изумрудными ресницами камышей и рогозы.

Прилетая, горохом рассыпались по вязким берегам и наперегонки с куликами, длинноногими завсегдатаями болот, что-то выискивали в сыром торфе. Ночь, отступая, бледнела перед дневным светилом, и проснувшийся многоголосый птичий хор гнал прочь звенящий шёпот тишины. Ночь, отбыв свой срок, ушла на покой, уступив место пришедшему ей на смену дню.

Берега Архары

Александр Бочкарёв

г. Анапа

Александр Николаевич Бочкарёв – прозаик. Родился в 1953 году в Маньчжурии. Биолог-охотовед, работал директором Хинганского государственного природного заповедника. Избирался главой Архаринского района Амурской области. Публиковался в местных периодических изданиях. С недавних пор проживает в Анапе. Был и остаётся участником литературного клуба «Вдохновение» библиотекаря Анны Проскуряковой.

ЛАПКА КРАСНОГО ПЕТУХА

Местный поезд из двух вагонов и тепловоза остановился на полустанке, за минуту забрал путейцев и группу молодых мужчин из заповедника. Свисток, ощутимый толчок, и поезд снова побежал, набирая скорость. Пассажиры молча расселись по свободным полкам, запахло прелыми портянками, потом и дымом. Группа возвращалась с пожара. Борьба с огненной стихией вымотала людей до предела. Главное они сделали: не дали огню глубоко проникнуть в хвойный лес с молодой порослью сосны корейской и перейти через перевал в соседнюю падь, – там трава по пояс и путь к центру заповедника. Разгуляется, за неделю не потушишь.

Руководитель группы, лесничий Сергей Иванович, сидел у окна, пытаясь задремать, подложив ранцевый огнетушитель под плечо. Но есть такая усталость – до бессонницы. Просто какое-то полубморочное состояние. И не сон, и не явь. За окном мелькали деревья, столбы, работающие путейцы. Поезд останавливался, в вагоне отмечалось какое-то шевеление. Одни заходили, другие, наоборот, высаживались. Поезд снова набирал ход, приближая ребят к дому. Сон к Сергею так и не шёл. Мысленно перебирал события прошедшего года, крайне неприятные, несущие почти неразрешимую проблему. Что с этим делать? Уже второй рукотворный пожар, гибель друга. И всё это из-за одного человека. Эта скотина, Мишка Труха, пьяница и матёрый браконьер. По тайге ходил пешком или на коне, приученном к выстрелам и охоте. Его Серко, обладающий великолепным слухом, сам наводил охотника на зверя. Спешившись и прячась за лошадь, подходил к жертве на уверенный выстрел. От охотинспекторов, привыкших ездить по дорогам на машине, легко уходил на лошади в чашу леса, помахав ручкой. Так вот, этот беспредельщик по чернотропу нырял и в заповедник, не стеснясь, торгуя мясом, хвастался о своих похождениях. Жил он на железнодорожной станции Лапки, стоящей на речке Лапке, берущей начало в заповеднике из трёх ключей, стекающих со склонов гор в одно место, образуя речку. На карте это очень похоже на птичью лапку с растопыренными тремя «пальцами». Ну и топографы, не заморачиваясь, так и назвали эту водную артерию.

На той же станции жил и работал лесник заповедника Иван Муравьёв. Человек в годах, прекрасно знающий свой обход. Его два кордона-домика содержались в идеальном состоянии: обкошены, окопаны вокруг от пожара, журнал посещения кордонов и фенологический дневник вёл безукоризненно. Но вот с браконьерами никак встречаться не желал. В заповеднике это знали, но не увольняли по вышеперечисленным положительным причинам. После очередных слухов об удачном нашествии Мишки Трухи в заповедник терпение у руководства лопнуло и Муравьёва вызвали в контору. Поехал туда с плохим предчувствием. О причине вызова догадывался. Видел, как из дома Мишки выходили нетрезвые гости со свёртками, не стеснясь, обсуждая удачную охоту хозяина.

В кабинете сидели трое – главный лесничий, лесничий Сергей и заместитель директора заповедника по научной части. Иван понял, на этот раз всё очень серьёзно и простым выговором не отделается.

– Ну что, Иван Мефодьевич, судя по вашему отношению к должностным обязанностям, вы не хотите у нас работать? – строго спросил главный лесничий. Лица остального начальствующего состава также не излучали дружелюбия. Иван напрягся...

– Вам пятьдесят восемь, до пенсии два года, и вы не хотите доработать и достойно уйти на заслуженный отдых? – был задан риторический вопрос. – В общем так: или уходите с нехорошей статьей, или работайте как надо. Ваш обход, как проходной двор по чернотропу, стыдоба. Вся станция знает и смеётся. Вы там с браконьерами медовуху по псекам пьёте и под ручку на охоту ходите, – распалился начальник.

Иван, опустив голову, с тоской ждал неприятной развязки. Всё. Конец. Прощай обход, прощайте уютные кордоны, тайга и свобода.

– Мы понимаем, что тебе одному справиться с Мишкой и его бандой непросто и опасно. Мы тебе предлагали в помощь лесника из центральной усадьбы. Ты ни в какую... Говорил, мол, сам справлюсь. Не справляешься. Только время потеряли, и браконьеры обнаглели. Слабину почувствовали. Короче, так! Срок тебе две недели. Ты отслеживаешь каждое движение Мишки: кто приехал к нему и когда, и срочно нам сообщаем через дежурного по станции. Да не открытым текстом, а закодированно. Ну, скажем: «вчера на обходе видел волков», – жёстко инструктировал Ивана главный лесничий, переходя на ты. – Группу встретишь у водокачки, всё расскажешь по деталям – и домой. Сиди и жди. Как следить будешь? Твои проблемы. Можешь жену подключить. На неё меньше внимания обратят. На обход выходи демонстративно, чтобы тебя видели люди. Делаешь короткий круг и потихому – обратно. Главное сейчас – Мишка Труха. Понятно? Это твой последний шанс!

– Понятно, – обречённо вздохнул Иван.

Поговорили ещё о деталях будущей операции, о текущих делах и на том расстались.

Через неделю, поздно вечером, звонок от Муравьёва: «Вчера на обходе видел трёх волков».

Начальник станции всегда шёл навстречу работнику заповедника в особых случаях, будь то пожары или срочный выезд опергруппы. Так и на этот раз: трое лесников с Сергеем Ивановичем на рассвете уже сидели в заднем отсеке тепловоза товарного состава и спустя два часа высадились в Лапках. Возле башни водокачки их встретил Муравьёв. Вчера вечером его жена ехала в местном поезде из райцентра, и в соседнем купе двое мужчин с ружьями и рюкзаками разговаривали об охоте, упоминая Мишку Труху. Вместе с ней они сошли в Лапках. Жена Муравьёва проследила, шли к Мишке. Однозначно сегодня утром уйдут в тайгу. Куда только? В заповедник или в охотугодья госпромхоза? Как определить? Октябрь месяц. Чернотроп. Сложно всё.

– Слушай, Иван! У Мишки что за жена? Чем занимается? И вообще, какие у них отношения? – поинтересовался Сергей.

– Дома сидит, огород, коз держит, кур, молоко продаёт. С Мишкой вместе и выпить могут. Ругаются. Она баба скандальная и задиристая, иногда и получает от Мишки тумачков, а потом опять голубками воркуют...

– Покажи, где живёт Мишка, и топай домой. – Сергей решил испытать удачу. Оставив ребят возле башни, пошёл к дому браконьера. Из трубы неказистой избёнки шёл дым, небрежно сложенная поленница дров тянулась вдоль старого забора, подпёртого палками. Приоткрытая скособоченная калитка, висящая на проволоке вместо шарнира. Ворота из жердин. В глубине двора летняя кухня под одной крышей с рубленным сараем, загон для коз и лошади, далее забор и огород. У покосившегося крылечка женщина средних лет в телогрейке и сапогах ругала двух котов, мешающих ей налить молока в зелёную плошку. Коты, сгорбившись и задрав хвосты, путаясь под ногами, нетерпеливо совали головы в ещё пустую посуду.

– Куда лезете, надоедлые? – отпихивала ногой назойливых питомцев хозяйка.

– Терпенья нет. Вечно голодные...

– Здравствуйте, – громко приветствовал Сергей.

Женщина обернулась. Увидев гостя, молча подошла.

– Извините, Михаил дома?

– А ты кто?

– Мы с ним договаривались на охоту. На местный поезд опоздал, путейцы на дрезине подбросили.

– Да ушли они уже спозаранку.

– А куда? Может, догоню?

– На сопку Сиротинку. Там кабан стоит. Так, вроде, говорили. Лошадь и собак с собой взяли. А о тебе ничего не говорили.

– Мы с Мишкой время охоты не оговаривали, просто он приглашал пробежаться по тайге с ружьём, пока снега нет.

– Понятно. Дуй быстренько на брод через речку. Там увидишь след лошади и тропу, мимо аншлага заповедного направо.

– Понятно. Спасибо.

Сергей двинулся в сторону речки, оглянулся, женщина зашла в дом, махнул рукой стоящим в отдалении у водокачки ребятам. Через десять минут вся группа была в сборе у брода. Речку перешли по стволу упавшего дерева. Сергей, довольный удавшимся трюком с Мишкиной женой, стал размышлять, как взять браконьеров. Отсюда до сопки Сиротинки около шести километров. Она в заповеднике, на самой его границе. Браконьеры ушли по верхней дороге-зимнику, но есть ещё тропа, идущая по пойме речки, которой могут воспользоваться при выходе, и оба эти пути сходятся у брода.

Немного посоветовавшись, решили не гоняться по лесу за этой бандой, а дожидаться прямо здесь, у воды. Тем более тропа и дорога выходят к броду из-за бугра с поворотом. Идущие из леса люди увидят засаду почти в упор, в метрах двадцати, если, конечно, ожидающие их лесники не выдадут себя разговорами.

– Там с ними лошадь и собаки, так что сидеть тихо, по очереди можно подремать. Сейчас перекусим – и тишина. Они ушли на один день, ночевать там негде, и при любом раскладе к вечеру вернутся. По одному будем дежурить на бугре в кустах, откуда хорошо просматриваются дорога и тропа, – распорядился Сергей.

Так и сделали. На солнечной стороне небольшого холма устроили стоянку. Наломали веток, сверху постелили сухую траву, уютная лежанка готова. Можно даже подремать. Положили рюкзаки под голову, оружие рядом. Осеннее солнышко днём пригревает по-летнему, но уже нет этого чумного гула паутов и прочих летающих кровососов. Иногда, правда, помельтешит разогретая теплом мошка. Осень. Тишина. В октябре лес стоит в безмолвии. Палитра сентябрьских красок угасает, меняясь на серый цвет ольховых зарослей с прожилками краснотала и бордовыми листьями лимонника с ярко-красными гроздьями ягод, свисающих с обвитых лианами кустов. Зелёные купола сосны корейской возвышаются над лесом, а потом – узоры из белой и даурской берёз, монгольского дуба, клёна, ясеня, бархата и множества других пород деревьев и кустарников дальневосточной тайги. Все уже сбросили листву и замерли в ожидании зимы. И лишь дуб монгольский, не желая расставаться с пожелтевшей одеждой до самой весны, тихо играет с ветром, издавая убаюкивающий шелест.

Народ задремал. На бугре у дороги в развилке корявой берёзы удобно устроился дозорный. Подсунув под себя рюкзак, облокотившись на ствол дерева, с трёхметровой высоты он хорошо видел дорогу и тропу метров на двести вперёд. Был шанс незаметно покинуть место наблюдения.

Шло время. Уже дважды поменялись дозорные. Народ выспался, пошли разные разговоры и смешные истории. Несколько раз лесничий одёргивал ребят, слыша слишком громкий смех. Ещё раз перекусили. Сергей посмотрел на часы. Время шестнадцать тридцать. Блин, вдруг пойдут по темноте. Есть два фонарика, но всё равно осложнит задержание, составление протоколов и прочие непредвиденные дела. Мишка – парень отчаянный. Могут быть проблемы.

На бугре послышался лай собак и шлепок падающего тела. Все вскочили на ноги, оружие в руках. Дозорный во всю прыть бежит к ребятам. За ним несутся три собаки. Догоняют. Одна из них повисает на руке, вторая вцепилась в бедро. Третья с лаем крутится вокруг этой свалки. Крики, лай. Из-за поворота почти бегом появляется человек, ведущий за собой лошадь с вьюками и притороченным к ним ружьём, следом ещё двое с ружьями. Небольшое замешательство, дозорный вопит, волоча на себе собак, тянет к группе лесников. Сергей почти в упор стреляет в собаку, повисшую на руке дозорного. Она отскочила, закрутилась волчком, кусая раненое место, две другие тут же набросились на подранка, почуяв кровь.

Выстрел, ещё выстрел, ещё. Ругань. Крики «не стреляй!». Три собаки, умирая, бились в конвульсиях, оставляя кровавый след на траве. Приученный к выстрелам конь стоял как вкопанный, тревожно шевеля ушами, косясь на убитых псов. В этой суматохе у ребят хватило прыти подскочить и выхватить ружья у двух браконьеров. Мишка Труха, вероятно, впервые попал в такую передрагу,

даже не пытался дёргаться, стоял оглушённый и растерянный возле лошади и всё повторял: «Зачем, зачем ты убил моих собак?»

– Ты посмотри, тварь, твои псы чуть пацана не порвали. А если бы он был один? Задавили бы запросто. Снимай мешки. Будем протоколы составлять, – заявил Сергей.

Двое лесников, отобрав ружья и подсумки с патронами, вытряхивали содержимое рюкзаков браконьеров. Третий, покусанный собаками, отвязав ружьё от вьюка, уже занимался фотосъёмками, прихрамывая, обходил со всех сторон место стычки. Ему повезло. Вырванный с корнем карман с носовым платком и фонариком спас его ногу от серьёзной травмы, клыки достали слегка, рука повреждена чуть больше. Укус собаки оставил кроваво-синие ранки чуть ниже локтя. Плотная суконная куртка – тоже хорошая защита. Мишка, то ли от волнения, то ли умышленно, никак не мог развязать вьючные ремни. Подождав ещё с минуту, Сергей ножом перерезал удерживающие вьюки ремни под матерные крики хозяина. Тяжёлый груз глухо шлёпнулся о землю, мешки раскрылись, вывалив куски мяса убитых кабанов. По разложенным на траве кровавым частям удалось установить отстрел двух подсвинок. Ещё почти час ушёл на составление протоколов, споров, всяческих угроз.

Уже смеркалось, местный поезд на подходе. Мясо оставили браконьерам, всё равно они за него заплатят сполна. С изъятием мяса возни много, тащить его на поезд, потом в лабораторию на выявление паразитов. Если заражено, сжечь. Если чистое – в торговую организацию. И не факт, что там возьмут. Такая головная боль ни к чему. За охоту в заповеднике этой банде светит кратный иск и уголовка, лишение права охоты и конфискация ружей. В общем, попали ребята. Мишка пристал к Сергею: «Кто сдал? Муравьёв?»

– Придёшь домой, узнаешь, – смеясь, ответил один из ребят, вспоминая откровения Мишкиной супруги.

Через три месяца суд. Всем условно. Мишке полтора, подельникам по году. Штрафы и иск за причинённый ущерб заповеднику тоже пришлось заплатить. Выходя из здания суда, Мишка шепнул Сергею: «Ты ещё вспомнишь этот суд и меня. Понял?»

Прошло полгода. Мишка Труха больше не совался в заповедник. Лесник Муравьёв как-то рассказал, что Мишка после суда сильно избил свою жену. Отсидел пятнадцать суток. И после устроился сторожем на прииск, по-тихому, снабжая начальство диким мясом из окружающей тайги.

Весна. Время пробуждения природы от зимнего сна. Лес и луга ожили, кругом птичий гомон и суета. Вся пернатая живность занята обустройством гнёзд и размножением. Облезлые лисы и еноты озабоченно рыскают вдоль речек в поисках снулой рыбы и лягушек. С болот доносятся крики журавлей, кроншнепов, цапель, куликов и другой пернатой мелкоты. Сок, дающий питание будущей зелёной одежде, пошёл по стволам деревьев. Хорошее время. Начало новой жизни, но не для всех.

Весна – это ещё и сильные ветра, и клещи, и самое страшное – пожары, способные за считанные часы превратить весенний праздник жизни в пепелище. В заповеднике тоже случаются пожары, особенно в его южной части на просторах амурских прерий, где неуправляемые сельскохозяйственные палы с огромной скоростью заходят в обширные пространства, уничтожая всё живое и всё, что может гореть.

Последний день апреля. Середина пожароопасного периода. Только что разошлись с совещания у директора заповедника. Обсуждали план действий по защите заповедной территории от пожаров в праздничные дни. Дежурные у телефона в конторе перешли на круглосуточный режим. Утверждён состав первой противопожарной группы, готовой в любое время выехать на тушение. С учётом розы ветров, патрулирование на машинах вдоль границ охраняемой территории. Ну и, конечно, постоянная связь с лётчиком-наблюдателем авиалесоохраны.

Дом. Вечер. Предпраздничная суета, пахнет вкусностями, на кухне смех и возня, жена с детишками готовят что-то необычное. Завтра праздник мира и труда, демонстрация, гуляния, посиделки и сопутствующие этому событию происшествия. Коллектив заповедника тоже пойдёт в колонне трудящихся, кто семьями, кто один. Покричат «Ура!», помашут флажками, пройдут мимо трибуны с высоким начальством. Увидят многих знакомых и друзей, взаимные поздравления, приподнятое настроение от чувства гордости за страну. Хороший праздник.

Звонок телефона. Сергей снял трубку.

– Не узнаёшь? – пьяный голос.

– Кто ты?

– Забыл, лесничок, должник мой. Завтра вспомнишь. Подарю тебе лапку красного петуха, вспомнишь...

– Какую лапку? Какого петуха? Чего ты несёшь? Мишка, ты, что ли?

– Ну вот, узна-а-ал, парень! За моих собак тебе подарок будет завтра к праздничку!

Телефон замолчал. Положив трубку, Сергей мысленно прокручивал непонятный разговор с браконьером. Лапки! Хм. Какие лапки? Блин, он же в Лапках живёт. При чём здесь красный петух? Та-ак. Скорее всего, на пожар намекает. Там же речка Лапка течёт из заповедника, и три ручья в верховьях сбегают, образуя её. Если поджечь долину речки со стороны брода при северо-западном ветре, огонь быстро наберёт силу и скорость по всей заросшей высокой травой пойме, разойдётся вверх по падям, вклинится в лесной массив с расширением по флангам. Если его не остановить – перейдёт через водораздел к истокам другой речки, текущей через весь заповедник. Там крутые горы с каменистыми осыпями, дремучая захламлённая тайга и высокая вероятность верхового пожара. Это катастрофа для заповедника!

Звонок главному лесничему. Сергей рассказал о разговоре с Мишкой. Связались по телефону с лётчиком-наблюдателем гослесоохраны. Он всё понял. Первый вылет патрулирования территории района будет через заповедник. Согласился взять с собой троих ребят с высадкой у станции Лапки. Плохо без участкового в Лапках. Раньше был, а сейчас нет. Ушёл на пенсию. Новый участковый живёт в районном центре, отвечает за пять поселений и в Лапках бывает, когда уже что-то произойдёт или на выборах. Ещё и лесник Муравьёв в городской больнице сердце лечит. Непростая ситуация.

Утро. Первое мая. Праздник. Демонстрация. Музыка. Хороший солнечный день. Толпы народа на главной улице и площади посёлка. Сергей и ещё двое лесников с утра на базе авиалесоохраны. Два невзрачных деревянных домика, высокая антенна, ёмкость с топливом. Чуть поодаль – бетонная площадка с вертолетом Ми-2. Вот и вся база борцов с пожарами. Всё это рядом с аэропортом местных авиалиний. Иногда, на подмогу, сюда подтягиваются самолёт Ан-2 с парашютистами и, если уж совсем серьёзные пожары, вертолёты помощнее, типа Ми-8.

Настроение дрянное, праздник испорчен. Жена и дети пошли одни на демонстрацию. Расстроенные, конечно. Но что поделаешь?! Работа. Пришли пилот с техником и лётчиком-наблюдателем. Вылет через полчаса. Всё готово. Звонок. Пилот с кем-то разговаривает, судя по разговору, звонят из райкома партии. Кладёт трубку и идёт к ребятам, сидящим на лавочке.

– Мужики! Тут такое дело: второй секретарь звонил. Хочет по пути облёта «заброситься» на рыбалку, с ним ещё двое. Через час приедут сюда.

– Это что получается? Через час приедут. Нас, естественно, уже не возьмёшь. У них барахла целая куча будет. Ещё полчаса точно уйдёт на загрузку, болтовню. Да и не приедут они вовремя. Полёт туда и обратно, ещё полтора часа. Наш вылет после обеда уже будет? Знали бы, на товарняке уехали, – не ожидая такого поворота, возмутился Сергей.

Звонит главному лесничему. Докладывает обстановку. Команда: «Ждать!» Через час с небольшим подъехал райкомовский уазик. Трое мужиков неторопливо загрузились в вертолёт. Пилот и наблюдатель в кабине. Бортовой механик и пассажиры в салоне. Запустили двигатель, прогрев обороты, машина, чуть прокатившись, с лёгким наклоном пошла вверх. Сергей зашёл в радиорубку, ожидая связь с вертолётком. На обратном пути он пролетит над Лапкой. Минут через сорок сообщение: по долине речки пожар. Площадь около пятидесяти гектаров. Скорость распространения при северо-западном ветре высокая. Пожар уже зашёл на территорию заповедника. Горит безлесная долина, покрытая высокой травой и орешником. Нужны люди. Два десятка как минимум. Звонок главному лесничему. Команда: «Сбор!»

Обзвон, машина собирает людей – и в аэропорт. Прилетел вертолёт. Прибывший главный лесничий заповедника, лётчик-наблюдатель и Сергей, обсудив обстановку, решили отправить первую группу из шести человек во главе с Сергеем. Загрузились. Рюкзаки с продуктами, ранцевые лесные огнетушители, хлопучки для забивания огня по кромке.

В кабине вертолёта место лётчика-наблюдателя занял главный лесничий, бортового механика тоже оставили на земле. Полетели. С высоты увидели столб дыма в районе станции Лапки. Ещё через минут двадцать над пожаром. С учётом ветра хорошо видно место его возникновения: у аншлага возле брода.

– Урод. Почти в открытую поджёг, – со злобой от дерзости Мишки думал Сергей.

Вертолёт делает облёт пожара по его кромке метрах в пятидесяти над землёй. Огонь, пожирая траву, ещё не дошёл к заросшим лесом склонам. Хорошо видна полоса пламени с поднимающимся белесо-коричневым дымом. Там, где на пути огня встречаются куртины орешника, высокое пламя выбрасывает столбы чёрного дыма. Картина ужасная. Даже на высоте в пятьдесят метров чувствуется тепло от пламени. Вдоль кромки машина подбирается к голове пожара. Там настоящий ад. Под силой ветра пламя сплошным огненным ковром стремительно идёт вверх по пади. Временами огонь выбрасывает огромные языки пламени, от которых, оторвавшись, летит горящая ветошь, делая огненные кляксы впереди главного огня. Через стекло кабины пробивается жар. Вертолёт вдруг резко проваливается вниз. Пилот судорожно валит машину в сторону от огня на ещё не сгоревшую долину. Почти падая, машина боком снижается. У самой травы снижение остановлено. Завис в полуметре. Вертолёт трясёт, как машину на колдобинах. Главный лесничий кричит и машет рукой на выход. Открывают дверь салона. Свист винтов и рёв двигателя давит на уши. Вперемежку с рюкзаками, огнетушителями и хлопушками народ вываливается из вертолёта, пригнувшись, отбегая чуть вперёд и влево. Подальше от винтов и чтоб пилот их видел. Освободившись от груза, машина легко взмывает, делает круг над десантом и уходит за новой группой.

Что это было? Приходя в себя, ребята обсуждали столь странный вираж вертолёта и экстремальную высадку. Горячий воздух менее плотный и при такой большой нагрузке, машина зашла в зону более разряжённую, да ещё в нисходящий поток. Огонь втягивает в себя воздух, как в поддувало печи. Сжигает кислород и выбрасывает горячий дым, который легче воздуха. Вот и получилась яма – пришли они к такому заключению. Но, слава богу, обошлось.

– Собираем вещи, идём к кромке огня. На сгоревшей стороне оставляем рюкзаки и всё лишнее. Разбиваемся на две группы. Одна группа тушит кромку в сторону начала пожара, другая – в сторону головы, – поставил задачу Сергей.

Наполнив ранцы водой из лужи, ребята легко перешли полосу огня, по кромке притушив его. Возле обгоревшей одинокой берёзы сделали привал. Перекусили.

– Ну что! Вперёд, мужики! – команда от Сергея.

Три часа дня, ветер. Тушить тяжело в это время, но нужно. Лучше всего работать с огнём вечером, ночью и утром, на запрет в ночное время – начихать, зато нет или почти нет ветра и могут быть заморозки с выпадением инея. В группе двое с ранцами и один с хлопушкой. Хлопушка – это полуметровый кусок транспортёрной ленты, крепко прибитой к черенку от лопаты, с помощью которой забивается огонь. И в сочетании с работой ранцевого огнетушителя получается неплохо.

Вертолёт ещё трижды прилетал, высаживая людей во всех трёх падах. Более двадцати человек прибыли на пожар. Это уже очень неплохо. Если разумно распределить силы и ослабнет ветер, а может, к ночи и вовсе стихнет, надо постараться управиться с огнём к часам десяти следующего дня, пока ветер не набрал силу.

Повесив рюкзаки с продуктами на дерево, группы разошлись по кромке огня. Ранцевый лесной огнетушитель – на вид неказистое приспособление, но при тушении лесных пожаров, где нет спецтехники, штука незаменимая. Одна беда, нужно искать воду для их наполнения. До ручья метров двести. Не так уж и плохо. Хуже будет с водой на склонах гор, вот где придётся побегать с восемнадцатилитровой ёмкостью за спиной, спотыкаясь о камни и упавшие деревья. Пошла работа!

Главное, не допустить расширения флангов пожара, заливая его по кромке. Трава горит, пламя по пояс, нет тлеющих валежин и горящего свечой сухостоя, стреляющего головёшками. Работать легче: не надо оттащить древесный хлам и лежащие стволы от линии огня, заливать сухостой и, по возможности, валить на сгоревшую сторону. За час втроем прошли с километр по открытой долине. Ещё через полчаса пришла группа ребят, гасивших кромку в обратную сторону, забрали рюкзаки, оставленные на берёзе. Небольшой привал, перекус и вперёд. Ветер заметно стих, вшестером удалось по кромке добраться до головы пожара, «задавили» его. Вершина правого притока спасена. Отбита. Ещё метров триста, и вышли к лесу, разделяющему правую и среднюю долины речки. Лес горит низовым огнём, поднимая густой и едкий дым от горящего слоя прошлогодней листвы и валежника. И началась каторга...

Вниз за водой, тяжёлый подъём с полным ранцем, возня с валежником, заливание сухостоя, расход воды большой. Опять за водой: вниз – вверх, вниз – вверх. Спины мокрые от пота и подтекающей воды с горловины огнетушителя при наклонах. Стемнело. Все устали. Отдых. Перекус. Впереди длинной

огненной змеёй извивается рукотворное зло, пожирая всё живое. Высокие пни курятся, как вулканы, выбрасывая из дупел горящие гнилушки. Где-то трещит умирающий кустарник. С низким гулом падает сухой ствол дерева, сноп искр, разлёт горящих веток. Картина неземная, из фильмов ужаса, и страшная. Порой кажется, совладать с такой стихией невозможно. До крутых склонов, заросших хвойным лесом, с завалами из огромных мёртвых стволов, осталось метров четырёста, до густой поросли кедра, ели и пихты – ещё ближе. И если огонь дойдёт до них, верховой пожар неизбежен. Команда: «Подъём!» И снова каторжный до отупения труд.

К полуночи прошли ещё с километр. Перевалили гребень водораздела и стали спускаться к среднему ключу. Полосы огня вдали не видно, только впереди метров триста. Голоса людей, радостные возгласы, мелькание теней в свете сполохов. Встреча большой группы из соседнего лесничества под начальством Лёхи Фёдорова, большого сильного мужика с уважительным прозвищем Глыба, балагура и бесконечного оптимиста.

Ещё полчаса, и правый фронт огня потушен. По горелому спустились к среднему ключу. Какая вкусная вода! Пьёшь не напьёшься. Развели костёр, чай, перекус. Основная группа во главе с Серёгой пошла дальше вдоль потушенной кромки левого ключа, навстречу с остальными людьми. Там, возможно, ещё народ работает. Надо помочь. Лёха и трое лесников двинулись маршрутом, пройденным Серёгой с целью охранения пожара, вдруг разгорелись пень или валежина рядом с кромкой.

Ночь медленно уступает серому рассвету. В полумгле появляются очертания сопки и вершин деревьев. С поймы речки тянет влажным дымом. Лес всё ещё кажется тёмной стеной, но с каждой минутой свет неспешно поглощает черноту ночи, наполняя собой всё вокруг. Перевал в третий ключ. Огня не видно. Навстречу трое ребят из охранения пожара. Пошли вместе вниз к остальным. На берегу ключа горят костры. Подмораживает. Небольшая корочка льда на воде. Ноги в резиновых сапогах и потных портянках подмерзают. Спина тоже просит тепла и сухости. Началась всеобщая сушка портянок, носков и «энцефалиток». Разговоры и смех сменились на сонливость от тепла костров. Все устроились, как могли: кто-то на ранцевых огнетушителях, другие наломали веток и подложили хлопушки. Вот уже лучи солнца коснулись лежащих людей, сон и тишина. Очнулись от крика.

– Ребята, там Леониду Петровичу плохо! – запыхавшийся лесник, согнувшись, опирался о дерево.
 – Что случилось? – народ зашевелился.
 – Мы оттаскивали от кромки кусок тяжёлого упавшего ствола, и Леониду Петровичу стало плохо с сердцем. Стал задыхаться, боль в груди. Дали воды. Он выпил, и всё!

– Что всё?
 – Умер!
 – Как умер? Ты что несёшь? Лёха Глыба и умер?!
 – Да, мужики. У него глаза открыты и не дышит. Мы ему грудь давили, как нас учили. Ничего не помогло...

– Твою мать... Вот это новость!
 – Я сюда, к вам, а Егор побежал на станцию звонить, чтоб вертолёт прислали, а третий с Леонидом Петровичем остался, – продолжал парень.

Быстро все собрались и почти бегом напрямую, по горелому лесу, к месту беды. Одежда людей покрылась чёрными полосами от касания мёртвых кустов и веток, ноги по колено тоже чёрные от пепла. Небольшие воронки выгоревших муравейников и обугленные торчащие кочки мешали движению, но этого никто не замечал. Немного приостановились у нор барсуков с одинокой тушкой у входа. Задохнулся, наверное. И дальше. Вон виден человек, махавший рукой. Подошли. Леонид лежал на спине, лицо спокойное, как спит, глаза неподвижно устремлены в небо. Большое тело медленно теряло тепло ушедшей жизни. Сергей взял уже холодеющую руку друга, сжал своими ладонями. Кто-то, приложив пальцы, закрыл глаза, навсегда утерявшие свет.

– Эх, Лёха, Лёха... Дорогой мой однокурсник и друг. Как же так быстро и нелепо кончилась твоя жизнь. Что я скажу твоей Галке, твоим девочкам-двойняшкам? Кошмар! Эта тварь, поджигатель, отобрал ради куража твою жизнь! Как всё несправедливо! Он ходит, наслаждается жизнью, пьёт медовуху и хвалится своими похождениями. А ты за это заплатил своей жизнью. Неправильно это! Так не должно быть!

Молча взяли Леонида на руки. Вынесли на чистое, твёрдое место под посадку вертолёт. Стали ждать. Через три часа прилетел борт, забрали тело, Сергея и ещё двоих. Остальные пешком на станцию и вечерним поездом домой.

Как в дурном сне: аэропорт, «скорая», морг. Директор, главный лесничий и Сергей у дверей квартиры. Звонок. Открылась дверь. Галка, улыбка, недоумение, вопрос: «Что-то случилось? С Лёшей?»

Огромные глаза. И всё утонуло. Туман. Сердце в тисках. Галка, прислонившись к стене, сидит на полу. Двойняшки теребят её: «Мама, мама, а где папа? Почему дяденьки пришли, а папы нет?»

Вместе с Лёшей умерло счастье и справедливость.

За окном пошёл дождь. Капли косо бежали по стеклу, сливаясь и снова разбегаясь по своим неведомым законам, делая немыслимые зигзаги, заканчивая свой бег у края стекла, падая вниз. Мост через реку, переезд, машины в ожидании. Станционные строения, стук и покачивание вагона на стрелках, вокзал. Дождя уже нет, на перроне воробьи и одинокий голубь купаются в мутной луже прямо под ногами. Домой пешком. Мимо магазина. Огромная очередь за хлебом. Из очереди оклик: «Папа!»

Дочка-школьница стоит уже недалеко от входа. Вместе постояли ещё минут десять, две булки на руки. Итого четыре. На три дня хватит. Жена с талонами в другом магазине отоваривается. Зашли. Продавщица, ловко орудуя ножницами, вырезает квадратики с печатями из общего семейного листа с талонами на продукты. Подождали немного, и вместе домой. Баня натоплена, вкусный ужин, сын прибежал с улицы. Вся семья, наконец, в сборе. Тихо отметили прошедшие праздники, помянули Лёшу Фёдорова. Решили завтра сходить к Галке, а сейчас отдыхать.

Прилёг на диване, включил телевизор. Программа «Время» от 11 мая 1988 года. На экране встреча Горбачёва с председателем СДПГ Федеративной Германии Гансом Фогелем. Болтовня про дружбу, перестройку и разоружение. Переключил на второй канал. Та же хрень. Смотреть нечего. Выключил. Пытался заснуть. Опять не получается. В голове прокручиваются события последних дней. Повторный пожар в Лапках. В прошлом году горели 1 и 2 мая. Этот же случился 9 мая вечером. Десять дней, сменяя друг друга, лесники заповедника были на усилении обхода Муравьёва. Завезли ранцевые огнетушители, хлопушки. Пчеловодам и путейцам раздали листовки. Все жители небольшой станции их видели и знали, зачем они здесь. Вот только Мишки Трухи не было дома. Конь на месте, жена молчит. После прошлогоднего пожара и гибели Фёдорова Мишку пару раз допрашивали в милиции, пытаюсь расколоть, но тщетно. За руку не поймали, доказательств и свидетелей нет. Телефонный разговор к делу не пришьёшь. Не было никакого разговора. Всё это выдумки лесничего. Вот и все дела. Праздники завершены, директор дал добро на выезд группы с Лапок. Вечерним поездом ребята вернулись домой. Спустя час, уже в сумерках, звонок от Муравьёва:

- Сергей Иванович, горим по речке, как и в прошлом году, площадь небольшая, ухажу тушить.
- Твою мать! – Сергей лихорадочно думал, что предпринять.
- Быстро в сельсовет, может, человек пять организуют, РЛО (ранцы) и хлопушки у тебя есть?
- Я уже был там, трезвых трудно найти, и председатель сельсовета в ночь людей не будет собирать, отвечать за них не хочет.
- Всё понятно. Один не ходи, с твоим сердцем и тебя потеряем. Сейчас доложу директору, и жди нас. Думаю, к утру приедем.

К часам трём ночи удалось собрать восемь человек, посадить в тепловоз товарняка и отправить в Лапки. Сергей в группе за старшего. Высадились, уже посветлело. Хорошо виден дым в заповеднике. Что ж, пора к Муравьёву. На коня погрузили четыре наполненных водой РЛО, три хлопушки – и вперёд. На речке заполнили свои ранцы. Стало тяжеловато, но деваться некуда.

Пока ветра нет, нужно отбить правый фланг пожара, наиболее опасный для заповедника. Вышли к пожару. Огненная змея лениво пожирала долину речки. За ночь пожар дошёл до соединения ручьёв и, как Змей Горыныч, изрыгая дым и пламя, двинулся вверх по всем трём падам, прихватывая заросшие лесом водоразделы. Разбились на две группы. Одна пошла в «пятку», в начало пожара, другая – по ходу его.

Безветренное холодное утро – лучшее время для борьбы с природным пожаром. Плохо, что этого времени совсем мало. Часам к одиннадцати, а то и раньше начнётся ветер, разгонит пламя, так что и убежать удаётся с трудом. Тушили быстро. Хлопушки здорово помогают и экономят воду. Хлопок, полметра, ещё хлопок уже метр без огня. Махнул раз двадцать, руки не поднимаются, плечи болят. Минута отдыха, и опять, хлоп, хлоп, только сажа врзлёт, и огня нет. Опорожнённый огнетушитель

забирал Муравьев, взамен давал полный. Три-четыре пустых РЛЮ, на коня, и к речке, быстро заполняет водой, погрузив в речку полностью. Пластмассовой крышкой, как обычно, черпать и наливать через горловину – время терять. Фляги на ремни, к седлу и к ребятам. Одна неприятность, спина намокает. За час потушено полтора километра открытой пади, хороший результат. Подошли лесники, тушившие в «пятку». Восемь активных пожарных да ещё Муравьев со своим конём на подвозе воды, вообще хорошо.

Ещё через час пересекли правую падь и зашли в лес. Прошлогодний пожар сделал своё подлое дело. Много засохших деревьев, под ногами древесный хлам. Всё это горит. Придавленное утренней влагой и безветрием, пламя вяло двигается вверх по склону к хвойникам. Тушение пошло медленнее, приходится отбрасывать хлам от кромки, заливать всё это водой. Здесь хлопущками особо не хлопашься. Мешают ветки и кусты, валежник от ударов швыряет искрой. Но самая беда – мёртвые стволы берёз. Они ещё прочно стоят на земле, огонь лезет по кускам бересты вверх, зажигая сухие ветки. Вот тебе и свечка. Без пилы не свалить. Насколько хватает струи, делают пролив ствола. Пока удаётся загасить. Но сил уходит очень много. Устали. Привал. Перекус. Муравьев с конём ушёл за водой. Вода далеко. Метров четыреста вниз, в пади. Сергею тревожно. Мужику год до пенсии. Сердце большое. Как бы не случилось, как с Лёшкой. Труха, сукин сын, попался бы мне, где-нибудь в тайге! От нехорошей мысли стало не по себе.

– Мужики, подъём! Уже восемь утра. До десяти нужно постараться выйти из леса ко второй пади и отбить правую сторону насколько можно.

Опять отбрасывание валежника, тушение свечек, заливание кромки. Через час стало понятно – не успеют выйти из леса к намеченному сроку. Все устали, пьют воду из ранцев. Чаще стали останавливаться, прислонившись к дереву. Нужен отдых, хотя бы на час. До пади ещё с полкилометра полусухого, захламленного леса. Пришёл Муравьев с водой. Неприятная весть: там, где уже прошли, опять загорелось. Сергей отправил туда троих крепких ребят. Остальные – перекус и отдых. Через полчаса вернулись лесники. Огонь задавлен, но, по-хорошему, потушенную кромку в лесу нужно пройти всю. Много дымящихся деревьев, при ветре может раздуть. Оставили на охранение двух наиболее уставших. Подъём – и вперёд. Бжик, бжик, струя воды из огнетушителя, ногой отброс горящей ветки. Бжик, бжик, шипенье, клубок пара попеременно с дымом, и ветка потушена. Струя на кромку, сухая прошлогодняя листва источает едкий дым. Залил, дальше. Двое стоят у берёзы, пытаюсь струёй дотянуться до дымящего сучка. Вода, не долетев, изгибаясь, бессильно падает на ствол, стекая вниз. Ну что с этим делать? Нужна пила, свалить дерево. Ветра нет. Может, пронесёт. Пошли дальше.

Десять часов утра. До выхода на падь остаются метры. Слышен звук вертолёт. Винтокрылая машина делает облёт пожара по левому фронту огня, повторяя все его изгибы. Проходит центр сквозь клубы дыма, приближается к группе Сергея. Круг над ними, уходит обратно к голове пожара, снижается, исчезая за холмом. Высаживает группу лесников и вновь летит к Сергею. Подсаживается, Сергей бегом к машине, забирается в салон. Взлёт, наушники на голову, рядом с пилотом главный лесничий. Вертолёт делает ещё один облёт пожара, сверху видно всё и понятно, где высаживать ещё людей. Прямая падь выгорела вся, и огонь зашёл в лес с молодой порослью хвойника. Большая вероятность верхового пожара. Директор заповедника запросил помощи, и к вечеру должен прийти большой вертолёт с двадцатью десантниками, а сейчас забросят ещё две группы лесников и сотрудников научного отдела. Есть и обнадеживающая весть. Прогноз погоды: слабый северо-западный ветер, после полудня сменится на восточный и возможны осадки, но это не точно. Нужны бензопилы.

– Следующим рейсом завезём, – пообещало начальство, высаживая Сергея на место, откуда забирала.

Пока Сергей летал, ребята вышли на падь, работая хлопущками по слабому огню. Действительно, время почти одиннадцать часов, а ветра нет. Вяло горящая полоса огня растянулась по границе леса, уходя в вершину ключа, с противоположной стороны пади огонь давно уж в лесу, но ещё не прошёл столько, сколько по открытому месту. Прилетел вертолёт, посадил людей в вершине ключа, подсел к ребятам – передали бензопилу и бачок с бензином. Ушёл за следующей группой. Сергей отправил двоих с пилой и РЛЮ в потушенный лес, свалить пару-тройку проблемных деревьев по кромке, распилить и отбросить упавшие стволы. Бензопила «Тайга», других не было в конторе, крайне капризный механизм. Если завёл, лучше не глушить. Если горячая, запуск бесполезен. Ждешь, пока остынет, а потом заведётся или нет, одному богу известно. Такие пилы поступили в заповедник, и все три

инструмента грешили этим недостатком. «Может, всё обойдётся», – с надеждой думал Сергей, провожая взглядом уходящих.

Прошли два километра кромки по границе леса. Маленькими вулканчиками дымились муравейники, над гарью кружили вороны, высматривая погибших обитателей лугов и сгоревших гнёзд. Пара кроншнепов с печальным криком взлетала, садилась и вновь взлетала, оплакивая гибель заживо сгоревших в своих скорлупках птенцов. Коричневый кустарник неестественно и мрачно смотрелся на фоне нежной зелени не сгоревшего леса.

Весна. Жизнь и смерть. Зелень и мрачная гарь. И всё это дело рук человека. Одни сохраняют жизнь, другие убивают. И нет конца этому. Прилетел вертолёт, высадил людей в вершине левого ключа, подсел к Серёгиной группе, передали продукты. Команда на обед и часовой отдых. Кто где стоял, там и лёг. Минут через десять собрались вместе. Молча пожевали сухпайки, запивая водой, поснимали друг у друга клещей, разулись, раскидали портянки, и на спину, глазами в небо. Подошли ребята с пилой и двое с охранения пожара. Всё обошлось, всё, что наметили, – выполнили. Пила не подвела на этот раз, но её и не глушили, пока не закончили с валкой и раскряжёвкой.

– Подъём, мужики!

– Нехотя зашевелились лежавшие, кого-то пришлось будить. Ещё минут пять приходили в себя. Обувались, пили воду. Пока отдыхали, огонь зашёл в лес, но горел слабо, ветра нет совсем. В небе появились перистые облака – предвестники перемены погоды. Опять работа, молча, без лишних движений. Хорошо, вода недалеко. Муравьёва с рюкзаками оставили на месте отдыха. Старый лесник совсем сдал, почернел и осунулся. Сергей приказал сидеть на месте. За ним придут. Воду подвозить будет другой человек.

Как-то незаметно подошли вплотную к голове пожара. Огромный столб дыма, огонь зашёл в хвойный подрост, треск умирающих деревьев. Ёлочки, кедрушки и пихта в секунду теряли зелень, хвоинки, скручиваясь, взлетали вверх. То там то здесь полуметровые деревца факелами выбрасывали пламя, угрожая превратиться в огненный шторм. Ещё метров двести, и этот огненный пояс дойдёт до крутых захламлённых склонов, поросших многовековой тайгой. И тогда этот ад ничем не остановить. Появились люди с противоположной стороны пади, это первая группа ребят, которую высадил вертолёт. Они тушили водораздел между левой и средней падами и одновременно с лесниками Сергея по кромке подошли к голове огня слева. Собрались вместе. Четырнадцать человек, с Муравьёвым пятнадцать. Стали обсуждать сложнейшую ситуацию. У головы пожара флангов практически не осталось. Получается горящий фронт метров двести длиной. Были б грабли и лопаты, можно было бы перед огнём сделать полосу без горючего материала и пустить встречный огонь, благо ветра нет. Но, увы, руками не отгребёшь хвою и ветки, не откопаешь канавку. Значит, ранцы, пилы и вперёд, работаем по бокам, сужая фронт огня. Разбились поровну и разошлись. Жар, подойти трудно, но струи огнетушителей подавляют пламя, медленно, но подвижки есть. Главное – успеть. Лошадь с РЛЮ, как челнок, в ключ и обратно. Крик «воды!», и вот наполненный ранец за плечами – бжик, бжик, пихтушка отбита, ещё метр, ещё. Падает спиленная сушинка, где-то работает вторая пила. Из дыма почти на четвереньках выбирают двое. Чуть не задохнулись. Отдышались – и опять вперёд. «Энцефалитки» мокрые насквозь от пота и огнетушителей. Прошёл час, все как зомби. Пошатываясь, молча занимаются своим делом. Фронт огня сузили до ста метров, но огненная полоса подошла к крутому склону метров на пятьдесят. Всё. Сил нет. Нужен отдых. Сергей со страхом понимает: не успеем. Пот заликает глаза, щиплет. Потемнело. В глазах, что ли? Поднял голову. Облака, такие тяжёлые облака. Кап, кап дождевки на лицо. Кто-то кричит: «Дождь!» Со всех сторон радостные вопли.

– Ну, давай, разойдись, давай, дорогой...

Не захочешь, а поверишь в Бога, увидел, помог. Дождь с минутой-другую, неуверенно sprysнув, пошёл по-настоящему: зашумел, полились струйки по лицу и за ворот. Как хорошо. Дождь. Все чёрные, как черти. На лицах разводы сажи. Белозубые улыбки. Смех. Обошли очаг, излучающий пар и дым, всё нормально. Подождали немного. Ещё зашли, проверили. Погасло. Гонца к Муравьёву и... пешком до его кордона, хлюпая ногами в мокрой обуви.

Кордон лесника Муравьёва стоял в четырёх километрах от места, где потушили пожар. За перевалом, в вершине другой речки, текущей через весь заповедник, с тайгой, не знающей огня десятки лет. Аккуратно срубленный из осины домик, с побеленной кирпичной печкой. На печи чайник и пара кастрюль. Стол у окна, на столе журнал посещений с карандашом на верёвочке. Нары от стенки до

стенки, с матрасами, подушками и одеялами. Потолок и стены вокруг нар обшиты картоном. У стола лавка и пара чурбаков, служивших стульями. Под столом алюминиевая фляга для хранения продуктов. У входа справа полки с посудой. На подоконнике керосиновая лампа. Там же радиоприёмник. На гвоздях у стены с посудой висят сковородки. За печью охапка сухих дров и топор на ней. Тихое уютное место. Даже душевное, как говорил Муравьёв. Чуть поодаль от домика рубленый сарай для коня, спасение от паутов и овода. Закрытый высокой крышей – сеновалом. Поленица дров там же, у стены. Далее туалет. Поляна тщательно выкошена, вокруг домика снят дёрн метра на полтора в ширину. Нижние венцы побелены. Чуть ниже из склона горы бьёт ключ, наполняя водой вкопанный корпус от улья. Попытка Муравьёв посадить и огород, но дикие кабаны быстро превращали его в свинарник, сжирая всё посаженное. Муравьёв и отправленный за ним лесник приехали на коне раньше всех. Затопленная печь, придавленная дождём, ещё дымила, но тепло уже наполняло помещение. Началось раздевание и сушка, безобидные шутки и толкотня. Поиски по телу клещей, были и впившиеся. Привычно их вытаскивали из тел и на раскалённую плиту. Кто-то уже на нарах, другие пьют чай. Уже по темноте подтянулись остальные ребята с других групп. Набралось двадцать семь человек. А дождь всё шёл. Пришлось тем, кто пришёл раньше, чья одежда и обувь немного подсохли, уйти на сеновал. Так и разместились. На следующий день, с утра, потянулись на станцию к вечернему поезду. Вот так, прокрутив события последних трёх дней ещё раз в голове, Сергей наконец-то уснул далеко за полночь.

Лето – время отпусков и разных хозяйственных дел в заповеднике, сопровождение научных сотрудников, экспедиций. Ремонт кордонов. Командировки. При всей житейской суете в голове Сергея занозой сидела мысль о Мишке Трухе. Что делать? Как сделать так, чтоб эта сволочь оставила нас в покое. Спился бы где-нибудь и сдох, лучший вариант. Но Мишка, при всей любви к спиртному, здоровье своё не подрывал, в худшем случае получал фингал в пьяной потасовке, что никак не влияло на его гонор и задиристость. Правда, Мишкина семейная жизнь распалась по причине взаимных упреков и рукоприкладства. Ушла его половинка жить к другой половинке с козами, курами и котами, лишив его комфорта и относительного благополучия. Остался он с конём, на котором и болтается по пасекам.

Наступила осень. Золотое время. С первых заморозков исчезли комары, днём немного мошка мельтешит, но это терпимо. Плановая проверка обходов и кордонов лесничеств заповедника. Четыре обхода, пять кордонов, два десятка километров троп и дорог зимников в его лесничестве. За неделю Сергей обошёл все дальние кордоны. На каждом обходе его дожидался лесник, а то и двое. Проверка журнала посещений, дневника фенологических наблюдений, наличия дров, продуктов, инвентаря. Прочистка маршрутных троп под проход снегохода, ну и, конечно, окашивание вокруг строений и снятие дёрна. Так, по обходам лесничий пришёл к последнему, Муравьёвскому кордону. У Ивана хорошо. Полный порядок. Помог леснику набить сеновал свежим сеном, заменили короб у ключа на новый. Посидели за чаем с разговорами о жизни, работе и, конечно, о Мишке Трухе. Редко появляется на станции браконьер и снова куда-то уезжает. Вышли на крыльцо. Вечер. Тишина.

Млечный Путь, сверкая миллиардами звёзд, растянулся с запада на восток. Великая лыжная тропа. Так его называли эвенки. Небо завораживало. Семь ярких звёзд сияли белым алмазным светом. Это ковш Большой Медведицы. Самая яркая, третья в ручке, Алиот, рядом двойная звезда Мицар. Если хорошо присмотреться, можно увидеть рядом её маленькую спутницу. Напрягая память, вспомнил названия остальных: Дубхе, Мерак, Фекда, Мегрец, Алькаид. А вот и ковш Малой Медведицы, на фоне Большой смотрится бледно. Зато в конце ручки блестит Полярная звезда – компас путешественников и моряков Северного полушария.

И вот случилось то, чего с нетерпением ждали мужчины: где-то далеко, в районе Соборной горы, раздался ни с чем не сравнимый тонкий протяжный звук. Изюбрь. Осень. Время гона. Бык заявил о себе и жаждет битвы с соперниками за право владеть самками в округе. Тут же, чуть в стороне, заревел его соперник. Потом ещё один. Ещё. Пять быков насчитали. А вот совсем рядом раздался рёв. Муравьёв, приложив руки ко рту, ответил. Очень похоже. Заревел бык. Тихо двинулись в его сторону. Рёв быка. Ответ. Пауза. Что-то заподозрил рогач. Ещё имитация крика, стук палкой о землю и удар по кустам, типа, в ярости я, выходи на бой. Ответ. Треск сучьев, минутная тишина и топот убегающего зверя. Вот зараза. Раскусил фальшивку. Зато какой адреналин. А тайга поёт, звёзды сияют. С холмов и далёких гор слышен рёв изюбрей. Где-то умолкает, где-то в новом месте рёв. Можно бесконечно слушать этот праздник жизни!

На следующий день, после полудня, Сергей собрался выходить к станции Лапки, к вечернему поезду. Муравьёв остался на кордоне в ожидании завтрашнего визита ребят из научного отдела. До поезда времени оставалось много, и лесничий решил сделать небольшой крюк к вершине Соборной горы, откуда больше всех доносился рёв изюбрей. Место интересное и немного загадочное. Огромные каменные исполины стоят на самой вершине горы, возвышаясь над лесом, с расстояния напоминающие полуразрушенный храм. На закате солнца природное чудо сияет золотым отливом, и воображение человека видит башни, башенки, стены, какие-то впадины, похожие на балконы и окна. Но когда подходишь ближе, весь этот каменный комплекс распадается на отдельно стоящие скалы, между которыми растут деревья и кусты, валяются валуны и проходит звериная тропа. Одна сторона сопки крутым склоном, заросшим многовековой тайгой, обращена в сторону речки Лапки, другая отвесной пятнадцатиметровой стеной возвышается над поймой речки Светлой, текущей через весь заповедник на юг, к Амуру. На её вершину можно зайти одним путём, поднимаясь по гребням примкнувших к ней сопкам.

Сергей, не торопясь, двинулся к вершине. Как ни старался двигаться бесшумно, не получалось. Шорох опавшей листвы под ногами слышен на десятки метров. По обоим склонам до самых хвойников Соборной горы широкой лентой тянется чистый дубняк. Урожай жёлудя так себе, средненький, но и то хорошо. Оба склона перепаханы кабанами, как в скотном дворе. Даже свинский запах ощущается, но самих хрюшек не видно. Днём отдыхают, где-нибудь возле лужи устраивая грязевые ванны. Послышался лёгкий треск. Три косули, сверкая белыми задницами, убегают вниз по склону. Тоже любители жёлудя. Приятно видеть всё это. Заповедник – звериный рай, если он охраняется. Постепенно тропа заходит в хвойный лес, листья под ногами уже почти не шуршат, нога ступает по тропе, усталой опавшей хвоей, вокруг зелёным ковром торчит хвощ – чёрный хлеб кабана в период зимней бескормицы. Огромные кедры с раскидистой кроной вперемежку с елью и пихтой, с подлеском из бересклета, актинидии и лимонника, в придачу с колючим элеутерококком создают особый колорит дальневосточной тайги. Шишка нынче удалась. Везде какое-то шевеление. Сойки и кедровки снуют по веткам, там же цокают белки, раздражённые наглостью и шумом пернатых. Под стволами могучих деревьев ветки с вершин с остатками шишек. Работа гималайского медведя. Лезет на верх, откусывает вершинки с шишками, сбрасывая вниз, а потом спокойно шелушит. Услугой родственника иногда пользуется бурый мишка, поедая падающую вкусняшку. Перечить мощному собрату белогрудка не рискует, жизнь дороже. Сидит на вершине, возмущённо фыркая. Иногда и кабаны на халяву пользуются услугами малого косолопаго. Огромная пихта у тропы вся в задирах от медвежьих лап. Сергей подошёл вплотную, вытянул руки, задиры выше ладоней ещё сантиметров на сорок. Метка бурого гиганта, его территория, тут же внушительная тёмно-коричневая кучка из полупереваренных орехов. Дальше тропа выходит на каменистую площадку. Кусты вокруг закручены и сломаны. На земле, где есть почва, отпечатки множества копыт. Место брачных сражений изюбрей. Всё свежее, наверное, вчера здесь были нешуточные поединки быков. И вокруг – нагромождение торчащих каменных исполинов, нависших над обрывом. Сергей забрался на невысокий камень, оставив рюкзак и карабин, полез на скалу. Осторожно по выступам и трещинам забрался наверх и обомлел от увиденного: даль таёжная на десятки километров горными волнами простирается до самого Амура. За ним, в синеве, уже китайская часть Малого Хингана нависает над рекой своей громадой. Повернулся в сторону станции Лапки. Её почти не видно. Крохотная коричневая крыша водонапорной башни напоминает о присутствии в далёкой дали людского жилья. По прямой километров десять будет. Успокоилась надоедливая сойка, возмущённая приходом человека. Сергей в бинокль рассматривал долину реки Лапки и очертания станции. Зелёные купола кедров с гроздьями шишек прямо под ногами. Рядом тонкими спилями торчат стройные ели и пихты. Внизу кусты и поваленные деревья. И снова – тайга, тайга и тайга... и воздух прохладный и тугой, не надышишься. Красота, простая земная красота.

Закричала сойка где-то на тропе. Хм, что там? Сергей повернул бинокль и обомлел. Человек. Сквозь редкий кустарник отчётливо видна фигура с рюкзаком и ружьём. В ста метрах от него по тропе осторожно шёл человек в его сторону.

– Ёшкин кот! Да это Мишка Труха. – В сердце и висках колотит молот. От волнения чуть не свалившись, стараясь не шуметь, скользнул вниз, к своим вещам. Лёг на камень, оружие и рюкзак в руки, чуть отполз от края в нишу за камнем. Вот теперь, чуть приподняв голову, виден Мишка. Сойка трещит, человек приближается, хорошо видна в руках берестяная труба-манок на изюбря.

Серёгу затрясло. Вот он, тот случай, о котором думал и боялся. Пришло время принимать решение. Какое? Легко прокручивать в голове варианты мести, лёжа на диване, а сейчас что делать? Грохнуть и с обрыва вниз. Звери сожрут. Остатки под снегом, мыши и соболя догрызут. Серега представил придуманную сцену. Спина в мурашках. Страшно. Но что-то же делать надо с этой сволочью. Ружьё отобрать, протокол составить – гарантия будущих пожаров. Кто за смерть друга заплатит? Надо сделать так, чтоб он исчез. Заставить прыгнуть вниз, не пачкаясь кровью этого подонка. Уффф. Бросило в пот. В голове каша. Как? Что делать? Труха приближался, глядя под ноги, изучая следы. Мои увидит. Вряд ли.

Сергей старался избегать почвы, ступая по камням. Вот сорок метров, ещё ближе. Вредная сорока трещит чуть сзади, перелетая с ветки на ветку. Самозарядный карабин Симонова прижат к Серёгину плечу. Снял с предохранителя. Мушка легла на грудь идущего человека. Вот уже напротив. Метров двадцать пять. Сердце стучит на весь лес. Во рту пересохло. Пот по спине. Мишка остановился, снял рюкзак, положил на него манок, ружьё прислонил к дереву, подошёл к обрыву, стал мочиться. Мушка на спине, палец на спусковой скобе, задержка дыхания. Нет! Не могу. Пусть прыгает. Как заставить? Выйду к нему. Успеет схватить ружьё, и неизвестно, кто первый вниз полетит простреленной тушкой. Ружьё! Точно! Стрелять в ружьё. Стоит прислонённое к дереву боком, прикладом ко мне. Разбиваю ружьё, а уж там разберусь. Прицел на приклад, задержка дыхания, плавный спуск. Грохот, отражённый скалами, прокатился по округе, смазывая место выстрела. Мишка вертится возле дерева, озираясь. Ружья нет, улетело в пропасть. Прицел в голову. Отвод ствола чуть выше, в дерево. Выстрел. Мишка падает на колени, ничего не понимая орёт: «Не стреляй!»

Сергей встал во весь рост.

– Ааааа, это ты? Ты! Не убивай! Я уйду, уеду, не убивай.

– Прыгай тварь, прыгай вниз. Быстрой.

Навскидку выстрел справа. Белая клякса на камне, осколки посекали щеку орущего браконьера. Невольно откатился влево и назад к обрыву. Ствол к ногам ползущего. Выстрел. Удар в камень, колотая щебень в лицо. Серёга перестал соображать, всё на автомате. Что орёт Мишка – уже не понимает. Ещё выстрел у ног. Человек ползёт к обрыву. Метр до пропасти. Полметра. Заглядывает вниз. Резко встаёт. Grimаса ненависти, оскал зверя и вдруг отрешённо:

– Стреляй, сука. Сгоришь в аду.

– А за Лёху ты в аду не хочешь сгореть?

– Я его не убивал. Он умер сам. А ты убийца! Прыгать я не буду.

Мишка медленно пошёл на Серёгу: «Вот и всё, сейчас я его убью». Холодная пустота внутри. Карабин направлен в живот.

«Сейчас, сейчас я его убью. Может, по башке прикладом и скинуть вниз? Как сам упал, – ухватился за идею Серёга. – Как это сделать? Мужик здоровый. Сложная задача».

На тропе послышался топот и треск сучьев. Опа! Муравьёв.

– Он, он хотел меня убить, Иван, слышишь? Этот дурак хотел меня убить, – завопил Труха, размазывая слёзы, садясь в бессилии на землю.

– Правильно бы сделал, – пробурчал всадник, слезая с коня.

– Отпустите меня, коня моего заберите. Он там, внизу стоит, в дубняке. Клянусь. Слово даю, не жечь заповедник и сюда ни ногой, – рыдал браконьер.

Сергей устало сел на край камня.

– Катись отсюда. Тварь.

Мишка замолчал, встал, не спуская глаз с лесничего, неуверенно двинулся по тропе и вдруг резко рванул вниз по склону, спотыкаясь и падая. «Хоть бы башкой долбанулся о камень и сдох», – слушая удаляющийся треск, подумал Сергей.

– Иван Мефодьич, дай закурить.

– Вы ж не курите, Сергей Иванович.

– Дай.

Муравьёв молча подал сигарету, поднёс спичку. Сергей затянулся. Поперхнулся кашлем.

– Фу, гадость, – раздавил окурочок о камень.

– Слушай, Иванович. Ты что, его действительно хотел убить? Слышу, стрельба на Соборной горе, подумал, с медведем у тебя проблема, а оно вот как оказывается.

– Не знаю, Мефодьич. Я ничего не знаю. Даже не могу сказать. Помутнение какое-то. Хотя, наверное, застрелил бы, когда он пошёл на меня.

– Ладно, пошли на кордон, переночуешь. Завтра уедешь. Всё равно на поезд опоздал, – лесник, приобняв Сергея, улыбнулся.

– Всё нормально. Что тут было – знать никто не должен, – добавил он.

Рюкзак и Мишкин манок сбросили вниз. Подобрали гильзы. Пять штук. В магазине карабина осталось ещё пять.

– Неплохо порезвился, – усмехнулся Муравьёв, и мужчины двинулись к кордону.

Осень сменила зима. Мишка Труха одиноким бобылём тихо жил в Лапках, охоту бросил. Подрабатывал где мог, выпивал. Однажды после большой пьянки у друзей пришёл в свою стылую избу. Огонь в печи не разгорался, дрова сырые. В сенях, попутав канистры, вместо солярки налил в черпак бензина. Подходя к печке, споткнулся, упал головой к открытой дверце. Бензин выплеснулся в печь и на Мишку. Живым факелом выскочил во двор, катаясь в снегу в попытке сбить пламя. Прибежали соседи, забили снегом дымящегося Мишку и огонь на кухне. Увезли в районную больницу, где он через пару дней скончался. Отказали почки.

Берега Белгородчины

Стихи из прифронтового Белгорода 2024 года

Валерий Черкесов

Валерий Николаевич Черкесов – родился в 1947 году в городе Благовещенске Амурской области. Более 45 лет проработал в газетах Приамурья и Белгородчины, был собственным корреспондентом «Литературной газеты» по Центральному федеральному округу.

Первая большая поэтическая публикация состоялась в 1969 году в альманахе «Приамурье моё» (Амурское отделение Хабаровского книжного издательства). Автор 25 книг поэзии, прозы, публицистики, произведений для детей, изданных в Москве, Белгороде, Благовещенске, Воронеже, Хабаровске. Стихи и проза печатались во многих столичных и региональных антологиях, альманахах, сборниках, журналах, в том числе «Наш современник», «Москва», «Знамя», «Дружба народов», «Нева», «Аргмак», «Подъём», «Берега», «Дальний Восток», «День и ночь», «Север» и др.

В Союз писателей СССР (России) был принят в 1991 году. Лауреат Всероссийской литературно-театральной премии «Хрустальная роза Виктора Розова», Международной литературной премии «Прохоровское поле», литературной премии им. Леонида Завальнюка, дипломант IV Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь». За литературную деятельность награждён медалями «Патриот России», «За вклад в отечественную культуру», «За заслуги перед землёй Белгородской» 2-й и 1-й степеней. Живёт в Белгороде.

* * *

Никогда не думал, что мне придётся
подбирать рифмы к слову «война»,
но пришла она –
и сердце надрывно бьётся.

БОЕЦ «АХМАТА»

Под тяжёлыми берцами хлюпает
чернозёмная грязь,
нудный дождик лицо остужает,
но боец знает – он здесь горы свои защищает,
и не только потому, что дан приказ.

Родина – она одна.
Отсюда,
из белгородских просторов,
ему победа видна.

ПИСЬМО

Ничто так не поднимает боевой дух,
как письмо из дома.

– Папа, мы ждём тебя с победой! –
старательно выведено детской рукой.

И боец понимает – по-другому не может быть.

УЛЬЯША

Ульяша знает: её папа герой –
это всё, что она о нём знает.
Уснул навсегда под гранитной плитой,
и розы на ней полыхают,
которые положила Ульяша...
Вот правда горькая наша.

ВЕСНА-2024

Хлеборобы выходят в поле.
Наготове бронжилет –
ничего неестественней нет!
Неужели на то Божья воля?

Нынче самое мирное дело
вровень с ратным стоит.
Надо сберечь и душу и тело –
ещё урожай убирать предстоит.

ПЕЙЗАЖНАЯ ЛИРИКА

1.

Посечённые осколками снарядов
ветви весенних деревьев.
На рваных срезах
капельки сока, как слёзы.

2.

Воробьи,
спугнутые с покачивающихся проводов
близким грохотом,
залетели на балкон –
тоже убежище ищут.

3.

От близких разрывов ракет
тюльпаны на газонах вздрагивают,
но цветут, цветут –
наперекор смерти.

* * *

Уехать есть куда... Но не об этом речь:
я не могу и не хочу, как заяц, бечь,
от страха свою шкуру потерять.
А за окном неистово опять
воздушная тревога голосит.
Бог-ПВОшник, верю, защитит.

* * *

Выкричаться и выплакаться,
помолиться, послать проклятья врагу –
вот всё, что могу.
А черёмуха вновь в снегу
белопенном красавицей видится.

И весенние птицы в небо взлетают,
что жизнь продолжается – подтверждают.

* * *

...И встретив, ангел спросит: – Был
ты где, когда коварный враг
по градам, весям «градом» бил,
смерть сея на родных просторах?

Что я отвечу?
– Не держал
в руках оружие, но сердцем
был там и с теми, кто лежал
в окопах, за единоверцев
молился, стиснув крик зубами.

Зачти на небе это, ангел!..

ВОЙНА

Если не ты – его, значит, он – тебя...
А у каждого есть семья,
ну хотя бы мать... не жива, так была...
Но пуля, выпущенная из ствола,
оборвёт эту кровную нить...
Хорошо, когда есть кому хоронить.

* * *

Станиславу Минакову

Переключка колоколов,
завыванья воздушной тревоги...
Нереальность материализовалась
и страшит, а не удивляет.

Но когда наступает затишье,
как святое помнится только
звон врачующий, а не разрывы
беспощадных вражьих ракет.

Избирательна память – дороже
ей всё то, что жизнь утверждает.
А война – она ляжет в граниты,
в обелиски, дай бог, навсегда.

* * *

...И как один умрём
В борьбе за это.

Из революционной песни

Умирать не стоит
ни за это и ни за то:
никакие идеи
не стоят человеческой жизни.
Святое дело –
защитить Отчизну
на ратном поле,
чтобы остаться потом
в памяти тех,
кто придёт к обелискам
и, скорбя, поклонится низко.

Берега Белгородчины

Татьяна Носова

Татьяна Носова (Татьяна Валентиновна Черкесова) – родилась на Украине, в городе Запорожье. Здесь училась в средней школе. Окончила философский факультет и аспирантуру Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Кандидат философских наук. Десять лет преподавала логику и философию в Чечено-Ингушском государственном университете. С 1993 года живёт в городе Белгороде. Работала доцентом кафедры философии в БелГУ.

Публиковалась в «Роман-журнале XXI век», альманахах «Амур» и «Светочь», газете «Белгородская правда» и других периодических изданиях. Автор четырёх поэтических книг: «Весны дитя», «Ветра моей Вселенной», «Осенние соловьи», «Славянское сердце».

Я РАНЕНА ВОЙНОЙ...

* * *

Я ранена войной.
Неоднократно...
От боли сердце словно омертвело,
хотя снаряды не задели тело.
И шрамов нет.
Лишь память чертит
в небе предзакатном
от пуль трассирующих след...

Я ранена войной.
Мне горько и досадно,
что человеку человек – не брат,
что жизнь не стоит ни черта.
Утрат
не счесть, их сотни, сотни...
Где черта,
которую нельзя перешагнуть?!
Обратно
– к миру! –
когда же в путь?!

Я ранена войной.
Душа кричит надсадно
и невыносимо –
шальные пули – нет, не мимо,
попали в цель...
Бьют и сейчас – в десятку,
точно,
аккуратно,
наводкой в сердце –
каждой из потерь.

* * *

Ох, ненька¹, ненька Украина!
К твоим властям имею счёт –
за то, что родины лишили,
хоть кровь твоя во мне течёт.

Меня ты с детства научила
святое помнить, почитать
тех, кто прошёл войны горнило,
кто защитил Отчизну-мать.

Горит огонь, Аллея Славы,
медали на груди отца...
Победа – вот был праздник главный,
соединяющий сердца.

Детей своих ты не делила
на украинцев и других...
И я не знаю, сколько было
кого среди друзей моих.

Язык родной – самый любимый,
многоголосье – просто класс!
Была ты щирою Батьківщиною²
и ненькою для всех для нас...

ОНИ порвали пуповину,
всё предав ради лже-идей.
Души лишилась Украина!..
А я же – родины моей.

¹ Ненька (с укр.) – матушка.

² Щира Батьківщина (с укр.) – истинное Отечество.

ТАКИЕ ВРЕМЕНА

Времена не выбирают...
А. Кушнер

По всему – крутые времена
выпали нам с матушкой-Россией.
И ещё не выпита до дна
эта чаша. Боже, дай нам силы!

Ополчился Запад... Не впервой!
Как шакалов свора, нападают,
брызжут ядовитую слюной,
наводнён эфир их злобным лаем.

Не прилипнет грязь к моей стране,
«отменить» её никто не сможет!..
Будут мамы песни малышне
петь по-русски!
Русь не уничтожить!

* * *

Я бегу –
за мной война,
подбирается всё ближе,
раскалённым докрасна
языком мне пятки лижет.
Я кричу ей:
– Сгинь! Отстань!
Мне тебя в Чечне хватило!..
– Ха! Платить мне будешь дань
до берёзки, до могилы!..

И очнувшись ото сна,
вижу зарево пожара,
в небе – след от «летуна»...
Продолжение кошмара.

Белгород. Июнь 2022

* * *

Моим не белгородским друзьям

Вам не понять, мои друзья,
вам не понять – и, слава богу! –
куда хоронится душа,
когда над городом тревога.

Мы молимся на ПВО,
надежду нашу и опору.
От неба не отводим взоры:
ромашки взрывов высоко...

Вот наконец-то и отбой.
Ан нет, сирена снова воет,
не будет, видно, нам покоя.
Осколки бьют по мостовой...

Вам не понять меня, друзья.

* * *

Уже каштаны отцвели,
пора любимых мной акаций.
Начало лета, час вакаций...
Но не до них. Вон там вдали
дым от упавшего снаряда,
и залп ещё – палат из «Града».
и пламя – что-то подожгли.

Многострадальная земля,
опять тебя металлом режут.
Ты выдержала бездну зла...
На старых ранах сколько свежих!

БЕЛГОРОД. 30 ДЕКАБРЯ 2023 Г.

Нет, над городом не звёздный дождь,
не спеша загадать желание.
Не салют – огоньков цветных гроздь,
озаряющее сияние...

Всё страшнее и жёстче – «прилёт»:
в выходной, перед самым праздником
смерть гуляющих граждан ждёт
возле ёлки – и взрослых и маленьких.

Дед Мороз здесь подарки дарил...
Враг детишкам к Новому году
шлёт ракеты «Ольха» и «Вампир» –
кукловодам фашистским в угоду.

Почернел Белый город за день –
от пожаров, от горя, от дыма...
Но не сломлен! Здесь люди – кремень.
И воистину непобедимы.

БЕЛГОРОДЦЫ

После семи ночных налётов,
переждав очередную ракетную опасность
в укрытии,
они приступают к ежедневным делам:
«латают» израненные дома,
асфальтируют разбитые дороги,

высаживают цветы на клумбах,
украшая парки и скверы...
Спокойно. По-деловому. С улыбкой.
Они – обычные граждане моего города.
Я ими горжусь.

ГРОЗА В БЕЛГОРОДЕ

С ума сойти – обычная гроза!
И град обычный, а не установка,
и молния по небу шарит ловко.
И на щеке дождевка, не слеза.

И самый настоящий первый гром!..
Уже его раскаты непривычны,
но не пугают, хоть гремят прилично:
ведь не снаряды, что творят разгром
в домах и в душах,
могут жизнь отнять...

Я у окна люблюсь на грозу,
на яркий зонтичный парад внизу...
И что со мной не так, хочу понять:
стихия разгулялась не шутя, –
вон градины стучат без перебоя...
Я пребываю в сладостном покое:
над городом моим – лишь шум дождя.

* * *

У жизни со смертью
Ещё не окончены счёты свои...

Булат Окуджава

По нам стреляют, шлют ракеты...
Пустынно стало во дворах,
в них не играют больше дети,
здесь прочно поселился страх.

На улицах прохожих мало,
успеть в аптеку, магазин,
пока сирена не звучала,
и – в норку. Наш адриналин.

Под каждый «бах» – душа на части,
мы молимся, чтоб без потерь.
Когда-то кончатся напасти,
обстрелы, смерти...
Просто верь!

Чертою стал он вновь засечной,
наш город. В прошлые века
палили щедро здесь картечью,
а нынче «Град», «Вампир», «Ольха».

Года прошли, а дух всё тот же:
непобедима русских рать.
Здесь это ощущают кожей:
должны Россию отстоять!

* * *

Всё проходит...

Изречение на кольце Соломона

Пройдёт время – всё плохое забудется.
Таково избирательное свойство
нашей памяти.
Настанет мир.
Искалеченные дома отстроят,
город станет краше прежнего.

Только мы ещё долго будем
прислушиваться к любым громким звукам,
и вздрагивать во время праздничного салюта,
и во сне прятать испуганных детей в укрытия,
и встречать родных, которые навсегда остались
в военном прошлом...

* * *

А замёрзшему сердцу
довольно толики тепла,
чтобы снова парить,
словно бабочка, над цветами.
И лететь на огонь,
и сгорать в нём дотла...
Возродиться и плыть
под рассветными парусами.

Берега Белгородчины

Александр Осыков

Александр Иванович Осыков – член Союза писателей России, родился и живёт в Белгороде. Окончил Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова и аспирантуру ЦНИИСК им. В. А. Кучеренко в Москве, кандидат технических наук. Возглавляет ассоциацию проектировщиков Белгородской области.

Автор более 20 книг поэзии и прозы. Лауреат Международного поэтического конкурса «Звезда полей – 2010» им. Н. М. Рубцова, литературной премии «Золотая осень» им. С. А. Есенина (2014), Всероссийской литературной премии «Прохоровское поле» (2017), литературной премии им. К. М. Симонова (2019), Международного конкурса «Поэтический атлас – 2019», Открытого поэтического конкурса «Голос Левитана» (2024), конкурса «Лучшая книга Белгородчины» (2017, 2019, 2020).

* * *

Пред миром распахнуты вечности двери.
Дарована нам путеводная нить...
И если в Россию возможно лишь верить,
То как же возможно её не любить?

Ведь только России по силам сразиться
С армадами зла, что мир в пропасть влекут.
Россия – последний рубеж и граница
И истинной веры последний приют.

Но мир, что погряз в бездуховности косной,
Всё тщится расчётливым, холодным умом
Постигнуть души очарованной космос
И русского сердца вселенский разлом.

Предавший Христа Запад нас не полюбит –
Им словно кость в горле упрямый народ...
Но злоба и ложь их самих и погубят,
Святой же Руси вечен вещей полёт!

А лжемудрецов всё циничней химеры...
О Боже, дай сил нам и благослови
На праведный бой за великую веру,
За русскую душу – обитель любви.

И чтоб не захлопнулись вечности двери,
Чтоб к цели вела путеводная нить,
Так мало в Россию рассудочно верить,
Нам надо её – безрассудно любить!

МОЯ ФАМИЛИЯ

У меня фамилия редкая...
Что с того, что не очень звучная?
Мне она завещана предками,
И с рожденья с ней неразлучен я.

Пусть в масштабах страны неизвестная,
На весь мир пока не прославлена,
Но служили Отечеству честно ведь
Дед с отцом мои – это главное.

Деда я вспоминаю с гордостью:
Получил он в годину военную
За геройство – на грудь «Георгия»,
Две медали да три ранения.

И отец жить старался по совести –
Оттого и ушёл, может, рано так?
Ни ловчить, ни хитрить не способен был,
Но сражался с судьбою на равных он.

И студентов учил уму-разуму,
Зажигал сердца знания пламенем.
Не забыть мне свет добрых глаз его,
Освещает он сумрак памяти...

Что ж, и сам человек не последний я,
Честь фамилии не измазывал.
Подарил я её наследнику
И при этом всегда наказывал:

– Так живи, мой сыночек миленький,
Чтобы мог, если люди спросят вдруг:
«У тебя какая фамилия?» –
Не стыдись, им ответить:
«Осыков!»

БАЛЛАДА ОБ ОТЦЕ

На асфальте я рос городским пацаном,
К ванной с душем привык с малолетства.
С неохотой я ездил в деревню с отцом,
Где когда-то прошло его детство.

Мне унылой казалась тишь сельских дорог,
Монотонной – полей безмятежность.
И за что же деревню – понять я не мог –
Любит батя так сильно и нежно.

И когда удавалось хоть пару деньков
Погостить в деревеньке родимой,
Он скрывался обычно под сенью лесов,
Забываясь, подолгу бродил там.

И казалось: он что-то всё время искал...
Возвращался порою с закатом.
Он меня за собою повсюду таскал,
Я ж канючил: – Пошли, пап, до хаты.

На одно озерцо мы тогда набрели,
Что в чащобе лесной затерялось,
Там у самой воды две берёзки росли
И как двое влюблённых шептались.

Там природа дышала покоем земным,
В ней царили простор и свобода.
И, прижавшись к отцу, я молчал вместе с ним,
Словно понял вдруг важное что-то.

Много лет уже нету на свете отца,
Но, смахнув набежавшие слёзы,
Снова вижу: мы с ним у того озерца,
Где всё шепчутся тихо берёзы.

* * *

Я снова в прошлое смотрю –
Как будто с теми говорю,
Кого на этом свете нет...
В иных мирах я вижу свет
Таких далёких, близких глаз,
К себе зовущих всякий раз,
Когда с минувшим говорю –
Как в день грядущий я смотрю...

Ведь прошлого, по сути, нет –
Оно лишь будущего след...

ГОРОД МОЙ БЕЛЫЙ

Так к лицу тебе, город мой белый,
Серебристые пряди огней.
Ты, как добрый отец поседелый, –
Всё белей и с годами родней.

Я люблю тихих скверов прохладу,
Переулков тенистых уют.
И твои боевые награды
Озаряет победный салют!

Мне знаком в тебе каждый пригорок,
И всегда после долгих разлук
Ты встречаешь меня, добрый город,
Словно верный и преданный друг.

Сколько памятных сердцу отметин
На лице твоём... В дымке огней
Мне всё время приветливо светит
Отблеск ясной улыбки твоей.

Я люблю тебя, город мой белый,
Зелень улиц, гранит площадей.
Ты, как добрый отец поседелый, –
Всё белей и с годами родней.

* * *

Память отчей стороны
Об отцах своих и дедах,
О преданьях старины,
О походах и победах.

Память отчей стороны –
Память мудрая столетий...
Мы хранить её должны,
Перед будущим в ответе.

С прошлым кровное родство
Сберегая в жизни сущей,
Русской правды естество
Озаряет путь грядущий.

Вещей вечности сыны,
Утверждать имеем право:
Память отчей стороны –
Память доблести и славы.

Дух, которым мы сильны,
Ведом лишь единоверцам:
Память отчей стороны –
Память любящего сердца.

СТРОКА НА КАРТЕ

Путей-дорог немало пройдено,
Но всех милее путь домой.
На карте мира имя Родины
Короткой значится строкой.

Всего строка! И сумрак памяти
Заполнит тихий, тёплый свет:
Глаза отца и руки мамыны...
И плена смерти больше нет.

И зазвучит, как эхо дальнее,
Вновь голос мѳнувших веков,
Даруя грусть исповедальную
Душе, лишившейся оков.

А всё, что вечностью завещано,
Вернѳтся к нам добром иль злом.
Людей Земли, чьи судьбы скрещены,
Спасает память о былом.

И пусть дорог немало пройдено,
К перу протянута рука.
Всѳ, что зовѳтся словом Родина,
Вместила ѳмкая строка.

* * *

Русь начинается с деревни,
В крестьянстве суть её и стать.
Привыкли хлеб у нас издревле
Всему главою величать.

Но не одной заботой главной –
Страну кормить – крестьянин жил.
И дух народа православный
Из века в век в душе хранил.

И свято чтил уклад исконный,
Молитвы неустанный труд...
Превыше власти и закона
Был Божий страх и Божий суд.

Красой земною очарован,
О сокровенном пел мужик –
Так русское рождалось слово,
Творился русский здесь язык.

А сколько гениев, героев
Взрастило русское село!..
Зачем же разрушать устои
В привычку на Руси вошло?..

И если выйти на просторы,
Где травы шепчутся в полях,
Почудится – твердит с укором
Отчизна-мать сыра земля:

– Как корень, что питает древо,
И каждый стебель, и побег,
Храните русскую деревню –
И Русь не кончится вовек!

ГАРМОНИСТ

Тот День Победы омрачѳн был дракой,
И резал слух развязный пьяный свист...
В наш двор зашѳл с поводырѳм-собакой
Слепой, в солдатской форме, гармонист.

Достал кисет и закурил неловко,
Звеня медалями, на лавочку присел,
Надел гармошку, проявив сноровку,
И чистым, сильным голосом запел.

От этой песни, искренней и светлой,
В округе воцарилась тишина.
И драчунов как будто сдуло ветром,
Мы ж слушали солдата дотемна.

Как он играл, останется загадкой –
Была без пальцев левая рука,
И слѳзы каждый утирал украдкой,
Глазея на него издалека...

Когда весною в майском небе чистом
Вновь расцветает праздничный салют
И звѳздные солистки и солисты
«Смутлянку» и «Катюшу» запоют,

Слепого вспоминаю гармониста
С единственной здоровою рукой,
Который распевал про трѳх танкистов
И про туман, плывущий над рекой.

СЕГОДНЯ

Бомж
В холодном метро
Спит, прижав к груди
Грязного, тощего котѳнка...

Народный депутат,
Позабывший вытереть сальные губы
После скромного обеда в «Пекине»,
Рассуждает о судьбах России...

Чеченка,
Оплакивающая мужа,
Надевает пояс шахида
И идёт минировать
Здание московского театра...

Американский пилот,
С нежностью вспоминающий
О маленьком сыне и жене,
Бомбит Багдад...

Киевский олигарх,
Разбогатевший на торговле с Россией,
С пеной у рта призывает
Истреблять «клятых москалей».

Мир,
Охваченный пандемией,
Обезумел
В предчувствии апокалипсиса.

А Николай Васильевич Гоголь,
Пролетающий над землёй,
Горестно повторяет:
– Скучно на этом свете, господа...

СОБРАТУ ПО ПЕРУ

Ну что же ты всё о плохом?
Достаточно в жизни плохого,
А эхо недоброго слова
Грядущим аукнется злом.

Так, если твердить о беде,
То хочешь того иль не хочешь,
Беду ты как раз напророчишь
В своей или в чьей-то судьбе.

Разя же стихом острым зло,
Не ожесточайся душою,
Ведь слово, талантливо злое,
Ещё никого не спасло.

Отринув уныния грех,
Даря мир любовью, как прежде,
Услышь голос юный надежды
И детства ликующий смех.

Пусть горе и беды кругом,
Пусть жребий судьбы уже брошен,
Поэт! Говори о хорошем,
Чтоб мир забывал о плохом.

* * *

Ах, как хочется видеть хорошие русские лица,
И до боли глядеть в озарённые светом глаза,
Но разорваны в клочья памяти отчей страницы
И чернеют от горя в доме родном образа.

Нынче время успеха, время денег, греха и разврата –
Что за подлое время, лукавое время пришло?
Неужели навек наш народ позабыл без возврата
Свои сказки о том, как любовь обеславила зло.

Мы никак не найдём в мире этом златой середины,
Нас из крайности в крайность бросает безудержно
роК.
Но я всё-таки верю – распрявим мы согбенные спины
И могучие плечи расправит великий народ.

И когда отгорят в нашем небе лихие зарницы,
И когда отгрохочет над землёю родимой гроза,
Предо мною предстанут хорошие русские лица,
На которых увижу озарённые светом глаза!

* * *

Над русской славой кружит вороньё...

Ю. П. Кузнецов

Вьётся вновь вороньё над Россией,
Белый свет застит чёрным крылом...
Собирай же последние силы,
Русь Святая, на битву со злом.

Чтоб свидомая, хищная нечисть
Не затмила навек небосвод,
Распрями же могучие плечи,
Православный, великий народ.

Вновь звучит марш «Прощанье славянки»...
И за слёзы подруг, матерей
Отомстим вам, проклятые янки,
Мы огнём наших артбатарей.

Русский воин, он в гневе неистов
И на подвиг великий горазд,
Он землицы родимой фашистам
Даже пяди одной не отдаст.

Так вставайте же, русские люди,
Вспомним, братья, о долге земном:
Русь погибнет – и света не будет,
Отстоим Русь – мир Божий спасём!

И когда силы нашей изведев,
Вновь запросят пощады враги,
Мы вернёмся, Россия, с победой.
Матерь Божия, нам помоги!

Берега Белгородчины

Лариса Меженина

Лариса Николаевна Меженина – родилась и живёт в Белгороде. После окончания средней школы поступила в педагогический институт, но из-за тяжёлой болезни вынуждена была оставить учёбу. Автор поэтических сборников: «Грусть, как чистая молитва», «Звёздный мост», «Свет печали и любви», «Солнечные журавли», «Душа как подсолнух» и книжки стихотворений для детей «День рождения». Публиковалась в «Литературной газете», сборнике «Слово», альманахе «Светочь», журнале «Родники» и других белгородских изданиях.

Член Союза писателей России.

* * *

Когда угнетает душу
Нещадно град мелочей,
Попробуй людей послушать,
Кому в этот день трудней.

Почувствуй ты боль другого,
Когда сам от боли сник, –
Тогда-то живое слово
Попросится на язык.

МОЛИТВА

За день, конечно, бабушка устала
И всё-таки, присев на табуретку,
Перекрестилась и молитве стала
Меня учить, в те годы – пионерку.
И я слова покорно повторяла
Ещё не понимая, что тогда
Мою судьбу, родная, угадала –
Её молитву повторять всегда.

* * *

Когда беда ступила на порог,
Мне истины открылась дверца, –
Не тот убогий, кто без рук, без ног,
А тот, кто без души и сердца.

* * *

Слезой обида на щеке блестит:
Былого не забыть и не исправить.
Щека от боли правая горит,
Но левую не хочется подставить.

* * *

– Две силы в наших душах есть, –
Мать сыну говорила, –
Одна – любовь, добро и честь.
Святая это сила.
Другая – порожденье зла,
Чернее чёрной ночи.
В ней ложь и зависть. И она,
Как черви, душу точит.

– Какая, мама, победит?
– Та, что полюбит и простит.

ВОЗДУХ ДЕТСТВА

Хочу скорей отца обнять.
Он обещал на речку взять
Меня, ещё Наташку,
Подружку-первоклашку.

А на столе лежит пакет,
Печенье в нём и горсть конфет.
Но дорога не сладость,
А что с отцом – вот радость!

Белеют лилии в реке.
Лежим на солнечном песке.
Над головою синь небес,
В душе – предчувствие чудес.

Как хорошо погреться,
Вдыхая воздух детства!

* * *

Так бывает: из множества птиц,
Из поющих пернатых друзей,
Мы подчас выбираем синиц,
А не солнечных журавлей.

Только сердце зачахнет в тоске,
Как убитая зноем земля,
С прирученной синицей в руке
Вместо солнечного журавля.

* * *

Ручей любимый пересох,
И напрочь сломан старый мостик.
А на лугу – чертополох
И лебеда, как на погосте...
Но в мае яблони цветут,
И соловья поёт жалеяка,
И сердцу сладостен приют
На покосившейся скамейке.

* * *

Растёт седая лебеда
На неудобье у пруда.
Покачивая головой,
Внук говорит: – А дед-то мой,
Наверное, ленивым был,
Что даже сад не посадил!
– Сам время даром не теряй,
Бери лопату и сажай.
А внук глядит на небосвод:
– Ну и когда он подрастёт?

* * *

Утки прилетели на болото –
Значит, к нам опять пришла весна,
И опять свела с ума кого-то,
И лишила отдыха и сна.

Солнца луч танцует на дощатом,
Сгорбленном от времени мосту,
Но со мной, как видно, скучновато,
Раз опять обходит за версту.

Эх, наивный! Он не понимает,
Ведь в душе такая благодать,
Что хочу, когда земля оттаёт,
Сердце на росинки разбросать.

* * *

Я вздорной девчонкой надменно глядела
На жизнь и на смерть, и на то, что имела,
На то, что ждала, и на то, что любила,
На то, что легко, безрассудно губила.
Но мучило что-то и в сердце пылало,
На мир по-иному взглянуть заставляло,
Оно, это ЧТО-ТО, как пламя, металось...
И женская мудрость во мне пробуждалась.

* * *

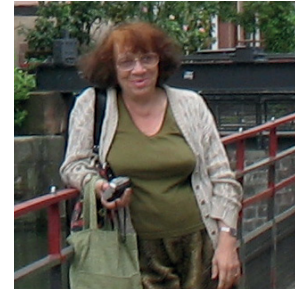
По жемчужинам рос прохожу наяву
К самоцветам травы и реки серебру,
Где янтарное солнце в сиянье зари
Моет тёплые руки в просторах земли.
И так просто понять,
видя жизнь без прикрас,
Что несметным богатством владею сейчас.

Берега культуры и искусства

Елена Лебедева

Елена Алексеевна Лебедева – представитель Межрегионального Шаляпинского Центра (творческая общественная организация, занимающаяся изучением жизни и творчества певца Фёдора Шаляпина). Публикуется около 20 лет. В Париже познакомилась с родственниками жены Шаляпина, автор около 70 статей о русской жизни в Париже, написала 20 статей для парижской газеты «Русская мысль».

ЮБИЛЕЙ ФЁДОРА ШАЛЯПИНА ОТМЕТИЛИ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

В год 150-летия великого русского баса в Париже, где Фёдор Иванович Шаляпин (1873–1938) прожил последние четырнадцать лет жизни, уехав из Петрограда летом 1922 года за границу, прошло пять юбилейных мероприятий. Это выход книги Сильвии Мамаи «Шаляпин» и её презентация; вечер, посвящённый первому народному артисту республики Ф. И. Шаляпину в Российском центре науки и культуры; лекция Сильвии Мамаи «Фёдор Шаляпин, каким он был в своё время»; международная конференция в Институте славистики в Сорбонне и вечер в ЮНЕСКО «Мировая слава Фёдора Шаляпина».

Презентация книги Сильвии Мамаи «Шаляпин» в Париже

Сильвия Мамаи (р. 1951) – французский музыковед, доктор гуманитарных наук (Париж, Сорбонна) и почётный директор по исследованиям в Национальном центре научных исследований в Париже. Она является членом Общества писателей и Дома писателей и литературы. Автор книги неплохо говорит по-русски, и, возможно, кто-нибудь в её роду был русским. Книга «Шаляпин» на 711 страницах содержит полную биографию певца, прослеживает весь его жизненный путь от Казани до Парижа. Это первое подробное исследование на французском языке. В книге представлен французский период жизни Шаляпина по архивным материалам, ранее никому не известным.

Книга была издана в издательстве ИМКА-Пресс в Париже. Презентация её состоялась 24 апреля 2023 года в русском книжном магазине на улице Монтань Сент-Женевьев – в культурном центре имени Александра Солженицына – и собрала много гостей.

На следующий день было интервью автора по радио о работе над книгой, где Шаляпин представлен как самый совершенный и удивительный артист с исключительными достоинствами.

Позже автор книги Сильвия Мамаи рассказывала о Шаляпине и в музее Монмартра, где голос великого баса воспроизводился на старых фонографах. Все присутствующие на вечере гости могли слышать его, как слышал его сам Шаляпин и его современники.

Дом русского зарубежья в Москве на Таганке сотрудничает с парижским издательством ИМКА-Пресс. Поэтому через некоторое время книга Сильвии Мамаи «Шаляпин» появится в его библиотеке.

Афиша презентации французской книги «Шаляпин»

Юбилейный вечер в Российском центре науки и культуры в Париже

В Российском центре в начале июня 2023 года состоялся вечер, посвящённый 150-летию со дня рождения первого народного артиста республики Ф. И. Шаляпина. Две дамы, которые вели его на русском и французском языках, рассказали аудитории о причинах отъезда певца из России и основных адресах жизни Шаляпина во Франции. Звучал голос Шаляпина. Была показана видеозапись исполнения Шаляпиным куплетов Мефистофеля «На земле весь род людской» на французском языке из оперы Шарля Гуно (1818–1893) «Фауст».

Затем слово было предоставлено Ивану де Лимюру (р. 1937), который был представлен аудитории как внук Шаляпина. Однако известно, что Иван – сын Стеллы де Лимюр (1904–1998), которая была падчерицей Шаляпина. Шаляпин удочерил Стеллу как дочь от первого брака его жены Марии Валентиновны (1882–1964). Иван де Лимюр некоторое время ранее занимал должность мэра городка Сен-Жан-де-Англь в регионе Пуату-Шаранта во Франции.

Иван де Лимюр предоставил для осмотра гостям вечера выставку семейных вещей – фотографий и документов. Он выступил с докладом «Знаменитый предок, каким я Вас видел ранее». Доклад проходил в течение получаса, и в нём были освещены основные вехи биографии певца. Докладчик сказал, что ему 86 лет и в зале присутствует его дочь Мария, которая имеет рост 1 метр 92 см, равный росту Шаляпина.

Выступающий отметил, что Шаляпин ненавидел микрофоны, так как они на две октавы делали звук выше. Как только он видел микрофон, он начинал отодвигать его. Об этом рассказывала мать Ивана Стелла де Лимюр, которая прожила с Шаляпиным в одной семье около 25 лет. Записи голоса в то время были несовершенны.

Шаляпин родился в бедной семье. Его мать пекла пироги и продавала их на улице, а отец часто был пьяным. «У меня не было детства в мои детские годы», – говорил Шаляпин. Жажда учиться у Шаляпина была безграничной. Он воплотил на сцене большую галерею портретов.

Первая поездка в Европу началась с Парижа, где много лет спустя Шаляпин поселился со своей семьёй, когда уехал из России.

Во время Первой мировой войны Шаляпин открыл два лазарета на свои деньги в Москве и Петрограде, чтобы компенсировать своё отсутствие в окопах. В лазаретах пел для раненых. «Для меня пение – это не пустяк, а работа всей моей жизни», – говорил певец.

Шаляпин жил 49 лет в России и 16 лет в изгнании, которое было для него жестокостью судьбы.

Рассказывая о взаимоотношениях между Шаляпиным и Горьким (1868–1936), Иван де Лимюр говорил об их последней встрече в Берлине в мае 1928 года, когда Горький по просьбе Сталина (1878–1953) настойчиво уговаривал Шаляпина вернуться на родину. На это Шаляпин ответил: «Я недостаточно молод и недостаточно приспособлен, чтобы вернуться».

Своё последнее письмо Шаляпин продиктовал 28 марта 1938 года дочери Ирине, оставшейся в Москве и прожившей в этом городе всю свою жизнь.

Незадолго до смерти Шаляпин дал интервью газете «Фигаро». На вопрос корреспондента газеты «Кого бы Вы хотели воплотить в другой жизни?» – Шаляпин ответил: «Фёдора Шаляпина». Ему была дорога его трудная жизнь, в которой были моменты счастья и славы.

Доклад очень понравился аудитории и был закончен под аплодисменты зрителей.

Марианна Гаврилова – директор музея Горького и Шаляпина в Казани, пригласила посетить музей и рассказала о приезде в 2017 году из Франции Ивана де Лимюра, подарившего в музей ряд документов и фотографий.

Далее была музыкальная программа, в которой участвовала ученица консерватории в Канаде певица Паулина вместе с аккомпаниатором. Певица Паулина сказала, что она очень довольна предложением выступить на сцене и что Шаляпин вдохновляет её в искусстве. Затем выступили виолончелист Александр Берлин и пианист Николая Селог.

Вечер был для всех очень интересным и произвёл незабываемое впечатление. Запись вечера имеется в Интернете.

Лекция Сильвии Мами в музее ФОНО в Париже

Автор книги «Шаляпин» Сильвия Мами выступила 17 октября с лекцией «Фёдор Шаляпин, каким он был в своё время». Она рассказывала о Шаляпине в Музее записанного звука ФОНО на Монмар-

тре, где голос великого баса воспроизводился на старых фонографах. Все присутствующие на вечере гости могли слышать голос певца, как слышал его сам Шаляпин и его современники.

Будучи великим певцом и великим актёром, Шаляпин зарекомендовал себя на крупнейших сценах Европы, Америки и всего мира в самых разных ролях. Шаляпин был одним из первых великих оперных певцов, который смог услышать свой голос и сделать его слышимым по всему миру с помощью 78 оборотов в минуту. Он сделал свои первые записи в отелях, в Москве и Санкт-Петербурге. Он записывался в Париже ещё в 1908 году с хором Императорских театров. В 1930–1934 годах, находясь в изгнании в Париже, Шаляпин снова сделал много записей в зале Плейель. Благодаря достижениям в области фонографа эти концерты смогли транслироваться среди тысяч любителей музыки, которые не имели доступа к большим концертным залам. Шаляпин принимал активное участие в продвижении фонографов. Фред Гайсберг (1873–1951) в Англии записывал голос Шаляпина и был его другом. Он сыграл важную роль в жизни Шаляпина, когда русский певец покинул Россию в 1922 году и поселился в Париже.

Международная конференция в Институте славистики в Париже

Конференция проходила два дня – 19 и 20 октября 2023 года. Было представлено 19 докладов. Все докладчики выступали по-французски. Доклады были поделены на пять групп. Большинство докладчиков было из Франции. Их количество составляло 16 человек. По одному докладчику было из Грузии, Германии, Англии. Докладчиков из России не было. Из Парижа было 11 участников. Из Лиона – 2. Из Безансона, Страсбурга и Бордо было по одному докладчику.

Темы всех докладов представлены здесь.

Особенности вокала, репертуар Шаляпина (5 выступлений):

1) Фёдор Шаляпин в Грузии (Нино Баркалая, Консерватория им. П. И. Чайковского, Москва / Тбилисский университет)

2) Шаляпин и традиции русского вокального искусства (Анастасия Сырейщикова-Хорн, Франция, Париж, Институт музыки)

3) Шаляпин и русские композиторы (Летиция Ле Гуай, Франция, Париж, Институт славистики / Университет Сержи, Париж)

4) Жюль Массне (1842–1912), Фёдор Шаляпин и Дон Кихот: хроника отчаяния (Жан-Кристоф Бранже, Франция, Университет Люмьер, Лион)

5) Шаляпин и его дискография (Стефан Грант, Франция, Париж, Франция-Музыка – французский общегосударственный радиоканал)

Секреты выразительной игры (3 выступления):

6) Актёр-певец (Мари-Кристин Тант-Матье, Франция, Париж, Институт славистики)

7) Шаляпин и выразительность на экране (Оксана Булгакова, Университет Майнца, Германия)

8) Образ Шаляпина: грим, гримасы и визуальное восприятие (Стефан Поляков, Франция, Париж, Парижский университет Венсен-Сен-Дени)

Шаляпин и изобразительное искусство (2 выступления):

9) Шаляпин и русские художники (Паскаль Мелани, Университет Бордо Монтень)

10) Фёдор Иванович Шаляпин и Борис Григорьев (1887–1976): «Два импульсивных гения» (Татьяна Викторова, Франция, Страсбург, Страсбургский университет)

Межвоенный период (5 выступлений):

11) От Шаляпина к Шаляпиниане: положение дел и сравнительный подход к автобиографиям певца (Оксана Буценко, Франция, Париж)

12) Шаляпин и д'Аннунцио в поисках глобального музыкального театра. Выступление о взаимоотношениях Фёдора Шаляпина с итальянским писателем, поэтом, драматургом и политическим деятелем Габриэлем д'Аннунцио (1863–1938) (Сильвия Мами, Франция, Париж, Институт музыки)

13) Шаляпин – посол русской оперы в Монте-Карло (Артур Массе, Франция, Париж, Высшая национальная консерватория музыки и танца в Париже)

14) Шаляпин в Великобритании (Кристина Гийомье, Королевский колледж музыки, Англия, Лондон)

15) Игра Шаляпина и его приём в немецкоязычной прессе (Мариэль Силуэт, Франция, Париж, Парижский университет Нантера)

Миф о Шаляпине (4 выступления):

16) Шаляпин в коллекциях Национальной библиотеки Франции (Северин Форлани, Франция, Париж, Библиотека-музей Парижской оперы)

17) Литературные представления Шаляпина: от конструирования до десакрализации мифа (Анна Лушенкова-Фосколо, Франция, Университет Жана Мулена, Лион)

18) Фёдор Иванович Шаляпин в фильме Александра Сокурова «Петербургская элегия» 1990 г. (Сильвия Архимбо, Франция, Париж, Институт славистики)

19) Сериал «Шаляпин» (Россия, 8 серий, 2023 г.), первое выступление Шаляпина на российских экранах (Жасмин Жак, Франция, Безансон, Университет Франш-Конте)

Фильму Александра Сокурова (р. 1951) «Петербургская элегия», снятому в СССР в Ленинграде (Санкт-Петербурге), сейчас уже более 30 лет. Фильм вышел на экран в 1986 году. Он переведён на английский язык. Ценность его в том, что показаны две дочери Шаляпина от второго брака, внучка и падчерица. Это Марфа (1910–2003) и Марина (1912–2009), внучка Шаляпина (дочь Марфы) Екатерина (р. 1950) и его падчерица Стелла (1904–1998), которые приехали из Англии, Италии и Франции (когда было перезахоронение праха певца осенью 1984 года в Москве на Новодевичьем кладбище). Они посетили квартиру Шаляпина, из которой в 1922 году уехала за границу вторая семья певца. Показано перезахоронение певца и сын Шаляпина Фёдор Фёдорович (из первой семьи певца), который приехал из Италии и был одним из инициаторов переноса праха певца на родину. Фёдор Фёдорович (1905–1992) приезжал в эту квартиру из Москвы в 1919 году. Длительность фильма составляет 37 минут.

Второй фильм «Шаляпин» режиссёра Егора Анашкина (р. 1979), представленный на конференции, является художественным фильмом из восьми серий. Это фильм о жизни Шаляпина в России – до отъезда его за границу летом 1922 года. Он кончается на встрече Шаляпина с первой женой Иолой (1874–1964) обещанием ей не уезжать за границу и остаться в России. Документальных подтверждений этому факту нет. Однако такой разговор мог иметь место. Шаляпин мог скрывать свои планы от первой жены по разным причинам. А может быть, он изменил свои планы в дальнейшем из-за сложившихся обстоятельств и уехал из России за границу.

Юбилейный вечер в ЮНЕСКО в Париже

О праздновании юбилея в ЮНЕСКО удалось узнать благодаря информации об участии в юбилейном мероприятии в Париже Института мировой литературы (ИМЛИ) им. А. М. Горького РАН из Москвы. Литературно-музыкальный вечер, посвящённый 150-летию знаменитого русского баса, состоялся 2 ноября 2023 года в старинном особняке неподалёку от зала Плейель, где не раз выступал Шаляпин. Совместно с ИМЛИ Постпредством РФ при ЮНЕСКО была составлена программа вечера «Мировая слава Фёдора Шаляпина», которая включала открытие выставки документов, редких фотографий и рисунков певца, привезённых из Музея А. М. Горького ИМЛИ; проведение международного круглого стола и концерта русских и французских музыкантов и певцов.

Несколько сотрудников ИМЛИ выступило с докладами, длительность которых не превышала десяти минут. Темы докладов: «Феномен Шаляпина в мировой культуре его эпохи», «Шаляпин и музыканты», «Шаляпин и Карузо (1873–1921): дважды 150», «Шаляпин и писатели», «Шаляпин и Восток», «Шаляпин и Франция».

Планировалось и два выступления с французской стороны. Должен был приехать Иван де Лимюр – сын Стеллы де Лимюр – падчерицы Шаляпина, живущий в Бельгии. Однако из-за болезни он не смог это сделать. Вторым выступающим – почётный вице-консул России в Биаррице Александр де Миллер де ла Серда (р. 1949) тоже из-за болезни отсутствовал.

Выступления показали большой вклад русской культуры и русского музыкального искусства в мировое наследие.

Гостями вечера были представители делегаций при ЮНЕСКО, члены дипломатического корпуса в Париже, публика, интересующаяся творчеством Шаляпина, потомки русских эмигрантов. Среди потомков друзей Шаляпина была правнучка Сергея Рахманинова (1873–1943) Александра Конюс-Рахманинова.

Международная конференция в замке д'Арканг около Биаррица

Несколькими днями раньше, 28 октября 2023 года, на юге Франции около Биаррица в замке д'Арканг состоялся Юбилейный вечер «Король басов» в замке д'Арканг с международной конференцией и концертом в честь 150-летия Шаляпина. Вечер был организован ассоциацией «Культура альянса» совместно с Институтом мировой литературы (ИМЛИ) им. А. М. Горького РАН и ассоциацией «Друзья замка д'Арканг».

В этих краях Шаляпин имел имение в Сен-Жан-де-Люзе с двумя виллами «Корсар» и «Изба» и приезжал вместе с семьёй в замок к своему другу поэту и новеллисту Пьеру д'Аркангу (1886–1973). В стенах замка музицировал русский композитор Игорь Стравинский (1882–1971) и пел Фёдор Шаляпин. Гости оставляли автографы в гостевой книге хозяина. Гостям конференции был представлен автопортрет Шаляпина с автографом. Он был подарен Пьеру д'Аркангу. Автопортрет выполнен на листе бумаги в Лондоне в 1913 году. Все увидели и автограф Шаляпина в гостевой книге с датой 17 сентября 1933 года. С этой датой автографы оставили писатель Клод Фаррер (1876–1957) и скрипач Жак Тибо (1880–1953).

Выступавший на конференции почётный вице-консул России в Биаррице Александр де Миллер де ла Серда показал из своей коллекции два портрета Шаляпина кисти художницы Софьи де Роберти де ла Серда (1899–1988). Один из них выполнен в модернистском стиле. Александр является троюродным племянником этой художницы. ИМЛИ представил выставку «Мировая слава Фёдора Шаляпина» по материалам Музея А. М. Горького ИМЛИ. О связях Шаляпина с Францией и его участии в Русских сезонах рассказала сотрудница ИМЛИ РАН Марина Ариас-Вихиль. Выступал артист парижской Оперы – Адриан Матона (бас).

Сейчас в стенах замка проводятся культурные мероприятия. Семья д'Арканг живёт в этом месте с середины XII века. Вначале на месте замка стоял дом, позже был построен замок, который в XVII веке во время Тридцатилетней войны был разрушен испанцами. Потом его восстановили и неоднократно перестраивали. Последняя перестройка была осуществлена в 1900 году. В настоящее время Мишель д'Арканг принимает гостей в старинном замке. Он является внуком маркиза Пьера д'Арканга, который принимал Шаляпина в 1930-е годы.

Однако теперь замок продан. Но семья д'Арканг имеет право проживания в нём. Новым владельцем замка стал Оливье Местелан, у которого есть ещё другие замки. Об этом удалось узнать благодаря президенту ассоциации «Культура альянса» Анне Зверевой.

Выставка «Браво, Шаляпин!», круглый стол и концерт в Риме

Вторая страна, которая отметила юбилей певца, была Италия. В Риме в Русском доме в середине февраля 2023 года была открыта выставка «Браво, Шаляпин!» при участии Российского национального музея музыки в Москве и прошёл концерт российских оперных солистов. Римский оперный театр и миланский театр Ла Скала предоставили для выставки редкие фотографии, вырезки из газет и журналов. Коллекции из архивов Римского оперного театра посвящены участию Фёдора Шаляпина в опере «Борис Годунов», которую показывал Королевский оперный театр в 1929 году.

В Риме также прошёл международный круглый стол «Жизненный путь и творческое наследие Фёдора Шаляпина в России и Италии» при участии генерального директора Музея музыки в Москве Михаила Брызгалова, генерального консула РФ в Милане Дмитрия Штодина и итальянских специалистов.

Афиша мероприятия в замке д'Арканг

Италия – единственная страна, где на государственном уровне заявили, что русская культура и вообще культура находятся вне политики.

Все семь юбилейных европейских мероприятий в местах, где жил и выступал Фёдор Иванович Шаляпин, показали высокий уровень исследований жизни и творчества знаменитого певца, а также продемонстрировали неразрывную связь европейской и русской культур.

* * *

В России в разных городах в юбилейном году проходили памятные вечера, посвящённые Фёдору Шаляпину. Планируется издание книги «Фёдор Шаляпин и русское зарубежье во Франции». Автор книги Елена Лебедева опубликовала предварительно несколько глав в журнале «Берега». Публикуемая глава «Вокруг Фёдора Шаляпина. Виллы “Сувиранта” и “Теси” в Финляндии и Швейцарии» была создана благодаря переписке, которая велась в течение нескольких лет с работником музея «Лотта Свядр» Кайсой Киннунен в Туусуле в Финляндии. Переписка автора с музеем проходила по-английски. Музей «Лотта Свядр» – это музей женской добровольческой организации, помогавшей финской армии. Музей находится на вилле «Сувиранта», которая много лет принадлежала родственникам второй жены Шаляпина – Ушковым. Перед революцией вилла «Сувиранта» была продана, но в начале 1910-х годов Ушковы уже купили вторую виллу «Теси» в Швейцарии. Шаляпин приезжал в гости на виллу «Теси» после отъезда из России. Глава рассказывает о жизни на виллах и судьбе двух вилл, на которых обитали владельцы и их гости. После продажи вилл часть их обитателей оказалась в Париже. Они общались с певцом и его семьёй. Благодаря парижскому Архиву помощи беженцам и лицам без гражданства удалось определить ряд важных дат, связанных с эмиграцией людей, близких к Шаляпину. Доступ в парижский Архив возможен по Интернету. Помощь для доступа в Архив была оказана краеведом Подмосковья Илоной Виноградовой, занимающейся историей купеческого рода часторговцев Кузнецовых.

***Вокруг Фёдора Шаляпина.
Виллы «Сувиранта» и «Теси» в Финляндии и Швейцарии***

Петербургские и московские адреса

Вторая семья Шаляпина жила в Петербурге. Музей-квартира певца в настоящее время на Петроградской стороне на улице Графтио (во времена Шаляпина Пермской улице) в доме 2б – это последний адрес второй семьи Шаляпина в Петербурге-Петрограде. Он находится вблизи Каменноостровского проспекта. На втором этаже в квартире этого дома семья жила около восьми лет с 1914 года. Оттуда певец вместе со второй семьёй в конце июня 1922 года уехал за границу.

До 1914 года семья жила в Петербурге в четырёх местах. Первый адрес был вблизи Театральной площади – недалеко от Мариинского театра. Это дом № 10 на набережной Крюкова канала, где семья жила в 1909 году в трёх меблированных комнатах на первом этаже. Два следующих адреса находились вблизи Литейного проспекта. В 1911 году певец с семьёй проживал у знакомых в доме на улице Жуковского. К сожалению, номер этого дома неизвестен. Оттуда семья переехала в пятиэтажный доходный дом № 45 на самом Литейном проспекте. В 1912 году семья переехала в пятиэтажный доходный дом № 4 на Никольской площади – опять вблизи Театральной площади. В этом доме жили на втором этаже в квартире № 2. Прожив там около двух лет, семья, в которой было уже двое детей (дочери Марфа и Марина), переехала в дом на Петроградской стороне.

Вторая жена Шаляпина – Мария Валентиновна (1882–1964), происходила из семьи прибалтийских немцев, осевших в России. Фамилия этой семьи была Элукен. Глава семьи Гуго Валентин Фридрихович Элукен родился в Ливонии (исторической области на территории современных Латвийской и Эстонской республик). Будучи мещанином Лифляндской губернии, он получил образование в Петербургском лесном институте. Работал лесничим в ряде губерний в России и дослужился в Казани до должности действительного статского советника. Его жена Иоанна Аделаида (в быту Жаннетта Рудольфовна) была дочерью лютеранского пастора Рудольфа Генриха фон Рейтлингера, родившегося в 1801 году в Цюрихе. Рейтлингер был дворянином. Работал полковым проповедником в Страсбурге, Вене и Ревеле и был женат на дочери ревельского купца Эмилии Крик. Информация о Рудольфе Рейтлингере взята из его Послужного списка 1860-х годов, написанного на немецком языке. С этим доку-

ментом автор познакомилась в Киеве у своей дальней родственницы Татьяны Ипполитовны Ильиной, которая была праправнучкой Рудольфа Рейтлингера. Его дочь Жаннетта Рудольфовна (1835–1935) родилась в Ревеле. Она была евангелическо-лютеранского вероисповедания.

В семье Элухен было восемь детей. У Марии Валентиновны были три родные сестры: Тереза (1878–1931), Эмилия (1870–?), Ванда (1885–1969) и четыре брата: Павел (1873–1941), Вольдемар (1883–1937), Гвидо (1875–1956), Каспар (1876–1941). Родительская семья жила долгое время в Казани, а затем родители (Гуго Валентин Фридрихович и Жаннетта Рудольфовна Элухен), их дочь Ванда и некоторые сыновья переехали в Петербург. Фамилия Элухен начинает появляться в списке жителей Петербурга начиная с 1906 года. По справочнику «Весь Петербург» 1906–1907 годов родители, дочь Ванда жили по адресу Виленский переулок, 3. Он соединяет Греческий проспект с улицей Радищева и находится в районе площади Восстания (бывшая Знаменская площадь). По этому же справочнику за 1908 год все они и сын Павел жили по адресу Галерная, 48 (недалеко от Английской набережной). В 1910 году семья Элухен (родители, дочь Ванда, сыновья Вольдемар и Павел) жили на Петроградской стороне по адресу Большой проспект, 80. Жаннетта Рудольфовна и сын Павел жили там до 1914 года.

Одна из старших сестёр Марии Валентиновны – Тереза – вышла замуж за Константина Капитоновича Ушкова (1850–1918) – московского миллионера и мецената. Он был очень состоятельным человеком, благодаря владению заводами химической промышленности в Вятской, Казанской и Самарской губерниях, хромовыми и марганцевыми рудниками и чайной торговле, которая была унаследована им от первой жены – Марии Григорьевны Кузнецовой, умершей в 1890 году. Тереза до замужества с Ушковым была замужем за купцом Михайловым и имела маленького сына Валю. Константин Капитонович заплатил выкуп казанскому купцу Михайлову, чтобы получить развод у Михайлова. Их знакомство произошло в поезде, и Тереза так понравилась ему, что многолетний вдовец решил жениться на ней, несмотря на все жизненные сложности. Вступление супругов в брак состоялось 28 января 1904 года (дата указана по новому стилю). Эту дату удалось узнать благодаря документам Ушковых-Печориных, находящимся в парижском Ахиве французской организации помощи беженцам.

В Москве семья Ушковых жила в собственном доме Константина Капитоновича по адресу Рождественский бульвар, 12. В этом доме вместе с ними жил и брат Терезы Валентиновны – Гвидо, который преподавал математику в гимназии. В этот дом в семью к своей сестре и приехала Мария Валентиновна из Казани. Познакомившись с Шаляпиным на скачках в Москве, Мария Валентиновна часто виделась там с ним, так как Шаляпин приходил в гости, потому что хорошо знал Константина Капитоновича. Константин Капитонович был известным покровителем людей искусства.

Покупка виллы «Сувиранта» в Финляндии

В конце декабря 1904 года Константин Капитонович покупает виллу «Сувиранта» в южной Финляндии в Туусуле. Вилла находится в 30 километрах от Хельсинки и в 5 километрах от железнодорожной станции Керава. Она располагается вблизи озера Туусула, которое имеет протяжённость 8 километров. «Сувиранта» – одна из старейших вилл на берегу озера с красивым парком. Побережье озера – это очень живописные места, где работают художники.

Константин Капитонович Ушков становится четвёртым владельцем виллы, построенной в 1869 году при первом владельце земельного участка Биргере Лундале из Хельсинки. Первый хозяин виллы продаёт её в 1876 году сенатору Виктору фон Хартману. Сенатор Хартман продаёт её через три года, в 1879 году, капитану Бёрклунду, купившему её для своей семьи, которая первоначально жила в Петербурге.

Купив виллу, семья Ушковых начала её реконструкцию. В доме проводится электричество и проточная вода. В парке появляются фонтан, мраморная скульптура Жозефины и паутинные ворота в стиле модерн. Семья Элухен (родительская семья Терезы), живущая в Петербурге, поселяется на этой вилле. Гуго Валентин Элухен работает садовником в парке виллы. Сохранилась фотография, которая запечатлела семью Ушковых и семью Элухен в первые годы после покупки виллы вместе с их гостями. Она была снята на ступеньках южной террасы виллы. На фото стоят Жаннетта Рудольфовна и сын Павел Элухен. Во втором ряду сверху третья слева – Тереза. Крайний справа в третьем

ряду – сын Вольдемар Элухен. В третьем ряду сверху второй слева – Константин Капитонович Ушков, далее Ванда (у нее рука за головой). В самом нижнем ряду крайняя слева – Эмилия Элухен. Мальчик 4–5 лет внизу – Валя Ушков, сын Терезы от первого брака. Фотография была подарена автору финским музеем «Лотта Свьярд», находящимся в настоящее время на вилле «Сувиранта». Это музей женской добровольческой организации, помогавшей финской армии.

Воспоминания о жизни на вилле во времена Ушкова

Сохранились воспоминания о жизни на вилле, когда там жили семьи Ушковых и Элухен. В 1951 году вышла книга финского писателя и журналиста Антти Халонена (1903–1985) «Праздник искусства и повседневная жизнь». В январе 1957 года в № 2 финского периодического издания «Финская фотогазета» была опубликована статья Антти Халонена под названием «Российский роман Туусулы» о российских жителях Туусулы в начале XX столетия. Антти Халонен был сыном художника Пекки Халонена (1865–1933). Семья художника Пекки Халонена жила в собственном доме недалеко от виллы «Сувиранта». Информация статьи и книги отчасти повторяет друг друга, но книга, конечно, содержит более полную информацию.

В статье и книге было написано, что Жаннетта Рудольфовна (урождённая Рейтлингер) рассказывала о себе, что она является потомком знатного австрийского рода Габсбургов. Она хотела, чтобы её дети говорили по-немецки.

Были опубликованы три фотографии. Одна из них – фотография за столом на веранде в «Сувиранте» – была снята в начале 1910-х годов. Крайний слева – консул и магистр искусств Арвид Сандберг, который жил на находящейся неподалёку вилле «Ковикко». Далее Иоанна Бёрклунд – хозяйка виллы «Оннела» (находящейся недалеко от «Сувиранты»), французская гувернантка мадемуазель Жюли, Жаннетта Рудольфовна, её внук Глеб (сын Ванды), английская гувернантка, начальник местного гарнизона в Туусуле генерал Чичиков и Ванда.

Вторая фотография была снята во время приёма гостей на вилле «Сувиранта» в 1905–1910 годах. Здесь на первом плане Тереза Валентиновна вскоре после покупки виллы.

Третья фотография запечатлела золотую свадьбу Гуго Валентина Элухена и Жаннетты Рудольфовны. Такая фотография имеется в собрании автора. Такая же фотография была подарена в музей «Лотта Свьярд» потомками Ванды – внучкой Анитой Сильверсван и внуком Мариусом Тулой (1945–2016). Анита – дочь сына Ванды Глеба. Мариус – сын дочери Ванды Наташи. На фотографии рукой Ванды написана дата съёмки – 03.06.15. В верхнем ряду стоят слева направо: неизвестный пожилой человек с бородой; неизвестная женщина, лицо которой заслонила Ванда Валентиновна; Тереза Валентиновна; Мария Валентиновна; неизвестная женщина с цветами. Во втором ряду сверху стоят: Вольдемар Валентинович Элухен, Ванда Валентиновна Сильверсван, Эмилия Валентиновна Элухен. Сидят слева направо: Павел Валентинович Элухен, Гуго Валентин Элухен, Жаннетта Рудольфовна Элухен. В отношении трёх неизвестных лиц на фотографии можно сделать предположение, что это семья брата Жаннетты Рудольфовны – Каспара Рудольфовича фон Рейтлингера. Эта семья, согласно справочнику «Весь Петербург», жила на Каменноостровском проспекте в доме 35–2. В 1914 году семья сменила адрес и проживала на Кронверкском проспекте в доме 71. Пожилой человек с бородой в этом случае Каспар Рудольфович фон Рейтлингер. Рядом с ним женщина – его жена – Ольга Густавовна. Её лица не видно. Крайняя справа женщина с цветами – их дочь Эльза Каспаровна.

Дети в нижнем ряду слева направо: Эдуард-Оскар – сын Марии Валентиновны от первого брака с Эдуардом-Артуром Петцольдом, неизвестная девочка, Стелла – дочь Марии Валентиновны от первого брака, Елена – дочь Терезы Валентиновны от второго брака с Ушковым. Стоящий мальчик в шортах – Глеб Сильверсван. Рядом с ним девочка с бантом – Наташа Сильверсван (сестра Глеба). Глеб и Наташа – дети Ванды Валентиновны в браке с Борисом Сильверсваном.

Халонен не писал в своей книге, откуда и от кого он брал информацию о жизни в «Сувиранте». Он не приводил в своей книге конкретных дат. Он писал о жителях и гостях виллы «Сувиранта», вероятно, с рассказов очевидцев старшего поколения, так как в книге он рассказывал о годах, когда он был мальчиком. Халонен пишет, что Тереза слышала, как Шаляпин говорил Марии Валентиновне о некоторой мрачности финской природы и о том, что летние ночи в Туусуле слегка меланхоличны. Тереза запомнила это и была согласна с этим мнением Шаляпина. Кроме того, ей не нравился прохладный климат Финляндии, и она начала говорить Ушкову о покупке другой виллы в более тёплом климате.

Тереза организовывала театральные спектакли, в которых она играла роль жены Наполеона и роли других страстных женщин. В «Сувиранту» часто приезжали гости. Из гостей Халонен упоминает пианиста и композитора Сергея Рахманинова (1873–1943), дирижёра и контрабасиста Сергея Кусевицкого (1874–1951), итальянского пианиста и композитора Ферруччо Бузони (1866–1924), пианиста Льва Конюса (1871–1944), художника-пейзажиста Юлиуса Клевера (1850–1924) с сыном Оскаром. Юлиус Клевер писал картины для виллы в Форосе Григория Ушкова (1876–1922) – сына Константина Капитоновича Ушкова от его первого брака. В «Сувиранте» было три или четыре пианино, и известные музыканты играли в музыкальном салоне. Тереза любила играть на пианино. Она училась музыке в филармоническом училище.

Автор также рассказывал, что Шаляпин говорил друзьям, что мечтает иметь небольшой дом и сауну на берегу финского озера. Халонен писал и о том, что Шаляпин был очень доволен, что его дочь Марина поправила своё здоровье в Финляндии. По мнению Шаляпина, финская аудитория была более музыкальной и привлекательной, чем аудитория Швеции. Вероятно, Халонен это все узнал от Ванды, которая много лет жила в Финляндии и была в курсе гастролей Шаляпина в Скандинавских странах и лечения Марины от туберкулёза в санатории в Финляндии.

В 1965 году в № 40 журнала «Общественные ценности» была опубликована статья Ванды Сильверсван «Шаляпин был мужем моей сестры». В ней рассказывается о карьере Шаляпина и приводятся две фотографии: фотография Ванды Валентиновны, которая снималась для журнала, и подписанная подаренная фотография Шаляпина.

В местном музее Туусулы имеется записанное на бумаге интервью Пелагеи Конопатовой, которая была гувернанткой маленького Глеба (сына Ванды) в 1910-х годах. Гувернантка вышла замуж за местного сапожника и стала носить фамилию Лаксонен. Она давала интервью, когда ей было более 90 лет. Пелагея рассказывала, что только заботилась о маленьком Глебе (сыне Ванды), а у его сестры Наташи (дочери Ванды) была своя гувернантка. Ванда имела двоих детей в браке с Борисом Сильверсваном. Пелагея знала, что у Ушкова и Терезы были две дочери, но не помнит, чтобы она когда-либо видела их. Пелагея рассказывала, что Ванда и Тереза часто уезжали. Пелагея поддерживала отношения с Вандой, когда Ванда переехала в Хельсинки после развода с мужем Борисом Сильверсваном в 1921 году.

Приезжал в «Сувиранту» и композитор Александр Элухен (1876–?), который упомянут в международном списке композиторов. Об этом стало известно из писем Антти Халонена. Музыка Элухена исполнялась в Хельсинки финским дирижёром и композитором Робертом Каянусом (1856–1933). А его сестра Селма Каянус давала уроки игры на пианино Терезе в «Сувиранте». Вероятно, Александр был какой-то родственник Гуго Элухена. Александр был сыном нижегородского купца и мелкого фабриканта Карла Ивановича Элухена, умершего в 1908 году и основавшего торговый дом в Нижнем Новгороде вместе со своим вторым сыном Альбертом. Александр окончил Николаевское военное кавалерийское училище и служил в Драгунском Петербургском полку. Однако вышел в отставку в 1902 году по болезни. Затем начал изучать общественные науки в Париже и теорию музыки в Лейпцигской консерватории. После революции он жил за границей. В 1918 году он жил в Дании, а затем переехал в Берлин. Он был масоном. В 1922–1933 годах в Берлине он состоял досточтимым мастером в ложе «Великий Свет Севера». Писал музыку для романсов на стихи русских и иностранных поэтов. Был автором музыки для оперы «Кольцо смерти».

Сохранились воспоминания писателя Михаила Павловича Чехова (1865–1936) – брата Антона Павловича Чехова (1860–1904). В них рассказывается, что семья Михаила Павловича в 1913 году арендовала помещение на вилле «Сувиранта». Константин Капитонович Ушков приходил в гости и вспоминал вместе с Михаилом Павловичем свой приезд из Фороса к Антону Павловичу Чехову в Ялту.

Фотография петербургского фотографа, мастера документальной фотографии Карла Буллы (1855–1929) запечатлела Шаляпина вместе с тремя сёстрами – Терезой, Вандой и Марией – под Петербургом в Куоккале в 1914 году. На фото крайняя слева – Тереза. Крайняя справа – Мария, вторая жена Шаляпина. Слева от Шаляпина – Ванда.

Продажа виллы «Суверанта» семье Хансен. Покупка виллы «Теси» Ушковым в Швейцарии

В начале декабря 1916 года «Сувиранта» была продана Анне и Герману Хансенам. В это время Ушковым уже была куплена вилла «Теси» (Thesey) в Швейцарии в Монтре недалеко от Женевского

озера. Просьба Терезы о покупке другой виллы была выполнена. Сведения о покупке виллы были получены в архиве города Монтре по запросу музея «Лотта Свьярд» в 2013 году. Архив дал и некоторые сведения о вилле. Вилла была построена в 1896 году архитектором Германом Левенчи для её первого владельца мистера Визиненда. Она называлась тогда Бошерикс. В архиве нет сведений о годе покупки виллы Ушковым, но есть записи о том, что в 1911 году Ушков просил разрешение об установке забора вокруг виллы. В 1913 году владельцем виллы уже была его жена Тереза Ушкова, которая просила разрешение на строительство пристройки. При Ушковых вилла называлась «Теси».

При продаже виллы «Сувиранта» владельцем виллы была Тереза Ушкова. Её отец Гуго Элухен был доверенным лицом. Он поставил свою подпись при продаже. В это время Тереза и Константин Капитонович в Финляндии не находились. Вероятно, они были в Москве или в Монтре на вилле «Теси».

Вилла «Сувиранта» при семье Хансен

Герман Хансен имел норвежско-польские корни и был доктором медицины. Он увлекался фотографией и сделал много снимков своих детей на фоне виллы тех лет. Анна Хансен была русской и до замужества носила фамилию Цетилова. Семья Хансен приехала в Финляндию в 1917 году из своего поместья под Вильнюсом из-за Первой мировой войны, революции и беспорядков. Хансены уехали потом в Норвегию в 1922 году вместе со своими детьми, которых у них было пять человек: Ирма, Эдгар, Арвид, Эрик и Оскар. Оскар Хансен (1922–2005) стал известным художником и архитектором в Польше. Фотографии Хансена запечатлели паутинные ворота тех лет с надписью в нижней части «Ouchkoff Syväranta» (Ушков Сувиранта). Позже название в воротах было изменено три раза при разных хозяевах. С 1922 до 1996 года было название «Syväranta Lepokoti» (Дом отдыха Сувиранта), а с 1996 до 2011 года «Syväranta Lottakoti» (Сувиранта Дом Лотта). С 2011 года название стало «Syväranta Lottamuseo» (Сувиранта Музей Лотта).

Жизнь семьи Элухен и семьи Сильверсван после продажи виллы

После продажи виллы «Сувиранта» в конце 1916 года отдельные члены семьи Элухен и вышедшей замуж Ванды, ставшей Сильверсван, находились в Финляндии. По воспоминаниям дочери Шалапина Марины (1912–2009), которая проходила лечение в Финляндии в санатории Хювинкя с лета 1921 года до лета 1922 года, приведённым в книге Николая Горбунова «Марина дочь Шалапина», она неделю жила в Кераве – недалеко от «Сувиранты». Это было летом 1921 года до лечения в санатории. При этом она рассказала, что в Кераве жила её бабушка Жаннетта Рудольфовна вместе с Вандой и двумя детьми. В финских архивах сохранились записи о заявлениях с прошениями о предоставлении вида на жительство в Финляндии в мае и сентябре 1919 года. Заявления в мае поступили от Жаннетты Рудольфовны Элухен с просьбой предоставить вид на жительство для четырёх человек и от её дочери Эмилии Элухен, которая просила вид на жительство для двоих человек. При этом указаны были только фамилии заявителей. В сентябре 1919 года, по архивным сведениям, с просьбой предоставить вид на жительство обращалась уже только одна Жаннетта Элухен для четырёх человек.

В семье Ванды было двое детей: сын Глеб Сильверсван (1909–1990) и дочь Наташа Сильверсван (1912–1958). Муж Ванды Борис Сильверсван (1883–1934) был профессором Петроградского университета. Он имел связи в Финляндии и, будучи филологом-германистом, сотрудничал в издательстве «Всемирная литература». Однако, по воспоминаниям Пелагеи Конопатовой, о которых говорилось выше, супруги развелись в 1921 году. Борис Сильверсван женился второй раз на Евдокии Струковой (1886–1937), которая была секретаршей Горького и Шалапина в издательстве «Всемирная литература». Борис Сильверсван входил в Петрограде в ячейку Николая Гумилёва (1886–1921) и проходил по делу о таганцевском заговоре. Чтобы не быть арестованным, он сбежал на лодке в ноябре 1921 года в Финляндию. Там в Хельсинки он прожил около 16 лет до своей кончины в 1934 году.

Ванда Сильверсван пережила его на 35 лет. Она всю дальнейшую жизнь прожила в Хельсинки. В середине 1960-х годов её навещали племянницы Марфа (1910–2003) и Марина (дочери Шалапина), которые путешествовали на круизном пароходе. Ванда умерла в 1969 году и была похоронена на кладбище Хиетаниemi, которое находится в центре Хельсинки. Это большое кладбище, которое включает в себя военное кладбище с могилой Карла Маннергейма. Позже там были похоронены сын и дочь Ванды.

Сыновья Элухен – Павел, Каспар, Гвидо и Вольдемар – после революции жили в Москве. Павел Валентинович получал посылки от Марии Валентиновны из Парижа. В них часто присылался шоколад. Иногда были и фотографии. Фотография семьи Шаляпиных в Сен-Жан-де-Люзе, которая представлена в книге, была прислана брату Павлу в одной из посылок.

Обитатели виллы «Оннела» вблизи виллы «Сувиранта»

Недалеко от «Сувиранты» находилась вилла «Оннела», где жили Иоанна Бёрклунд и Павел Николаевич Щабельский. У Иоанны были две сестры – Мария и Ольга. Павел Николаевич был намного старше Иоанны. Супруги жили в гражданском браке, так как Павел Николаевич был женат. В семье у него и его жены Ольги было два сына. Один из сыновей погиб в уличных поединках во время революции. Иоанна работала гувернанткой в семье Щабельских. Павел Николаевич влюбился в неё и оставил свою семью. Это был громкий любовный роман в Туусуле, о котором много говорили. Иоанна и Павел Николаевич прожили много лет вместе, но своих детей у них не было. Павел Николаевич был генералом, который потерял после революции всё своё состояние в России. Поэтому Иоанна, которая была хозяйкой виллы «Оннела», имела на вилле пансион, благодаря которому появлялись средства для жизни. После революции бежавшие из России русские в 1920-х годах часто останавливались на короткое время в этом пансионе. В местном музее Туусулы есть фотографии одной русской семьи на вилле «Оннела». Они были найдены во время ремонта и перестройки виллы. Их передали в музей Туусулы. Тереза Ушкова хорошо знала Иоанну и Павла Николаевича. Она была ровесницей Иоанны, которая училась в институте для девочек в Петербурге. Жена Щабельского Ольга и его второй сын Константин не хотели жить в Финляндии и уехали в Париж после революции в России. В Париже в начале 1937 года Константин Щабельский работал в магазине консультантом. Он продал виллу «Оннела» приюту для слепых в Финляндии. Известно, что у семьи Щабельских (у Ольги и Павла Николаевича) были внуки. Сейчас на вилле «Оннела» гостиница для туристических групп.

Смерть К. К. Ушкова в 1918 году. Третий брак Терезы. Переезд в Париж

В предреволюционное время в Москве семья Ушковых жила по адресу Новинский бульвар, 36. Дом был построен в 1817 году в стиле классицизма. В этом особняке до 1912 года жила княжеская чета Гагариных – Виктор Николаевич (1844–1912) и Мария Андреевна (1847–1917), урождённая Будберг. К сожалению, он не сохранился до наших дней, так как во время войны в 1941 году в него попала бомба и он был наполовину разрушен. После войны его решили не восстанавливать и снесли. Сейчас на его месте стоит многоэтажный дом № 18.

Особняк на Рождественском бульваре, принадлежавший К. К. Ушкову, был продан в 1912 году Дворянскому земельному банку. Константин Капитонович Ушков лишился всех своих заводов и рудников в связи с национализацией их после революции. Он умер 12 мая 1918 года. По архивным сведениям, его похоронили на кладбище Ново-Алексеевского монастыря в Москве в склепе Кузнецовых-Ушковых. В первой половине 1929 года это кладбище было ликвидировано. Территориально оно находилось в районе современной станции метро «Красносельская». Когда я была в Париже в 1995 году и виделась с Еленой Константиновной Ушковой – дочерью Константина Капитоновича, она сказала, что её отец умер в Бабкино (имение Киселёвых вблизи города Воскресенска, который теперь называется городом Истра). По архивным сведениям, Ушков умер от инсульта и был перевезён на кладбище монастыря в Москву из Преображенской больницы, которая находилась в Воскресенске. Ушков, вероятно, вынужден был уехать из Москвы в опасное для него послереволюционное время. Инсульт случился из-за переживаний в связи с лишением его собственности – предприятий. Вероятно, когда он серьёзно заболел, его перевезли из Бабкино в больницу Воскресенска.

В России наступило тревожное время, особенно для знатных и обеспеченных до революции людей. В Москве и Петрограде было неспокойно. Судьба Каспара Рейтлингера, о котором я писала выше, была трагической. Он был председателем Общества дачевладельцев курорта «Усть-Нарва». Вероятно, чем-то не угодил новой власти. После революции его арестовали в Петрограде. Большевики посадили его на пароход вместе с другими арестованными и утопили старого человека.

Где в это время была жена Ушкова – Тереза, неизвестно. Ее сын Валя, которому было 19 лет, был расстрелян красноармейцами как заложник в послереволюционной России. Он знал несколько иностранных языков. У него нашли банки с иностранными консервами из посольства, где он был переводчиком, и арестовали его. Тем временем через несколько месяцев после смерти второго мужа Тереза вышла замуж в третий раз. Она становится Терезой Печориной. Вступление супругов в брак состоялось 20 сентября 1918 года. Эту дату удалось узнать благодаря документам Ушковых-Печориных, находящимся в парижском Архиве французской организации помощи беженцам.

Супруг Терезы – Дмитрий Печорин (1888–1957), был опытным юристом, кандидатом петербургского и лозаннского университетов. Он был на десять лет моложе Терезы, но, вероятно, её привлекательность и красота сыграли свою роль. Возможно, наличие крупной недвижимости у неё за границей в Швейцарии и совместная эмиграция тоже имели значение.

В собрании автора имеется копия свидетельства о смерти Веры Печориной – третьей дочери Терезы, которая прожила всю жизнь в Париже. Согласно этому документу, Вера Печорина родилась в Москве 17 октября 1919 года. Это через полтора года после смерти Константина Капитоновича. Дочери Ушкова – Лена (1905–1998) и Таня (1909–1996) Ушковы, и семья Печориных смогли уехать из послереволюционной России после рождения Веры Печориной (1919–2008). Они уехали через Эстонию, по рассказам в Париже Елены Ушковой. О переезде в Швейцарию свидетельствует документ Ушковых-Печориных, находящийся в парижском Архиве французской организации помощи беженцам. Согласно этому документу, в Швейцарии в Монтре 12 июня 1923 года был установлен факт смерти К. К. Ушкова, благодаря показаниям трёх свидетелей. Вероятно, это было необходимо перед продажей виллы «Теси». О нахождении семьи в Швейцарии свидетельствует и документ, выданный Елене Ушковой, рождённой 20 марта 1905 года (дата указана по новому стилю). Этот документ находится в собрании автора. Согласно этому документу, выданному 2 июня 1924 года Российским консульством в Женеве, Елене Ушковой было разрешено остаться за границей сроком на пять лет. При этом было указано, что документ выдан ей для свободного передвижения. Таким образом, Ушковы и Печорины приехали из России вначале в Швейцарию в Монтре. Потом, после продажи виллы «Теси» в 1924 году, они переехали в Париж. Елена Ушкова часто подолгу жила в семье Шалапина. Отчим Дмитрий Печорин относился к ней с большой симпатией. Мать Елены – Тереза Валентиновна – скоропостижно умерла в Париже в 1931 году от аппендицита. В 1930-е годы в Париже на русских мероприятиях пару Дмитрий Печорин и Елена Ушкова можно было увидеть довольно часто.

В русскоязычном парижском журнале № 1 1938 года (от 25 декабря 1937 года) была напечатана фотография, снятая на балу Союза русских шоферов, в котором Дмитрий Печорин был адвокатом. Она запечатлела несколько человек из правления Союза. Среди них – Елена Ушкова (в центре) и Дмитрий Печорин (первый слева). У Печорина злое лицо. Впоследствии во время войны он показал себя не порядочным и жестоким человеком, сотрудничающим с оккупационным режимом.

В 1930-е годы Дмитрий Печорин имел адвокатскую контору в Париже. Он представлял Шалапина в иске против Советского торгового представительства в Париже. Иск был связан с печатью в советском издательстве «Прибой» в Ленинграде книги Шалапина «Страницы из моей жизни», ввозом книги во Францию и незаконной продажей её в Париже. В результате иска Шалапин получил небольшую материальную компенсацию, но отношения с Горьким после этого были разорваны.

В марте 1941 года, после отъезда вдовы Шалапина Марии Валентиновны и Даси в США, Елена Ушкова и Дмитрий Печорин жили в доме № 22 на авеню Д'Эйло (где жила до отъезда семья Шалапиных). Это удалось узнать благодаря документам Дмитрия Печорина, находящимся в парижском Архиве французской организации помощи беженцам. Вероятно, Елена и Дмитрий присматривали за домом во время отъезда его владелицы Марии Валентиновны.

Во время войны Печорин сотрудничал с оккупационным режимом. Он работал в Управлении делами русских эмигрантов. После войны он не мог работать, так как его обвинили в коллаборационизме. Однако в конце 1940-х годов он возобновил адвокатскую практику. В газете «Русская мысль» печаталась до начала 1950-х годов реклама его конторы в доме № 22 на авеню Д'Эйло, где продолжала жить вдова Шалапина Мария Валентиновна после приезда из США в 1948 году.

Хочется рассказать здесь о поездке в конце 1920-х годов в Париж из Москвы знакомой брата Марии Валентиновны – Каспара Валентиновича. Знакомая брата зашла к Марии Валентиновне на авеню Д'Эйло и попросила о помощи для семьи брата в Москве. Ответ был следующий: «Мне самой сейчас

очень трудно, и я ничем помочь не могу». Мария Валентиновна ничего не передала для семьи брата. Потом просительница пошла на рю де ла Бурдоне (недалеко от Эйфелевой башни), где жила семья Печориных. Тереза Валентиновна приняла и выслушала её. При этом хозяйка была одета в платье с золотой брошкой. Тереза Валентиновна сняла золотую брошку и попросила передать её в семью брата, где было двое детей. Такие контрастные отклики на просьбу о помощи из Москвы были получены от двух сестёр, живущих в Париже.

Продажа виллы «Теси» в Швейцарии. Консерватория в здании виллы. Следы семьи Элухен в Монтре

В 1924 году вилла «Теси» была продана Терезой Печориной для осуществления переезда в Париж и покупки там жилья. По архивным сведениям, владельцем виллы стал мистер Делримпл. Возможно, потом были и другие её владельцы. Сейчас в этой вилле находится консерватория. Дом носит имя «Визиненд», по фамилии первого владельца виллы. Отличительной особенностью виллы являются ворота в виде паутины. Они повторяют ворота на вилле «Сувиранта» и сохранились с времён Ушкова в хорошем состоянии. Надпись в нижней части ворот в 1950-х годах была «Villa Thesy» (Вилла Теси). Эта надпись была не позднее 1960-х годов. Потом вилла стала называться «Villa Isabella» (Вилла Изабелла).

По воспоминаниям падчерицы Шаляпина Стеллы Петцольд (1904–1998), к которой я заходила в Париже в 1997 году, семья Шаляпиных приезжала на виллу «Теси» в гости в начале 1920-х годов после отъезда из Петрограда. Шаляпин, когда речь шла о продаже виллы, предлагал устроить в ней гостиницу, в которой могли бы работать Стелла (дочь Марии Валентиновны от первого брака – падчерица Шаляпина) и Елена Ушкова (дочь Терезы Валентиновны от второго брака), которым было уже около двадцати лет. Но его жена Мария Валентиновна категорически отвергла это предложение.

После подписания документов в декабре 1916 года о продаже виллы «Сувиранта» следы Гуго Элухена теряются. В 1921 году, когда дочь Шаляпина Марина приезжала в Кераву, его там не было. Однако внук Терезы Эдуард Ле Мерие (р. 1949), живущий в настоящее время во Франции, утверждает, что Жаннетта Рудольфовна, умершая в Париже в 1935 году, похоронена в Монтре, где была вилла у Ушковых. Он слышал об этом от старших, так как она умерла задолго до его рождения. При этом старшие говорили, что Жаннетта Рудольфовна хотела быть похороненной в Монтре, потому что до неё там кто-то был похоронен из близких ей людей. Кто был этот близкий ей человек, Эдуард Ле Мерие не знает. Логично предположить, что этим человеком был её муж – Гуго Валентин Элухен, который мог оказаться в Монтре после продажи виллы «Сувиранта» в конце 1916 года с документами о продаже.

Судьба разбросала в разные страны бывших обитателей виллы «Сувиранта». Сложные послереволюционные годы разлучили членов семей Элухен, Ушковых, Сильверсван и Печориных. Тереза должна была появиться на вилле «Теси» в Монтре, чтобы продать её и жить дальше на эти деньги с семьёй за границей. Поэтому и произошёл её отъезд с семьёй из России во Францию через Швейцарию.

Продажа виллы «Сувиранта» семьёй Хансен. Появление на вилле организации «Лотта Свядр». Восстановление виллы и открытие музея

Тем временем обитатели виллы «Сувиранта» после Ушковых – семья Хансен, прожили там шесть лет и решили переехать в Норвегию, подальше от России. Вилла находилась недалеко от границы с Россией, на которой проходили военные действия.

Перед отъездом семьи Хансен в Норвегию в конце 1922 года вилла «Сувиранта» была продана Фонду финских журналистов. Вилла стала домом отдыха для журналистов и их семей. Первые отдыхающие появились в мае 1923 года. Среди них был известный финский поэт Эйно Лейно (1878–1926). В это время в «Сувиранте» организовывались театральные спектакли, были открыты теннисный корт и плавательный бассейн.

В декабре 1936 года владельцем «Сувиранты» стала организация «Лотта Свядр». Организация «Лотта Свядр» существовала с 1921 по 1942 год. Это была добровольная оборонная организация для женщин. Она работала в мирное время (участие в мероприятиях по подготовке к защите населения Финляндии в случае войны), а также в годы войны, помогая силам финской армии. Женщины «Лот-

Музей «Лотта Свард». 2015 г.

Шаляпин и три сестры в Куоккале. 1914 г.

Вилла «Тесси» в Швейцарии. 2015 г.

ты Свьярд» не носили оружия. Однако их работа была сильно увеличена в годы войны. Это было во время «зимней войны» с Советским Союзом в 1939–1940 годах, длившейся около 100 дней, и в годы «войны-продолжения» – Второй мировой войны в 1941–1944 годах, когда Финляндия пыталась с помощью немецких сил захватить обратно территории, которые она потеряла из-за войны с Советским Союзом в 1940 году. Финляндия проиграла обе эти войны. Финляндия разорвала свои военные соглашения с Германией в сентябре 1944 года и заключила сепаратный мир с Советским Союзом. Часть женщин организации «Лотта Свьярд» работала в зонах боевых действий. Это была работа в военных госпиталях (медсёстры и врачи), на железнодорожных станциях, в прачечных и столовых для солдат. Для женщин была работа в центрах эвакуации погибших. Некоторые женщины стояли на вышках воздушного наблюдения, осуществляя наблюдения за погодой и передвижением людей. Работа для женщин была в почтовых отделениях и в качестве радистов. Они также помогали беженцам. Но этих женщин не было на передовой. Женщинам было разрешено проходить военную службу в Финляндии только с 1990-х годов.

В здании виллы в июне 1937 года был открыт дом отдыха для членов «Лотты Свьярд», а осенью открылся институт для обучения. С осени 1939 года до января 1941 года, во время «зимней войны», вилла использовалась как штаб-квартира разведывательного подразделения финской армии.

После войны и расформирования организации «Лотта Свьярд» был создан в 1944 году Финский фонд помощи женщинам. Он занимался общественной работой среди женщин, которые пострадали во время войны (потеряли здоровье, дом, работу). Фонд помощи также начал успешный бизнес, организовав общепиты, которые заботились о столовых на рабочих местах и в школах по всей Финляндии. Финский фонд помощи женщинам построил дома для женщин, помогавших фронту, и он предоставлял пособия старым членам организации (которым уже было около 90 лет).

«Сувиранта» принадлежала преемнику организации «Лотта Свьярд» – Финскому женскому фонду помощи. В апреле 1947 года в здании виллы случился пожар. Он произошёл из-за дефектов электрической проводки. Всё трехэтажное здание сгорело. Остались в саду две небольшие старинные постройки (здание для корта и садовый дом, который называется «белым домом»). Уцелели ещё шведский коттедж, построенный в 1941 году шведской женской добровольческой организацией, и построенная для отдыхающих сауна в 1932 году на берегу озера. В 1947 году на территории был построен небольшой коттедж для Фонда помощи финским женщинам. А в 1972 году был построен отель для отдыхающих на восемь квартир.

Когда отмечалось пятидесятилетие Финского женского фонда помощи в 1994 году, было принято решение о восстановлении трехэтажного старинного здания для встреч и приёмов женского фонда помощи. В 1996 году здание было построено. В этом же году было принято решение об учреждении музея «Лотта Свьярд» (Lottamuseum) в этом здании. Музей был открыт в 1997 году. С 2004 года Финский женский фонд помощи стал называться Фондом «Лотта Свьярд».

Восстановительные работы продолжались. В 2011 году была восстановлена мраморная скульптура Жозефины в парке. В этом же году были восстановлены паутинные ворота в стиле модерн. А в 2014 году был восстановлен фонтанный бассейн и заработал фонтан. Скульптура, ворота и фонтан появились вскоре после покупки виллы Ушковым в 1904 году. Этим восстановленным достопримечательностям виллы больше 100 лет.

* * *

Судьбы двух вилл – «Сувиранта» и «Теси» – в целом сложились удачно.

«Сувиранта», которая 12 лет принадлежала Ушковым, была после пожара 1947 года и войны 1941–1944 годов восстановлена в Финляндии в 1996 году. Теперь на её территории находится музей, который интересуется историей виллы, её бывшими владельцами и Шалапиным. Вилла «Теси» в Монтре, которая не менее 12 лет принадлежала Ушковым, теперь называется «Дом Визиненд» (по фамилии первого владельца виллы). В доме находится консерватория. Это не разрушенное временем здания. Музей и консерватория принимают посетителей и являются местами для проведения мероприятий.

Внуки Терезы Валентиновны (которой принадлежали виллы) – потомки семьи Печориных – Эдуард Ле Мерие и Анна де Ларок (р. 1939). Это сын и дочь Веры, урождённой Печориной. В настоящее время они живут во Франции.

Берега Новороссии

Андрей Чернов

Андрей Чернов – родился в Луганске в 1983 году. Работал учителем, библиотекарем, журналистом. С 2016 по 2021 год находился на военной службе. Офицер запаса. Публикуется с 2004 года. Автор более 200 публикаций в изданиях Донбасса, России, Украины, Молдовы, Сербии. Автор книг очерков «Притяжение Донбасса» (2016) и «Донбасский код» (2019). Награждён орденом Фёдора Достоевского I степени. С декабря 2014 по декабрь 2023 года – секретарь правления Союза писателей ЛНР. С марта 2023 года – главный редактор литературно-художественного альманаха «Крылья». Живёт и работает в Луганске.

БОЛЬШОЕ СЕРДЦЕ «КЛИМА»

Всё дальше от нас события Русской весны. Время неумолимо, и многие события 2014 года начинают забываться, будто растворяться в волнах последующих. Уходят из жизни люди, бывшие не просто свидетелями, а одними из самых активных участников событий, которые привели в итоге к возникновению независимых республик Донбасса, а после и к их возвращению в состав России.

Потому так важно сохранить живые свидетельства тех событий, которые можно справедливо, без излишнего пафоса назвать историческими. Собственно, тогда творилась не просто история, но совершался коренной поворот истории, исправление ошибки, из-за которой Донбасс оказался в составе чуждого ему государственного образования.

Одним из людей, стоявших у истоков Русской весны в Донбассе, был Сергей Анатольевич Литвин. Мне посчастливилось несколько раз встречаться с ним, общаться, даже взять у него интервью. Отмечу, что во время интервью он рассказал очень много подробностей, которые ранее нигде не звучали.

Сергей Литвин родился 2 июля 1973 года в Донбассе, в Лисичанске – «колыбели Донбасса», где была заложена первая угольная шахта. Позже с семьёй переехал в Луганск. Учился в луганской школе № 17. В Луганске окончил профессионально-техническое училище, а ещё позже – Луганский университет имени Владимира Даля. Многие годы занимался коммерческой деятельностью, в течение пяти лет руководил агропредприятием. Но всё изменили события 2013–2014 годов в Киеве. Начался новый «майдан», и стало очевидно, что свержение Януковича приведёт к ультраправому повороту политики Украины. С марта 2014 года был активным участником движения сопротивления в Славянске и Красном Лимане, с апреля – в Луганске. Был одним из активных организаторов референдума 11 мая 2014 года, по результатам которого была провозглашена Луганская Народная Республика. Участвовал в боевых действиях в 2014 году, в качестве своего позывного выбрал имя «Клим» (в честь земляка, маршала СССР Клина Ворошилова). После первого «Минска» (сентябрь 2014 года) принимал участие в общественной жизни молодой Луганской Народной Республики. Некоторое время был министром сельского хозяйства и продовольствия, заместителем председателя Совета министров ЛНР, был советником главы ЛНР. В 2016-м вернулся в ряды Народной милиции ЛНР. Скоропостижно умер 27 декабря 2016 года.

Впервые мы встретились в марте 2016 года. В то время я работал корреспондентом информационного портала «Луганск-1», редакция мне поручила подготовить материал к годовщине Русской весны. Я созвонился с Сергеем Анатольевичем, и он охотно откликнулся на мою просьбу о встрече. Наша встреча состоялась в одном из кафе на улице Оборонной в центре Луганска. Два часа нашего общения пролетели незаметно. Сергей Анатольевич много рассказывал о самых первых месяцах Русской весны в Донбассе. В марте и первых числах апреля он был в Донецкой области, в Краматорске, Славянске, Красном Лимане. В Луганск приехал 6 апреля – в день, когда многолюдный митинг

в центре города привёл к штурму и захвату областного управления СБУ. Это была поворотная точка в событиях Русской весны.

Но, собственно, почему Сергей Литвин, предприниматель (а бизнес, как известно, любит тишину), решил порвать с тихой жизнью и влиться в сопротивление киевским путчистам? Сам он так это объяснил: «Я – этнически русский, и у меня было убеждение, что славяне должны быть вместе. Лишь единство русского, украинского и белорусского народов может способствовать и экономическому благополучию, и отстаиванию общих интересов. Ведь почему так легко вторжение монгольской орды одолело Русь? Потому, что все были порознь. И сейчас кому-то выгодно, что народы восточных славян отдельно друг от друга, разделены. Но нам, народам, это не выгодно».

Вот так – просто и ясно расставлены приоритеты. Не личные, а общие. Понимание того, что пришло время объединяться, поскольку разобщение может привести только к окончательной гибели русской цивилизации.

О причинах массовости Русской весны в Донбассе и юго-восточных регионах Украины Сергей Анатольевич сказал следующее: «Нас долго “сжимали” как пружину, все годы независимости Украины. Не просто искажали официальную историю, подменяли народную память. Вытравливали даже мысль о языковом и культурном равноправии – всем, кто не принадлежал к “титупной” нации, отводилась роль второсортных граждан. Говоря в общем, Украину возвращали в феодализм, сдобренный расистским душком. В каждом регионе сформировались свои элиты, которые заправляли всем. Экономически активное население было вынуждено либо встраиваться в коррупционные схемы, либо уходить из предпринимательства. А последней каплей стал переворот в Киеве, когда Донбасс окончательно осознал: с его народом считаться не будут вообще. Вот из-за этого пружина и “выстрелила”, протесты охватили юго-восток».

Было ли тогда понимание о Русском мире? Об этом хорошо теоретизировать с кафедры или за круглым столом, но в гуще народа тогда было ощущение духовного фундамента, на который замахнулись наши противники. Сам Сергей Литвин так характеризовал своё понимание Русского мира: «В моём понимании, Русский мир – это прежде всего государственность. Его историческими формами, разными, но сохранявшими общее начало – единство народного духа, были и Российская империя, и Советский Союз. В такой государственности сохраняется баланс между личностным и общественным, сохраняется свобода всех наций, этнокультурные ценности. Под ними я подразумеваю традиционные религии (для русских – прежде всего православие)».

Вообще о важности для нашей русской цивилизации традиционных ценностей Сергей Анатольевич много говорил. Чувствовалось, что он много размышлял об этом, остро переживал, долго подбирал необходимые аргументы. Свои размышления о попытке вбить клин между православными и мусульманами он подкрепляет цитатой из песни Игоря Сивака: «На Руси испокон уживались Иисус с Магометом, / Не мешали бы те, кто слуга “золотому тельцу”!» Отсюда и простой вывод о том, что религиозную рознь всегда навязывают извне. Самый яркий пример недавней истории – бывшая Югославия, над которой надругался коллективный Запад.

Конечно же, для Русского мира незыблемы семейные ценности. И об этом сказал тогда Сергей Анатольевич: «В нашей культуре особая роль принадлежит и семейным ценностям. Их тоже старательно разрушают извне, пропагандой гомосексуализма разрушая фундамент кровной и духовной связи поколений. А когда естественное в человеческих отношениях заменяется неестественным, то дальше следует полный разрыв общественных, духовных связей людей».

И по государственной идее Русского мира (то есть по всей истории России), и по религиозному единству, и по семейным ценностям наши противники отчаянно били и продолжают бить. Цель же всего этого, по мнению Сергея Литвина, одна: «Когда из народа высасывают государственную идею, естественные семейные ценности, духовность, он превращается в легко управляемое, бессмысленное стадо. Что мы и увидели на “майдане”, что видим сейчас на Украине. Но если в Европе всё это делается под либеральными лозунгами, то на Украине использовалось самое радикальное средство – фашизм».

Я привожу эти цитаты из прямой речи Сергея Анатольевича Литвина для того, чтобы читатель мог убедиться, насколько далеки от истины утверждения наших противников о том, что Русскую весну в Донбассе творили алкоголики, наркоманы, словом, какое-то необразованное быдло. За каждой фразой Сергея Анатольевича Литвина виден прежде всего человек мыслящий. Он, как и его

единомышленники, много размышлял не только о политическом положении на Украине, но постоянно мыслил в масштабах Русского мира, он чувствовал свою принадлежность не осколку Русского мира – Украине, а всему единому Русскому миру.

Как началось участие Сергея Литвина в событиях Русской весны? Понятное дело, ещё до самой Русской весны, когда становилось понятным, что ультраправые силой возьмут власть в Киеве. Сергей Анатольевич так об этом рассказывает: «Всё началось с поиска единомышленников. Это, понятное дело, было ещё до самой Русской весны. Определился круг лиц – патриотов и единомышленников, которые осознавали необходимость перемен. Я входил в группу вместе с Игорем Корнетом (в будущем – министр внутренних дел ЛНР), который был командиром, а я – комиссаром. Когда обострилась ситуация в Киеве, мы поняли, что путём исключительно мирных протестов остановить надвигающуюся с “майдана” угрозу фашизма будет невозможно. Выбора не было – нужно сопротивляться. Мы искали единомышленников, проверяли почву. Спрашивали: “Что ты будешь делать, если придут фашисты?” Уроки “Молодой гвардии” не прошли даром... (улыбается)».

Вот он, настоящий донбасский характер. И для него верный ориентир – не предатели Шухевич и Бандера, а участники Краснодонского комсомольского подполья.

О самих событиях Русской весны Сергей Анатольевич рассказывал так: «Так сложилось, что в феврале – марте 2014 года я главным образом был в Донецкой области и принимал участие в Русской весне в Славянске. Был очевидцем того, как занимали общественные здания в Краматорске. В Луганск приехал утром шестого апреля. Пятого апреля я от своих товарищей получил условный сигнал: “Сакура зацвела”. Это значило, что нужно было приехать. Ожидалось важное событие. Шестого апреля вместе с женой был на митинге. Но в штурме здания СБУ не принимал участия, хотя и контактировал с теми, кто это делал. В апреле нашей группе было поручено собирать информацию о перемещениях ВСУ по территории Луганской области, а также наблюдать за действиями милиции. Именно этим я и занимался».

После взятия здания управления СБУ в Луганской области стало очевидным, что дальше предстоит отстаивать свои идеалы с оружием в руках: «В апреле начали формироваться боевые дружины. В одну из них я входил. Должен сказать, что на словах многие хотели помогать, а на деле – не хватало ни мужества, ни опыта. К тому же на определённом периоде многие поняли, что закончился “Counter-strike”. У каждого – одна жизнь, а не сорок, и тебя могут просто убить. Это были не шутки».

Сергей Литвин одним из событий, которое коренным образом повлияло на решимость луганчан продолжать борьбу, называет расправу украинских неонацистов над защитниками Куликова поля в Одессе 2 мая: «Одесса ещё больше укрепила нас в необходимости создания боевых подразделений. Хунта показала, что пойдёт на любые человеческие жертвы ради власти. Это было преступление против народа. Мы были в шоке после Куликова поля. Но ещё больше – после того, как Оробец, нормальная внешне баба, написала: “Сожгли колорадов”. Этого я до сих пор не могу понять. Она – полное отражение состояния “национальной” украинской псевдоинтеллигенции. Нормальный человек не может радоваться смерти других людей».

Ну а Киев, оказавшийся в руках неонацистов, гасил протесты бензином – всё больше и больше провоцируя Донбасс, разжигая ненависть и вражду, лютую и чудовищную. Сергей Анатольевич говорит: «Ещё шокировало: выставка в Киеве “Осторожно, москаль” – в клетке сидели “русские”. Как моим дочерям жить в такой стране?»

Такой вопрос тогда задавали многие в Донбассе. И сразу же отвечали на него: жить в одной стране с этими людьми невозможно.

А как же, собственно, относились родные Сергея Анатольевича к тому, что он участник «мятежников»? Об этом он рассказал так: «Даже жена ничего не знала. Родные узнали потом, в мае и летом 2014 года».

В апреле и мае 2014 года луганским патриотам противостояли не только вооружённые силы Украины. Киевские путчисты нашли в Донбассе неожиданную опору – криминальных авторитетов. Именно их руками киевские неонацисты пытались запугать жителей Донбасса. На вопрос «Были ли вооружённые группировки противника, кроме ВСУ, в Луганской области?» Сергей Анатольевич дал такой ответ: «Да, это “Серпы” в Луганске (братья Серпокрыловы) и Юра “Аптекарь” (в Краснодоне). Серпокрыловым чуть было не удалась провокация с погромом палаточного городка. Но милиция была с народом. У них ничего не получилось».

Важнейшим событием Русской весны в Донбассе стал Референдум 11 мая 2014 года. Киевские путчисты приложили все усилия для того, чтобы его сорвать. Однако событие это, давшее народу Донбасса все законные основания заявить о своей политической воле, состоялось. И в организации его самое непосредственное участие принял Сергей Анатольевич Литвин. Об этом он рассказал так: «Царёв (Олег Царёв, в то время народный депутат Украины, один из активных участников протестных движений на юго-востоке Украины. – А. Ч.) пообещал обеспечить бюллетенями, но у него почему-то не вышло. Поэтому бюллетени печатали в Луганске в сверхсрочном порядке за четыре дня. Один патриот предоставил типографию, и за 4 дня было отпечатано 1 млн 200 тыс. штук бюллетеней. Они печатались в обстановке секретности. Наша группа отвечала за это дело. Людей для охраны типографии предоставил батальон “Заря”, за что хочу сказать отдельное спасибо Игорю Венедиктовичу Плотницкому. От типографии бюллетени отправляли в ОГА, а оттуда – на участки. Единицы знали, что бюллетени печатаются в Луганске. Боялись провокаций и того, что укры сорвут процесс. Мы специально распространяли слух, что бюллетени будут отпечатаны в России, а потом привезены в Луганск. Охраной участков для голосования на референдуме также занимались военнослужащие батальона “Заря”. Помню, меня тогда поразило, что в батальоне называли друг друга не по позывным, а по имени и отчеству. После трёх суток на ногах я объехал утром город, посмотрел, как открылись участки. Потом поехал домой, завернул в плед автомат и завалился спать. Проголосовал в 16 часов по месту жительства. После поехал с женой в центр города – праздновать. Это был всенародный праздник. Люди ещё не понимали, что хунта скоро ударит по нам. Ведь 9 или 10 мая в Луганскую область вошли ВСУ. Я даже попрощался с семьёй. Сложнее всего референдум проходил в северных районах. В Сватово и Старобельске уже была украинская армия».

Кульминацией Русской весны стало провозглашение 12 мая независимости двух республик – Луганской и Донецкой. Теперь предстояло отстоять свой выбор, свои идеалы, свою свободу. После событий в Одессе было очевидно, что без вооружённого противостояния не обойтись. Киевские преступники, нагло, поправ все законы, захватившие власть в Киеве, были готовы пойти на любое преступление, чтобы выслужиться перед своими американскими хозяевами.

О том, что последовало после провозглашения ЛНР, Сергей Литвин рассказал так: «Наша группа готовилась к вооружённому сопротивлению. Мы понимали, что хунта не остановится ни перед чем. Набирали людей, брали только опытных, обученных и, что самое главное, идейных. А события разворачивались своим чередом. Курировали блокпосты вместе с Лёшей Штурманом. Работы было много: выдача оружия, снабжение инструкциями, попытки ставить инженерные сооружения. Отсеивали ненадёжных, выделяли тех, кто умеет воевать. Тогда вокруг Луганска было семь блокпостов».

Такой немаловажный факт: оружия у луганчан не хватало. То, что было захвачено в здании управления СБУ в Луганске, было поровну разделено, часть осталась в Луганске, другую отправили в Донецк. По словам Сергея Литвина, на некоторых блокпостах у Луганска у людей были муляжи автоматов, а из настоящего оружия – охотничьи ружья. Только идейные люди могли продолжать борьбу, отстаивать свободу ЛНР.

Луганчанам противостояли подразделения профессиональной армии. К счастью, не все украинские командиры поддерживали киевскую хунту. Сергей Литвин рассказал о таком происшествии: «14 мая я был отправлен на переговоры с представителем украинского спецподразделения “Омега” в Луганском аэропорту. Заговорил с ним на украинском, но тот сам попросил перейти на русский язык. Командир “Омеги” сказал, что они сомнут защитников и за полтора часа будут в ОГА. А я видел, что они могут и за 20 минут там быть. И спросил тогда: “Готов ли он и его ребята умереть за Турчинова и за олигархов, захвативших власть?” Он ответил вопросом: “А ты готов умереть за Болотова?” Я сказал: “Я воюю не за Болотова, а за свою родную землю”. Ночью “Омега” снялась с аэропорта и улетела. Нужно сказать, что в то время у нас средств противовоздушной обороны не было. Не было даже ПЗРК. Тогда мы лишь искали пути уничтожения вражеской авиации. К счастью, наш командир – Игорь Александрович Корнет – закончил десантное училище и обладал необходимыми знаниями, поэтому мы нашли нужный способ борьбы с вражескими самолётами».

Май 2014-го был на Луганщине месяцем двоевластия. С одной стороны, продолжал функционировать Луганский областной совет, с другой – начинали действовать органы представительной власти ЛНР. Были попытки наладить их взаимодействие. Так, в 20-х числах мая Сергей Литвин пришёл с от-

крытым лицом на сессию Луганского областного совета. До этого момента представители луганского сопротивления преимущественно появлялись с закрытыми лицами (в балаклавах).

В то время над Луганском нависла военная угроза. Над Луганском в целях устрашения летали украинские штурмовики. Было очевидно, что вот-вот Киев пойдёт по пути военной агрессии против мирных жителей. Нужно было консолидировать все общественные силы Луганщины. Сергей Анатольевич так рассказал о тех событиях: «А тем временем поступала информация с той стороны. Мы ожидали военных действий, готовились. Но была надежда на мир. Именно поэтому меня направили 23 мая на сессию Луганского областного совета. Там я выступил с призывом поддержать все мирные силы Луганщины. Мы не хотели войны. Нас поддержали. С этого момента закончилась моя незаслуженная работа в движении сопротивления. Я сразу поехал к родителям в Белое (шахтёрский посёлок в Лутугинском районе ЛНР. – А. Ч.) и сообщил, что переговорил с представителями ЛНР и буду теперь работать либо политологом, либо в пресс-службе республики. В следующий раз я увидел их, моих родных, лишь 3 сентября, после того как наши части освободили Белое. В родительский дом было попадание, отец был контужен. Увидев меня в форме, он спросил: “Воевал, сын?” – “Да, воевал”. – “А где?” – “Где только ни воевал...”»

Лето 2014 года – время тяжелейших боевых действий. В августе Украина чуть было не задушила Луганскую Народную Республику. Тогда Луганск был в окружении украинских войск, многие города – под украинской оккупацией.

Такие люди, как Сергей Литвин, тогда стали на борьбу с украинской агрессией. Сам Литвин о своих мотивах говорит просто: «Меня никто не готовил в спецшколах. Каждый патриот своей страны может внести свой вклад в борьбу с хунтой. Нужна убеждённость и продуманность действий».

Вот и всё. Ни слова о мужестве, талантах, воле. Просто и скромно: «каждый может». Сергей Литвин так и поступил: был всегда на переднем крае, боролся за идеалы Русского мира, за единство русских, за свободу Донбасса. После 2014 года – активный участник государственного строительства в ЛНР.

Никогда не был в стороне от людей, старался помочь тем, чем мог. Помню, что однажды, летом 2016-го, меня от Союза писателей ЛНР отправили на один литературный фестиваль в Крым. Тогда возникла идея, чтобы я поехал туда с флагом ЛНР. Но у Союза писателей ЛНР его не было (у нас вообще тогда ничего не было). Я написал об этой проблеме в Фейсбук. И тут сразу откликнулся Сергей Анатольевич: сам предложил встретиться. А на встрече передал для Союза писателей флаг ЛНР. Тот флаг, который он отстоял в боях.

Его не стало 27 декабря 2016 года. Неожиданно остановилось сердце большого патриота Донбасса и Русского мира. Человека, сделавшего много для Луганска.

Берега прочтения

Нина Стручкова

Нина Николаевна Стручкова – родилась в 1955 году в деревне Погореловка Моршанского района Тамбовской области. Окончила Литературный институт им. А. М. Горького. Работала в издательстве «Молодая гвардия», журналах «Очаг», «Сельская новь». Участница VIII Всесоюзного совещания молодых писателей. Автор книг «Мгновения светлые» (Москва, «Молодая гвардия», 1987), «Жизнь бесконечная» (Москва, «Столица», 1990), «Погореловка-страна» (Москва, «Глобус», 2004), «Хроника Погореловки» (Ярославль, «Индиго», 2010) и множества публикаций в периодических изданиях, коллективных сборниках и антологиях. Член Союза писателей России. Лауреат премии «Имперская культура».

ТАК ЭТО БЫЛО БЫ...

О книге Волегова И. К., Кучиной Г. И. Так это было. Книга воспоминаний Игнатия Волегова, изданная его дочерью Галиной Кучиной

Великому полководцу Александру Васильевичу Суворову приписывают высказывание: «Война не закончена, пока не похоронен последний солдат». И наверное, перефразируя, можно сказать: История Первой мировой войны, история революции 1917 года, история Гражданской войны ещё не полна, пока в неё добавляются и добавляются новые страницы.

Если на глобусе Земли от России провести линии к тем странам, где волей судьбы оказались наши соотечественники после революции 1917 года, сетка этих линий накроет практически весь земной шар.

Австралия... Неисповедимыми путями Господними там оказались авторы этой книги «Так это было»¹ – Игнатий Каллиникович Волегов и его дочь, Галина Игнатьевна Кучина. Слава богу, что Игнатий Волегов, русский офицер Царской армии, несмотря на все драматические и трагические повороты судьбы, всё-таки уцелел, прожил достаточно долгую жизнь и оставил после себя продолжение рода на нашей беспокойной планете. Оставил именно русский след в поколениях – где бы ни оказались его потомки, потому что в них живёт любовь к России.

А ещё Игнатий Волегов в последние годы жизни писал в своём дневнике о событиях тех далёких и страшных лет. Это ведь не походные записи, а воспоминания почти полувековой давности! Но оттого они только избранней, ярче, острее, детальней, за десятилетия не потускнели их краски. Многие писатели именно на чужбине создали свои самые пронзительные произведения о России. А здесь русский офицер армии, которой уже нет, внимательно, обстоятельно, подробно, без литературных вольностей и изысков, даже без излишней эмоциональности рассказывает об участии в действующей армии, об отступлении колчаковцев, о вынужденной эмиграции. И как последующие записи разительно отличаются от первых по накалу и драматизму! Особенно пронзительны последние страницы, там, где армия прощается с Родиной у самой её границы.

Во многих произведениях русских писателей офицер – или герой, необыкновенный храбрец, или, наоборот, картежник, дуэлянт, пресыщенный щёголь, грубый солдафон. А здесь – буквально любованье русским офицерством: «Не только внешний вид являл в них красоту – она состояла в сумме всех действий офицеров, обнаруживалась и в физических движениях, в манерах, в разговоре, в обращении, в умении себя держать и, наконец, даже в форме отдачи приказаний своим

¹ Волегов И. К., Кучина Г. И. Так это было. Книга воспоминаний Игнатия Волегова, изданная его дочерью Галиной Кучиной. Воронеж: Воронежская областная типография – издательство им. Е. А. Болховитинова, 2024. – 320 с.: с илл.

подчинённым. Не приходилось сомневаться в том, что они останутся красивы и будут внушать уважение к себе при любых обстоятельствах и в военной обстановке».

Разве не были эти люди образцом для юнкеров, будущих офицеров, разве не утверждали они в них воинский дух, патриотизм и героизм? «Не надо думать, что мы только хотели приобрести воинскую славу и желали боевых наград, нет. Тут руководил нашими душами живой таинственный порыв, который не давал нам покоя: кто смеет посягнуть на нашу культуру, кто может ополчиться на нашу национальную свободу? <...> Стимулом, побуждающим на самоотверженные подвиги, были у нас три символа: Вера, Царь и Отечество». Таких воинов воспитывали офицеры в военных училищах. А между тем большинству из них в итоге суждено было пасть не только в битвах с врагом, но и на поле брани со своими соотечественниками!

Игнатий Волегов по всему ходу воспоминаний даёт общий план, общую картину тех или иных событий, а потом иллюстрирует их портретами персонажей, личностей – разных сословий, разных мест. Из них и вырастает образ русского человека, яркий и характерный – с его противоречиями, заблуждениями, но более всего – с многочисленными преобладающими достоинствами.

Каков образ князя Д. – не вымышленного, а реально существовавшего и бережно сохранённого в памяти! Молодой человек 21 года. Патриот Отечества, образован, в совершенстве знает европейские языки и латынь. Целомудренный, воспитанный в благочестии, искренний и доверчивый. Каким бы он был благородным отцом, наставником, каких воспитал бы детей! Но: «Не стало красавца-юноши, который многих и многое мог бы ещё осветить чистотой своего нравственного поведения и искренней любовью к ближним, любовью – без всякого различия классов...»

В книге представлена судьба ещё одного сослуживца Игнатия Каллиниковича – подпоручика Шуры Подкорытова. Одарённый музыкант и певец, незаурядный художник, совсем не рождённый для воинской службы, – он не посмел ослушаться воли отца и поступил в военное училище. До революции у родителей был роскошный дом, где в любви и гармонии прошло почти райское детство Шуры. В гражданскую войну отца – учёного-лесоведа – расстреляли по навету «заслуженного революционера», мать не перенесла гибели мужа и скончалась. А сам Шура, изуродованный на войне, умер в больнице в Маньчжурии и похоронен в неизвестной могиле. Если бы не революция, возможно, Россия знала бы великого музыканта или талантливого художника Александра Подкорытова.

И спустя полвека Игнатий Каллиникович мучается вопросом: как такое могло произойти? Как допустили к власти интернационалистов-революционеров? И армия была сильна, она могла выйти победительницей в войне и защитить трон. Где была тогда интеллигенция, называвшая себя «народниками»? Почему профессора университетов не собрали студентов на демонстрации под лозунгом «Долой революцию!»?

А разве не хочется и сегодня задать подобные вопросы многим молодым людям, убежавшим в чужие края отсидеться, чтобы потом примкнуть к победителям? Или профессорам, которые позиционируют себя «пацифистами», выжидая, когда за них сделают свою работу бойцы СВО?

Автор уникальной книги не умаляет и не приукрашивает описываемые события, не обличает ни правителей, ни народ. Только горькое сожаление о непоправимости судьбы России, об огромной ошибке Революции, когда у одних всё отняли, а другие толком и не могли по уму воспользоваться отнятым, распылили и растеряли и материальные и духовные богатства, созданные за столетия. Одни понимали, что происходит величайшая трагедия, а иные частью подпали под обаяние обещанной даровой счастливой жизни, а другую часть (самую трудовую) никто и не спрашивал.

Драматичная судьба адмирала Колчака, расстрелянного большевиками, широко известна. Но сколько безымянных воинов полегло на поле брани! «Уж сколько их упало в эту бездну, разверстную вдали!..» Пусть и не об этом написала Марина Цветаева, но строки эти – и об этом тоже. А сколько потеряла и претерпела другая сторона! И вот уцелевшие и оставшиеся в живых, равно любящие Россию, ослабленную и обескровленную, должны были вновь поднимать её, восстанавливать и оберегать.

Очень подробно Игнатий Волегов рассказывает о походе Белой армии до Маньчжурии и Китая – и страшные картины мучений и страданий беженцев, колчаковской армии, и светлые стороны жизни, которые он наблюдал и запомнил во время того похода.

«Когда белые войска генерала Пепеляева взяли Пермь, из нижнего подвала гимназии извлекли тысячу трупов в замороженном состоянии. Эти люди, погибшие страшной смертью, не принимали никакого участия в военной жизни; все они занимались мирным трудом и никуда из города не убежали, надеясь на милость большевистской власти, которая пришла под лозунгом “Всё народу!”»...

Разве эти свидетельства не напоминают то, что происходит сегодня на Украине? И здесь было ведь действительно обещано – всё народу.

О народе – о крестьянах, о сибирских казаках, об их приветливости, хлебосольстве, о невероятном трудолюбии – как раз самые светлые воспоминания. Поражённый красотой семьи, в доме которой Волегов остановился на постой, он через полвека беспокоится: «Очень хотелось бы знать: продолжится ли род этих людей, одарённых такой удивительной красотой? Останется ли он жить на нашей Руси...» На нашей Руси! Вот каким вопросом озабочен русский человек, многие десятилетия лишённый родины и живущий на другом континенте!

И как поразила Игнатия Волегова способность русского человека не мстить за прошлое, прощать, казалось бы, не прощаемое! Он приводит случай, когда в деревне при поджоге дома обидчика сгорели ещё 28 домов, то есть около 160 жителей остались без крыши над головой. Поджигатель был пойман, а народ интересовало, будет ли он просить прощения. И когда в арестантской телеге тот, встав лицом к церкви и трижды перекрестившись, в слезах покался: «Простите меня, ради Христа!» – толпа накидала ему в телегу еды и одежды: «Просили возницу передать этот мешок преступнику – всё это ему будет нужно, ведь зима на носу. А один мужик снял со своих ног сапоги и тоже бросил их в телегу».

Да, русский человек как будто уже рождается с этой готовностью прощать, и особенно – если обидчик покался ради Христа.

Подробно описывает Волегов быт сибиряков, продуманность их построек и обихода, работ по хозяйству, их достаток, семейную дисциплину, строгую, во многом с опорой на «Домострой». И делает вывод: «Этому народу революция была не нужна». Тем горше сознавать: «Вот такую Сибирь (как и всё казачество – именно всё, потому что сибирские, оренбургские, донские и кубанские казаки жили не хуже), вот такую Россию с её богатыми районами начали преобразовывать революционные вожди. И преуспели: в конце концов от здорового краснощёкого мужика осталась лишь “тень отца Гамлета”. У этого “нового образца” мужика не стало ни коней, ни коров, а дворы для скота пошли на топливо».

Ещё один персонаж из воспоминаний Игнатия Волегова – эмигрант из числа офицеров, Александр Васильевич Луппов, осевший в китайском Хайларе. Медицинское образование помогло ему устроиться в городе. Он привёл в порядок городские аптеки, обучал молодых фармацевтов, бесплатно лечил бедняков, играл на всех струнных музыкальных инструментах, обучал музыке молодёжь, создал струнный оркестр, организовал шахматный кружок. При всём при том – кроткий, миролюбивый и смиренный, как и подобает православному человеку.

Господи, ну разве такие люди не нужны были дома, в России?! Но талантливые, совестливые, благородные, многое умеющие, они до кончины своей жили на чужбине, где сеяли семена честности и порядочности, отзывчивости и милосердия, так присущие русскому человеку.

Дочь Игнатия Волегова, Галина Игнатьевна Кучина, родилась в Харбине, а потом родители переехали в Австралию. У неё была яркая, насыщенная, замечательная жизнь. И эта жизнь продолжается – Галине Игнатьевне 94 года. Россия, где осталась душа её отца, занимала и занимает огромное место в её делах, в её сердце: «Сердцем я вся в России... моя связь с Россией – это мой папа. У такого отца, истинного патриота своей страны, и дочь другой стать не могла... мою сердечную тягу, мою любовь к России определяют именно мои корни». Внучка, Марина Толмачёва, запомнила деда уважаемым, деликатным, корректным и внимательным. А ещё – он никогда никого не обременял воспоминаниями на тему революции, войны, царской семьи. Он хранил свои драгоценные воспоминания глубоко в сердце, и только в дневниках воскресало перед ним то незабытое, что связывало его с любимой Россией.

Русский ген, или русский код, как хотите, – он неистребим и в потомках. И в этом отличие наше от всего остального мира.

У прозаика Сергея Михеенкова есть повесть «Пречистое поле». В деревню Пречистое Поле однажды вернулись мужики, убитые в Великую Отечественную войну – в походной военной одежде,

с винтовками, по-прежнему молодые. За несколько дней они восстановили звонницу с колоколом, помогли завершить покос, покарали бывшего полицая, сменили местную власть, поправили вдовам дома, починили сараи, бани, переложили печки. Много чего успели, даже выправить сознание деревенских жителей, укрепить их в силе и бесстрашии. А потом походным строем ушли в вечернюю темноту. А через год все бабы родили от своих мужей детишек, и деревня наполнилась новой жизнью. Фантастика? Да. Но замечено, что никакие фантастические измышления не могут перекрыть таких чудес, которые иногда предлагает нам наша реальная жизнь.

Книга Игнатия Волегова называется «Так это было». А как это было бы, если бы все благородные и достойные сыны России, умные, трудолюбивые, вернулись домой со своими детьми и внуками? Разве такой была бы наша страна?! Никто не посмел бы посягать ни на наши территории, ни на наш язык, ни на наши устои и ценности. И распри исчезли бы, и никакие «иноагенты» не посмели бы рта раскрыть, и слово «честь» было бы в ходу. Много ли надо для этого? Невообразимо много – для таких разных, таких непредсказуемых, таких своевольных сынов России. Или немного – несколько правил. Они называются «Заповеди Божьи».

Берега прочтения

Лидия Довыденко

Лидия Владимировна Довыденко – главный редактор художественно-публицистического журнала «Берега», секретарь Союза писателей России, член Союза писателей Союзного государства, автор 34 художественных, историко-краеведческих, публицистических и научных книг, прозаик, публицист, критик. Член Союза журналистов России, кандидат философских наук. Почётный гражданин Балтийского городского округа, член редакционного совета журнала «День и ночь» (Красноярск), член Международной академии русской словесности. Лауреат литературных премий: Гумилёвской, Корниловской, Союзного государства, «Щит и меч Отечества», кавалер ордена «Русская звезда» имени Ф. И. Тютчева.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ СКАН ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

*О книге Евгения Чебакина «Ковчег для Третьей мировой»
(«Литературен свят» № 6 от 04.2023, Болгария, Международный литературный альманах)*

Ковчег – это Россия, противопоставившая себя ювенальному разложению стран Запада, испытывающего ненависть к духовно-нравственной традиции русских.

Книга начинается с апокалиптической трагедии – с доноса соседей-бандеровцев на русскую семью в Финляндии. В дом врываются представители общественной организации «Школьный дозор», чтобы отнять ребёнка, с которым якобы родители «жестоко обращаются»: не позволяют смотреть американские мультфильмы и предлагают 12-летнему мальчику Ивану проводить время на катке.

Отнятых у родителей детей помещают в детский дом, они становятся «запчастями», потому что у них удаляют органы для пересадки по мере необходимости.

«Зыбун ювеналки», подобно трясине, поглотил мужскую позицию отца Вани, оказавшегося в капкане виртуальных соцсетей и финского закона, и на защиту внука выходит бабушка, выросшая в Советском Союзе, воплотившая тип некрасовской героини.

«Нет слаще кары для бандеровцев, чем отнять детёныша у русского дикаря-натурала», но план их терпит провал: бабушке с внуком удаётся бежать в Россию.

Писатель обращается к 1989 году, к Дрезденскому штабу разведки СССР, когда была отработана технология «управляемого хаоса»: возбуждение толпы недовольством, «ядро» слепой ненависти выворачивает деревья с корнем и ломает скамейки, поджигает ворота Штази, избивает людей. Это конец холодной войны и начало Третьей мировой.

Устами одного из главных героев романа Ичкера-Чукалина, полковника ГРУ, писатель рассуждает: планетарный социум поражён парадигмой потребительства. Истощаются на глазах энергетические и нравственные ресурсы планеты. И жадный взор ведущих стран Запада, отравленных ненавистью к русским, устремлён на Россию, на её полезные ископаемые.

В России сохраняются человечность, тепло и добро, взаимоподдержка.

Но и здесь неблагоприятно. Можно сказать, что Евгений Чебакин делает литературный скан человечества. В тайных лабораториях идут эксперименты по наделению разумом жаб, котов, зайцев, рыб... Мутант ЖАБО-САПИЕНС наделён «амфибийностью, хваткой бульдога, целеустремленностью гестаповца».

Госдеп США, Бильдерберги, фининтерны заражают планету жаждой комфорта и потребительства, неоправданно истощая энергетические ресурсы земли, что ведёт к истощению морально-нравственных качеств человека, к сокращению населения планеты чрез пропаганду ЛГБТ, создавая искусственным путём смертельные вирусы и инъекции для стерилизации молодого поколения.

В России эти катастрофические процессы замедлены, считает автор. Но он не может не отметить, что Горбачёв и Ельцин, завербованные американской разведкой, «выполнили роль козла, ведущего

российских баранов к бойне». Начался суицид приватизации, возник олигархат – паразитирующий класс, «новый вид двуногих хищников», захвативших власть в свои лапы.

Писатель создаёт некий собирательный образ третьего президента России Панина Виктора Владимировича, пришедшего к власти, чтобы очистить государство от вора и паразитов, ведущих своё начало от Политбюро ЦК КПСС, Яковлева, Шеварнадзе, высших элит КГБ, завербованных разведкой США.

Это «партийное гнильё» привело в России к тайфуну приватизации, гиганты индустрии перешли в частную собственность банды воров, произошёл распад Варшавского договора.

Эти события обрели характер катастрофы для всей планеты. Планетарный социум сполз в парадигму потребительства, а Россия превратилась в энергетического донора для планеты.

Специалисты высшего класса или умерли, или эмигрировали на Запад, а «двуногие шакалы», бизнес-хищники подминали под себя власть при духовном оскудении и вывозе библиотек на свалку. Появляются владельцы концернов, которых щедро награждают на Западе должностями магистров высоких градусов в масонских ложах и орденах различных европейских корон. Это биороботы, «зомбированные шакалы», которым не введом мораль. Планета, превращаясь в «обгрызенный финансовыми крысами полутруп в космической прозекторской, корчится в наползающем небытии».

На чаше исторических весов земли «отчаяние и нищета, неутолимая жадность правителей, бесстыдство заживевшей спеси, спекулятивный шаблон планетарных финансистов, их животная зависть, направленная на недра Руси», и с другой стороны – безмерная терпимость, застенчивое дружелюбие, оскорблённое доверие жителей славянских стран. Евгений Чебалин отмечает: «Славянство позволило появиться вороватой плесени на своём теле, ядовито-пышным цветом расцвести роскошеству экстримонаслажденцев».

Писатель завершает роман победой природы над человеком, аморальным, продажным человеком, возомнившим себя хозяином планеты.

Мировые разведки оказываются в центре схватки тёмных и светлых сил, возглавляемых Архонтом-П (за ним светлые животворящие силы Матери-природы и славянского бога Перуна) и Архонтом-Б (Бафометом), за которым Международный валютный фонд, каста Рокфеллеров и Ротшильдов, возомнивших себя вершителями судеб человечества, давно пришедших к служению сатанизму и расчеловечиванию.

Но «вершится не что иное, как чистка планетарного хаоса, чистка, к которой причастна Ноосфера. Сцепились в схватке две силы – по Индарию. Чертог Волка терзает на рубеже тысячелетий чертога Лиса. Тьму расплавляет свет. Зло, алчность и насилие вытесняются добром, семейными рефлексами и состраданием. Стреноженный олигархатом президент всё жёстче исповедует Лад евразийской справедливости: у державного Добра прорастают кулаки».

Всё более симпатии множества народов земли направляются в сторону России как к ковчегу спасения от нравственной эрозии и духовного распада, к державе, дарующей миру духовное оформление своим бытием, верой в своё великое будущее на основе вечной, неувядающей традиции света и благородства.

Евгений Васильевич Чебалин – родился в 1940 году. Прозаик, драматург, актёр, журналист. Автор известных романов: «Час Двуликого»; «Гарем Ефрейтора»; «Безымянный Зверь»; «СТАТУС-КВОта», 13 пьес, по которым были поставлены спектакли в театрах Венгрии, Болгарии, Чехословакии, а также в 64 театрах СССР, написал более пятисот статей, очерков, эссе, фельетонов.

Берега Австралии

Дмитрий Иванов

Дмитрий Иванов – родился в 1968 году в городе Ташкенте (Узбекистан / СССР). В 1991 году окончил Ташкентский институт инженеров железнодорожного транспорта (ТашИИТ) по специальности «Рефрижераторный подвижной состав». Немного работал на остатках советского производства. В 1998 году вместе с семьёй эмигрировал в Австралию. Работал маляром, развозчиком пиццы, раскидывал газеты. В 2003 году окончил Технологический Университет Суинберна (Swinburne University of Technology) по специальности «Информационные Технологии». В настоящее время работает в цифровом агентстве. Стихи и песни начал писать с 17 лет, прозу позже. Автор и исполнитель своих песен. Член Международной академии русской словесности в Австралии. Живёт в городе Мельбурне.

НА ОБОЧИНЕ

Кирилл бежал так быстро, что сбивал на пути прохожих. Люди показывали на него пальцем, что-то кричали вслед, но он не останавливался, мысли жили только женой и ребёнком. Перед глазами стояла детская игрушка, такая же игрушка, как они купили сыну в подарок на день рождения, а теперь она валялась на дороге, среди ужаса и страха.

Нет. Нет это не так.

Кирилл бежал и думал только о них.

Вот уже несколько месяцев, как они втроём переехали в новый город. Город, где говорили чуть не на всех языках мира: английском, китайском, итальянском и даже арабском, но только не на том, который был им родным, а те, кто говорил, зачем-то скрывали. Город, где за каждым углом ждала встреча с новизной и неизвестностью, гоняла их из стороны в сторону, могла столкнуть с дороги, а они падали и выбирались. Шли дальше. А бывало, что, сделав шаг, их мысли, как маятник, начинали колотить то в одну, то в другую сторону, и, придя домой, каждый из них уходил в себя. Он сидел и молчал.

Со стороны казалось, что они становятся всё меньше и меньше.

В тот вечер Кирилл шёл с работы домой, в гостиницу, тихая и недорогая пристань для таких же, как и они. Квартиру или дом им снять пока не удавалось. Это был вечер, когда в честь семейного праздника они решили поужинать в маленьком ресторанчике. Их сыну исполнилось пять лет.

Кирилл набрал номер телефона жены и услышал любимые голоса:

– Мы к тебе уже выходим. Навстречу.

– Подождите меня внизу, в холле, – сказал он. – Я рядом. Как там именинник?

– Вот. Готов. Со мной стоит, подарок держит.

– Папа! Я уже иду!

Услышав голос сына, Кирилл стал улыбаться.

– Всё, бегу, бегу. Ждите в холле, – сказал он и представил сына, который обнимает плюшевого медведя. Кирилл вспомнил, как они были в магазине. Казалось бы, обыкновенная игрушка, а ребёнок стоял и рассматривал её, а потом прижал к себе.

Мелкий дождь покрывал улицы свежестью. Небоскрёбы огоньками тянулись в небо, словно хотели достать верхушками до набухших туч, проткнуть их как можно скорее, зажигались витрины, слышалась музыка. А ветерок гонял из стороны в сторону ароматы ужина, раскидывал приглашения среди прохожих. Вечерний город просыпался.

Кирилл дошёл до конца улицы, потом прошёл через небольшой парк, в котором иногда бывал днём, он напоминал ему парк, где они познакомились с женой, и, повернув за угол магазина, остановился. Ноги словно стали проваливаться. Идти он больше не мог, а мысли запрыгали.

Что это?..

Полицейские машины и скорые подъезжали со всех сторон, их синие огоньки мерцали не переставая, старались попасть в такт дикому вою. Люди кричали. Толкалась, не отходили ни на шаг от места, а со стороны долетали фразы: «They were crossing the road! Yes! Women and kid!»¹

Всё вокруг превратилось в сверкающую кашу.

Кирилл почувствовал внутренний холод, и его стало трясти.

Да нет же! Как?! Не может быть. Вы... Милые мои. Я...

Через силу он стал подбираться ближе, и в эту секунду наступил на что-то мягкое, опустив глаза, он увидел под ногами детскую игрушку: медведя, такого же самого, что они купили вчера.

Перед глазами всё поплыло.

Нет, этого не может быть. Нет.

Полиция стала отталкивать людей назад и перекрывать дорогу, а «скорая помощь» начала уезжать:

– Да подождите же вы! Стойте! – кричал он. – Стойте же! Please!

Внутри Кирилла всё разрывалось на части. В глазах появились жена и ребёнок, и он бросился бежать. Он бежал и не видел резные фасады зданий восемнадцатого века, пики церквей, которые стояли почти на каждом углу, набережную реки, он бежал и видел лица любимых, а вокруг всё стало чужим и ненужным.

Через десять минут Кирилл был в холле гостиницы.

Кирилл толкал посетителей, носился в разные стороны, подбегал к лифту, смотрел по сторонам, но жены и ребёнка он не находил. Девушка на ресепшн смотрела на него и улыбалась. Он подбежал к ней и, путая английские и русские слова, закричал:

– My wife?! So. Cop. Sorry! Моя жена с ребёнком?! Они же! Did you? Where!..

Девушка стала кивать и смотреть что-то в компьютере. А на какую-то секунду даже испугалась. Кирилл кричал и силился объяснить, что хочет, но у него не получалось. Английский вылетел из головы, а русский она не понимала.

– My wife!² – кричал он.

Наконец девушка показала в сторону улицы:

– She was here twenty minutes ago. I think she has left³.

Кирилл сделал несколько шагов назад, опустился на пол и стал задыхаться. Ему уже было ничего не нужно; перед глазами всё прыгало, разъезжалось, кричало и темнело. Мир исчезал.

– Мне же, я ведь... Мои. Мои любимые. А ведь же... я...

Он сидел и плакал.

В этот момент его коснулась детская рука:

– Пап, мы тебя видели, ты бежал! Мы кричали, там авария! Пап...

Кирилл поднял голову и не мог произнести ни слова; перед ним стоял сын и обнимал медведя, а потом потянулся к нему:

– Пап, ты как? Я тебя люблю. Папочка.

Кирилл задыхался.

В тот вечер они никуда уже не пошли. Им просто хотелось быть вместе; лежать на одной кровати, слушать дыхание друг друга и держаться за руки. За окном лил дождь, а в комнате было тихо. Ночью Кирилл не спал, смотрел в потолок, и мысли тянули его назад. Но только тихое сопенье любимых прижимало к себе. Держало. Грело сильнее.

Мельбурн, 2021 г.

¹ Они переходили дорогу! Да! Женщина с ребёнком!

² Моя жена!

³ Она была здесь двадцать минут назад. Я думаю, она ушла.

СРУБЛЕННОЕ ДЕРЕВО

Сорокин стоял на улице и смотрел через витрину небольшой кофейни. Девушка за прилавком обслуживала клиентов, что-то им рассказывала, а те в ответ смеялись и, наверно, доказывали ей обратное, потом брали кофе и уходили с довольным видом. Некоторые даже кивали с лицом победителей. Девушка улыбалась и продолжала дальше.

На вид ей было чуть больше двадцати, её русые волосы были заплетены в широкую косу, из которой пробивалась голубая лента, такого же цвета, как и фартук, а золотистый отлив волос играл на солнце, которое пробивалось через витрину. Сорокин стоял и не уходил.

Иногда девушка поворачивалась в его сторону и пожимала плечами. Чувство, которое возникало при этом у Сорокина, словно шпагой пронзало его до земли. Ему казалось, что он видел её глаза, и видел не раз.

Память крутила калейдоскоп воспоминаний, доставала такие, о которых он давно уже забыл, складывала в мозаику прошлого, задавала вопросы, а ответить на них он не мог.

Мне только кажется. Такого не бывает. Нет.

Сорокин не двигался.

Рядом с девушкой крутился молодой человек, такого же возраста, как и она. Он помогал ей: подносил коробки, стоял за кассой, убежал в подсобную комнату и что-то ей говорил. А потом они вместе смеялись. В кофейне всё кипело.

Запах кофе вылетал на улицу, накрывал проходящих мимо своим тайным ароматом, собирал всех в один букет. И заставлял заглянуть вовнутрь.

– Ну чё ты встал-то тут? Э! Мечтатель! Давай иль туда, иль сюда. – Сорокина толкнул в спину бородатый толстяк, и Сорокин чуть не упал.

– Ну? Пройти можно? – сказал толстяк.

Сорокин пришёл в себя и повернулся на его голос. Это было как поток холодной воды и вернуло его в реальность.

В этот момент в кофейню заходила уже женщина, она держала за руку маленькую девочку, девочка называла её бабушкой. Женщина посмотрела на Сорокина, но, не останавливаясь, зашла вовнутрь. А из-за прилавка вышел молодой человек им навстречу и раскинул руки в разные стороны для объятий. Девочка бросилась к нему. Он засмеялся и посмотрел на женщину:

– Здравствуйте, Варвара Николаевна.

– Оух, устали, – ответила она. – Вы-то тут как?

– Нормально. Работаем.

Варвара Николаевна закивала и села на стул.

Девочка стала обнимать молодого человека, а потом, глядя в сторону прилавка, добавила:

– Мама! Я здесь уже!

– Вижу, вижу, – сказала та. – Идите вон туда, садитесь. Я сейчас, – и показала головой вглубь зала.

Сорокин стоял на улице, смотрел и встряхивал головой, будто избавлялся от мысленного тумана.

Как он вообще попал на эту улицу, не понятно, во всём происходящем было виновато дерево в начале. Оно было такое же, как когда-то росло в их дворе, и ветками, словно руками, указывало, куда ему надо идти.

Да чушь какая-то. Сказки всё. Устал сегодня... спать надо.

Сорокин работал ночным сторожем и в то утро шёл домой со смены.

Работа не пыльная, сидишь, читаешь газету или книгу, потом пьёшь чай с бутербродами или ешь холодные макароны, а пока никого нет, можно глоточек и крепенького пропустить.

Главное, не уснуть.

Каждые два часа ему необходимо было обходить территорию с фонариком, хозяева стройки привозили ночью какие-то ящики: то ли клей, то ли краску, или ещё что. Сорокин не лез. Ему вообще этого было не надо, получил зарплату, и ладно. За квартплату и коммунальные услуги натянуть хватало, продуктов много он не покупал, и что там – макароны, консервы, пару соусов раз в полгода, а можно даже и пельмени иногда. На дешёвый тариф с Интернетом есть, да и на бутылочку тоже есть. Жить можно.

Он жил один в однокомнатной квартире, и досталась она ему от матери. Отца у него не было, вернее, он был когда-то, но Сорокин его никогда не видел. Не от пустого же места он родился. А если родился, то и отец не призрак.

Ещё в детстве Сорокин думал об этом. И однажды спросил мать:

– Мам, а почему у всех пацанов отцы есть, а у меня нет?

Мать посмотрела на него и махнула рукой:

– Ой, не надо... Исчез.

– Исчез? А куда, мам? – глаза ребёнка оживились, а детское любопытство было словно волшебной палочкой и стало открывать двери в неизвестное. – Неэ, чё, правда?!

Мать сразу же отвела разговор в сторону и прижала его к себе:

– Смотри лучше, что я тебе принесла. Смотри.

Она полезла в сумку и вытащила новую модель пластмассового самолёта для склеивания. Мать обожала сына до безумия. А если надо, то защищала его каждую секунду, словно грозная гусыня, шипела и была готова броситься в бой моментально. Разорвать надвигающуюся опасность и отвести в сторону любые неудачи, а однажды даже не разрешила сыну заняться боксом.

Сорокин тогда учился во втором классе, он пришёл со школы и бросился ей рассказывать, как в класс приходил тренер по боксу. Набирал пацанов в секцию.

– Я не разрешаю. Мозги вышибут, и никаких не останется, – сказала мать и изменилась в лице.

– Ну пацаны же. Мам! Потом говорить будут. Я чё?

– Не надо. Всё! Я принесла новый том Чехова. Садись почитай.

– Мам, все ж... потом станут говорить!

Она отрицательно покачала головой.

– Понятно, – вздохнул Сорокин и отвернулся.

Лавина больших проблем нахлынула, когда Сорокин поступил в институт. Он учился тогда на втором курсе, и в его жизнь ворвалась Варька. Он стал пропадать из дома чаще и чаще, а мать была всё время одна.

А однажды Сорокин решил и привёл Варьку домой, чтобы познакомить её с матерью. Перед тем как зайти в дом, они стояли под огромным деревом во дворе и спорили, а потом договорились о чём-то. И всё вроде выглядело чинно: улыбки, чай, расспросы о родителях, мысли о будущем, ну и всякое такое. Уходя домой, Варька светила.

Проводив её, пацан летел назад на крыльях, он начал прямо с порога:

– Мам! Как тебе? Ну же!

– Пошли на кухню.

У Сорокиных в тот вечер был долгий разговор. Мать была против, утверждала, что Варьке нужно другое, что она прикидывается не той, за которую себя выдаёт. Сорокин доказывал обратное, но всё было напрасно. Всё кончилось тем, что они поругались.

Варька и Сорокин сначала встречались на стороне, потом Варька забеременела и ушла из института. Пропала. Сорокин тоже бросил учёбу на третьем курсе, его призвали в армию, а когда он вернулся, мать была сильно больна и вскоре умерла. Было не до учёбы. Жизнь стала другой.

Сорокин ещё раз взглянул через витрину кофейни и быстро пошёл в сторону метро. Через полчаса он заходил во двор старых пятиэтажек. Двор теперь выглядел не таким, как раньше. Деревя уже не было, красовался лишь пень, его вырубил в горбачёвское время, хотели строить магазин, но так и не построили. Вместо скамеек торчали бетонные столбы. А рядом с бывшей детской площадкой были следы свалки. Сорокин вошёл в свой подъезд. В нём, как всегда, воняло кошачьей мочой и сигаретами, он стал подниматься на третий этаж. Дома никого не было.

Сорокин поел консервы, остатки макарон из холодильника и завалился спать. Вечером, когда проснулся, снова что-то пожевал и выпил вина. Сел за компьютер.

Мир, который ждал его в экране, был совершенно другим и к тому, в котором он жил, не относился. Через несколько минут Сорокин уже смотрел свой любимый канал на Ютубе, потом читал новости и что-то комментировал, играл в пиратов и не заметил, как заснул перед экраном. А когда открыл глаза, то за окном было темно. Спать больше не хотелось.

Сорокин пошёл в ванную, холодная вода его отрезвила окончательно, он смотрел на себя в зеркало и не мог отвести взгляда, перед ним были те же самые глаза, которые он видел через витрину у де-

вушки за прилавком. В кофейне. Сорокин снова затряс головой. А в этот момент в мыслях появилась женщина с маленькой девочкой, и он услышал реплики разговора:

– Здравствуйте, Варвара Николаевна. Светка сейчас подойдёт.

Варька...

Сорокин больше не находил себе места. В его мыслях уже стояла Варька. Сорокин крутился по комнате: садился, ложился и думал только о ней. За окном было темно. А время до утра не двигалось.

Мельбурн, 2024 г.

РАННЕЕ УТРО

До рассвета прошёл дождь, и уставшая от жары земля постепенно остывала. Прохладный ветерок дул в открытое окно, защebetали птицы, и стало разливаться их утреннее пение. Они проснулись и вышли в небольшой сад. Если бы кто-то из них понимал птичий язык, наверняка услышал бы песню о том, как просыпается жизнь. Как темнота растворяется под первыми лучами солнца, которым не терпится раскрасить всё вокруг и разбудить людей. Как огромное небо спешит утонуть в объятиях розового рассвета. И как капельки дождя падают с листьев сверкающими изумрудами вниз. Оторвать взгляд было невозможно.

Они стояли и не двигались. А запах утреннего сада кружился вокруг, он словно уволакивал за собой в неизвестность.

Сын уже второй день был в горах. Он отправился с друзьями на перевал и обещал вернуться только через несколько дней. Дочка уже сидела в своей комнате за компьютером. Надев наушники, она наверняка слушала последний альбом любимой рок-группы и, не отрываясь, смотрела в экран и одновременно переписывалась по телефону.

Всё начиналось как обычно.

Вот уже больше двадцати лет они были вместе, и чего только им не встречалось за эти годы: ссоры, примирения и ещё раз ссоры. И так бесконечно. Было даже время, когда он жил двойной жизнью, смотрел на неё искренними глазами, перевоплощался из одного человека в другого. И это даже не трогало. А она знала. Но наступил день, когда страх потери семьи стал надвигаться всё ближе и ближе, а уйти, не сказав о том, что он каждый день её обманывал и притворялся, играя в семью, он не мог.

Она, конечно, простила, потому что любила.

Они стояли и не говорили друг другу ни слова. Потом внезапно посмотрели друг на друга. Он мгновенно взял её руку и тут же почувствовал, как она слегка сжала её в ответ.

Через несколько минут они уже вышли из дома, сели в машину и уехали. Куда они ездили, неизвестно, но когда вернулись, светились от счастья.

Дочка так же сидела за компьютером. Сын был в горах. А они смотрели друг на друга и не верили, что это чувство вернётся к ним снова.

Мельбурн, 2019 г.

Бережок

Владислав Мусалямов

Владислав Акрамович Мусалямов – родился в 1940 году.

Длительное время был концертмейстером в самодеятельном хоре «Русская песня» при Русском Общественном Центре в Австралии; организовывал концерты художественной самодеятельности, посвящённые русским песням и знаменательным датам. Встречи с интересными людьми, соприкосновение с природой и животным миром Австралии оставили в моей душе множество неизгладимых впечатлений, с некоторыми из которых я рад поделиться с вами.

Последние четыре года принимал участие в международных литературных конкурсах, проводимых Международной академией русской словесности (МАРС). С 2021 года являюсь официальным членом МАРСа.

РАССКАЗЫ О ЖИВОТНЫХ

Романтика общения с природой и животным миром

Шестнадцать лет назад моему младшему внуку Марику Морозову было три года. Представьте чувства, когда он, ожидая моего появления, сидит на диване у окна и вдруг кричит: – Дед приехал! Дед приехал! – и, выбегая навстречу с криком: – Привет, дед! – бросается мне на шею.

Мы идём с ним в ближайший, в ста метрах от их дома, небольшой парк. Наслушавшись от нас русских сказок о жизни лесных зверей, он по дороге спрашивает: – А кто здесь живёт? – показывая рукой на кустарник.

– Мышки и... заяц! – отвечаю я.

– А здесь кто живёт? – показывает Марик на небольшую рожицу.

– Волк! – с резким ударением на букву «о» воскликнул я.

Марик собирает губы в трубочку, округляет глаза, в которых бесенятами прыгают лукавинки, и на выдохе тянет: – У...у...у! – убеждая меня, как ему страшно.

Однажды мы вспугнули из цветочной клумбы зайца. Их собака, по кличке Дизель (из породы «риджбек»), ошалевшая от неожиданности и возбуждения, кинулась в погоню. Отставая метров на десять, Дизель вернулся после моего окрика. В другой раз, прогуливаясь с Дизелем у кромки глубокого оврага, я его в какой-то момент потерял из виду, а затем увидел у дна оврага, несущегося за кенгуру и не обращавшего внимания на мои призывные крики. Кенгуру легко перемахнул на другую сторону и так же легко поскакал по склону оврага вверх. Крутой склон оврага оказался Дизелю не по силам, и, вскоре обессилев, он повернул назад.

Как-то утром семью моей младшей дочери Наташи, включая Марика, привлёк внимание необычный лай Дизеля. Выйдя за дверь, они с ужасом увидели мирно спящего на подстилке удава, около двух метров длины. В Австралии нельзя убивать ни птиц, ни змей. В таких случаях вызывают профессионалов, которые увозят змею подальше от города. Приехавший специалист пояснил, что удав проглотил две крысы и, разморившись, уютно устроился за тёплой спиной спящей собаки. По-видимому, погода была в то раннее утро, по змеиным понятиям, довольно морозной. Все эти события произошли не где-то на окраине города Брисбен, а в одном из престижных спальных районов Кариндейл.

Муравьиный налёт

Однажды мы с Мариком решили угостить муравьёв кусочками галет. Большие, около 4 мм, чёрные муравьи припали к пахучим кусочкам. Но ненадолго. Один из суетившихся между ними маленький мурашек, длиной около 2 мм, зашепшил передать своим сородичам важную информацию. Непонятно,

каким образом она была получена, но через несколько мгновений прилегающая территория стала быстро наполняться потоками набегающих маленьких. Почувствовав угрозу своей безопасности, большие муравьи, брезгливо передёргивая ногами, один за другим стали исчезать в устьях своих норок, находящихся в небольшой ямке.

Они полностью покинули поверхность к моменту, когда она стала буквально кишеть маленькими мурашками. Ещё один муравей, тоже большой, но со светлым брюшком «уносил ноги» по верхнему ярусу, переползая с одной травинки на другую в местах их соприкосновения. Опьянённые подавляющим превосходством, маленькие заскакивали по ходу в ямку к большим. Назад возвращались уже не все. В ямке имелись два туннельных отверстия, устья которых оцетинились шевелящимися муравьиными челюстями. Та или другая челюсть хватала подвернувшегося маленького и утаскивала вглубь норки. Удивительно, но опять информация, теперь о досадных потерях, была отправлена набегавшим мурашикам, поскольку никто из маленьких уже не решался забегать в ямку.

Большие, осмелев, стали сначала перебегать по дну ямки из одной норки в другую, а затем, по двое, оценивать обстановку наверху. С опаской они выдвигали на поверхность свои усики-антенны, а за ними и свои челюсти. При этом они не упускали случая мгновенным выпадом схватить и утащить в ямку маленького, оказавшегося поблизости. Когда я пододвинул один из кусочков галеты к краю ямки, маленькие, понеся некоторые потери, бросили трапезничать у галеты со стороны ямки и, словно по команде, дружно перебежали на другую сторону, ухватились за галету и оттащили её на безопасное расстояние. Скажите теперь, что муравьи не способны к обмену информацией и у них якобы отсутствует мышление. После того как пища была съедена, картина стала опять почти идиллической. Малыши рассеялись. По поверхности засновали большие. И никто не проявлял агрессивности. Теперь Марк уже студент университета. Ему девятнадцать.

Удавчик и древесная лягушка. Радость избавления

Работая за письменным столом, я обратил внимание на необычный, тянущий за душу странный звук. Увлечённый работой, я подсознательно относил его к техническому звуку, например звуку пилы. Теперь, словно откликаясь на тревожные ноты, я стал прислушиваться. Этот звук прерывался, а затем, с небольшой паузой, возникал вновь и вновь, заполняя всё окружающее пространство. Я вышел на задний дворик. В поисках источника звука я приблизился к дереву, растущему слева от окна. Звук шёл именно оттуда. Я стал приглядываться. На уровне чуть выше моего роста увидел странную лягушку. Она висела почти вертикально между ветками дерева. Она была раздута и почему-то без задних ног. Я приблизил к ней лицо, и постепенно стала открываться полная картина происходящего. Я увидел, что половина туловища лягушки, вместе с её задними лапками, охвачена предельно растянутой пастью змеи. Передними лапками лягушка держалась за тонкую ветку. Свыкнувшись с затенённым местом, я наконец разглядел глаза змеи, а затем увидел и всего удавчика. Его зелёное тело, около метра длиной, свешивалось с обрубка спиленной мною старой толстой ветки.

Удавчику было трудно проглотить раздутое воздухом тело лягушки. Для него это было делом времени. Перед лягушкой стояла дилемма – раздуть как можно больше своё тело и терпеть или, частично спуская воздух, кричать диким голосом, взывая о помощи. Несмотря на то что при каждом крике пасть змеи продвигалась по её телу всё дальше, лягушка предпочла взывать о помощи. И не ошиблась. Я отломил кусок ветки и прижал ею покоящееся на обрубке дерева тело змеи. Змея мгновенно, словно выплюнув, выбросила из пасти лягушку, и та упала на траву под деревом. Теперь нужно было что-то делать со змеей. Я стал её искать, но не нашёл. Тогда я подобрал лягушку и положил её на ладонь. Она казалась безжизненной. Её глаза были тусклыми, будто задымлёнными. Я понёс её к нашей соседке Маргарет, чтобы поделиться информацией с коренной, во многих поколениях, жительницей Австралии. Я думал, что она даст мне дельный совет на будущее. Но глубоко ошибся. При первых словах о змее лицо Маргарет передёрнулось в отвращении, как это бывает с моей супругой Людмилой при любом упоминании историй, касающихся змей. Тем временем мы заметили, что лежащая на ладони лягушка стала оживать. В какой-то момент её глаза заблестели, и я почувствовал, что она с такой любовью и неопишуемым счастьем смотрит на меня. Это её состояние передалось и мне, и Маргарет. Я отнёс её подальше от дома и отпустил. Вернувшись, я стал рассказывать Людмиле о лягушке. Она мне ответила, что всё видела из окна. И добавила,

что, когда я искал змею, она закрутилась хвостом за ветку и висела вертикально за стволом дерева, слившись с листвой. А после, когда я ушёл, удавчик слез, поискал в траве лягушку и, не найдя, уполз к забору и исчез.

Птичья истерика

Через решётчатую металлическую дверь, обтянутую противомоскитной сеткой, отчётливо слышались громкие, требовательные крики птенца. Я схватил из холодильника кусочек сыра, мелко нарезал и вышел на крыльцо нашего заднего двора. На заборе сидели три птенца сорокопуга и их мамаша – более крупная, с яркой чёрно-белой раскраской. Крики усилились, и я бросил кусочки сыра на траву. Сорокопутиха слетела, жадно проглотила пару кусочков, а с третьим полетела к своему первенцу и скормила. Подобрал следующий кусочек, она скормила его второму птенцу. С третьим кусочком она полетела не к третьему, исходящему криком птенцу, а к первенцу. К моему удивлению, процедура повторилась с той же последовательностью. И когда мамаша обнесла несчастного во второй раз, случилась истерика. Птенец, поняв, что происходит, с диким криком не слетел, а буквально хлопнулся об землю, перевернулся через голову и, распластавшись на спине с распростёртыми крыльями, зашёлся криком-плачем, в котором было столько отчаяния и безысходности, что не выдержали даже те, кто приговорил его к голодной смерти. Первенец, а за ним и его мамаша слетели к нему и задали трёпку, чтобы впредь принимал свою судьбу молча.

К счастью, всё закончилось для птенца благополучно. Он выжил, но был отвергнут семьёй, а может быть, и всеми сородичами. Длительное время птенец крутился в нашем дворе, а повзрослев, прилетал за кусочком сыра всегда один. Я слышал, что при недостатке корма птицы перестают кормить наиболее слабого птенца. В тот день я стал очевидцем именно такого случая.

Постепенно с птицами установились доверительные отношения и особый порядок их угощения – строго по очереди.

Как и у людей, среди птиц появляются особи с высоким интеллектом. Запомнилась своим бесконечным доверием к человеку одна из сорокопугов. Чтобы получить свою порцию, она зачастую садилась на мою руку или плечо. Однажды она прилетела одна и распласталась на сетке двери. Я поманил её сыром через приоткрытую мною дверь. Она слетела и прошагала в кухню, а, когда я ушёл в комнату и сел за обеденный стол, птица вспорхнула и уселась на спинку рядом стоящего стула. На противоположной стороне стола сидела оцепеневшая от удивления и восторга старшая дочь Светлана, захавшая к нам на чашку кофе. Взяв из моих пальцев несколько кусочков сыра, птица вылетела на волю.

За нашим забором находится канал для сброса дождевой воды. Его облюбовали дикие утки и ибисы с огромными искривлёнными клювами, которыми они что-то выискивают под водой. Вдоль канала на травяном покрове иногда пасутся большие белые попугаи. Во время цветения деревьев облепляют зелёные попугайчики. Одурманенные медовым нектаром, они чуть ли не падают с веток. В этот момент к ним можно подходить близко, на расстояние вытянутой руки.

Трогательное зрелище: шествующая через асфальтированную дорогу мама-утка с множеством пушистых комочков. Невольно возникает тревожная мысль, насколько же хрупка и не защищена их жизнь – не улететь, не убежать. И тут же, именно от этой видимой безнадёжной хрупкости, приходит осознание торжества жизни! – Идут, несмотря ни на что! Иной раз натыкаешься на выводок. В страхе они прижимаются к забору, а я, делая вид, что их не вижу, прохожу мимо, буквально в полуметре от них.

Периодически на окружающих деревьях появляется охотница за змеями – кукабара. Иногда она сидит в нашем дворе на установке для сушки белья. В этом году высокое дерево эвкалипта облюбовала пара чёрных ворон. Строят гнездо. Частенько орут своими каркающими голосами. От такого опасного соседства пострадал опоссум, забредший в ближайший кустарник. В тёмное время суток можно часто видеть опоссума, медленно передвигающегося по электрическому проводу с одной стороны улицы на другую. Эта медлительность оказалась обманчивой. Резво умчался от меня по нашему забору опоссум, демонстрируя, для чего ему нужен длинный тяжёлый хвост.

Два года назад в океанском заливе, расположенном в полукилометре от нашего дома, «паслись» чёрные лебеди. Во время прилива они отдыхали у берега, в 25–30 метрах от прогуливающихся вдоль залива людей. Иногда я насчитывал до семидесяти особей.

Наши друзья

Журнальный мир: <http://xn--80alhdjhdchxhy5hl.xn--p1ai/>
Русская народная линия: <http://www.rusklina.ru>
Союз писателей России: <http://www.rospisatel.ru/>
Союз писателей Беларуси: www.oo-spb.by/
Литературный журнал «Наш современник»: nash-sovremennik.ru
Международный пресс-клуб: <http://www.pr-club.com/>
Журнал «Воин России»: voin-rossii.ru
Московский журнал: [//www.mosjour.ru](http://www.mosjour.ru)
Журнал «Подъём»: <http://www.podiem.vsi.ru>
Культура Вологодской области: <http://cultinfo.ru>
Дальневосточный журнал «Сихотэ-Алинь»
Журнал «Сибирь», Иркутск
Журнал «Родная Ладога», гл. ред. Андрей Ребров, Санкт-Петербург: <http://rodnayaladoga.ru/index.php/o-nas?id=59>
Журнал «Петровский мост», гл. ред. Игорь Безбородов, Липецк
Журнал «Нижний Новгород», гл. ред. Олег Рябов
Альманах «На нёманской хвали», гл. ред. Людмила Кебич, Гродно
«Эхо поэзии», руководитель проекта Эяна Суодене, Каунас: <http://ruspoetry.eu/>
Журнал «Приокские зори», гл. ред. Алексей Яшин
Журнал «Корни», Рига: <http://www.korni.lv/>
Журнал «Настоящее время», гл. ред. Татьяна Житкова, Рига
Журнал «Территория слова», гл. ред. Людмила Гонтарева, Донбасс
Журнал «Влтава», гл. ред. Ольга Белова-Далина, Прага
Международный альманах «Ступени», редактор Эльвира Поздня, Вильнюс
Литературный альманах «Океанус сарматикус», гл. ред. Альберт Снегирёв, Каунас
Литературный русский альманах «Литера», гл. ред. Елена Шеремет
Альманах «Врата Сибири», гл. ред. Л. К. Иванов, Тюмень
Литературный журнал «Аргамак», гл. ред. Николай Алешков, Татарстан
Литературный альманах «Крылья» (Луганск): <http://lugansk1.info/>
Литературный журнал «Жемчужина», гл. ред. Тамара Малеевская, Австралия: <http://zhemchuzhina.yolasite.com>
Электронный журнал «ЛИТЕРА», гл. ред. Владимир Фёдоров
Поэтический альманах «Образ», гл. ред. Эдуард Побужанский, Москва: izdat.su
Журнал «Пересвет», Белгород, гл. ред. Сергей Бережной
Журнал «Невечерний свет», гл. ред. Владимир Хохлев: vladimir-khokhlev-2015.bibliowiki.ru/pages/nevechernij-svet.html
Альманах «Под часами», Смоленск

О приобретении журнала

Поддержка и приобретение журнала «Берега»
осуществляется перечислением на карту Сбербанка по номеру телефона 89118630467.

Дизайн обложки – Анна Степанова
Фото на обложке Валентины Архиповской
Вёрстка – Елена Балантаева
Корректурa – Валентина Куртяк

Дата выхода номера в свет: 18 октября 2024 года. Тираж: по востребованности. Заказ № 4390.

Отпечатано в ФГУП «И и Т газеты “Страж Балтики” Минобороны России»
г. Калининград, ул. С. Тюленина, 15, тел. 53-17-05.

При перепечатке материалов, в том числе использовании их в электронных СМИ,
ссылка на журнал «Берега»-Калининград обязательна.

Редакция не несёт ответственности за содержание рекламных материалов, может не разделять
точку зрения опубликованных авторов. Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.